В.С.ЛОПАТИН

ПОТЕМКИН И СУВОРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С середины XIX в. зародилась версия о Г. А. Потемкине как о «завистливом временщике», «бездарном военачальнике», который мешал своему подчиненному А. В. Суворову победоносно закончить войну 1787—1791 гг., утвердившую Россию в положении черноморской державы. На основании обширного документального материала, в том числе новых архивных документов, в книге опровергается эта легенда, показана истинная роль этою выдающегося государственного и военного деятеля России, восстанавливается правда об отношениях этих исторических личностей нашей страны, рука об руку трудившихся на благо Родины.

Для широкого круга читателей.

- Суворов и Потемкин
  -
  - Введение [1]
  - Знакомство. Кампания 1773 г. Дунай.
  - Грозный 1774 год
  - Война окончена. Борьба продолжается.
  - Секретная миссия.
  - Присоединение Крымского ханства к России.
  - Мирные годы накануне большой войны.
  - Начало войны с Турцией. Кинбурн-Очаковская операция 1787-1788 гг.
  - Кампания 1789 г. Фокшаны, Рымник, Бендеры
  - Кампания 1790 г. Нижнедунайская операция. Измаил
  - После Измаила. Что произошло в Яссах?
  - Потемкин и Суворов в Петербурге. Весна 1791 г.
  - Суворов против Потемкина
  - И один в поле воин
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

Суворов и Потемкин

Лопатин В. С.

Суворов и Потемкин.— М.: Наука, 1992.— 288 с.
ISBN 5-02-009553-2

С середины XIX в. зародилась версия о Г. А. Потемкине как «завистливом временщике», «бездарном военачальнике», которы мешал своему подчиненному А. В. Суворову победоносно закончит войну 1787—1791 гг., утвердившую Россию в положении черно морской державы. На основании обширного документального мате риала, в том числе новых архивных документов, в книге опровер гается эта легенда, показана истинная роль этого выдающегося го сударственного и военного деятеля России, восстанавливается прав да об отношениях этих исторических личностей нашей страны, ру ка об руку трудившихся на благо Родины.

Для широкого круга читателей.

Г.А. Потемкин (1739-1791)
Неизвестный художник 1780-е гг. ГИМ

А.В. Суворов. (1730-1800)
Неизвестный художник (тип Левицкого) 1780-е гг. ГИМ

Введение [1]

Противопоставление Потемкина Суворову давно утвердилось в литературе. С одной стороны, фаворит, осыпанный милостями императрицы, с другой — победоносный генерал, с боем берущий каждую ступеньку служебной лестницы. Сибарит, проводящий время в хандре и лени, и великий труженик, делящий с солдатами тяготы боев и походов. Один утопает в роскоши, другой скромен и неприхотлив. Первый впадает в уныние при неудачах, второй стойко встречает и побеждает трудности. Бездарный главнокомандующий и гениальный подчиненный, преследуемый своим завистливым начальником. Подобными утверждениями пестрят страницы книг о Суворове, начиная с написанной Н. А, Полевым «Истории князя Италийскою, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса Российских войск». Роскошно иллюстрированная рисунками А.Коцебу, Р. Жуковского и Т. Шевченко книга Полевого (1843) переиздавалась шесть раз и оказала большое влияние на закрепление версии о вражде Потемкина к Суворову.

Да и что, казалось бы, можно сказать в защиту человека, который по словам лучшего биографа Суворова А. Ф. Петрушевского, «знал Суворова давно и потому собственной инициативой взял его в свою армию перед началом войны, дал ему важный пост и зачастую советовался с ним, в чем удостоверяет их переписка», но все же решил отказаться от Суворова после размолвки под Очаковом летом 1788 г., «потому что самолюбие и эгоизм его пересиливали все другие соображения». Как утверждает Петрушевский на страницах своего трехтомного труда «Генералиссимус князь Суворов», изданного в 1884 г., Потемкин при распределении генералитета на кампанию 1789 г., не включил Суворова в списки действующих генералов, т. е. фактически отстранил его от боевой деятельности. И это в разгар войны! Опальный полководец сумел якобы получить назначение лишь после личной жалобы императрице.

Правда, после Фокшанской и Рымникской побед Потемкин, по словам Петрушевского, забыл свою неприязнь к Суворову и хлопотал перед императрицей о «знатной награде» победителю. Но через год, после блестящего штурма Измаила Суворовым, между ним и Потемкиным произошло новое столкновение. Недовольный медлительностью и некомпетентностью Потемкина Суворов решил высказать ему правду в глаза. Измаильский победитель рассчитывал на справедливость императрицы и

жестоко просчитался. «Могущественный враг его... умел воспрепятствовать всему, что могло быть благоприятным Суворову, и последний не был пожалован не только фельдмаршалом, но даже и генерал-адъютантом, чего он желал, чтобы постоянно иметь свободный доступ к императрице»,— пишет Фридрих фон Смитт, чья книга «Суворов и падение Польши» (русский перевод 1866—1867 гг.) считалась лучшей научной биографией Суворова до выхода в свет труда Петрушевского. Взаимная вражда между Суворовым и Потемкиным якобы продолжалась до самой смерти последнего, причем Суворов долго не мог забыть свой «измаильский стыд».

Такова в общих чертах версия о взаимоотношениях двух русских государственных людей XVIII в., версия, утвердившаяся в трудах Полевого, фон Смитта и Петрушевского. Биографы Суворова, писавшие после них, как правило, опирались на их работы, как на первоисточники, закрепляя версию о завистливом временщике, притеснявшем гениального подчиненного. Следует сразу сказать, что версия эта родилась в «суворовской литературе». В немногочисленных биографиях Потемкина, увидевших свет в XIX в., приводились свидетельства дружеского расположения главнокомандующего к своему подчиненному, цитировались письма Светлейшего Суворову, которые неопровержимо доказывали, что именно благодаря твердой поддержке Потемкина Суворов смог раскрыть свой талант. Об этом писали и граф А. Н. Самойлов (племянник Потемкина), и А. В. Висковатов, и М. И. Семевский [2]. К сожалению, их жизнеописания Потемкина так и остались на страницах периодических изданий и были мало известны. Они не шли ни в какое сравнение с популярными книгами Полевого, с капитальнейшей монографией Петрушевского, посвященной национальному герою России. Правда, в конце XIX в. русские военные историки Д. Ф. Масловский и Н. Ф. Дубровин осуществили обширную публикацию документов (четыре тома!), освещавших, главным образом, деятельность Потемкина во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Эти документы позволили по-новому взглянуть на главнокомандующего русской армией как на замечательного стратега, выдающегося военного реформатора и полководца, опередившего свое время. Но ни эти документы, ни богато документированная прекрасная статья А. М. Ловягина о Потемкине в Русском биографическом словаре (1905) никак не отразились на оценках светлейшего князя Таврического в суворовской литературе. После революции имя Потемкина стало одним из символов «проклятого прошлого» и было предано забвению или глумлению. Все памятники с его изображением (за

редчайшим исключением) были уничтожены. Когда тоталитарный режим ощутил реальность внешней угрозы (вскоре после прихода к власти в Германии национал-социалистов), народу стали возвращать некоторые отнятые у него исторические реалии, особенно связанные с защитой Отечества. Наряду с Александром Невским, Дмитрием Донским, Петром Великим вспомнили и Александра Суворова. Начиная с 1938 г. советский читатель узнавал о жизни и деятельности непобедимого полководца главным образом из книги К. Осипова, выдержавшей более пятнадцати изданий. К. Осипов довел до кульминации противопоставление солдатского генерала временщику: «По целым часам лежал он со сжатыми челюстями и закрытыми глазами,— пишет Осипов о последних днях Суворова,— точно пробегая мысленным взором всю свою трудную жизнь. Древиц.. Вей-марн... Прозоровский... Репнин... Потемкин... Николев... Павел I... Тугут — длинная вереница людей, присваивавших его лавры, мешавших его победам, истязавших его солдат, заслонявших от него народ». Пришедшие на смену монополии Осипова Л. Раковский и О. Михайлов не внесли существенных изменений в версию о взаимоотношениях Потемкина и Суворова, хотя Михайлов относится к Светлейшему с явной симпатией, чего нельзя сказать о Раковском, под пером которого президент Военной коллегии и главнокомандующий армией превратился в какого-то недоумка. Даже самый популярный у современного читателя исторический романист В. Пикуль в своем «Фаворите» романе, восстанавливающем правду о крупнейшем государственном и военном деятеле России — Потемкине, повторяет версии и об очаковской, и о послеизмаильской размолвках всесильного «фаворита» с лучшим полевым генералом его армии.

Но вчитаемся в строки письма Суворова правителю канцелярии Потемкина В. С. Попову, письма, отысканного Полевым и опубликованного им в 1833 г. «Долгий век Князю Григорию Александровичу!— восклицает Суворов, осыпанный наградами за Рымникскую победу.— Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»

Сохранившаяся переписка Потемкина с Суворовым производит неотразимое впечатление: это переписка единомышленников. Причем, Суворов признает за Потемкиным первое место не по форме, а по праву. Основываясь на этой переписке, на опубликованных ранее материалах и на архивных документах, автор предлагает проследить совместную службу и боевую деятельность Потемкина и Суворова. В книге широко

цитируются источники. Автор считал принципиально важным дать читателю возможность самому услышать голоса действующих лиц, свидетелей и участников событий, о которых рассказывается в книге [3]. И если исполинская фигура Потемкина заслоняет фигуру Суворова, то таковой была истинная субординация двух гениальных деятелей Екатерининского века. Таковой была их роль в решении великой исторической задачи — возвращения России на берега Черного моря. Ведь еще в 1822 г. молодой А. С. Пушкин пророчески писал: «...имя странного Потемкина будет отмечено рукой истории. Ему мы обязаны Черным морем...» [4]. Писал задолго до того, как в научный оборот стали входить документы, доказавшие неоспоримое право Потемкина на выдающееся место в отечественной истории.

Знакомство. Кампания 1773 г. Дунай.

П.А. Румянцев-Задунайский (1725-1796)
Неизвестный художник, 1770-е гг.

Шел пятый год войны, объявленной России Турцией 25 сентября 1768 г. Более полувека миновало с тех пор, как Петр Великий, вдохновленный Полтавской викторией, предпринял поход против Оттоманской Порты, безраздельно господствовавшей в Северном Причерноморье почти три

столетия. Казалось, что после победы над лучшей европейской армией — шведами — одолеть турок не составит труда. Но противник опрокинул все расчеты. Русская армия была окружена на Пруте превосходящими силами турок и крымских татар и оказалась на грани гибели. Только искусство дипломатов предотвратило катастрофу. Верховный везир выпустил Петра и его армию из железных объятий. Взамен Россия была вынуждена вернуть все свои завоевания в Приазовье, добытые ратным трудом нескольких поколений. Новая попытка, предпринятая Россией в союзе с Австрией (в царствование Анны Иоанновны), несмотря на взятие Очакова и занятие Крыма русскими армиями, несмотря на разгром турок при Ставу чанах, закончилась почти безрезультатно. При заключении мира Россия сумела вернуть лишь Азов. И вот новая война. Поначалу успехи превзошли все ожидания. Кампания 1770 г, ознаменовалась блестящими победами на суше и на мор В сражениях при Ларге, Рябой Могиле и Кагуле граф П. А. Румянцев разгромил турецкую армию и конницу крымского хана. Русские корабли, пришедшие из Балтийского моря в Средиземное, уничтожили турецкий флот при Чесме. В 1771 г. армия князя В. М. Долгорукова заняла Крым. Противник запросил перемирия. Но мирные переговоры, которые велись в 1772 г. в Фокшанах и Бухаресте, закончились провалом. Порта, поддержанная Францией и Австрией, отказалась признать условия, выставленные Россией: независимость Крымского ханства и свободу плавания русских судов на Черном море и в проливах. Военные действия возобновились весной 1773 г. Истощенная войной Россия нуждалась в мире. Екатерина настойчиво требовала от Румянцева решительного наступления на Балканы. Не имея достаточных сил, Главнокомандующий решил переправить армию за Дунай и овладеть крепостью Силистрия — опорным пунктом противника. Чтобы разведать положение неприятеля, Румянцев приказал генералам Салтыкову, Вейсману и Потемкину провести частные поиски за Дунай. 6 мая в монастырь Негоешти на левом берегу Дуная, напротив Туртукая, прибыл новый командир. Ему шел сорок третий год, он имел чин генерал-майора и звался Александром Васильевичем Суворовым. С самого начала войны с Турцией он рвался на Дунайский театр военных действий. Но Военная коллегия распорядилась иначе. Почти четыре года Суворову пришлось сражаться в Польше против отрядов Барской конфедерации, объявившей войну правительству короля Станислава Августа. Короля поддерживала покровительствующая ему Россия. Конфедераты опирались на помощь Франции и Турции, Война носила партизанский характер и потребовала от русских и

коронных войск большого напряжения сил. Суворов проявил себя мастером маневренной войны, одержал ряд важных побед и способствовал успешному умиротворению вверенного ему края. Подвиги Суворова были отмечены чином генерал-майора, орденами Св. Анны, Св. Александра Невского и Св. Георгия 3-ей степени. В конце 1772 г. он был отозван из Польши. В феврале 1773 г. под чужим именем выезжал к шведской границе для осмотра местности и оценки обстановки. Швеция после государственного переворота, произведенного королем Густавом III, занимала враждебную позицию по отношению к России. На основании собранных Суворовым сведений был разработан план укрепления границы, а 6 апреля 1773 г. мечта Суворова попасть в армию Румянцева сбылась. Указом Военной коллегии он был определен «по желанию его в первую армию». Получив приказание своего непосредственного начальника графа И. П. Салтыкова провести поиск на турецкий укрепленный лагерь при Туртукае, Суворов начал тщательно готовиться. Он понимал, как важно с первых шагов на новом месте подтвердить свою боевую репутацию. Его беспокоил недостаток сил, особенно пехоты. «Все мне кажетца пехоты мало,— жаловался он Салтыкову в письме от 8 мая.— Целим атаку, захватывая ночь. От Потемкина я не очень надежен, судов его долго ждать. Все хорошо, как Бог благоволит. А пехоты кажетца мало...» Накануне Суворов уведомил своего соседа слева о решении атаковать противника 9 числа и просил его содействовать поиску на Туртукай демонстрацией против «Силистрийского неприятеля». Соседа звали Григорием Александровичем Потемкиным. В своем первом письме от 7 мая Суворов называет его генерал-майором, еще не зная, что тот 21 апреля произведен в генерал-поручики. Ответных писем Потемкина в архивах нет. Но, судя по письмам Суворова, они были. Знакомство таким образом произошло в боевой обстановке. Потемкину шел тридцать четвертый год. Как и Суворов, он происходил из среднего дворянства. Как и Суворов, мальчиком был записан в военную службу. Но если Суворов проходил науки дома, под руководством отца — человека образованного, питомца Петра Великого, то Потемкин, рано оставшись без отца, был отослан матерью к родственникам в Москву, где поступил в гимназию при Московском университете. Суворов начал действительную службу 18 лет капралом лейб-гвардии Семеновского полка. 24 лет был выпущен в армию поручиком. Участвовал в Семилетней войне на штабных, интендантских и строевых должностях. Обратил на себя внимание начальства как смелый кавалерийский офицер. Румянцев представил его к чину полковника. Однако этот чин Суворов получил с задержкой, уже

после восшествия на престол Екатерины II. Среди главных участников переворота 28 июня 1762 г. мы видим отца Суворова — Василия Ивановича, генерал-поручика, бывшего генерал-губернатора оккупированной русскими войсками Восточной Пруссии. Суворов старший пользовался уважением и доверием Екатерины.

Иной была карьера Потемкина. Проучившись до 21 года в Московском университете и выказав большие способности к наукам (награжден золотой медалью за успехи), Потемкин в 1760 г. был исключен из числа студентов «за нехождение в классы». Вскоре он явился в лейб-гвардии Конный полк, в который был записан еще в 1755 г. В чине вахмистра принял самое активное участие в перевороте, возведшем на престол Екатерину. Сопровождал карету арестованного императора в Ропшу. И хотя имя его в списках награжденных пособников Екатерины стоит на последних местах, Потемкин был замечен. Он был произведен сразу в подпоручики гвардии (этот чин приравнивался чину армейского капитана) и получил 400 душ. Вскоре ему был пожалован придворный чин камер-юнкера. Братья Орловы, возглавлявшие самую влиятельную придворную группировку (в первые десять лет царствования Екатерины II), дарят его своей дружбой. Обладая изумительной памятью, открытостью характера и личным обаянием, Потемкин делается известным в кружке личных друзей императрицы. Поручая ему отдельные важные дела (в частности, какое-то время он исполнял ответственное поручение при обер-прокуроре Святейшего Синода), Екатерина постепенно подготавливала его к государственной деятельности. В ноябре 1768 г. Потемкин, как состоящий при дворе, отчисляется из конной гвардии. Его новое придворное звание камергера, согласно табели о рангах, дает ему праве на чин генерал-майора.

Лишь на сороковом году жизни Суворов, прокомандовав шесть лет Суздальским пехотным полком, получил чин генерал-майора за отличия в боях с конфедератами. В тс самое время, когда Суворов настойчиво просил своих друзей в Петербурге «вырвать» его из Польши «туда, где будет построжае и поотличнее война» (письмо Ан. И. Набокову от 15 декабря 1768 г.), Потемкин делает неожиданный шаг — добивается у императрицы разрешения отправиться на войну против турок. 21 января 1769 г. на заседании Большой комиссии по составлению «Уложения» (ново го свода законов империи) маршал собрания А. И. Бибиков объявляет депутатам, что «господин опекун от иноверцев член комиссии духовно-гражданской Григорий Потемкин по Высочайшему Ея Императорского Величества соизволению, отправляется в армию волонтером». В кампании 1769 г. мы видим

Потемкина в авангарде 1-й армии, коте рым командовал генерал-майор князь А. А. Прозоровский В 1770 г. он участвовал в блестящей кампании Румянцев и был награжден.за боевые отличия орденами Св. Анны Св. Георгия 3-й степени, Потемкин, к которому благоволили князь Г. Г. Орлов и Румянцев, получает право лично писать императрице. Ко дню прибытия на Дунай Суворова Потемкин входит в число самых близких сподвижнике фельдмаршала, хотя самым выдающимся боевым генералом румянцевской армии считался генерал-майор Отто фон Вейсман-Вейсенштейн, герой кампании 1771 г., кавалер Св. Георгия 2-й степени.

В ночь перед первым поиском Суворова на Дунае турки предприняли встречный поиск. Нападение на русский лагерь было отбито, но суворовский отряд был открыт, и тогда Суворов решается на смелый шаг. Он немедленно переправляет свою пехоту и казаков через Дунай и атакует противника при Туртукае. Расчет оправдался. Турки не ожидали удара. Их четырехтысячный отряд был разбит. Укрепления уничтожены. Суворов лично водил своих солдат в атаку. Он едва не погиб, когда его подчиненные пытались выстрелить из захваченной у противника заряженной пушки. Пушку разорвало. Суворов получил контузию в грудь и в бок. «Ваше Сиятельство. Мы победили,— нацарапал он карандашом на клочке бумаги.— Слава Богу, слава Вам!» Это лаконичное послание Салтыкову послужило поводом к широко известному анекдоту, впервые рассказанному анонимным автором книги «Дух великого Суворова» [5], вышедшей в 1808 г., а затем повторенному бесчисленное множество раз. Суворов, согласно анекдоту, пишет не Салтыкову, а самому Румянцеву, пишет в стихах:

> Слава Богу, слава Вам.
> Туртукай взят, и я там!

Фукс, повторивший этот анекдот в своем жизнеописании Суворова 1811 г., сообщает подробность: Румянцев, «умев ценить достоинство» своего подчиненного, отправил это донесение Екатерине II в качестве «беспримерного лаконизма беспримерного Суворова». Сам Суворов, по словам Фукса, «за взятие Туртукая без воли и ведома главного начальства был... отдан под суд, приговорен к лишению чинов и жизни, ... но Екатерина... написала на докладе: "Победителя судить не должно" и сею строкой спасла спасителя своего царства». В 1827 г., издавая собрание анекдотов о Суворове, Фукс усилил драматизм рассказа и заявил, что Суворов был отдан под суд самим

Румянцевым, который из начальника, умевшего ценить достоинства подчиненных, превратился в гонителя Суворова [6]. В таком виде анекдот дошел до наших дней и широко используется в литературе, хотя еще в 1853 г. генерального штаба подполковник П. М. Сакович опубликовал письма Суворова И. П. Салтыкову, относящиеся к маю — июлю 1773 г., и убедительно показал, что поиск на Туртукай Суворов провел в рамках общей задачи, поставленной Румянцевым. Ни о каком суде над победителем не было и речи. Да и не до того было главнокомандующему, готовившему переправу главных сил за Дунай и атаку Силистрии. Суворов был очень доволен своим дебютом и несколько раз напомнил Салтыкову о том, что он заслужил 2-й класс Св. Георгия. Он продолжает переписку с Потемкиным, делится с ним данными разведки, слухами, дружески именуя его «Милостивый Государь мой Григорий Александрович!» По отношению к Салтыкову дистанция сохраняется: Суворов предпочитает называть его «Милостивый Государь Граф Иван Петрович!»

В разгар подготовки переправы главных сил Румянцев приказывает Суворову провести новый поиск на противника, скопившегося при Туртукае. Незадолго до этого Вейсман форсирует Дунай и разбивает двенадцатитысячный турецкий корпус, обеспечивая переправу главных сил. Суворов готовится ко второму поиску, но его настигает лихорадка. Он уезжает в Бухарест и там узнает о малодушии своих подчиненных. Видя значительные силы турок, они не решились высадиться на берег и повернули назад. Суворов потрясен: «Какой это позор. Все оробели, лица не те,— читаем мы в его письме Салтыкову от 9 июня.— Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутца». 8 июня Вейсман оттеснил противника от Гуробал, и главный корпус армии, соединившись с корпусом Потемкина, начал переправу. Переправа прошла успешно, но Суворов, едва оправившись от лихорадки, решил восстановить боевую репутацию своего отряда. В ночь с 17 на 18 июня Суворов, поддерживаемый двумя офицерами, отдавая приказания слабым голосом, предпринял второй поиск на Туртукай и разгромил семитысячный турецкий отряд. В тот же день после тяжелых боев под Силистрией, во время которых Потемкин едва не попал в плен к туркам, Румянцев узнал о движении 20-тысячного корпуса Нуман-паши, шедшего к Силистрии с намерением отрезать русскую армию от переправ. Военный совет, собранный главнокомандующим, принял решение отступить от Силистрии. Вейсману было приказано с 5000 прикрыть отход армии. 22 июня Вейсман наголову разгромил корпус Нуман-паши, но сам был

смертельно ранен в конце сражения. 23-го Потемкин привел полки Вейсмана к армии. 24-го на Военном совете было принято решение уйти за Дунай. 30 июня в письме Салтыкову Суворов еще сомневается в гибели Вейсмана. Но известие подтверждается.

Румянцев доносит Екатерине о смерти боевого генерала, которого называли «Ахиллом армии». Замечательно, что много лет спустя, в разгар Итальянского похода Суворов, вспоминая о кампании 1773 г., отдал дань храброму и талантливому военачальнику: «Вейсмана не стало, я из Польши, один бью; всех везде бьют». А тогда, в начале июля 1773 г. Суворову пришлось пережить горестные минуты. «Гром ударил, мне сего не воображалось,— пишет он 9 июля Салтыкову.— Прошу иного... И Ваше Сиятельство может ли помочь? Мне бы только с честью отсюда вытти; всего основания не знаю. Больно... Будет ли по малой мере мне желаемое награждение? Не оставьте того, Милостивый Государь! Бегать за лаврами неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да еще хорошо, коли с честью и пользою». Впечатлительный Суворов, получив ордер Румянцева о назначении в корпус Потемкина, расценил это как знак неудовольствия главнокомандующего.

Пользуясь почти полной самостоятельностью у пассивного Салтыкова, Суворов боялся потерять ее, оказавшись под начальством деятельного Потемкина. Но 9 июля Румянцев изменил свое решение и вызвал Суворова в Главную квартиру, чтобы лично поставить ему задачу по обороне Гирсовского поста, единственного укрепленного пункта на правом берегу Дуная, оставшегося в руках русских» «Делами Вы себя довольно в том прославили, сколько побудительное усердие к пользе службы открывает Вам путь к успехам,— писал Румянцев в ордере Суворову от 4 августа.— На сие, как и на искусство Ваше, весьма мне известное, довольствуюсь я возложить сохранение и оборону сего нужного поста» [7]. Незадолго до этого Суворов получил радостное известие о том, что желаемое награждение состоялось: 30 июня он стал кавалером Св. Георгия 2-ой степени. Вскоре Суворову предоставился случай подтвердить свою боевую репутацию.

3 сентября Гирсовский пост был атакован 4000 пехоты и 3000 конницы с артиллерией. Подпустив противника на близкую дистанцию, Суворов нанес внезапный контрудар. Противник был опрокинут. Энергичное преследование довершило разгром. Победа была достигнута малыми силами. Этот успех позволил Румянцеву предпринять в сентябре — начале ноября наступление за Дунай. Сковав значительные силы турок под Рущуком и Силистрией активными действиями корпусов Салтыкова и

Потемкина, Румянцев двинул корпуса генерал-поручиков барона К. К. фон Унгерна и князя Ю.В. Долгорукова на правый берег Дуная в направлении на Карасу и Базарджик. Противник, не оказывая серьезного сопротивления, бежал. Суворов поддержавший это наступление со стороны Гирсова, не участвовал в походе в глубь Балкан. Возможно, Румянцев придержал слишком самостоятельного и стремительного подчиненного. К тому же Суворов имел чин генерал-майора и должен был уступить старшинству Унгерна и Долгорукова. В конце октября Суворов получает отпуск.

Наступление Унгерна и Долгорукова продолжается. Однако приказ Румянцева взять Шумлу остается невыполненным. Падение важного опорного пункта противника, в котором находилась ставка верховного везира, могло приблизить долгожданный мир. Но из-за несогласованности действий Унгерна и Долгорукова операция не получила завершения. Унгерн попытался самостоятельно захватить Варну, но был отбит и отошел. Оставшись один, Долгоруков повернул назад от Шумлы. И хотя силы наступающих были невелики (по 3000 человек в каждом корпусе), противник сам не имел сил для отпора. Война продолжалась.

В зимнее затишье Суворов прибыл в Москву, куда его звал престарелый родитель — генерал-аншеф В. И. Суворов, подыскавший сыну (которому шел уже сорок четвертый год) невесту. И по отцу и по матери (урожденной княжне Голицыной) Варвара Ивановна Прозоровская принадлежала к старинной московской знати. Знаменитый сподвижник Петра Великого князь М. М. Голицын, получивший после смерти Петра чин фельдмаршала и возглавивший Военную коллегию, приходился ей дедом. На сестре ее матери был женат фельдмаршал граф П. А. Румянцев, а фельдмаршал князь А. М. Голицын был ее родным дядей. Для обедневших Прозоровских Суворов был выгодной партией. Невеста вводила своего жениха в круги влиятельной родовитой знати. «Сиятельнейший Граф Милостивый Государь? — писал Суворов 23 декабря своему строгому начальнику.— Вчера я имел неожидаемое мною благополучие быть обрученным с княжною Варварою Ивановною Прозоровской) по воле Вышнего Бога!» И тут же следовала просьба разрешить задержаться долее дозволенного отпуска, с обещанием вернуться к армии сразу по окончании связанных с женитьбою хлопот. Венчание состоялось в Москве в январе 1774 г. Пока Суворов улаживал свои матримониальные дела, в судьбе его боевого соседа произошли важные и неожиданные перемены.

Грозный 1774 год

Медаль в память заключения мира с Турцией для участников войны 1768-74 гг.

Во второй половине декабря 1773 г. Потемкин, продолжавший осаду Силистрии, получил письмо. Писала сама

императрица:

«Господин Генерал-Поручик и Кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам

некогда письмы читать. И хотя я по сию пору не знаю, предуспела ли Ваша бомбардирада, но, тем не менее, я уверена, что все то, чего Вы сами предприемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу по пустому не даваться в опасность. Вы, читав сие письмо, может статься зделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мыслей об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна.

Екатерина».

Чтобы понять тайный смысл этого письма, помеченного 4 декабря 1773 г., взглянем на состояние дел в империи, сложившееся к концу года.

Войну с Портой окончить не удалось. Еще во время мирных переговоров 1772 г. стало ясно, что не только противники России — Франция и Австрия, но и союзница Пруссия не были заинтересованы в скором окончании войны, истощавшей и Турцию и Россию. Конфедератская война, вконец расстроившая государственный механизм Польши, стоила России больших усилий и связывала руки. Опытный и коварный Фридрих Великий, которого Екатерина звала «старым Иродом», не забывал тяжелых поражений от русских войск в Семилетнюю войну, поражений, поставивших Пруссию на грань катастрофы. Он настойчиво внушал своей союзнице, что выход для России видится только в одном — в разделе Польши. Польский король Станислав Август, получивший престол благодаря решительной поддержке Екатерины (с которой его связывали в молодые годы больше, чем узы дружбы), после нашумевшей истории с его похищением конфедератами в самом центре Варшавы (едва не закончившейся его гибелью) целиком находился под влиянием своей могущественной покровительницы. Екатерина колебалась, но под давлением Пруссии и Австрии, в условиях затягивавшейся войны с Турцией пошла на соглашение о разделе Польши. Россия получала древние русские земли в Белоруссии, Австрия Галицию, Пруссия — часть коронных польских земель. Высвободившиеся в Польше войска предполагалось перебросить на северную границу, где осложнились отношения со Швецией, и на Дунай для скорейшего окончания войны с Турцией.

Но вместо Дуная полки пришлось перебрасывать в Поволжье

и в Предуралье. Начавшееся в сентябре 1773 г. восстание яицких казаков быстро охватило обширный край. Донской казак станицы Зимовейской Емельян Пугачев стал седьмым самозванцем, принявшим на себя имя незадачливого Петра III. Но именно ему удалось разжечь пламя крестьянской воины, потрясшей основы государства. 9 ноября 1773 г. крупный отряд правительственных войск под командованием генерал-майора В. А. Кара, посланный на помощь осажденному Оренбургу, был окружен и разгромлен. Правительство осознало размеры надвинувшейся беды. 23 ноября генерал-аншеф А. И. Бибиков, один из самых способных и энергичных деятелей администрации, только что сдавший дела в Польше, получил предписание возглавить борьбу против внутреннего возмущения. «Бог весть, чем кончится,— писала императрица московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому.— Может статься, что и сами еще разбегутся. Я зачинаю походить приключениями моего века на Петра Первого. Но что Бог ни даст, по примеру дедушкину унывать на станем» [8]. Несколько позже в письме новгородскому губернатору Я. Е. Сиверсу Екатерина более подробно описала состояние дел под Оренбургом: «Рейнсдорп (оренбургский губернатор.— В. Л.) вот уже целых два месяца осажден толпою разбойников, производящих страшные жестокости и опустошения. Два года назад у меня в сердце Империи была чума, теперь у меня на границах Казанского царства политическая чума, с которою справиться нелегко... Генерал Бибиков отправляется туда с войсками.., чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли. Все же с Божиею помощию надеюсь, что мы возьмем верх, ибо на стороне этих каналий нет ни порядка, ни искусства. Это сброд голытьбы, имеющий во главе обманщика, столь же бесстыдного, как и невежественного. По всей вероятности это кончится виселицами. Какая перспектива, господин Губернатор, для меня, не любящей виселиц. Европа подумает, что мы вернулись к временам Ивана Васильевича» [9].

Такова была общая картина дел внутри империи и на ее границах. Непросто складывались отношения и в высших правительственных сферах. Екатерина, которой шел сорок пятый год, за десять лет царствования сумела значительно упрочить свои позиции, показала себя умной, расчетливой правительницей. Ее искусство пользоваться обстоятельствами и людьми, ее смелость и способность к риску, проявившиеся в дни государственного переворота 1762 г., позволили ей успешно лавировать между двумя самыми влиятельными придворными группировками — Орловыми и Паниными. Ведь Екатерина —

бывшая немецкая принцесса Ангальт-Цербстская — захватив трон после свержения своего мужа, никаких прав на него не имела. В период несовершеннолетия наследника великого князя Павла Петровича она еще могла прикрывать свое правление ролью регентши. Но наследник достиг совершеннолетия, и вопрос о власти в условиях внутреннего кризиса встал во весь рост. Большое влияние на наследника имел его воспитатель граф Н. И. Панин, одно из первых лиц в государстве, бессменный руководитель внешней политики страны. Его брат — граф П. И. Панин занимал видное место в военной иерархии. Генерал-аншеф, прославившийся взятием турецкой крепости Бендеры в 1770 г., П. И. Панин из-за расхождений с вице-президентом Военной коллегии графом З. Г. Чернышевым вышел в отставку и жил в Москве, собирая вокруг себя недовольных. Именно в панинских кругах созревал заговор, целью которого было возвести на престол Павла Петровича. Панины враждовали с Орловыми — главными исполнителями переворота 1762 г.

Князь Г.Г. Орлов пользовался благосклонностью великой княгини Екатерины Алексеевны, ставшей императрицей Екатериной II. Он был отцом ее сына (будущего графа) А. Г. Бобринского.

Затянувшаяся война с Турцией обострила отношения Н. И. Панина с Г. Г. Орловым. Панин был за разумные уступки. Орлов против. Возглавляя русскую делегацию на мирном конгресс 1772 г., он фактически сорвал переговоры. Давно искавший удобного случая Панин воспользовался охлаждением Екатерины к Орлову и провел на место фаворита А.С. Васильчикова, не игравшего никакой самостоятельной роли. Привыкший быть первым, Орлов потребовал объяснений. Вспышка гнева сменилась апатией. Ему не доставало поддержки брата — графа Алексея Григорьевича, находившегося с русским флотом в Архипелаге. Бесстрашие графа Алексея — одного из убийц свергнутого императора, героя Чесменского сражения — не знало границ. Екатерина побаивалась его. Она понимала, что ослабление Орловых ослабляло и ее личную позицию. Как и двенадцать лет назад она оказалась перед выбором и не собиралась уступать власть. Расчетливо и тонко Екатерина вела свою игру. 22 сентября 1773 г. вице-президент Военной коллегии З. Г. Чернышев получает чин фельдмаршала и делается президентом. 29 сентября происходит венчание наследника престола Павла с принцессой Вильгельминой Дармштадтской, получившей при крещении имя Натальи Алексеевны. Екатерина сумела вырвать инициативу из рук Панина и сама устроила брак сына, завоевав на время доверие молодых супругов.

Воспитательная миссия Панина была объявлена завершенной. Он был осыпан чинами и наградами. В личном письме Екатерина благодарила Панина и просила его заняться исключительно иностранными делами. Место при наследнике в качестве гофмейстера малого двора занял ловкий царедворец Н.И. Салтыков, креатура императрицы. За опальным генералом П. И. Паниным следит московский главнокомандующий князь М. Н. Волконский. Экс-фавориту Орлову предложено приступить к отправлению своих должностей. Орлов был начальником всей артиллерии русской армии и носил звание генерал-фельдцейхмейстера. 24 ноября Орлов подносит Екатерине по случаю ее тезоименинства драгоценный алмаз. Хотя примирение состоялось, императрица сознает, что прежней близости с Орловым не вернуть. Она сама не хочет этого. И дело не только в том, что Орлов пренебрегал ее любовью. Ей нужен сильный человек, государственный ум, безгранично преданный ей.

Орлов сам указывает на Потемкина, как на способного и решительного человека. О Потемкине хлопочет фельдмаршал Румянцев. Против него, кажется, ничего не имеет и Панин. Ведь Потемкин не примыкает ни к одной из влиятельных придворных группировок. Наконец, самая близкая подруга Екатерины, которой императрица поверяет сердечные тайны, графиня П. А, Брюс (родная сестра Румянцева) успевает шепнуть о том, что Потемкин давно и страстно любит одну женщину. Эта женщина — Екатерина.

4 февраля в Царском Селе дежурный генерал-адъютант князь Г. Г. Орлов представил императрице прискакавшего из действующей армии Потемкина. Орлов не подозревает об их тайной переписке. В Царском Селе, затем в Петербурге начинаются тайные свидания императрицы с Потемкиным. Он требует от нее признания во всех бывших сердечных привязанностях, и Екатерина исповедуется ему, защищаясь от наветов в непостоянстве. Она открывает ему свое сердце.

Ей мало свиданий. По нескольку раз в день она пишет записочки предмету своей любви [10]. Они дышат неподдельной страстью: целый любовный роман в письмах. «Какие счастливые часы я с тобою провожу,— признается императрица Потемкину.— А скуки на уме нет, и всегда расстаюсь чрез силы и нехотя... Голубчик мой, дорогой, я Вас чрезвычайно люблю… Я отроду так счастлива не была, как с тобою... Прощай брат, веди себя при людях умненько и так, чтоб прямо никто сказать не мог, чего у нас на уме, чего нету».

22 февраля разыгрывается маленькая комедия. Потемкин подает официальное письмо с просьбой пожаловать его в генерал-

адъютанты. Через шесть дней следует «официальный» ответ. Просьба уважена. Теперь Потемкин может постоянно бывать во дворце. Рядом с ним все время братья Орловы. Они начинают что-то подозревать, но уже поздно. Прискакавший еще в декабре из Италии на поддержку брата граф Алексей решает прямо выяснить дело: «Алексей Григорьевич у меня спрашивал сегодня, смеючись, сие: "Да или нет? — рассказывает Екатерина Потемкину. "На что я ответствовала: "Об чем?" На что он сказал: "По материи любви? Мой ответ был: "Я солгать не умею". Он паки вопрошал: "Да или нет?" Я сказала: "Да". Чего выслушав, расхохотался и молвил: "А видитеся в мыленке?" Я спросила: "Почему он сие думает? "Потому, дескать, что дни с четыре в окошке огонь виден попозже обыкновенного". Потом прибавил: "Видно было и вчерась, что условленность отнюдь не казать в людях согласия меж вами, и оно весьма хорошо"».

В те же дни в другом письме Потемкину снова возникает имя Орлова. «Только одно прошу не делать,— пишет Екатерина,— не вредить и не стараться вредить Князю Орлову в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил, и, по-видимому мне, более любил в прежнее время и ныне до самого приезда твоею, как тебя. А если он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и разславить. Он тебя любит, а мне они друзья, и я с ними не расстанусь. Вот те нравоученье: умен будешь — примешь...»

Потемкин был умен. «Он был мой дражайший друг, ученик мой, человек гениальный»,— скажет Екатерина годы спустя, потрясенная известием о его смерти.

Сразу же оговоримся: Потемкин имел огромное влияние на императрицу. И сохранил его до самого конца своей жизни. Несмотря на придворные интриги, доверенность императрицы к Потемкину оставалась неколебимой. «Я без тебя, как без рук», «В тебе одном больше ревности к общему делу, нежели в протчих», «Что враги России и мои равномерно и тебе ищут досады, сему дивиться нечего, ибо ты им опаснее всех по своим качествам и моей к тебе доверенности». Такими признаниями полны письма Екатерины к Потемкину. «Мне некем его заменить!»— с отчаянием восклицает императрица, получив известие о смерти

Потемкина в самом исходе войны, утвердившей Россию в ранге Черноморской державы. Многочисленные отзывы дипломатов, мемуаристов, иностранных путешественников свидетельствуют: Потемкин был соправителем императрицы.

Но даже самые искушенные из них, знающие ход придворных интриг, не раз предрекавшие окончательное падение Потемкина,

не догадывались о великой тайне. Кажется, только граф Сегюр, французский посол в Петербурге, допущенный в узкий кружок интимных друзей императрицы, в одной из депеш, посланных в Париж 21 декабря 1787 г. подошел к разгадке: «Двадцать дней не получалось известий от Князя Потемкина, и это молчание справедливо гневит Государыню... Особое основание таких прав — великая тайна, известная только четырем человекам в России. Случай открыл ее мне, и если мне удастся вполне увериться, я оповещу Короля при первой возможности» [11]

Соправитель императрицы был ее тайным мужем. Сохранилось более двадцати писем-записочек Екатерины Потемкину, в которых она называет его «милым мужем», «бесценным супругом», а себя «верной женой». Записочки не датированы, но по содержанию некоторых из них можно догадаться, что бракосочетание произошло весной 1774 г. Можно даже назвать точную дату — 30 мая. Дело в том, что среди многочисленных наград и чинов, которыми Потемкин был осыпан весной 1774 г., лишь один чин — чин генерал-аншефа — окутан какой-то тайной. Непонятно, когда же Потемкин получил его. Граф Алексей Орлов, отвечая Потемкину из Италии на его письма от 29 июля и 12 августа 1774 г., уже поздравляет его с чином генерал-аншефа. 3 августа того же года в генерал-аншефы был пожалован князь Н, В. Репнин, только что привезший долгожданный мир с Турцией. Похоже, что в эти самые дни Потемкин впервые официально назван генерал-аншефом. Любопытнее всего, что в списках Воинского департамента, в которых чины приводятся в зависимости от старшинства (при равном чине первым идет в списке тот, кто получил данный чин раньше), Потемкин следует сразу за Репниным, но с оговоркой: чин генерал-аншефа ему позволено счислять с 30 мая 1774 г.

Совершенно очевидно, что этой датой отмечено какое-то важное событие. Таким событием могло быть только венчание Потемкина с императрицей. Но присвоение столь высокого чина своему новому избраннику в условиях неоконченной войны могло возбудить большое недовольство как при дворе, так и в армии. Другое дело — начало августа. Общий подъем, вызванный известием о мире, позволял огласить уже решенное производство без лишних кривотолков. Екатерина сочла, что вкупе с пожалованием Репнина в генерал-аншефы новый чин Потемкина не вызовет особых нареканий. Имеются глухие сведения о том, что Репнин, ставший генерал-поручиком много раньше Потемкина, опротестовал старшинство своего товарища по румянцевской армии и добился того, чтобы в списке по старшинству он был поставлен выше Потемкина.

С первых же дней возвышения Потемкина императрица осторожно, но последовательно продвигает его на важнейший пост в государстве. В начале июня 1774 г. осведомленный английский дипломат Гуннинг сообщает в Лондон из Петербурга о том, что Потемкин назначен вице-президентом Военной коллегии (этот пост, кстати говоря, требовал чина генерал-аншефа), что обиженный Чернышев просится в отставку. Хорошо зная состояние дел на Дунайском театре военных действий, Потемкин энергично поддерживает при дворе своего бывшего начальника — Румянцева. Уже 8 апреля 1774 г. жена Румянцева, сообщая мужу придворные новости, спешит уверить его в поддержке нового фаворита. Не забыл Потемкин и Суворова. 17 марта 1774 г., тот получает повышение в чине — становится генерал-поручиком. А 25 марта Военная коллегия предписывает Румянцеву откомандировать Суворова к Оренбургскому корпусу.

Перевод одного из лучших боевых генералов действующей армии в далекий Оренбург свидетельствовал об опасности бушевавшей гражданской войны. Скорее всего Потемкин, зная решительность своего боевого товарища, рекомендовал Суворова Екатерине как человека, способного быстро прекратить смуту, за которой внимательно следили и Густав III и Фридрих II, не без злорадства писавший о затруднениях Северной Семирамиды. В Петербурге, в правящих кругах ходили слухи о причастности французской дипломатии к возмущению Пугачева, о намерениях разбитых Суворовым барских конфедератов возобновить военные действия в связи с успехами самозванца. Особую тревогу вызвало появление в Европе «княжны Таракановой», выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Тараканова получала помощь от некоторых европейских дворов, ей протежировал видный участник конфедерации крупный литовский магнат князь Радзивилл. Екатерина, хорошо знавшая русскую историю, не могла не вспомнить об успехе Лжедмитрия, захватившего московский престол при поддержке поляков. Положение было тревожным. Основные силы армии были задействованы на Дунае против турок.

Румянцев не исполнил предписания Военной коллегии. В начале мая он двинул за Дунай корпуса Суворова и М. Ф. Каменского, поставив перед ними решительные задачи: разбить скопления неприятеля и взять Шумлу. Каменский был моложе Суворова на 8 лет, но чин генерал-поручика получил чуть раньше, следовательно, имел старшинство. Несмотря на приказ главнокомандующего о совместных действиях, Суворов не пожелал подчиниться обошедшему его в чинах «мальчишке» и выбрал маршрут движения своего корпуса таким образом, чтобы

только не пересечься с Каменским. Тот пожаловался фельдмаршалу. Румянцев в резкой форме потребовал от Каменского выполнить приказ, повторив, что Суворов подчинен ему — Каменскому. 9 июня генералы, наконец, съехались. Оба отличались вспыльчивым характером. Суворов поспешил двинуть свой корпус вперед. Во главе казачьего авангарда он втянулся в лесистое, протяженное дефиле, не подозревая, что с другого конца дефиле, навстречу ему движется авангард сорокатысячного турецкого корпуса Абдул-Резака. При столкновении с противником слабый суворовский авангард был отброшен назад, причем сам Александр Васильевич едва ушел от погони. Выбитого из дефиле Суворова поддержала конница Каменского. Суворов быстро перестроил свою пехоту в каре и нанес контрудар, Противник бежал. Преследование велось неудержимо. Выйдя из дефиле, Суворов дал небольшой отдых уставшим войскам и атаковал главные силы турок. Успех был полным. Это сражение, названное сражением при Козлуджи, открывало путь на Балканы. Однако на собранном Каменским военным совете было решено приостановить наступление. Источники довольно глухо сообщают о резком объяснении Суворова с Каменским. Известно, что Суворов, сославшись на болезнь, уехал из армии,, Румянцев строго выговорил Каменскому за неумение пользоваться плодами победы, а Суворова отчитал за нарушение дисциплины. Последний попросил отпуск по болезни и получил его.

Суворовская победа при Козлуджи приблизила конец войны. Потерпев неудачу в других местах, верховный везир запросил мира. 10 июля в местечке Кучук-Кайнарджи мирный договор был подписан.

Вклад Суворова в успешное завершение войны неоспорим. Но он сам испортил обедню. Румянцев не захотел разбираться в его конфликте с Каменским. Фельдмаршал переслал императрице рапорт Каменского о сражении при Козлуджи, из которого выходило, что отличившийся в сражении Суворов всего лишь исполнял приказания старшего начальника, т. е. Каменского. Последний получил при заключении мира ордена Св. Георгия 2-го класса и Св. Александра Невского. Суворов — ничего. Долго не мог забыть обиды победитель при Козлуджи.

Итак, вместо наград — отпуск по болезни. Обратившись к Президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву с просьбой о новом назначении, Суворов не знал, что оно уже состоялось. Гражданская война полыхала с новой, страшной силой.

Внезапная смерть Бибикова 9 апреля 1774 г. в Бугульме повлекла за собой резкое ухудшение обстановки. Несмотря на поражения от войск И. И. Михельсона и князя П. М. Голицына,

Пугачев прорывается к Казани и разоряет богатый губернский город; С величайшим трудом защитникам удалось удержать цитадель. Настигнув повстанческую армию под Казанью, Михельсон 15 июля наносит ей тяжелое поражение. Пугачев с остатками своих сторонников бежит на правый берег Волги. «Это бегство напоминало нашествие»,— замечает Пушкин. Поднялись массы крестьян густонаселенного Правобережья. В Нижнем Новгороде и в самой Москве вспыхнула паника. 21 июля Екатерина, еще не зная о мире с турками, созывает Совет, в который входят первые лица в государстве. Сообщение о разорении Казани производит тягостное впечатление. Императрица заявляет, что сама поедет в Москву и встанет во главе защитников древней столицы. Члены Совета молчат. И тогда берет слово Н. И. Панин. Он доказывает, что отъезд императрицы только усилит смятение и поставит империю на грань гибели. Панин предлагает назначить главноначальствующим против внутреннего возмущения своего брата. Граф Никита Иванович использует все свое влияние, все дипломатическое искусство, чтобы убедить Екатерину дать согласие. Он вызывает на объяснение Потемкина и убеждает его помочь спасению отечества. К концу дня дело решено. Панин сообщает обо всем брату, живущему в Москве. Вести с Волги одна хуже другой. Петр Панин присылает императрице благодарственное письмо — он согласен принять на себя тяжкую ответственность, но ставит свои условия.

«Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, пишет Екатерина Потемкину, очевидно до того, как поставить свою подпись под рескриптом от 29 июля об официальном назначении Петра Панина,— что Господин Граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельною властию в лучшей части Империи, то есть Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губернии... что если сие я подпишу, то не токмо князь Волконский будет огорчен и смешон, но пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в Империи хвалю и возвышаю...» Мы не знаем ответа Потемкина, но известно, что Московскую губернию Панину не отдали. Известно также, что императрица лично приказала Румянцеву послать Суворова на помощь Панину, назначенному главноначальствующим против внутреннего возмущения. 10 августа Румянцев уведомил Суворова о вызове его в Москву. Находившийся в Киеве приунывший Суворов 14 августа сразу рапортовал фельдмаршалу о том, что постарается «поспешать на употребление себя к должности действовать против возмутительного бунтовщика...» [12]. Важно отметить, что

Суворов, согласно расписанию генералитета, был назначен состоять при Московской дивизии, т. е. формально был выведен из подчинения Панина. Очевидно, Потемкин, уже распоряжавшийся в Военной коллегии, пытался сделать Суворова своего рода противовесом Панину. 13 августа Панин обратился к императрице и просил наставления — не сделал ли он какого прегрешения, назначив Суворова к передовым войскам? 17 августа Екатерина пошла на уступку и дала распоряжение Потемкину «объявить Военной коллегии, что до утешения бунта я приказала Генерал-Поручика Суворова — быть под командою Генерала Графа Панина».

Суворов скакал в Москву, не подозревая о той борьбе, которая развернулась вокруг его назначения. 25 августа Панин донес Екатерине о приезде Суворова в одном кафтане, на открытой почтовой телеге. Суворов своим приездом доказывает «давно уже известную его ревность и великую охоту к службе», — ответила императрица и послала ревностному слуге Отечества 2 тысячи червонцев на «устроение экипажа». К этому времени Суворов был уже в Царицыне. По дороге он видел, в какое разорение пришел край, испытавший ужасы истребительной гражданской войны. Восставшие поголовно уничтожали не только помещиков с их женами, детьми и родственниками, но, как правило, убивали и слуг и дворовых людей.

3 сентября Суворов донес из Царицына Панину о том, что он принял меры, чтобы «его (Пугачева.— В. Л.) истребить или же заключить от всех мест в такой зев, которого бы не мог миновать». Но он прискакал уже после того, как Михельсон нанес Пугачеву смертельный удар. 25 августа в 105 верстах ниже Царицына 15-тысячная толпа повстанцев под предводительством самого Пугачева была разгромлена. Спаслось около тысячи человек. Они были настигнуты при переправе через Волгу и рассеяны. Пугачев бежал на левый берег, С ним было всего сто пятьдесят человек, в основном казаки, его личная гвардия.

Суворов знал Михельсона как боевого офицера еще по конфедератской войне. Двенадцать лет спустя в своей автобиографии он прямо напишет о том, что «ежели бы все были, как гг. Михельсон и Гагрин, разнеслось бы давно все, как метеор». А в 1774 г., забрав у Михельсона его кавалеристов и оставив ему одну пехоту, Суворов отдал распоряжения о прикрытии возможных направлений бегства Пугачева и устремился в заволжские степи, в погоню, «Иду за реченным Емелькою, поспешно прорезывая степь»,— писал он 10 сентября гвардии поручику Г. Р. Державину, командиру одного из отрядов, действовавших в Поволжье. Суворов шел к Узеням. От пленных он

знал, что Пугачев там. В автобиографии 1790 г. он вспоминал: «Среди большого Узеня я тотчас разделил партии, чтоб его ловить, но известился, что его уральцы, усмотря сближения наши, от страху его связали и бросились с ним на моем челе, стремглав в Уральск (Яицкий городок.— *В.Л.*), куда я в те же сутки прибыл. Чего ж ради они его прежде не связали, почто не отдали мне, то я был им неприятель и весь разумный свет скажет, что в Уральске уральцы имели больше приятелей».

Стремительное преследование Суворовым Пугачева ускорило развязку на несколько дней. Сообщники Пугачева Иван Творогов и Федор Чумаков уже в первую ночь бегства за Волгу «возобновили... намерение связать злодея». Они привлекли к заговору других, постепенно устранив личных телохранителей своего предводителя. Когда Пугачев был схвачен, атаманы собрали казачий круг — общую сходку. И круг высказался за арест. Из 186 человек только 32 не одобрили ареста, но лишь один высказался против.

«Как-то кончитца? Однако призываю Бога! Беру смелость, поздравляю Ваше Высокографское Сиятельство! Рука дрожит от радости. На походе 60 верст от Яицкого городка. Спешу туда»,— писал 15 сентября Панину Суворов, узнав от яицкого коменданта И. Д. Симонова о том, что Пугачев арестован и находится в крепости.

Суворов оказался первым из старших начальников, кто прискакал в Яицкий городок. К этому времени гвардии капитан-поручик С. И. Маврин уже допросил самозванца и добросовестно записал его показания. «Описать того невозможно, сколь злодей бодрого духа»,— отмечает Маврин по горячим следам. И тут же следует поразительное признание смелого мятежника: «Дальнего намерения, чтоб завладеть всем Российским царством, не имел, ибо рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способным» [13]. Это признание красноречивее всех домыслов советских историков, идеализировавших крестьянскую войну и ее перспективы. Победа неграмотного народного царя при поголовном истреблении дворянства, имевшего за собой не только власть, но и знания, опыт управления, культуру, — могла означать только чудовищные жертвы среди народа и крах государства. При всей справедливости народного возмущения против крепостнических порядков, против мздоимства администрации (об этом честно писали и Бибиков, и Маврин, и Державин), беспощадная, ведшаяся со страшной жестокостью гражданская воина действительно была «политической чумой». «Не дай Бог,— писал один из лучших историков пугачевщины Пушкин,— не дай Бог, увидеть русский бунт, бессмысленный и

беспощадный». У Суворова, одного из просвещеннейших людей своего времени, не было колебаний относительно того, как поступать в те тревожные дни. Однако он счел необходимым отметить некоторые обстоятельства своей деятельности в период пугачевщины. «Сумазбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тирански умерщвленных,— вспоминал он в 1790 г. — И не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя. Сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал ни малейшей казни, но усмирял человеколюбивою ласковостию, обещанием Высочайшего Императорского милосердия» [14]. Отметим, что Панин напротив прибегал к мерам крайней жестокости, стараясь ужасами казней запугать население охваченных восстанием губерний.

Приняв в Яицком городке Пугачева, Суворов 18 сентября выступил в обратный путь. Бытующая в литературе версия о специальной клетке, якобы сделанной по приказанию Суворова, является выдумкой. Для перевозки Пугачева была приспособлена телега, на которой из жердей было сделано перекрытие. Мера вполне объяснимая: и по сей день во всем мире для перевозки преступников используют закрытые экипажи. Отряд Суворова шел в осеннюю распутицу и непогоду. С дороги Суворов предложил Панину доставить «набеглого царя» прямо в Москву. Можно представить себе, с каким восторгом был бы встречен Суворов в древней столице, еще недавно трепетавшей за свою участь. Панин не собирался уступать Суворову славу спасителя отечества. Он приказал везти Пугачева в Симбирск. 2 октября Суворов сдал его Панину, и тот при многочисленных свидетелях выразил генерал-поручику благодарность от имени императрицы.

Дорого стоила Суворову эта благодарность. Сохранилась записочка императрицы Потемкину: «Голубчик, Павел прав,— писала Екатерина,— Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драк и по поимке злодея». Среди тех, кто присутствовал при свидании Суворова с Паниным в Симбирске находился Павел Сергеевич Потемкин, троюродный брат тайного мужа Екатерины. Он был послан на Волгу в качестве руководителя секретных комиссий, ведавших следствием над участниками восстания. Ему довелось пережить ужас разорения Казани. Несомненно, у него была и другая миссия — следить за действиями Панина. В самых желчных тонах Павел Потемкин описал императрице сцену, во время которой Панин воздавал неумеренные похвалы Суворову. Ироничный отзыв Екатерины со ссылкой на ее комнатную собачку Томаса в большей степени, чем Суворову, предназначался Панину. Опасаясь усиления панинской группировки, она сумела быстро перехватить инициативу и

выдвинула на первое место никому не известного полковника Михельсона, заявив, что она «Михельсону обязана поимкою Пугачева, который едва было не забрался в Москву, а может быть и далее». Суворов, оказавшийся в центре сложной политической борьбы, тайные пружины которой он вряд ли сознавал, снова остался без наград. Несколько лет спустя, в письме к своему старому знакомцу П. И. Турчанинову, правителю канцелярии Потемкина, Суворов подвел грустный итог своей деятельности в грозном 1774 г.: «Подобно, как сей мальчик Кам[енский] на полном побеге обещает меня разстрелять, ежели я не побежду, и за его геройство получает то и то, а мне — ни доброго слова, как и за Гирсов, место первого классу, по статуту, хотя всюду стреляют мои победы, подобно донкишотским. Не могу, почтенный друг, утаить, что я, возвратясь в обществе разбойника с Уральской степи, по торжестве замирения, ожидал себе Св. Ан[дрея]. Шпаги даны многим, я тем доволен! Обаче не те награждения были многим, да что жалко — за мои труды» (Письмо от 10 II. 1781 г.)

Он ожидал за Козлуджи Георгия 1-го класса, но все награды получил Каменский. За поимку Пугачева ожидал Андрея Первозванного, но во время торжеств в Москве по случаю замирения с Портой и прекращения внутренней смуты оказался среди нескольких генералов, получивших в награду драгоценные шпаги, украшенные бриллиантами. Суворов благодарил Потемкина за эту награду, называл его «своим благодетелем», хотя в душе считал себя обойденным. Он не гонялся за чинами и орденами, но очень горячо переживал недооценку своих заслуг. Скажем прямо, в 1774 г. судьба оказалась несправедливой к Суворову. Но он приобрел репутацию надежного, бесстрашного и, главное, знающего и удачливого военачальника. Его хорошо узнала сама императрица. За него хлопотал самый влиятельный человек при дворе— Потемкин.

«Удостаивайте, Милостивый Государь! — писал ему Суворов 13 октября 1774 г.,— способней Вашим могущественного ходатайства такого человека, которого надежда вверяет в достохвальные Ваши добродетели. Великость оных ознаменится тем более и обяжет меня к прославлению имени Вашего». Последующие события показали, что Потемкин никогда не забывал своего боевого товарища и смело выдвигал его на ответственные посты при решении новых вставших перед Россией задач.

Деятельность самого Потемкина в грозном 1774 г. была отмечена орденом Св. Андрея Первозванного. При торжестве замирения в 1775 г. он был возведен в графское достоинство и

получил другие отличия. Но он решительно отверг предложение Румянцева отметить его заслуги в минувшей войне орденом Св. Георгия 1-ой степени. Эта высшая боевая награда давалась только за выдающиеся победы. Потемкин не позволил ронять достоинство недавно учрежденного ордена, уже снискавшего большую популярность среди военных. За отличия под Силистрией он получил Св. Георгия 2-ой степени — награду, которой был удостоен Суворов за Туртукайский поиск.

Кучук-Кайнарджийский мир, добытый напряжением всех сил государства, был важным шагом в укреплении позиций России в Северном Причерноморье. По условиям мира Россия получала Керчь и Еникале в Крыму. На узкой, далеко выдвинутой в море Кинбурнской косе спешно возводилась крепость Кинбурн. Таким образом гарантировались выходы русских кораблей из Азовского моря и Днепровско-Бугского лимана в Черное море. Но выходы эти по-прежнему находились под бдительным присмотром Турции. Крепости Аккерман на Днестровском лимане, Суджук-Кале на Северном Кавказе, мощный Очаков, возвышавшийся над маленьким Кинбурном, позволяли Порте сохранять сильные позиции в Северном Причерноморье. Поэтому в борьбе России за выход к Черному морю особое значение приобретал Крым.

Война окончена. Борьба продолжается. 1775-1779 гг.

Н.В. Репнин (1743-1801)
В 1774 г. составил текст Кучук-Куйнарджийского договора.

После свержения в XV в. монголо-татарского ига, самым беспощадным врагом Московского государства стало Крымское ханство. Иван Грозный, сделавший первую попытку «прорубить окно в Европу», потерпел одно из самых страшных поражений от

крымского хана Девлет-Тирея. В 1571 г. крымско-ногайская конница прорвалась к Москве. В гигантском пожаре погибли многие жители столицы. Тысячи русских людей были угнаны в полон и проданы в рабство. Хан обещал на будущий год покончить с самостоятельностью Московии. Его набег был отбит, но нашествия продолжались. Только в первой половине XVI в. в крымский полон было угнано двести тысяч человек. Недаром Кефе (будущая Феодосия) была известна своим невольничьим рынком далеко за пределами Черного моря.

Османская агрессия на Балканах и в Северном Причерноморье поставила хана в вассальную зависимость от султана. Крымские ханы на своем престоле утверждались в Константинополе. По воле султана набег татар совершался то на Москву, то на Краков, т. е. на того противника, какого Порта считала в тот момент более опасным для себя. Крымских всадников видели и стены Вены, когда в 1683 г. огромная армия великого везира Кара-Мустафы обложила столицу крупнейшей европейской державы. Столица Габсбургов была спасена армией польского короля Яна Собеского, хотя сам Собеский в войне с турками потерял Каменец Подольский и другие крепости.

Трудно поверить, но отмена выплаты дани крымскому хану произошла только в 1700 г. при Петре I, а последний набег крымской конницы на украинские земли, входившие в состав России, был произведен в 1769 г., при начале войны. Набег разбился о систему пограничных укреплений Днепровской линии. За два столетия эта линия продвинулась от Оки на сотни верст на юг.

И вот настало время, когда Россия получила возможность воздвигнуть крепости в самом Крыму. Ханство, в состав которого, помимо Крыма, входили земли на Тамани и в Прикубанье, было объявлено независимым. Однако уже в 1775 г. Порте удалось возвести на ханский престол своего сторонника Девлет-Гирея. Русская дипломатия сделала ставку на Шагин-Гирея, который обратил на себя внимание еще в 1772 г., когда во время переговоров о договоре России с Крымом он прожил девять месяцев в Петербурге. Императрица в письме Вольтеру (предназначенном, как и многие другие письма философу, европейскому общественному мнению), хвалила ум молодого потомка Чингисхана, его желание учиться, его намерение заняться реформами в своем ханстве, «независимом по милости Божией и русского оружия». Шагин-Гирей имел титул калги-султана и являлся наместником хана среди ногайских племен, кочевавших на Тамани и в Прикубанье.

В начале 1776 г. Румянцев донес в Петербург о намерении

хана Девлет-Гирея восстановить протекторат Турции над Ханством. Шагин-Гирей же и его сторонники обратились за помощью к России. Они настаивали на решительных действиях. В октябре 1776 г. Румянцев, получив инструкции из столицы, приказал корпусу князя Прозоровского занять Перекоп. Командир Кубанского корпуса генерал-майор И. Ф. Бринк получил приказание поддержать избрание Шагин-Гирея ханом среди ногайских кочевых орд. В конце ноября Суворов, снова приступивший к службе после годичного отпуска, связанного со смертью отца, был срочно направлен Потемкиным в Крым, туда, где назревала опасность военного столкновения. Сам Потемкин переживал трудные времена.

Всего год назад, 10 июля 1775 г. он был пожалован в графское достоинство Российской империи. В тот самый день — в разгар торжеств по случаю мира с Турцией и внутреннего замирения — Потемкина видят повсюду рядом с императрицей: во время въезда царского поезда в Кремль, на благодарственном молебне в Успенском соборе, на званом обеде в честь победителей. Когда же 12 июля Екатерина внезапно заболевает и целую неделю не выходит из своих покоев, через Потемкина отдаются важнейшие распоряжения по управлению государством.

Вскоре праздники возобновляются. Дипломаты, съехавшиеся в первопрестольную на торжества, спешат донести своим дворам о счастливом выздоровлении Екатерины. Но даже они не знают того, что происходило в покоях императрицы в эти дни. «Болезнь» была вызвана рождением дочери, нареченной Елизаветой. Очевидно, девочка родилась 12—13 июля, т. е. двумя неделями раньше, чем дочь Суворова. Но, в отличие от Наташи-Суворочки, Елизавета Григорьевна Темкина не знала родительской ласки. Она воспитывалась в семье А. Н. Самойлова — племянника Потемкина, была выдана замуж за Г. Калагеорги, грека на русской службе. У нее было обширное потомство — шесть или семь детей. Сохранились два портрета молодой Темкиной, написанные Боровиковским. Чертами лица она напоминает отца, фигурой — мать. Вряд ли Елизавета Григорьевна знала тайну своего рождения — одну из многих тайн такого рода.

Казалось бы, рождение дочери должно было укрепить союз Екатерины с Потемкиным. Этого не случилось. Наблюдательный французский дипломат шевалье де Корберон, прибывший в Россию в августе 1775 г., отмечает в своем дневнике влюбленные взгляды императрицы, устремленные на Потемкина во время балов и приемов осенью того же года. Но уже в начале 1776 г. Корберон, принятый в лучших домах Петербурга, заносит в дневник слухи о скором падении Потемкина и возвращении

влияния князя Г. Орлова. Даже новое отличие — княжеское достоинство Священной Римской империи, которое Екатерина исхлопотала для Потемкина в марте 1776 г., по мнению опытных придворных, предвещало отставку. Тем более, что для всех было очевидным быстрое возвышение статс-секретаря императрицы П. В. Завадовского.

Многое позволяют понять письма Екатерины Потемкину того времени. Они по-прежнему полны сердечных излияний «верной по гроб жены». Но все чаще в них лирика перемежается примерами совместной работы над различными частями государственного управления. И все чаще слышны жалобы женщины на суровый характер своего мужа.

«И ведомо, пора жить душа в душу,— читаем мы в одном из писем 1775 г.— Не мучь меня несносным обхождением — не увидишь холодность. Платить же ласкою за грубости не буду».

«Побываешь и всячески спешишь бежать. Ей-ей, отвадишь меня желать с тобою быть — самый князь Орлов. Ну добро, естьли одиножды принудишь меня преломить жадное мое желание быть с тобою, право, холоднее буду. Сему смеяться станешь, но, право, мне не смешно видеть, как скучаешь быть со мною и что тебе везде нужнее быть, окроме у меня». (Конец 1775 г.)

Она делает поразительное признание: «Мы ссоримся о власти, а не о любви». (Письмо 1775 г.)

Сохранилось семейное предание, идущее от Самойлова — участника тайного венчания Екатерины с Потемкиным. Когда читавший «Апостола» Самойлов дошел до слов «Да убоится жена мужа своего», он опасливо взглянул на императрицу. Та решительно кивнула головой «Да убоится!» [15] Екатерина признала за своим избранником первенство и не раз писала ему, что именно он дал ей «способы царствовать». Она сама заставила его трудиться на общее благо, вовлекла в большую политику и... потеряла его для себя.

Потемкин не мог не понимать, что на него смотрят, как на нечто фальшивое и временное. Не мог же он объявить, что не фаворит он, а законный муж императрицы. Открытие тайны брака грозило каждому из супругов смертельной опасностью. В одном из писем, присланных из действующей армии во время кампании 1789 г., Потемкин в скупых словах выразил свое кредо: «Ревность и усердие с неограниченным к Вам долгом движут меня на службу... Я христианин, то и слава моя в служении... Ежели бы я мог поднять на рамена тягости всех, охотно бы я себя навьючил, и Вы бы увидели нового Атланта» [16]. Он и поднимал на своих плечах все новые и новые тяготы во славу России и своей

государыни.

Екатерина сама отличалась завидной работоспособностью, играя отнюдь не декоративную роль в управлении. Отдавая почти все время государственным заботам и связанным с ними представительским формальностям, она хотела сохранить для себя лично тепло семейного уюта. С Потемкиным, ставшим открытым соправителем, это было невозможно. Она первой поняла суть этого мучительного противоречия и первой же призналась мужу в своем открытии: «Пожалуй, Батинька, не упомяни же боле ни о чем. Я твоею ласкою чрезвычайно довольна, все пройдет, и моя бездонная чувствительность сама собою уймется, и останется одна чистая любовь» (Письмо от 1775 г.)

Она искренне считала свою склонность к мужчинам — «болезнью сердца» и называла ее слабостью. Но она пыталась на ледяной вершине абсолютной власти быть и оставаться женщиной и притом любящей и любимой. О силе привязанности Екатерины к ее фаворитам свидетельствует то безысходное отчаяние, которое охватило ее после скоропостижной смерти двадцатисемилетнего Александра Ланского в 1784 г. Когда пять лет спустя она неожиданно узнает от своего фаворита Александра Дмитриева-Мамонова о его любви к фрейлине Дарье Щербатовой, она потрясена до глубины души. Она садится за письмо, и из-под ее пера рождаются слова о том, что ложь в любви есть самый страшный грех. В минуту душевных страданий Екатерина обращается за сочувствием к своему мужу — единственному человеку, который понимает ее и любит той высшей любовью, в которой чувствительность (правильнее сказать чувственность) уступила место любви-дружбе, политическому союзу двух душ, призванных историей на первые роли.

Когда же молодой красавец Иван Римский-Корсаков, о котором Екатерина с простодушным восхищением пишет Гримму как об образце античной красоты, называя его «царем Пирром», позволил себе публичный выпад против Потемкина, она приняла этот выпад за личное оскорбление. В письме-отповеди она заявляет Корсакову, что Потемкин обладает редчайшим даром: первым просит за своих врагов! И фаворит-красавец изгоняется из Петербурга, не смея больше показаться на глаза императрице.

Сменявшие друг друга Завадовский, Зорич, Корсаков, Ланской, Ермолов, Дмитриев-Мамонов (о Зубове мы скажем особо ниже) были фаворитами. Фаворитизм был распространенным явлением не только в России и не только в XVIII в. — веке просвещения. На него всегда смотрели как на своеобразный политический институт. За место фаворита боролись придворные

группировки и послы иностранных дворов. В наследственных монархиях при слабых и неспособных правителях (таких, например, как Людовик XV, или испанский король Карл VI, или безвольный, больной датский король Христиан VII) маркиза де Помпадур и мадам Дюбарри, князь Годой и лейб-медик Струензе действительно брали в свои руки управление государством.

Ни один из фаворитов Екатерины не играл самостоятельной роли, кроме Потемкина, а Зубов только потому так возвысился, что уже не было в живых «друга сердечного князя Григория Александровича». Сохранились любовные записочки Екатерины Завадовскому. Как поразительно отличается их тон от подобных писем-записочек Потемкину, дышащих неподдельной страстью. Потемкин — предмет обожания и какого-то самозабвенного поклонения, причина душевных мук. Завадовский — приятная, красивая куколка. Потемкин открывает своей подруге новые политические горизонты. Завадовский постоянно дуется и плачет. С Потемкиным ей всегда (даже после того, как место фаворита заняли другие) интересно, с молодыми

же красавцами уютно, мило и зачастую скучно. Прибавим, что после Завадовского каждый новый фаворит (за исключением Зубова) занимал свое место с согласия и по представлению Потемкина. Но появление Завадовского, рекомендованного императрице Румянцевым, Потемкин пережил очень тяжело. Писем-записочек Потемкина Екатерине того времени сохранилось очень немного. Императрица сжигала их. Сохранившиеся записочки содержат ее ответы или примечания на слова Потемкина и являются двойными письмами.

«Позволь, голубушка, сказать последнее, чем, я думаю, наш процесс и кончится,— пишет Потемкин, очевидно, в конце 1775 г. — Дозволяю, — помечает на полях Екатерина.— Чем скорее, тем луче».

«Не дивись, что я безпокоюсь в деле любви нашей,— продолжает Потемкин.— Будь спокоен,— отвечает императрица. — Рука руку моет». «Сверх безсчетных благодеяний твоих ко мне, поместила ты меня у себя на сердце». «Твердо и крепко»,— следует ответ. «Я хочу быть тут один преимущественно всем прежним для того, что тебя никто так не любил». «Есть и будешь». Потемкин: «А как я дело твоих рук, то и желаю, чтоб мой покой был устроен тобою, чтоб ты веселилась, делая мне добро». Екатерина: «Вижу и верю. Душою рада. Первое удовольствие». Потемкин: «Чтоб ты придумывала все к моему утешению и в том бы находила себе отдохновение по трудах важных, коими ты занимаешься по своему высокому званию». Екатерина: «Само собою придет. Дай успокоиться мыслям, дабы чувства

действовать свободно могли; оне нежны, сами сыщут дорогу лучую». «Аминь»,— заключает записку Потемкин. «Конец ссоры. Аминь»,— вторит императрица [17].

Каким контрастом выглядят ее письма Потемкину, спустя несколько месяцев. «От Вашей Светлости подобного бешенства ожидать надлежит, буде доказать Вам угодно в публике так, как и передо мною, сколь мало границ имеет Ваша необузданность. И, конечно, сие будет неоспоримый знак Вашей ко мне неблагодарности, так как и малой Вашей ко мне привязанности».

«Просишь ты отдаления Завадовского. Слава моя страдает всячески от исполнения сей прозьбы... Не требуй несправедливостей, закрой уши от наушников, дай уважение моим словам. Покой наш возстановится...» Она страшится потерять своего единственного избранника. Узнав о намерении Потемкина удалиться в монастырь, Екатерина умоляет его оставить эту мысль, сравнивая ее с кинжалом, которым он поражает в грудь свою подругу, больше всех заботящуюся о его «действительном и постоянном счастье».

Не одна Екатерина чувствовала неотразимое обаяние личности Потемкина. Остроумный, деятельный, мужественный, он нравился многим, особенно женщинам. Дамы высшего света писали ему любовные письма, заказывали медальоны с его изображением. И друзья, и враги уже при жизни Потемкина называли его гением. Но в глазах общественного мнения он оставался фаворитом, временщиком. Его таланты и заслуги всячески принижались. Нет таких выдумок и сплетен, которые бы не распускали о Потемкине. Его обвиняли в смерти князя Г. Орлова и первой жены наследника престола великой княгини Натальи Алексеевны, умершей в родах. Об этом писали авторы книг, изданных за границей. Когда в 1775 г. красавец князь П. М. Голицын, один из первых победителей грозного Пугачева, был убит на дуэли, обвинили Потемкина, якобы приревновавшего Голицына к императрице. Нужны доказательства? Вот они: Голицына убил Шепелев, за которого Потемкин выдал свою племянницу Надежду Васильевну, урожденную Энгельгардт. Сплетникам и дела нет до того, что вспыльчивый Голицын оскорбил служившего под его начальством Шепелева, вызвавшего генерала на дуэль. Голицына убил друг Шепелева офицер Лавров (об этом пишет в своем дневнике Корберон). Надежда Энгельгардт вышла замуж спустя четыре года после роковой дуэли, но не за Шепелева, а за П.А. Измайлова. Лишь овдовев посте четырех лет замужества, она обвенчалась с Шепелевым, представителем старинного дворянского рода. Петр Амплиевич Шепелев с отличием служил в армии, достиг чина генерал-

поручика и звания сенатора. Если бы он действительно был виновен в вероломном убийстве Голицына, общественное мнение (и особенно влиятельные и родовитые Голицыны) не позволили бы ему занять столь видное положение.

Не меньше сплетен распускалось о любовных похождениях Потемкина. Рассказывали о его молодых племянницах, якобы составлявших «гарем любвеобильного временщика». Но из писем племянниц к дядюшке видно, что молодые провинциальные дворяночки, внезапно оказавшиеся в положении фрейлин императрицы, расчетливо использовали добросердечие Потемкина, чтобы устроить свои собственные судьбы. Все они сделали блестящие партии, стали графинями Браницкой и Скавронской, княгинями Голицыной и Юсуповой. После смерти Потемкина они рассорились между собой из-за наследства, вызвав гнев и слезы Екатерины.

Право, судьбу драматичнее судьбы самого Потемкина трудно придумать, Ведь у него, несмотря на все его огромное богатство, по сути не было ни дома, ни семьи. Императрица сохранила за ним покои в Зимнем дворце, но Потемкин все реже и реже бывал в столице, отдавшись всей душой делу заселения и хозяйственного освоения новых губерний на юге, в Причерноморье. Их безопасность, их процветание стали главным делом его жизни. «Во всем ты неординарный!» — писала ему Екатерина. И он всегда подтверждал этот отзыв. Так, чтобы обеспечить приток рабочих на юг, он издал указ, согласно которому беглые крепостные не выдавались их владельцам, если они пересекли границы Новороссийской и Азовской губерний. Эта мера не прибавила Потемкину друзей среди помещиков, но зато дала ему тысячи предприимчивых работных людей. За десять лет полупустынные земли были превращены в цветущий край.

Была еще одна причина, по которой Екатерина не хотела расставаться с Потемкиным. Весна 1776 г. напомнила ей, сколь непрочно ее положение на троне и как важно поддерживать в правящих кругах политику равновесия, «Мой покойный отец, — вспоминает декабрист М. А. Фонвизин (племянник знаменитого драматурга),— рассказывал мне, что в 1773 или 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на великой княгине Наталье Алексеевне, граф Никита Петрович Панин, брат его фельдмаршал Петр Иванович, Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, князь Николай Васильевич Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо ее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об

этом, согласился принять предложенную ему Паниным Конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие. Душою заговора была супруга Павла великая княгиня Наталья Алексеевна, тогда беременная. При графе Панине были доверенными секретарями Денис Иванович Фон-Визин, редактор конституционного акта, и Бакунин — оба участники заговора» [18].

По словам М. А. Фонвизина, Бакунин и предал всех, открыв заговор князю Г.Г. Орлову. Павел принес матери список всех заговорщиков, и та бросила его в огонь, не читая: она знала все по доносу Бакунина. Память изменяет Фонвизину в двух деталях: Граф Петр Панин был генерал-аншефом, а великая княгиня Наталья Алексеевна была в положении в конце 1775 — начале 1776 г. Так императрица узнала о заговоре в момент обострения личных отношений с Потемкиным. Великая княгиня умирает в родах 15 апреля 1776 г. В руки Екатерины попадает ее переписка с молодым графом Андреем Разумовским, любимцем Павла и любовником великой княгини. От Разумовского нити тянутся к французскому послу. Наследник престола получает жестокий урок: мать не щадит его чувств и раскрывает сыну грубую правду о близости его жены с Разумовским, показав всю жестокость и неприглядность политической борьбы, в которой не брезгуют ничем. Разумовского высылают в Ревель.

Кандидат на пост главы военного ведомства (вместо Потемкина) князь Репнин, вызванный спешно в Петербург дядей графом Никитой Паниным, вынужден покинуть столицу и довольствоваться смоленским наместничеством. Планам Паниных, напоминавшим попытку «верховников» ограничить самодержавную власть «кондициями», согласно которым реальная власть сосредотачивалась в руках кучки олигархов, не суждено было осуществиться. Опираясь на выходцев из среднего дворянства — Орловых, Потемкиных — Екатерина сумела сохранить власть в своих руках.

Великий князь оказался надолго выведенным из политической игры. Второй брак Павла с принцессой Вюртембергской, нареченной при крещении Марией Федоровной, замкнул наследника в узком семейном кругу. Супруга чуть ли не каждый год приносила Павлу сына или дочь. Единственным «государственным» развлечением наследника стало управление своими имениями: сначала Павловском, затем купленной у Орловых (после смерти князя Григория Григорьевича) Гатчиной, а также устройством своего небольшого контингента войск на прусский манер.

Далеко не случайно, что именно в 1776 г. Екатерина ухаживает за Орловыми и поручает Потемкину Санкт-Петербургскую дивизию, т. е. войска столичного округа. В январе того же 1776 г. Потемкину поручено хозяйственное попечение о Новороссийской и Азовской губерниях, а также об укреплениях Днепровской линии. Он вошел в непосредственное сотрудничество с Румянцевым, командовавшим войсками на юге.

Суворов прибыл в Крым 17 декабря 1776 г. Через месяц он вступил во временное командование корпусом вместо заболевшего Прозоровского и деятельно готовился к встрече Шагин-Гирея, избранного при поддержке русских войск ханом на Кубани. Девлет-Гирей пытался оказать сопротивление, но Суворов одним маневрированием пехоты и конницы рассеял сторонников Девлет-Гирея, который вскоре бежал из Крыма на турецком корабле. Большинство крымских мурз переметнулось на сторону победителей. 23 марта 1777 г. в Карасу-Базаре Суворов торжественно встретил Шагин-Гирея. Через шесть дней диван в Бахчисарае утвердил его на ханском престоле. Порта, занятая войной с Ираном и столкновением со своей бывшей союзницей Австрией, захватившей Буковину, не решилась на новую войну. Но Румянцев спешил подстраховаться и приказал войскам в Крыму и на Кубани занять стратегические пункты для предотвращения десантов.

После выздоровления Прозоровского Суворов с двумя полками пехоты и несколькими эскадронами расположился лагерем на реке Салгир близ Ак-Мечети. Его задача заключалась в том, чтобы наблюдать за стороной Бахчисарая, занять важнейшие проходы в горах и не допустить десанта в Алуште. Затишье и мелочная опека Прозоровского заставляют Суворова взяться за перо. «Ныне по окончании здешней экспедиции, исключая неожидаемой Стамбульской высадки,— пишет он 1 июня 1777 г. Потемкину,— . Вашей Светлости всевозможная милость сколь бы велика ко мне была! естьли б меня удостоить соизволили препоручением какого корпуса, каковым до сего я начальствовал без порицания». Суворов просит самостоятельной команды, прибавляя, что он «единственно к Высокой особе» Потемкина прибежище приемлет. Характерно, что Суворов обращается за новым назначением не к Румянцеву, своему непосредственному начальнику, а к Потемкину. Он побаивается напомнить о себе строгому фельдмаршалу и предпочитает обходной маневр.

У Потемкина же свои заботы. В начале июня Завадовский получает длительный отпуск и покидает столицу. Фаворитом становится Семен Зорич, флигель-адъютант Потемкина, рекомендованный им Екатерине. Храбрый гусарский офицер, серб

на русской службе, отличившийся в минувшей войне, Зорич ни с кем не связан в Петербурге и всем обязан Потемкину. В эти дни происходит еще одно событие: князь Орлов тайно венчается со своей двоюродной сестрой Зиновьевой, фрейлиной императрицы. По церковным канонам брак не может быть признан законным. Но Екатерина берет новобрачных под свою защиту и добивается прекращения бракоразводного дела, начатого духовной консисторией. Положение Потемкина, по оценкам дипломатов, кажется прочным, как никогда. Во время визита в Петербург шведского короля Густава III Потемкин принимает его у себя, ведет важные переговоры с ненадежным северным соседом. Ему не до Суворова. Последний обращается к Прозоровскому с просьбой об отпуске. Чувствуя себя не очень уютно рядом с Суворовым, Прозоровский поспешил удовлетворить просьбу. Причина была уважительной: Суворов страдал от приступов лихорадки, подхваченной в Крыму.

Генерал-поручик отправился в Полтаву, где его ожидали жена и двухгодовалая дочь. Там, в Полтаве и в селе Опошня, Суворов провел все лето и всю осень. Сохранилось письмо Суворова своему бывшему бригадному командиру В. И. Храповицкому — редкое свидетельство недолгого семейного счастья полководца. Суворов не забывает напомнить о себе в Петербург. 19 июля он пишет рекомендательное письмо, которое должен вручить Потемкину Николай Сергеевич Суворов, тридцатилетний боевой офицер, сын двоюродного брата Александра Васильевича. Николай Суворов отличился в конфедератской войне, состоя адъютантом при своем дяде. При штурме цитадели Ландскронской крепости он был тяжело ранен в руку, но не оставил службу, Суворов протежировал племяннику и просил за него Потемкина, Просьба была уважена. Племянник был переведен секунд-майором в один из лучших полков — Санкт-Петербургский драгунский. Вернувшись из столицы, Николай Суворов передал дяде благожелательный отзыв главы Военной коллегии, и Суворов возобновил просьбу о своем новом назначении и о покровительстве.

Пока курьеры скакали в столицу и обратно, время шло. Обстановка в Крыму резко обострилась. Торопливость нового хана Шагин-Гирея, решившего провести реформы на европейский лад, его деспотизм и пренебрежение национальными и религиозны традициями, а главное — экономическая необеспеченность реформ — все это привело к недовольству, которое охватило самые широкие круги населения. Даже личная гвардия хана — бишлеи, устроенные по образцу европейских армий, оказалась ненадежной. Всем этим незамедлила

воспользоваться турецкая агентура, имевшая в Крыму и в Прикубанье многочисленных сторонников. 5 октября 1777 г. бишлеи взбунтовались. Вскоре весь Крым оказался охваченным восстанием. Ша-гин-Гирей бежал под защиту русских войск.

Волнения перекинулись на Тамань и в Прикубанье. Столица ханства Бахчисарай оказалась в руках сторонников Селим-Гирея, племянника хана и претендента на престол. Турецкая агентура разжигала недовольство, помогая восставшим оружием и деньгами, заверяя их в скором военном вмешательстве Порты, готовящей флот с десантами. Русская дипломатия в Константинополе действовала твердо и настойчиво: по мирному договору Крым — независимое государство. Мятеж против законного государя — бунт. По просьбе хана Шагин-Гирея русские войска восстановили порядок. Военные действия носили ожесточенный характер. Прозоровскому пришлось не легко. К тому же Румянцев усмотрел из его рапортов, что Суворова нет в Крыму. Без сомнения, главнокомандующий рассчитывал на Суворова, на его военный талант.

Последовал строгий запрос Прозоровскому, и тот был вынужден донести о невозвращении Суворова из отпуска. 14 ноября Румянцев приказал строптивому подчиненному:

«По получении сего имеете, Ваше Превосходительство, явиться к команде в корпусе, вверенном Генерал-Порутчику Князю Прозоровскому, где, как и Вам небезысвестно, открылись уже военные действия». Тем же числом помечен ордер Прозоровскому. Румянцев требовал перехода к решительным действиям и еще раз подчеркнул недопустимость нарушений по делам службы. «Господину Генерал-Порутчику Суворову приказал я немедленно явиться к команде, а Вашему Сиятельству нахожу приметить, чтоб впредь подобных ради резонов увольнение из заграничных войск, не имев особливого на то дозволения, не делать» [19].

Суворов получил свой ордер раньше Прозоровского (Румянцев жил в своем имении на Черниговщине в Вишенках). Курьер еще скакал к Прозоровскому, когда Суворов уже ответил Румянцеву о невозможности немедленно выехать в Крым по причине болезни. Это было правдой, но не всей. Суворов не хотел снова идти под команду Прозоровского и добивался самостоятельности. 20 ноября он отправил из Опошни письмо Потемкину.

«По течению службы благополучие мое зависит от одной власти высокой особы Вашей Светлости! — писал он своему благодетелю.— Граф Петр Александрович посылает меня в Крым... Не оставьте покровительствовать того, который с

благодарнейшим сердцем, полною преданностию и глубочайшим почитанием, Светлейший Князь, Милостивый Государь!

Вашей Светлости всепокорнейший слуга

Александр Суворов».

Но еще до получения этого письма Потемкин, обеспокоенный, как и Румянцев, положением на Кубани, где небольшое количество войск должно было прикрывать обширнейшую границу, предложил направить туда Суворова, как надежного и знающего военачальника. Румянцев, недовольный нерасторопностью командующего кубанским корпусом генерал-майора Вринка, 29 ноября предписал Суворову принять у него команду. 1 января нового 1778 г. Суворов прибыл в крепость Святого Димитрия Ростовского, главный опорный пункт на Юге России. Там размещался штаб Кубанского корпуса. Не задерживаясь, Суворов поскакал через Азов по цепи укреплений к Копыльскому рентраншементу — главному посту корпуса — и 5 января принял у Бринка команду. 18 января Суворов донес Румянцеву о личном обозрении «положения сей земли, всех в ней учрежденных постов и набережных мест». Не забыл он отписать и в Петербург. В коротеньком письме Потемкину от 18 января Суворов упомянул о «слабости своего здоровья», которое, по его словам, «подкрепляет высокое покровительство» Светлейшего Князя.

За три месяца пребывания на Кубани Суворов развил кипучую деятельность. Прекрасно поставленная разведка позволяла ему быть в курсе настроений и намерений горских и ногайских предводителей. Суворов выказал большое дипломатическое искусство. Среди ногайцев были сторонники Шагин-Гирея и его противники, сторонники России и Турции. Горские племена атукайцев, темиргойцев, бузадыков, черкесов, жившие войной и военной добычей, враждовали с ногайцами, совершали набеги, угоняли лошадей и скот, захватывали пленных. От набегов страдали казаки Войска Донского и жители приграничных губерний. Где ласкою и подарками, где угрозой применить силу, а где и решительными действиями Суворов сумел умиротворить вверенный край.

Войска, почувствовав твердое руководство, преобразились. Каждый пост, каждый солдат знали, что и как делать сообразно с обстановкой. Опыт конфедератской войны, носившей партизанский характер, пригодился Суворову. Сочетая систему опорных пунктов с подвижными резервами, он сумел сделать линию укреплений непреодолимой для набегов кочевников и горцев. При нехватке войск, Суворов сумел так поставить дело, что ему удалось высвободить значительное количество солдат

для проведения фортификационных работ. Во время объезда Кубанской линии он обратил внимание на разрыв в несколько сот верст между Копылом и укреплениями Моздокской линии. В короткое время были сформированы две «работные армии» по семьсот человек, и опасное направление вскоре было прикрыто системой крепостей и шанцев. Не хватало инженеров. Командующий корпусом лично выбирал места новых укреплений, сам чертил планы, обучая на практике подчиненных основам инженерного дела. Румянцев был доволен своим подчиненным. Рапорты Суворова Румянцеву точны, обстоятельны и почтительны. Формально он оставался в подчинении у Прозоровского. Но Румянцев смотрел сквозь пальцы на жалобы последнего о непосылке Суворовым рапортов. Что касается переписки с Потемкиным, то сохранилась лишь официальная часть — несколько рапортов Суворова о попытке привлечь на сторону России некрасовцев, потомков сподвижника Кондратия Булавина, ушедших на территории, подвластные Турции. По поручению Потемкина Суворов хлопотал об их возвращении на родину, но безрезультатно.

За короткий срок Кубань и Тамань были защищены от покушений турецких десантов и от набегов их союзников. Власть Шагин-Гирея в Крыму была восстановлена, но обстановка оставалась сложной. С декабря 1777 г. в Ахтиарской гавани находился большой отряд турецких кораблей, готовый в любой момент высадить на крымский берег янычар. 23 марта 1778 г. последовал ордер Румянцева Суворову о назначении его командующим Крымского корпуса вместо Прозоровского. Последний давно жаловался на болезнь, но причиной его замены было недовольство императрицы. Имея значительные силы в Крыму, Прозоровский не сумел правильно оценить обстановку, действовал нерешительно, позволил восстанию разрастись.

Потемкин замолвил слово за своего бывшего начальника, но Прозоровскому все же пришлось взять двухгодичный отпуск.

22 апреля 1778 г. Суворов прибыл в крепость Ениколь. Прозоровский ждал его в лагере русских войск на реке Каче. Сославшись на болезнь, Суворов уклонился от встречи.

27 апреля Прозоровский узнал, что Суворов ужинает у русского резидента при ханском дворе А.Д. Константинова и собирается нанести визит Шагин-Гирею. Он переслал Суворову бумаги и немедленно покинул Крым, подав Румянцеву рапорт с описанием происшедшего. «Неприличная и ничем не вызванная выходка Суворова,— отмечает один из лучших знатоков жизни и деятельности полководца В.А. Алексеев,— еще раз доказывает, как мало церемонился будущий генералиссимус с людьми лично

ему несимпатичными и, кроме того, соперничавшими с ним» [20]. Добавим, и с родственниками, ибо Прозоровский приходился жене Суворова троюродным братом. Мы не знаем всех обстоятельств конфликта между Прозоровским и Суворовым, происшедшего в Крыму весной — в начале лета 1777 г. Прозоровский в один день с Суворовым был выпущен из гвардии в армейские поручики, но сумел обойти его в чинах: стал генерал-поручиком на год раньше Суворова. Когда тот приехал к Прозоровскому в Крым, последний попытался отодвинуть своего родственника на второй план. «Я отважусь открыть мою мысль Вашему Сиятельству. — писал Прозоровский Румянцеву 1 апреля 1777 г.,— что ежели по установлению здешних дел в совершенном порядке надобно будет избрать над остающеюся частью войск начальника, то сей искусный генерал из всех здесь своих сверстников есть способнейший, на которого положиться можно будет» [21]. Речь шла о генерал-майоре графе А. Б. Де Бальмене, которого Прозоровский прочил вместо себя. Суворов был старше чином и заслуженнее Де Бальмена, и он не мог не почувствовать себя оскорбленным.

И вот, наконец, он получил большое самостоятельное дело: принял Крымский корпус. Кубанский также остался за ним. Суворов счел необходимым подвести итоги своей деятельности на Кубани и сделать достоянием каждого офицера и солдата приобретенный опыт. 16 мая 1778 г. он отдает знаменитый приказ по Кубанскому корпусу. В нем подробно разбираются меры по организации службы, обучению войск, по сбережению здоровья воинских чинов. Ничто не забыто. Главная часть приказа — боевое наставление о том, как строить батальонные каре (подвижные крепости, удобные и при обороне, и при наступлении), как учить войска стрельбе и штыковому удару, как учить конницу атаке на саблях, а казаков атаке с дротиками-пиками. «Пехотные огни открывают победу,— наставляет своих подчиненных Суворов,— штык скалывает буйно пролезших в карей, сабля и дротик победу и погоню до конца совершают». В несколько тяжеловесных, излишне подробных строках приказа уже проступают идеи «Науки побеждать». Красной нитью проходит наставление о дружбе россиян с мирным населением, о гуманном отношении к пленным. «С пленными поступать человеколюбиво, стыдиться варварства»,— приказывает Суворов, придававший огромное значение развитию в подчиненных чувства чести, нравственного долга, патриотизма. Этот приказ несколько позже был повторен дословно для войск Крымского корпуса.

Суворов быстро установил доверительные отношения с

крымским правительством и лично с ханом. Шагин-Гирей слыл человеком просвещенным. В юности он учился в Венеции, знал итальянский, арабский, греческий и русский языки. Писал стихи. Суворов, как известно, свободно писал и говорил по-французски, по-немецки, учил итальянский, турецкий, татарский, польский. Он сам платил дань изящной словесности: в его письмах нет-нет появляются короткие стихи, которые он писал в минуты душевного подъема или, напротив, в минуты грусти и сомнений.

Хан, как уже отмечалось, торопился с реформами. Европеизируя свое ханство, Шагин-Гирей упрямо шел против традиций. Ответом было сопротивление и ропот самых широких кругов населения. Не дремала и турецкая агентура. Распускались слухи о том, что хан изменил вере предков и тайно принял христианство. Шагин-Гирей чувствовал себя неуверенно и просил Суворова об охране. Тот выделил ему батальон.

Новый энергичный командующий Крымского корпуса не только сблизился с резидентом Константиновым, но и сдружился с ним домами. В письмах к Андрею Дмитриевичу Суворов называет его «любезным кумом», делится с ним подробностями о своих семейных делах, о жене и дочери, которые прибыли в Крым.

Суворову удается без единого выстрела выпроводить отряд турецких кораблей из Ахтиарской гавани, что не удалось Прозоровскому. Он приказал соорудить батареи, господствовавшие над выходом из гавани. Турецкий начальник решил не терять времени и 17 июня с большим трудом (ветер был противный) вывел свои суда в море и вскоре ушел к Очакову. Хан выразил Суворову благодарность. Был доволен и Румянцев. Вскоре над Крымом нависла новая опасность. 9 июля 1778 г. Румянцев сообщил Потемкину о том, что «по последним известиям турецкий флот действительно уже выступил в Черное море под предводительством капитан-паши и пойдет в Синоп, а оттуда в Крым. А как там г. Суворов не говорлив и не податлив, то не поссорились бы они, а после и не подрались бы» [22].

Через пять дней Суворов получил письмо, подписанное адмиралом Газы Хасаном и трапезундским и эрзерумским губернатором Хаджи Али Джаныклы-пашою. Могущественный и полунезависимый правитель Джаныклы-паша посадил на суда капудан-паши свою собственную армию, намереваясь двинуться к крымским берегам. Турецкие военачальники в ультимативной форме требовали прекратить плавание русских судов по Черному морю — «наследственной области величайшего и могущественнейшего мо-

нарха, в которой никто другой и малейшего участия и никакого права не имеет». Заканчивалось письмо угрозой топить

русские военные корабли. Письмо было адресовано Прозоровскому, так как турецкие военачальники еще не знали о смене командования в Крыму.

Суворов был готов к встрече непрошеных гостей: все места возможных десантов были надежно прикрыты укреплениями и войсками. Его ответ на письмо был преисполнен учтивостей на восточный манер, но тверд: он-де не может поверить, чтоб «письмо... точно от вас было писано, ибо особам на таком степени» (на каком стоят оба паши.— *В. Л.*) должно хранить не только обязательство своего государя на счет Крыма, но и соблюдать благопристойность и вежливость по отношению к России, с которой султан заключил договор о вечном мире. Угрозы и выражения неприязни свидетельствуют о намерении разрушить мир, и он, Суворов, имеет полное право дать отпор «сильною рукою», но при этом вся ответственность «пред Богом, Государем и пред целым светом по всей справедливости» падет на турецких военачальников.

Пока корабли Газы Хасана с десантной армией Джаныклы-паши медленно плыли от Синопа к берегам Крыма, Суворов по поручению Потемкина развернул подготовку к выводу христиан с полуострова. В Крыму давно существовали христианские колонии греков и армян. Они насчитывали более тридцати тысяч человек. Во время смуты 1777 г. христиане Крыма поддержали русские войска. История изобилует примерами жестоких расправ османских правителей над христианским населением Греции, Болгарии, южных славян, Кавказа. Поэтому угрозы фанатиков расправиться с крымскими христианами не были пустым звуком.

Потемкин, взявший курс на ликвидацию постоянной угрозы набегов на южные губернии, сознавал, что борьба с турецким владычеством будет долгой и трудной. Без сильного флота покончить со стратегическим преимуществом Порты невозможно, и Потемкин форсирует строительство базы Черноморского флота Херсона.

В начале июня 1778 г. Екатерина подписывает рескрипт Потемкину: «Надлежит сделать на Лимане редут, в котором бы уместились адмиралтейские верфи и прочее, по примеру здешнего, и назвать сие Херсон». Важным этапом в борьбе за Черное море становилось овладение Крымом. Ханская казна получала основные доходы от налогов на христиан, занимавшихся ремеслами, торговлей, сельским хозяйством, рыбной ловлей. Вывод христиан подрывал и без того слабую финансовую базу Шапш-Гирея. Строго соблюдая добровольность переселения, чтобы не вызвать разрыва с ханом, Суворов и резидент Константинов напрягают все силы: все искусство

дипломатии пущено в ход, чтобы умилостивить Шагин-Гирея. Увещевание греков и армян на выход из Крыма взяли на себя духовные пастыри христианских общин. Хан и правящая верхушка ханства сразу поняли, чем грозит выход христиан. Шагин-Гирей обвинил Суворова в том, что его агенты принуждают христиан к выезду угрозами и обманом и что это является нарушением договора о независимости ханства. Он требовал пресечь эти действия. Суворов просил Константинова в личной беседе с Шагин-Гиреем объяснить мотивы действий России, но хан отказался принять резидента и в новом письме Суворову от 22 июля обвинил его в неуважении к себе лично, потребовав полного ответа по делу христиан. Суворов еще раз разъяснил, что христиане просили императрицу о защите «от предгрозимых бедствий и сущего истребления» и подтвердил верность России договорным обязательствам с Крымом. На просьбу дивана о 25-дневной отсрочке вывода христиан было вежливо, но твердо отказано. Хан пригрозил жалобой Панину и Румянцеву на несправедливости, якобы совершенные Суворовым и его подчиненными. В знак протеста Шагин-Гирей покинул дворец в Бахчисарае и стал лагерем в нескольких верстах от своей столицы. Впечатлительный Суворов, описывая Турчанинову ход переселения, не устает повторять: «Боюсь особливо Пе[тра] Александровича] (Румянцева.— *В. Л.*) за християн. Хан к нему послал с письмами своего наперсника. Чтоб он меня в Санкт-Петербурге чем не обнес. Истинно, ни Богу, ни Императрице не виноват».

«Худо с большими людьми вишенки есть: бомбардирование началось,— пишет он 18 августа Турчанинову, намекая на живующего в имении Вишенки Румянцева, который якобы поддается ханским наветам, — и с получения (очевидно, ордера Румянцева) я, жена, дочь — в один день в публичной горячке. Прости, мой благодетель'» Письма Турчанинову предназначались в первую очередь Потемкину, в поддержке которого Суворов видел надежду на благополучный исход всего дела.

В разгар вывода христиан у крымских берегов появились корабли Газы Хасана. Суворов предупредил турецких военачальников о том, что «карантин не позволяет отнюдь ни под каким предлогом спустить на берег ни одного человека из Ваших кораблей». (На эскадре действительно началась эпидемия чумы.) Суворов подкрепил запрет военными демонстрациями. Хан, трепетавший за свою жизнь, пошел на уступки. 18 сентября Суворов уведомил Турчанинова о завершении вывода христиан и снова упомянул о своих опасениях: «В когтях я здесь ханского мщения... Фельдмаршал (Румянцев.— В, Л.)... воздвигнетца на

мои недостатки, коими постепенно полон род человеческий, а дела мне здесь скоро не будет или нет. Вывихрите меня в иной климат, дайте работу, иначе или будет скушно или будет тошно. Жена родит, коли будет жива, в изходе ноября: в половине генваря дайте работу... свеженькую. Денежек немало у меня на христиан вышло, не противно ли то будет Светлейшему Князю? А правда, кажетца, по душам дешевле нельзя».

Суворов преувеличивает свои страхи на счет Румянцева. Тот одобрительно отозвался о деятельности своего подчиненного. Возможно, излишняя суровость фельдмаршала заставляла мнительного генерал-поручика искать поддержки у Потемкина. А, может быть, зная сердце Светлейшего, Суворов умышленно преувеличивал свои страхи, намекая на свое желание служить непосредственно под началом Потемкина. Красноречива приписка к письму Турчанинову от 19 сентября: «Вышний Боже! Что я Вам могу отвечать на Ваше письмо от 21 ч. августа. Всякого рода одна благодарность мала. Моя — за границей! Нет, жертва самого себя!.. Томящуюся в болезни чреватую жену, равно мою девчонку, себя — забываю, помня себя только в единственной части — высочайшей службы, где бы она ни была, хоть в бездне океана. Бог да подкрепит мои силы». Без сомнения, это патетическое признание сделано под впечатлением одобрительных отзывов Потемкина и императрицы, переданных Суворову Турчаниновым.

Турция не решилась на новую войну с Россией. Напряженные отношения с Австрией, вооруженный конфликт с Персией, нехватка средств и волнения внутри империи заставили турецкое правительство пойти на уступки. Русскому посланнику А. С. Стахиеву при поддержке австрийской и французской дипломатии удалось заключить в Константинополе конвенцию, подтвердившую условия Кучук-Кайнарджийского мира. Порта признала независимость Крыма и законность избрания ханом Шагин-Гирея. Россия обещала вывести войска из Крыма и с Кубани.

Незадолго до этого Суворов отпросился у Румянцева в отпуск и навестил в Полтаве свое семейство, о судьбе которого с неподдельным беспокойством писал Константинову в конце года. Перенеся тяжелый приступ лихорадки, Варвара Ивановна родила мертвого мальчика и вместе с больной дочерью жила в Полтаве.

23 февраля 1779 г. Суворов донес Румянцеву:

«Вашего Сиятельства дозволением пользовался я в Полтаве свыше недели и, оставя там мое [семейство] в разстройке и почти кончательной смертельности, посетил, чрез Астрахань-Кизляр-Моздок, Астраханскую, уже выстроенную и сселенную линию, и

по Кубани (где тако ж по укреплениям внутреннее выстроено все) от Павловской крепости чрез коммуникационные на степень к Азову шанцы, Бердинскою линиею возвратился. На Кубани, Сиятельнейший Граф! точно тихо... Ногайские и крымские поколения силою укреплениев в узде. Светлейший Хан, сколько ни гневен и непостоянен, более жалок по бедности его.

Вашему Сиятельству осмелюсь о себе прибавить, что, ежели обстоятельства службы дозволят, мог бы я краткое время около Святой недели побывать в Полтаве и, буде далее, то с каким, но не толь обширным объездом, ежели б в том усмотрел нужду».

Поистине можно только поражаться рвению и энергии Суворова, которому шел сорок девятый год. По зимним дорогам из Полтавы на Царицын (откуда начиналась Астраханская линия) и далее на юг, потом на запад до Азова, снова на север и приазовскими степями в Крым, в Козлов (будущую Евпаторию) — всего более двух с половиною тысяч верст. Помня замечание, полученное от Румянцева за несвоевременное возвращение из отпуска к Прозоровскому, Суворов заблаговременно испрашивает дозволения посетить жену и дочь на Святую неделю.

Но ни на Святую неделю, ни позже Суворов не поедет в Полтаву. Беда пришла оттуда, откуда он менее всего ожидал. Еще в октябре 1778 г., отправляя в Петербург Николая Суворова, Александр Васильевич писал о нем Потемкину, выхваляя его отличную службу по важнейшим поручениям при выводе христиан. «Сие говорит об нем не родственник его, но говорящий истину его начальник»,— прибавил он, не подозревая о том, что племянник станет разрушителем его семейного мира. Потемкин уважил представление: Николай Суворов вернулся к дяде с новым чином премьер-майора. Он привез и «высочайший дар» — украшенную бриллиантами золотую табакерку с портретом императрицы и с надписью: «За вытеснение турецкого флота из Ахтиарской гавани и от крымских берегов». Одна фраза из коротенького письма Потемкину (относящегося к марту-апрелю 1779г.), в котором Суворов сообщает о приезде «омилоствленного племянника», выдает набежавшую тревогу. Суворов упоминает о своих письмах, которые задержались в Полтаве «по химерному меня туда ожиданию назад». Похоже он что-то знает о неверности жены, но, кажется, еще не подозревает, что соблазнитель и есть облагодетельствованный им племянник. Вскоре правда выходит наружу. Занятый выводом войск из Крыма и с Кубани, успевающий исхлопотать у Потемкина льготы и помощь терпящим большие трудности христианам, выведенным из Крыма, Суворов тяжело переживает семейную драму — измену жены и вероломство племянника. В письмах своему

управляющему в Москве И. Д. Канищеву, полных желчи и ревности, Суворов дает указания о подготовке бракоразводного процесса и разделе имущества. 7 июля 1779 г. он получает письмо от Потемкина с уведомлением о назначении его состоять при пограничной дивизии Новороссийской губернии, т. е. о поступлении под непосредственное начальство Потемкина.

В эти трудные для него дни, когда в Славянской духовной консистории уже разбиралось прошение о разводе с женой, которую Суворов обвинил «в презрении закона христианского», он решается заручиться поддержкой Потемкина. Суворов пишет ему страстное письмо, в котором говорит о своей надежде насладиться покоем по окончании военных действий и о постигших его горестных обстоятельствах, «коих воспоминовение желал бы я скрыть навсегда от света, естли б честь и достояние звания моего не исторгали от меня поминутно их признания. Обезчестен будучи беззаконным и поносным поведением второй половины, молчание было бы знаком моего в том соучастия. Нет тут, Светлейший Князь! недоказательного; иначе совесть моя, никогда не поврежденная, была бы мне в несправедливости изобличителем». Суворов просит Потемкина быть предстателем у Высочайшего престола «к изъявлению моей невинности, в справедливое же возмездие виновнице, к освобождению меня в вечность от уз бывшего с нею союза, коего и

память имеет уже быть во мне истреблена», прибавляя, что только смерть может положить конец его злоключениям.

Мы не знаем ответа не это письмо. Но сам факт обращения Суворова по столь деликатному и сугубо личному делу к Потемкину говорит о многом. Вскоре Суворов был вызван в Петербург. 8 декабря 1779 г. он присутствует на званом обеде в Зимнем дворце. 20 декабря Потемкин лично пишет московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому и просит его отправить в Петербург четырехлетнюю дочь Суворова — Наташу. 24 декабря императрица во время аудиенции снимает со своего платья бриллиантовую звезду ордена Св. Александра Невского и прикалывает ее на грудь Суворова. «Тако да просветится свет Ваш пред человеки, яко да видят добрые дела Ваши. Ея Императорское Величество жалует Вам сию звезду, а я Вас чистосердечно поздравляю»,— читаем мы в письме Потемкина от того же 24 декабря [23]. За генерал-поручиком явно ухаживают. Не без участия императрицы и Потемкина делаются попытки помирить его с женой. 1 января 1780 г. князь И. Р. Горчаков, женатый на родной сестре Суворова Анне Васильевне, записывает в памятной книжке о приезде шурина из Петербурга. С ним вместе влиятельный при дворе П. И. Турчанинов, давний знакомец и

друг Суворова. В тот же день Турчанинов привозит в дом Горчаковых Варвару Ивановну Суворову. Но душевные переживания Александра Васильевича стишком тяжелы, и примирения достичь не удается. 10 января он возобновляет дело о разводе. 21 января в Москву прибывает кронштадтский протоиерей отец Григорий для увещевания супругов.

Кажется, пастырское слово достигло цели. Суворов едет к месту своего нового назначения, в Астрахань, взяв с собой жену. 21 января он сообщает Потемкину об отъезде «к повеленному Вашею Светлостию мне предмету» и просит о продолжении милостей и покровительства «на остающее течение службы и жизни моей». 31 января по дороге в Астрахань Суворов просит архиепископа Славянского Никифора «остановить временно его разводное дело», так как он должен заботиться «о благоприведении к концу спасительного покаяния и очищения обличенного страшного греха». В первых числах февраля генерал-поручик прибыл в Астрахань. Потемкин поручал ему новое важное дело.

Секретная миссия. 1780-1782 гг.

В секретном ордере Потемкина Суворову от 11 января 1780 г. предписывалось: «Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, Ея Императорское Величество усмирить оных силою своего победоносного оружия. Усердная Ваша служба, искусство военное и успехи, всегда приобетаемые, побудили Монаршее благоволение избрать Вас исполнителем сего дела. Итак, Ваше Превосходительство имеете быть предводителем назначенного вам войска».

Намечаемая экспедиция должна была обеспечить торговлю с Востоком посредством создания на южном берегу Каспия «безопасного пристанища» — укрепленной торговой фактории, которую следовало приобрести у тамошнего владельца и надежно защитить. Потемкин ставил задачу разведать дороги, ведущие по побережью к Рящу — Решту (главному городу Гилянской провинции Персидского ханства), чтобы согласовать марш сухопутных сил с флотилией. Особое внимание обращалось на «обстоятельства Персии, Грузии, Армении». Экспедиция тщательно готовилась. Еще в Петербурге Суворов встречался с видными поборниками освобождения Армении от персидского ига — Иосифом Аргутинским и Иваном Лазаревым. «Генерал-поручик Александр Васильевич Суворов приехал к нам на свидание,— записывает Иосиф Аргутинский в своем дневнике,— и в течение двух часов... задавал много вопросов по тому же предмету и о наших краях. Подробно распрашивал о состоянии престола нашего Святого Эчмиадзина и сильно обнадеживал нас, что намерены восстановить наше государство. Выйдя от нас, он поехал к Светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину и передал ему все сказанное нами о городах» [24]. В инструкции, данной Потемкиным Суворову, предлагалось вступить в дружеские сношения с грузинским царем Ираклием, искавшим покровительства России, а также с независимыми владетелями небольших прикаспийских ханств. Прибыв на место, Суворов должен был вступить в командование сухопутными войсками, находившимися в Астрахани, и Каспийской флотилией. Ему поручалось рассчитать маршрут, количество сухопутных и морских сил, потребные для них артиллерию, амуницию, провиант и другие припасы.

Момент для проведения экспедиции был выбран удачно. Главные соперники России вели затяжную войну между собой. Франция выступила на стороне восставших английских колоний в Северной Америке, послала на помощь объявившим себя независимыми Соединенным Штатам сухопутные войска и флот. Против Англии выступили также Испания и Голландия. Испанцы пытались выбить англичан из Гибралтара — важнейшего стратегического пункта на торговых путях Европы с Азией, голландцы стремились восстановить свои торговые позиции в Индии, где их теснила английская Ост-Индская компания — крупнейшая торговая монополия того времени, державшая в своих руках приносившую огромные прибыли торговлю с Индией и другими странами Востока. Война шла на морских торговых путях, в самой Индии, где англичане увязли в вооруженном конфликте с маратхскими княжествами, оказавшими героическое сопротивление колонизаторам.

Не вмешиваясь в войну между ведущими державами Западной Европы, Россия провозгласила «политику вооруженного нейтралитета», оказав тем самым существенную поддержку и молодым Соединенным Штатам и давним соперникам «владычицы морей». Закаспийская экспедиция должна была укрепить торговые позиции России на Востоке — в Закавказье, Средней Азии, Персии, наладить торговые связи с Индией.

Прибыв в Астрахань, Суворов энергично принялся за дело. Он готовит каспийскую флотилию, хлопочет о пополнении ее новыми судами. Ведет обширную переписку, в том числе с Ираклием II, с прикаспийскими ханами, одного из которых — воинственного и вероломного владетеля Гиляна Гедает-хана — пытается склонить на сторону России. Через свою агентуру, большую часть которой составляли выходцы из Армении, имевшие обширные торговые связи в Прикаспии, Суворов получает важную политическую, географическую и экономическую информацию о состоянии прикаспийских ханств, о положении в Персии, междоусобной борьбе феодалов. На основании полученных данных он составляет подробные карты и описания мест, в которых должна разворачиваться вверенная ему экспедиция. Уже 15 февраля он сообщает Потемкину сведения о предполагаемом маршруте Кизляр-Решт.

Судя по письмам Суворова Турчанинову, настроение у Александра Васильевича хорошее. Он обретает равновесие — мир с женой восстановлен, Варвара Ивановна готовится к церковному покаянию, за которым должно последовать «обновление брака». «Сжальтесь над бедною Варварою Ивановною, которая мне дороже жизни моей, иначе Вас накажет Господь Бог!» — пишет он 12

марта 1780 г. Турчанинову, оправдывая поступок жены тем, что она, по молодости лет и недостаткам воспитания, вовремя не распознала опасности в ухаживаниях Николая Суворова, а когда поняла ужас своего положения, боялась открыть правду из страха быть опозоренной соблазнителем.

Турчанинов присылает из Петербурга портрет пятилетней Наташи, заказанный самой императрицей, как пожелание семейного примирения. «Натальи Александровны портрет навел мне слезы родительские, но паче утешительные, за Высочайшую Милость нашей Матери!» — восклицает Суворов в письме Турчанинову от 10 апреля. Во время наступившей за этим Страстной недели (между 11 и 18 апреля) происходит церковное примирение Суворова с женой. «По совершении знатной части произшествия, на основании правил Святых Отец, разрешением Архипастырским обновил я брак,— сообщает 3 мая Суворов старинному и почтенному другу И. А. Набокову, с детьми которого он состоял в дружеской переписке долгие годы.— И супруга моя Варвара Ивановна свидетельствует Вам ее почтение. Но скверный клятвопреступник да будет казнен (наказан.— В.Л.) по строгости духовных и светских законов для потомственного примера и страшного образца, как бы я в моей душе ему то наказание не умерял, чему разве по знатном времяни, полное его разкаяние нечто пособить может». Тем же днем помечено письмо Турчанинову. Темы письма те же: примирение с женой, требование наказать «злодея»-соблазнителя, благословение дочери, живущей у Турчаниновых. «Принимают меня здесь дружно и честно, хотя без команды, — и пора...», — прибавляет Суворов, намекая на приближение срока начала экспедиции. В приписке он просит Турчанинова «упомянуть тонко Як[ову] Ив[анович]у о некоторой доверенности ко мне». Известный дипломат Я. И. Булгаков, товарищ Потемкина по Московскому университету и старый знакомец Суворова по конфедератской войне, находится в Астрахани в связи с предполагаемой экспедицией. Суворов хочет заручиться полным доверием сотоварища и просит поддержки Турчанинова. Но время идет, а экспедиция все не начинается. Настроение у Суворова падает. И не только у него. «Якову Ивановичу я опостылел. Он говорит против Бога и меня, желает в С[анкт]-П[етер]б[ург] и Польшу. Я без Вас не отпускаю и даю читать артикулы. Экспедиция не начинается. Флот готов. Жарам и комарам чуть не месяц»,— начинает он новое письмо Турчанинову.

На календаре 7 июля 1780 г. Письмо закончено через неделю вопросом: «Долго ли мне праздным быть?» С этого времени в письмах Суворова все чаще и чаще звучат тревожные ноты:

«Спросите Вы, Милостивый Государь мой, чем я в бездействе упражняюсь? В грусти из моей кибитки исхожу на полеванье, но к уединению... Сей, сходный на Нат[альи] Ал [ександровн]ы нрав, мрачится. Остатки волос седеют и с главы спадают. Читаю «Отче наш»... Необходимо надлежало бы мне знать термин начала экспедиции»,— жалуется он Турчанинову 27 августа. Год идет к концу. Булгаков покидает Астрахань, его ждет новое важное назначение — пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе. А Суворов все сидит без дела. Впоследствии он назовет это сидение «ссылкой», а его биографы усмотрят в астраханском «сидении» происки Потемкина. 22 января 1780 г., когда Суворов собирался в Астрахань, русский посол в Вене князь Д. М. Голицын сообщил Екатерине II о приватном визите к нему императора Иосифа, который сказал, что собирается весной наведаться в свои восточные владения и был бы готов заехать и далее Галиции, на территорию России, чтобы повидаться с российской императрицей. Ответ последовал незамедлительно. Екатерина уже 4 февраля написала князю Голицыну о своем весеннем путешествии в Белоруссию и о том, что она будет в Могилеве 27 мая. 9 мая царица отправилась из Царского Села в Могилев. По дороге она получает письмо от графа П. А. Румянцева. Фельдмаршал подробно рассказывает о приготовлениях к приезду графа Фалькенштейна. Под этим именем Иосиф вот-вот должен прибыть в Могилев. 22 мая императрица уже в Шклове, где бывший фаворит С. Г. Зорич, изгнанный за попытку соперничать с Потемкиным, собирается поразить Екатерину пышными торжествами. Но императрице не до торжеств и великолепных фейерверков, приготовленных Зоричем. Она спешит поделиться мыслями с Потемкиным, который уже прибыл в Могилев и имел встречу с Иосифом. «Батинька, письмо твое из Могилева я сейчас приехавши, в Сенном получила... Весьма ласкательные речи Графа приписываю я более желанию его сделаться приятным, нежели иной причине. Россия велика сама по себе, и я что ни делаю — подобно капле, падающей в море. Что же его речи обо мне тебя веселят, о том не сумневаюсь, зная колико меня любит любезный и признательный мой питомец. О свиданьи с Графом Фалькенштейном отдаю на собственный его выбор, как день, так и час во дню, когда с ним познакомиться без людей».

Императрица просит Потемкина обговорить с императором все детали свидания. Фактически переговоры уже начались, и ведет их Потемкин. 23 мая в 11 часу вечера императрица пишет Потемкину из Шклова: «Сейчас получила твое письмо, мой друг сердечный... О Фальк[енштейне] стараться будем разобрать

вместе...» На другой день после шествия от торжественной литургии в кафедральном соборе Могилева Потемкин представляет императрице «графа Фалькенштейна». После обеда на 60 кувертов происходит свидание наедине. 29 мая Екатерина и Иосиф покидают гостеприимный Могилев, ненадолго задерживаются в Шклове и едут в Смоленск. Из Смоленска императрица сворачивает на север, на Петербург, а любознательный император делает крюк через Москву: он хочет увидеть древнюю столицу России. Потемкин едет за ним следом.

18 июня Иосиф прибывает в Царское Село. Переговоры продолжаются. «Прусская партия крайне встревожена тем, что пребывание императора в России будет столь продолжительным», — доносит из Петербурга в Лондон английский посол сэр Джеймс Гаррис [25]. Только 8 июля граф Фалькенштейн покидает северную столицу. Дипломатический мир взбудоражен: дело идет к заключению русско-австрийского союза. «Император нанес такой чувствительный удар влиянию короля прусского и так заметно поколебал его влияние, что королю едва ли удастся восстановить его»,— сообщает Гаррис.

Давняя и непримиримая соперница Австрии за гегемонию в Германии Пруссия встревожилась. В августе в Петербург приезжает новый визитер — наследный принц прусский. Его встречают холодно. Императрица старается избегать его, выказывая знаки внимания австрийскому послу графу Кобенцлю и другу Иосифа II принцу Де Линь.

«Я не ручаюсь за то, что будет завтра,— пишет Гаррис в одной из своих ноябрьских депеш.— Прусская партия здесь многочисленна, ловка, изощрилась в интригах и до того привыкла властвовать, что ее значение нелегко поколебать» . Обеспокоенный русско-австрийским сближением Фридрих II предлагает Потемкину через своего посланника в Петербурге поддержать его претензии на престол Курляндского герцогства или примирить его с наследником — великим князем Павлом, чтобы в случае кончины императрицы Потемкину была обеспечена личная безопасность, сохранение почестей и богатств. Потемкин отвергает эти предложения. Прусской партии покровительствует глава дипломатического ведомства России граф Н. И. Панин. Заодно с прусским посланником графом Герцем действует в Петербурге французский посланник маркиз Де Верак. Заинтересованный в политическом союзе и торговом соглашении с Россией, Гаррис ведет игру через Потемкина. «Князь Потемкин говорит и действует вполне искренно,— сообщает Гаррис в Лондон.— Он не любит французов, предубежден против короля Прусского и остается глух к

предложениям, сделанным ему за последнее время этим монархом. Но его симпатии к Англии не так велики, чтобы он преодолел для нее лень и беспечность. Он может выйти из своей инертности только в том случае, если его вынудит к тому противодействие графа Панина».

Инертность Потемкина — всего лишь маска, прикрывавшая дипломатическую игру. «Когда все идет хорошо,— заявляет Потемкин Гаррису,— мое влияние ничтожно. Но когда у императрицы бывают неприятности, она нуждается во мне. В такие моменты мое влияние усиливается более, чем когда-либо. Когда это случится, я воспользуюсь, конечно, этим обстоятельством»,— заключает беседу Потемкин, намекая Гаррису на благоприятный исход переговоров о сближении России с Англией. Русский вельможа, как кажется англичанину, предельно откровенен с ним. Потемкин критически отзывается об императрице, говорит о ее избалованности лестью, о том, что «она не может выслушать правду, стала недоверчивой и подозрительной». Гаррис поражен. Он видит главного противника в лице Панина и ведет против него борьбу, не подозревая о том, что Екатерина и Потемкин распределили роли и используют английского дипломата для ослабления позиций Панина и пропрусской группировки. 18 мая 1781 г. союзный русско-австрийский договор подписан. В секретных статьях Австрия за поддержку против притязаний Пруссии обязалась выставить войска в случае нападения Турции на Россию. Договор развязывал руки русской политике в Северном Причерноморье. Еще в разгар переговоров о заключении договора Безбородко — доверецное лицо императрицы в Коллегии иностранных дел — представил меморандум о Крыме. Вместо запутанной игры на западе под руководством Пруссии, имевшей свои корыстные расчеты в Польше и в Германии, Россия решительно повернула на юг и приступила к выполнению исторической задачи — твердо стать на Черном море, в Крыму, на Кубани, протянуть руку помощи христианским народам Закавказья, находящимся под угрозой истребления как со стороны Турции, так и Персии.

Роль Потемкина в повороте русской политики на юг очевидна.

Вскоре после заключения русско-австрийского союза решается судьба Панина. Сначала он получает трехмесячный отпуск, а 20 сентября 1781 г., на другой день после отъезда в заграничное путешествие великого князя Павла Петровича, вынужден покинуть пост главы дипломатического ведомства, который занимал двадцать лет.

Вот какие события происходили в большой политике, пока

Суворов находился в Астрахани. Замысел закаспийской экспедиции был сильно изменен в связи с переориентацией сил и средств на решение более насущной задачи — присоединения Крымского ханства к России. Кажется, Суворов понял эту перемену: «Ныне чувствуя себя здесь забытым,— пишет он в начале 1781 г. Турчанинову,— не должен ли я давно сомневатца о колебленной милости ко мне моего покровителя (т. е. Потемкина. — А Л.) Одного его имея и невинно лишась, что мне уже тогда делать, как стремитца к уединению, сему тихому пристанищу, и в нем остатки дней моих препроводить?»

Из-под его пера рождаются историко-философские рассуждения о добродетели и общественном служении, о таланте в человеке и важности его поддержки. В этих письмах Турчанинову он приводит множество примеров из древней и новой истории: Юлий Цезарь и Птоломей, Кон-де и Тюренн, Чингисхан и Тамерлан, Мазарини и петровские генералы и адмиралы Репнин, Михаил Голицын Старший и Михаил Голицын Младший. Приводимые примеры должны подтвердить главную мысль — талант редок, его не только важно отыскать, но и поддержать. «Большое дарование в военном человеке есть щастие... Не льстись на блистание, но на постоянство... Сей, ослиная голова, говорил на мое лицо: «Правит слепое щастье»,— я говорю: «Юлий Цезарь правил щастьем»... Великотаинственна та наука, которую [составляет умение] обладать в народе людьми доказанных заслуг, большею частию уже своенравными, не во зло, но по их добродетели, и во благое время уметь ими править, избирая их неошибочно по способностям и талантам. Часто розовые каблуки преимуществовать будут над мозгом в голове, складная самохвальная басенка — над искусством, тонкая лесть — над простодушным журчанием зрелого духа».

Он не может не вспомнить свою деятельность на военном поприще, свои старые обиды за недооценку его подвигов. Некоторые из писем мы уже цитировали выше: о победе при Козлуджи и лаврах, доставшихся Каменскому, о погоне за Пугачевым, ускорившей на несколько дней поимку дерзкого мятежника, никак не награжденной. В мрачных тонах описывает Суворов и свою деятельность на Кубани и в Крыму, пишет об угрозах Румянцева и происках Прозоровского. Он подводит итоги своей почти сорокалетней службы: «Так вижу сих случайных, со мною на одном году моего унтер-офицерства,— облиставших, полководцами, предводителями армиев, сих детей, с коих подбородком я, остепенясь, игрывал, взлетевших на мое темя, обещавших мне после белую ленту с сумою. Так старее меня: сей — за привоз знамен, тот — за привоз кукол, сей — по

квартирмейстерскому перелету, тот — по выводу от отца, будучи у сиськи... и тогда, как я в моем донкишотстве имел честь уже быть первым партизаном... был на столько-то сражениях, на 60 шармюцелях, а разве ж те сделали больше для империи, чем я?»

Последний вопрос повисает в воздухе: как же так случилось, что он со своими подвигами и победами, со своим рвением к службе оказался позади многих из тех, кто начинал служить позже него, кто продвинулся в силу случайных или родственных обстоятельств — ведь и Николай Салтыков, и Иван Салтыков, и Николай Репнин,— все они уже давно генерал-аншефы, а он по-прежнему генерал-поручик, как и семь лет назад. Суворов решается написать своему благодетелю. Он просит Потемкина о личном свидании для объяснения. Ответ благоприятный.

Суворов, кажется, на некоторое время успокаивается и остается в Астрахани. Он чувствует себя ответственным за судьбу пусть небольшой, но все же важной экспедиции. Экспедиция проводится только морскими силами и незначительным количеством войск. Граф Войнович, назначенный командиром Каспийской флотилии, в конце июня 1781 г, уходит со своими кораблями на юг, даже не поставив Суворова в известность о начале предприятия. Первые его донесения полны бахвальства: успех полный, корабли достигли Астробадского залива, высадка проведена успешно. Владетель Астробадской провинции дал согласие на постройку укрепленной фактории в урочище Городовин. Войнович просит прислать разрешение на подъем флага.

Узнав об этих донесениях, Суворов, хорошо изучивший повадки восточных правителей, считает, что кричать об успехе рано и прямо пишет об этом в Петербург. Его пророчество сбылось. Ага Мохаммед-хан, коварный и властолюбивый владетель Астробада, будущий основатель каджарской династии в Персии, захвативший престол в ходе жестокой междоусобной борьбы, будущий кровавый разоритель Тифлиса, заманил Войновича и его офицеров в глубь страны, на пир, во время которого русские были схвачены и брошены в оковах в темницу. От Войновича потребовали послать на флотилию приказ о срытии укреплений и о возвращении воинских команд на суда. Когда же это было исполнено, коварный Ага Мохаммед-хан с показной любезностью принял пленников и принес им извинения за действия своих подчиненных, якобы неправильно понявших его волю. «Многообещающий граф», как назвал Суворов Войновича в одном из писем Турчанинову, бесславно вернулся в Астрахань. Самого Суворова уже давно не было в городе. 15 декабря 1781 г. он обратился к Потемкину с просьбой поручить ему Казанскую

дивизию (которой он номинально командовал уже более года) и Оренбургский корпус или на какое-то время сделать генерал-губернатором, если это «от государевой военной службы не отвлечет». Ответ Потемкина не замедлил. 31 декабря последовало приказание отправиться в Казань, «как уже не настает больше нужды, дабы Ваше Превосходительство для порученной Вам комиссии далее в Астрахани оставаться изволили» [26]. Сворачивая Персидскую экспедицию, Потемкин еще не знал о неудаче Войновича. На его решение повлияла перемена обстановки в Крыму и на Кубани. Осенью 1781 г. на Кубани началось восстание. Все говорило о том, что борьба за Крым вступила в решающую стадию. Поручение Суворову Казанской дивизии следует рассматривать как отпуск перед новым большим делом. Документов о пребывании Суворова в Казани обнаружить не удалось. Осенью 1782 г. генерал-поручик прибывает на Кубань.

Присоединение Крымского ханства к России.
1782-1783 гг.

Памятная медаль в честь присоединения Крыма к России с изображением Г.А. Потемкина-Таврического. 1783г.

«В Крыму татары начали вновь немалые безпокойства,— писала 3 июня 1782 г. императрица Потемкину, находившемуся на юге, в Херсоне.— Теперь нужно обещанную защиту дать Хану, свои границы и его, нашего друга, охранить. Все сие мы бы с тобою в полчаса положили на меры, а теперь не знаю, где тебя найти. Всячески тебя прошу поспешить своим приездом, ибо ничего так не опасаюсь, как что-нибудь проронить или оплошать... Денег пошлю и суда наряжу, а о войсках полагаюсь на тебя, также — кого пошлем. Ведь ты горазд избрать надобного».

Потемкин, занятый охранением границ в соответствии с разработанным им планом на случай вооруженного конфликта с

Портой, размещает полки, устраивает базы снабжения. Он форсирует строительство верфей в Херсоне — главной базе нарождающегося Черноморского флота. Через Потемкина идут важные дипломатические Так, его представитель доктор Я. Рейнегс прибывает в Тифлис и вручает царю Ираклию II проект договора о принятии Грузии под протекторат России. Это осложнит отношения с Портой, но обстановка и без того достаточно напряженная, чтобы откладывать важнейшие политические решения, В мае 1782 г. волнения, начавшиеся среди ногайских орд на Кубани, перекинулись в Крым. Ханская гвардия отказалась защищать Шагин-Гирея. Хан бежит сначала в Кафу, а затем на русском корабле в Керчь, где давно находится русский гарнизон. Шагин-Гирей шлет в Петербург просьбы о помощи и защите. Потемкин стоит за решительную поддержку Шагин-Гирея — союзника России. Он собирает войска и ждет приезда хана в Петровскую крепость, чтобы вместе с ним двинуться в Крым, где старший брат Шагин-Гирея Батыр-Гирей уже провозглашен ханом и обратился за помощью к Турции. Булгаков пишет из Константинополя о посылке на Тамань трехбунчужного паши, которому поручено склонять ногайцев к переходу в турецкое подданство. Борьба с Портой обостряется.

7 августа 1782 г. в Петербурге открывается памятник Петру Великому, созданный Фальконе. Надпись на пьедестале — «Петру Первому — Екатерина Вторая» — прямо указывает на историческую преемственность политики императрицы, продолжившей движение России к Черному морю. Потемкин, незадолго до торжеств приехавший из Херсона, уже 15 сентября возвращается на юг. 22 сентября происходит его свидание с Шагин-Гиреем. Хан напуган происшедшими событиями. Потемкин передает ему личное послание императрицы, которая расценивает восстание подданных хана как незаконный бунт и сообщает о решении ввести русские войска в Крым для восстановления власти Шагин-Гирея на престоле, рискуя при этом пойти на прямой вооруженный конфликт с Портой. 27 сентября генерал-поручику графу Де Бальмену приказано вступить в Крым. «Вступая в Крым и выполняя все, что следовать может к утверждению Шагин-Гирея паки на ханство,— пишет Потемкин,— обращайтесь, впрочем, с жителями ласково, наказывая оружием, когда нужда дойдет, сонмища упорных, но не касайтесь казнями частных людей. Казни же пусть хан производит своими,— подчеркивает Потемкин,— если в нем не подействует дух кроткий Монархини Нашей, который ему сообщен. Если б паче чаяния жители отозвалися, что они лучше желают войти в подданство Ея Императорскому Величеству, то отвечайте, что вы,

кроме спомоществования хану, другим ничем не уполномочены, однако ж мне о таком произшествии донесите.

Я буду ожидать от вас частого уведомления о всех в Крыму происшествиях, так как и о поступках ханских. Сообщите мне и примечания ваши о мыслях и движении народном, о приласкании которого паки подтверждаю» [27].

В том же приказе Потемкин дает знать Де Бальмену о том, что «Господин Генерал-поручик и Кавалер Суворов отправился в командование корпуса к Кубани собранного» и поручает установить прочную связь между обоими корпусами. Очевидно, что где-то между 15 и 27 сентября Суворов побывал у Потемкина и получил от него наставления. Назначение на Кубань твердого и решительного начальника, хорошо знающего обычаи местных народов и театр военных действий, держится в строгом секрете. Любопытно, что хан Шагин-Гирей, находящийся при передовых войсках корпуса Де Бальмена, готовых к наступлению на Перекоп, в письме к Потемкину пишет о своем сожалении «о краткости свидания» и спрашивает, «кому поручен Кубанский корпус в командование и с каким наставлением и не нужен ли от него туда пристав».

Русские войска, преодолев незначительное сопротивление, вступают в Крым. Мятежники бегут. Многие из них, узнав о прибытии Шагин-Гирея, спешат примкнуть к «законному хану». Русский дипломатический агент в Крыму Я. Рудзевич, сообщая Потемкину об успокоении большей части черни в Крыму, пишет о просьбах мурз, участвовавших «в разврате» (в восстании против хана), защитить их от гнева Шагин-Гирея. «Но,— заключает свое послание Рудзевич,— Шагин-Гирей хану никто бы не приклонился без русских войск» [28]. Булгаков в Константинополе ведет трудную дипломатическую борьбу. Турецкое правительство требует разъяснений о нарушении независимости Крымского ханства. Рейс-Эфенди (министр иностранных дел) заявляет о ненависти народа к Шагин-Гирею и предлагает послать в Крым комиссаров от России и Порты, чтобы на месте опросить народ. Булгаков протестует: пока жив законно избранный хан, признанный обеими империями, то все, кто пытаются свергнуть его, являются бунтовщиками. По оценкам Булгакова, правящие круги Порты колеблются, но на воину решиться не могут по нехватке денег, слабости правительства и другим причинам, брели которых не последнее место занимает решительная поддержка России Австрией.

Спокойствие в Крыму восстановлено. Хан рассыпается в благодарностях перед императрицей за помощь, пишет Потемкину льстивые письма с похвалами по адресу генерал-

майора А. Н, Самойлова (племянника Потемкина), командовавшего передовыми войсками при занятии Крыма, отмечает прекрасную дисциплину русских войск, «от которых никому нет обид и притеснений моим подданным», скоре хан обрушит жестокие казни на своих соплеменников (как и предполагал Потемкин), и лишь вмешательство России спасет жизнь родным братьям хана ~— Батыр-Гирею и Арслан-Гирею и другим предводителям восстания. Но участь самого Шагин-Гирея и Крымского ханства уже предрешена. В конце октября 1782 г. Потемкин возвращается в Петербург. В дороге, занимавшей при самой быстрой езде две недели, Потемкин обдумывает свой меморандум о необходимости присоединения Крыма к России.

«Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с Турками по Буту или со стороны кубанской — во всех сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний Туркам неугоден: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце.

Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нет уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу Турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под имянем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны кубанской сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несу мнительна, мореплавание по Черному морю свободное, а то извольте разеудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще в добавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах.

Всемилостивейшая Государыня! Неограниченное мое усердие к Вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, Цесарцы без войны у Турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит. Удар сильный — да кому? Туркам. Это Вас еще больше обязывает. Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу получите и такую, какой ни один Государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море, от Вас зависеть будет запирать ход Туркам и кормить их или морить с голоду. Хану пожалуйте в Персии что хотите — он будет рад. Вам он

Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу. Сколько славно приобретение, столько Вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах так скажет: вот, она могла, да не хотела или упустила. Естьли твоя держава — кротость, то нужен и России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления» [29].

Международная обстановка благоприятствует России. Англичане, потерпев тяжелые поражения в Северной Америке, заключают прелиминарный мир с Соединенными Штатами. Гибралтар успешно выдерживает осаду испано-французских войск. Война между великими державами близится к концу. Происки прусской дипломатии уравновешены австрийской поддержкой. Булгаков подтверждает неготовность Порты к войне. 14 декабря 1782 г. в секретном рескрипте на имя Потемкина императрица предписывает принять все меры к присоединению Крымского ханства. 24 декабря из Константинополя летит сообщение Булгакова о «неожиданной радостной перемене» — в ответ на ультимативные условия, выдвинутые Россией совместно с Австрией, о разрешении кризиса последовало свержение

везира — сторонника войны. Рейс-Эфенди сразу же заявил о готовности Порты пойти на уступки в вопросе о Крыме, о новом торговом договоре и в других вопросах. 20 января 1783 г, Потемкин приказывает Де Бальмену занять берега Ахтиарской гавани. В России помнят, как во время кризиса 1778 г. турецкая эскадра надолго застряла в Ахтиарской гавани, а мощный турецкий флот пытался блокировать полуостров, угрожая топить русские суда. Вице-адмирал Ф. А. Клокачев получает ордер Потемкина: собрать все суда, имеющиеся на Азовском и Черном море, и с началом навигации войти в Ахтиарскую гавань. Суворов, находящийся в крепости Святого Димитрия Ростовского, готовит войска к походу на Кубань, чтобы занять стратегические пункты, оставленные пять лет назад по соглашению с Турцией о независимости Крымского ханства.

Обстановка на Кубани требует особого внимания. Кочующие ногайские орды обладают значительной военной силой. Их конные массы маневренны, всадники прекрасно владеют холодным оружием и луком, их предводители отлично знают местность. Поэтому Потемкин поручает Суворову держать корпус «на готовой ноге, как для ограждения собственных границ и установления между ногайскими ордами нового подданства, так и для произведения сильного удара на них, естьли б противиться стали, и на закубанские орды при малейшем их колебании, дабы тех и других привести на долгое время не в состоянии

присоединиться к туркам». Атаману войска Донского А. И. Иловайскому, настойчиво убеждавшему Потемкина о необходимости вооруженного отпора для предотвращения постоянных набегов ногайцев на донские станицы, приказано усилить корпус Суворова семнадцатью казачьими полками.

Решающие события происходят в 1783 г. На плечи Потемкина ложится разработка стратегических планов обороны границы на случай войны с Турцией из-за Крыма. Документы показывают, как вырос за эти неполные десять лет соратник Румянцева, которого фельдмаршал горячо рекомендовал императрице в 1773 г. В планах, представленных Потемкиным, главное внимание уделено югу. Там собраны значительные силы. Сосредоточенные на Украине корпуса генерал-аншефов И. П. Салтыкова и Н. В. Репнина подчинены фельдмаршалу П. А. Румянцеву. Крымский, Кубанский и Кавказский корпуса генерал-поручиков А. Б, Де Бальмена, А. В. Суворова и П. С. Потемкина действуют по указаниям новороссийского, астраханского и саратовского генерал-губернатора Г. А. Потемкина. Ему же подчинено и Донское казачье войско, как командующему легкой и иррегулярной конницей. Не забыт и север, где шведский король Густав III проводит военные демонстрации. Глубоко продуманы предложения о действиях флота как на Балтике, так и в Эгейском море.

Особого внимания заслуживают разработанные Потемкиным предложения о реформе русской армии, представленные им в начале 1783 г. на утверждение Екатерине. Записка Потемкина носит название «Об одежде и вооружении сил», но она затрагивает важнейшие вопросы формирования, обучения, обмундирования и содержания войск, смело опережая установки, принятые в западноевропейских армиях того времени. Академик Н. Ф. Дубровин, посвятивший исследование реформам русской армии в царствование Екатерины II, отмечает, что Потемкин в своих предложениях опирался на мысли Румянцева, высказанные им на основании опыта Первой русско-турецкой войны, в знаменитом «Обряде службы», и тот, и другой творчески использовали идеи знаменитого полководца и военного теоретика Франции принца Морица Саксонского, оказавшего большое влияние на развитие военного искусства. Дальше всего в реформировании армии пошел Потемкин.

«В России же, когда вводилось регулярство (при Петре I.— *В.Л.*) **— писал Потемкин императрице,— вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времяни, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что**

регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и прочее. Занимая себя таковой дрянью, и до сего еще времяни не знают хорошо самых важных вещей, как-то: маршированья, разных построениев и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте, а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать еще нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать лет уже почти узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих. Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье должно служить солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плод роскоши, требует много времени и иждивения и слуг, чего у солдата быть не может» [30].

Потемкин с большим знанием дела объясняет императрице неудобство таких предметов обмундирования, как шляпы, кафтаны и камзолы, узкие сапоги и чулки. Он говорит, что шпага пехотному солдату — «лишняя тягость», а из кавалерийских седел — самое удобное — венгерское.

Он, не стесняясь, обращает внимание царицы на такие важные мелочи, как портянки. «Просторные сапоги пред узкими и онучи или портянки пред чулками имеют ту выгоду, что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно в первом удобном времяни тотчас их скинуть, вытереть портянкою ноги и, обвертев их опять сухим уже оной концом, в скорости обуться и предохранить их тем самым от сырости иознобу. В узких же сапогах и чулках то учинить никак не можно..,— настаивает Потемкин,— чрез что бедные солдаты, имея безпрестанно ноги мокрые, подвергают себя нередко простуде и другим болезням».

Особенно резко нападает он на принятую во всех европейских армиях уборку волос. «Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. **Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов!** Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! И простительно ли, чтоб страж целости Отечества удручен был прихотьми, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных?»

Смелые, передовые идеи Потемкина были поддержаны Екатериной. Солдат получил широкие шаровары, суконную

куртку, мягкие сапоги с портянками, холщевое нижнее белье. Голову украсила вместо шляпы каска. Эта практичная, удобная военная форма в основных элементах сохранилась до наших дней, став принадлежностью всех современных армий. Следует указать еще одну черту, характерную для потемкинских реформ: он выступает за облегчение тягот солдатской службы, против муштры, показной, внешней стороны обучения. Он постоянно проводит мысль о том, что обучать нужно только тому, что пригодится в бою. Суворов и другие представители передовой русской военной школы в своих мыслях об улучшении солдатского быта, в своей практике по совершенствованию боевой подготовки войск были последователями Потемкина.

В конце записки Потемкин писал: «Ежели все оные столь очевидные в теперешних мундирах и других вещах неудобства исправить, то солдат сверх других многих выгод будет иметь еще от своего жалованья в остатке против теперешних издержек до двух рублей». И здесь его государственный ум сказался в полной мере: реформа должна служить человеку и облегчить государственные издержки. 4 апреля императрица подписала указ о перемене образа одежды русской армии. **«Армия Российская, извлеченная из муки,— писал Потемкин, — не престанет возносить молитвы. Солдат будет здоровее и, лишаясь щегольских оков, конечно, поворотливее и храбрее»**.

Иностранные авторы, начиная с екатерининских времен, плохо понимали подлинное значение Потемкина в русской государственной машине, приписывали его силу и влияние интригам и вероломству. Но сила и влияние Потемкина основывались на союзе с императрицей, безгранично доверявшей своему избраннику и соправителю, который делами доказывал, что она не ошиблась в своем выборе и что он занимает первое место в государстве по праву.

Весной 1783 г. было решено, что Потемкин поедет на юг и будет лично руководить присоединением Крымского ханства к России. Незадолго до его отъезда 31 марта скончался граф Никита Иванович Панин, тяжело болевший последнее время. Зная о неприязни императрицы к главе дворянской оппозиции, одному из самых видных деятелей партии наследника престола, Потемкин хлопочет о погребении Панина в Александро-Невской обители, испрашивая разрешения у Екатерины. Через неделю — 8 апреля — императрица подписывает манифест о присоединении Крыма, над которым она работала вместе с Потемкиным. Манифест хранится в тайне до того часа, когда присоединение ханства станет совершившимся фактом. В тот же день Потемкин скачет на юг. По пути он узнает о смерти князя Григория

Григорьевича Орлова, случившейся в Москве в ночь с 12 на 13 апреля. Екатерина в письмах к Гримму отдала дань памяти человеку, сыгравшему такую роль в ее жизни, но она ни словом не обмолвилась об Орлове в письмах Потемкину. Неизвестен и отклик Потемкина на смерть человека, который сначала помог его выдвижению, а затем стал непримиримым соперником. Размах надвигавшихся событий и ответственность, лежащая на плечах Потемкина, заслоняют в его сознании смерть Орлова.

5 мая Екатерина пишет Потемкину о получении его письма из Кричева: «Из оного и прочих депеш усмотрела, что Хан отказался от ханства. И о том жалеть нечего, только прикажи с ним обходиться ласково и с почтением, приличным владетелю, и отдать то, что ему назначено, ибо прочего о нем расположения не переменяю». Как видим, отречение хана было неожиданностью. Прибыв в Херсон, Потемкин вступает в переговоры с Шагин-Гиреем. «Главная теперь надобность настоит в удалении хана из Крыму, в чем я не вижу большого затруднения, как и в присоединении Крыма к державе Вашего Императорского Величества,— пишет он из Херсона 16 мая.— Но кубанская сторона будет не без затруднения. Обширность места, разноколенные орды и близость горских народов затруднят несколько исполнение. Я дам повеления Генерал-Порутчикам Суворову и Потемкину зделать движение к Кубани и надеюсь, что многие султаны покорятся, из коих некоторые и теперь просят подданства. Более всего неподручен к занятию войсками Таман по его отдаленности от нас, а близости к туркам. Я опасаюсь, чтоб они, узнав о присоединении Крыма, не заняли помянутый остров» [31].

Прогнозы Потемкина оказались верными за исключением первого пункта. Шагин-Гирей, отрекшись от ханства, начал сложную политическую игру, затягивая свой отъезд из Крыма под разными предлогами. Он рассчитывал, что в обострившейся обстановке русскому правительству придется вновь обратиться к его услугам — восстановить его на престоле и отказаться от присоединения Крыма. Потемкин, оценив положение, подтягивает войска и через своих агентов ведет агитацию среди правящей верхушки ханства о переходе в российское подданство. Значительные по численности и влиянию слои населения Крыма готовы вступить в новое подданство, чтобы избавиться от нескончаемых смут. Но важным условием по-преждему остается удаление Шагин-Гирея из Крыма. На Кубани дело идет быстрее. Получив приказания Потемкина, Суворов занимает войсками укрепления бывшей кубанской линии и готовится привести ногайцев к присяге в назначенный Потемкиным день — 28 июня

— день восшествия Екатерины II на престол. В верховьях Кубани присягу должен принимать командующий Кавказским корпусом Павел Потемкин, поддерживающий с Суворовым тесную связь.

5 июня Екатерина уведомляет Потемкина об отсрочке своего свидания со шведским королем. Густав III, предложивший встречу, собрал у русской границы военный лагерь, но, прибыв, туда, во время смотра упал с лошади и сломал руку. Как ни важны переговоры с непостоянным Густавом, императрицу больше всего беспокоят вести с юга. Она посылает хану Андреевскую ленту и алмазные знаки высшего ордена империи, переделанные специально для мусульманина. «Нетерпеливо жду от тебя известия об окончании Крымского дела. Пожалуй, займи прежде, нежели турки успеют тебе навернуть на сопротивление». 29 июня, сообщая о свидании с Густавом III, Екатерина снова выражает беспокойство о Крыме: «Отовсюду слышу, что турки сильно вооружаются, но друзья их удержат от воины до времени... Надеюсь, что по сей час судьба Крыма решилась, ибо пишешь, что туда едешь».

Потемкин действует наверняка. Полки занимают важные пункты на полуострове. Хан готовится к выезду. Агитация дает плоды. Все готово к принесению присяги. Неожиданно возникает угроза чумной эпидемии, занесенной в Крым с Тамани. Потемкин, как и Орлов во время чумной эпидемии в Москве в 1771 г., скачет в Крым чтобы на месте принять решительные меры против заразы. Связь с ним усложняется. «Давным давно, друг мой сердечный, я от тебя писем не имею, думаю, что ты уехал в Крым,— пишет императрица 10 июля.— Опасаюсь, чтоб болезни тамошние как ни на есть не коснулись, сохрани Боже, до тебя. Из Царьграда получила я торговый трактат, совсем подписанный, и сказывает Булгаков, что они знают о занятии Крыма, только никто не пикнет, и сами ищут о том слухи утушать. Удивительное дело!.. Только признаюсь, что жду нетерпеливо от тебя вестей. Пуще всего береги свое здоровье». Через пять дней напряжение достигает высшей точки: «Ты не можешь себе представить, в каком я должна быть беспокойстве, не имея от тебя более пяти недель ни строки,— упрекает Потемкина Екатерина.— Сверх того здесь слухи бывают ложны, кои опровергнуть нечем. Я ждала занятия Крыма, по крайнем сроке, в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и Папа Римский. Сие неминуемо производит толки всякие, кои мне отнюдь не приятны. Я тебя прошу всячески: уведомляй меня почаще. Частым уведомлением успокоишь мой дух. Иного писать не имею: ни я и никто не знает, где ты. Наугад посылаю в Херсон».

Но навстречу этому письму скачут гонцы Потемкина. 10 июля

помечено его письмо о присяге всех знатных в Крыму. Через три дня присягнут остальные. В конце письма скупые строки о своей болезни и о новой поездке в Крым для личного принятия присяги мурз. «Теперь, слава Богу, оправился. Чума вокруг лагеря, но Бог хранит по сю пору» [32]. В официальном донесении от того же числа Потемкин сообщает о принесении присяги на Кубани — две крупнейшие ногайские орды — Едисанская и Джамбулуц-кая — присягнули на верность России. «Господин Генерал-Порутчик Суворов, донося мне о совершении при радостных от народа восклицаниях сего дела благого, присовокупляет к тому, что безпримерное разлитие вод под Копылом затрудняло шествие войскам к Таману, но я теперь извещаюсь о достижении уже туда с деташементом Господина Генерал-Майора Елагина» [33]. Суворов лично привел к присяге мурз и беев двух орд под Ейском, устроив праздники и увеселения в духе народных традиции ногайцев. Через пять-шесть дней под Копылом на Кубани пристав при ногайских ордах подполковник И. Ф. Лешкевич привел к присяге главных мурз и беев самой большой — Едичкульской орды, состоявшей из четырех поколений общей численностью более тридцати тысяч казанов (семей).

Успешно прошло принесение присяги и в верховьях Кубани, где командовал Павел Потемкин. «Матушка Государыня,— пишет 16 июля Потемкин из Крыма.— Я прошу милости Генералитету, подо мною служащему: Суворову — Владимирский крест и Павлу Потемкину. Графу Бальмену — Александровский. Не оставьте и Лошкарева, он, ей Богу, усердный человек, и очень много я ею мучил» [34]. С. Л. Лошкарев, назначенный резидентом при хане, добился таки отъезда Шагин-Гирея из Крыма. С чувством выполненного долга Потемкин восторженно пишет о плодородии местных земель и прекрасном урожае. Он просит о льготах крымским жителям, советует императрице ассигновать средства на содержание мечетей, школ и фонтанов, «дабы угодить магометанам». Он занят топографическим описанием Крыма, едет осмотреть Ахтиарскую гавань для устройства новой базы флота. Он оправдывается за задержку известий, ссылаясь на необходимость личного присутствия в Крыму и просит не подчинять его Румянцеву: «Меня и Кавказский корпус — помилуйте — оставьте прямо под вашим предводительством, иначе, право, все пойдет верх ногами»... «Я еще раз скажу, что я невольным образом виноват, не уведомляя, матушка, Вас долго. Но что касается до занятия Крыма, то сие чем ближе к осени, тем лутче, потому что поздней турки решатся на воину и не так скоро изготовятся» [35].

5 августа в Петербург летит новое письмо. Потемкин

сообщает о подписании Павлом Потемкиным и представителями царя Ираклия II в Георгиевской крепости договора о принятии Грузии под протекторат России. «Матушка Государыня. Вот, моя коромилица, и грузинские дела приведены к концу. Какой государь составил толь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая.

Земли, на которые Александр и Помпеи, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому, а таврический Херсон — источник нашего христианства, а потому и крещености, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое. Род татарский — тиран России некогда, а в недавних времянах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы же истребили корень. Границы теперешние обещают покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. Взойди на трофей, не обагренный кровию, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги»,— писал Потемкин из лагеря при Карасу-Базаре в Крыму [36]. Он еще не знал, что мирное присоединение Крымского ханства осложнилось восстанием ногайцев на Кубани.

В конце июля огромные толпы кочевников-ногайцев двигались по берегам Ей. Тысячи кибиток, гурты скота, табуны лошадей в тучах пыли переправлялись через реку и поворачивали на восток. Их сопровождали небольшие воинские команды и казачьи отрады. Вдоль левого берега реки тянулась цепь сторожевых постов, прикрывавших броды. Посты находились в полевых укреплениях, имея при себе артиллерию. Южнее в трех летучих корпусах были сосредоточены основные силы суворовских войск. Такие меры предосторожности должны были обезопасить уходивших за Ею ногайцев от набегов закубанских горских племен и соплеменников, не пожелавших присягнуть на верность России. Суворов, предложивший Потемкину переселить ногайцев в приволжские и уральские степи, на места их древних кочевий, руководил этой грандиозной операцией. Целью переселения было оторвать ногайцев от турецкого влияния и обезопасить от ногайских набегов земли войска Донского. Да и сам Крым не мог считаться в безопасности от конных масс кочевников-ногайцев, насчитывавших до 100 тысяч казанов. Не случайно, что и Шагин-Гирей, и свергнувший его Батыр-Гирей опирались на всегда готовых к смутам ногайских мурз и беев, составлявших главную военную силу ханства. Помнила набеги ногайцев и Русь.

Важным форпостом стал Дон, принимавший на себя первые удары кочевников. Когда же ногайцы устанавливали дружеские отношения с северным соседом, они сами подвергались набегам

горских племен, умело направляемых турецкой агентурой. Будучи не в силах предотвратить присоединение ханства к России, Порта распространяла слухи о разделе ханства. Крым отходил к России, а турки якобы получали Прикубанье и Тамань. Однако неготовность Порты к войне оказалась столь очевидной, что Потемкин в конце июля послал приказ отложить переселение на будущий год. Но Суворов торопил события. Может быть, он хотел завершить переселение и сделать ненужным поход за Кубань против ногайцев и горцев, враждовавших с Россией. На этом походе давно настаивали донские атаманы. «Право, почтенный брат,— писал Суворов 16 июля походному атаману войска Донского А. И. Иловайскому,— под секретом скажу, что сей осени нет у меня охоты за Кубань — и сам не знаю от чего. Кажетца будто от того, что наедине с вами говорил. Да, истинно можно устать. Полно бы и того, коли б изволил Господь Бог и благословил препровождение наших новых друзей на их старину. У Матушки бы прибавилось очень много подданных, и надобно бы их благоразумно учредить».

Суворов знал, что не все ногайцы одобряют переселение. Незадолго до начала перекочевки был раскрыт заговор влиятельного джамбулуцкого владетеля Тав-Султана, давнего врага России. Тав-Султан был арестован и содержался под присмотром неподалеку от Ейского укрепления. Именно среди предводителей джамбулуков и созрел заговор, разразившийся 30 и 31 июля мятежом. Восставшие внезапно напали на отряды охранения и перебили их большую часть. Уйти удалось лишь казакам. В междоусобной схватке пострадали и мирные ногайцы, многие предводители которых погибли, а видный предводитель джамбулуков старинный приятель Суворова Муса-бей (один из инициаторов перекочевки) был тяжело ранен. Поднялись все орды. Ногайцы поворачивали на юг, прорывались через Ею, устремляясь к Кубани. 31 июля корволан, которым командовал подполковник Лешкевич, отбил нападение крупных сил ногайцев. 1 августа другая многочисленная толпа ногайцев пыталась прорваться через брод в урочище Ураи-Улгасы (Урай Илгасы), который прикрывала рота Бутырского полка с орудиями. Силы были неравны. 7000—10 000 ногайцев атаковали редут в пешем строю под предводительством Канакая-мурзы. Бутырцы продержались до подхода своего полка и драгун-владимирцев, разгромивших нападавших. Ногайцы бежали, в бессильной ярости уничтожая скот, пленных и даже своих жен и детей. Канакай погиб в бою. При преследовании разбитых ногайцев Лешкевичу удалось захватить главарей восстания и в их числе старого Мамбет-мурзу Музарбекова — по отзыву Суворова «величавого,

больше велеречивого, лукавого и непостоянного».

Генерал-поручик тяжело переживал неудачу с переселением. Он рассылал увещевательные письма старым знакомым среди ногайских мурз и беев. «Прочие,… пред сим ушедшие, поворотились назад»,— доносит он Потемкину 12 августа 1783 г. И все же переселение пришлось приостановить. Значительные силы ногайцев ушли за Кубань. К ним присоединился Тав-султан, освобожденный восставшими. Верные присяге ногайцы перекочевывали под защиту русских военных постов. Брошенные в степи после боев тысячи женщин, детей и пленных по приказанию Суворова размещались на Дону и были спасены от гибели.

В разгар мятежа выяснилась роль Шагин-Гирея в волнениях на Кубани. Бывший хан, обманув бдительность русских приставов, вместо Херсона, где его ждал Потемкин, перебрался на Тамань и оттуда рассылал ногайцам письма, в которых давал понять своим бывшим подданным, что он еще не окончательно отказался от власти. «Сколько мое сведение достигнуть могло, — рапортовал Потемкину Суворов,— нет ни одного из ногаев, кто бы хану усердствовал, и ежели кто усердствует, то по страху от него. Он более нелюбихм, и все меры я принял в осторожность от него. Токмо рассеются орды паки по степи, и внимание будет нечто тяжелее, доколе Его Светлость здешние страны оставит».

Потемкин выразил недовольство. Еще в Крыму светлейший князь заболел болотной лихорадкой. Болезнь приняла тяжелую форму по дороге в Россию, вызвав тревогу императрицы. «Бескрайне меня обеспокоивает твоя болезнь,— писала она Потемкину 17 сентября.— Я ведаю, как ты не умеешь быть больным и что во время выздоровления никак не бережешься. Только зделай милость, воспомни в нынешнем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает: благо Империи и мою славу добрую. Поберегись, ради самого Бога, не пусти моей прозьбы мимо ушей. Важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что». Но и тяжело больной, Потемкин не выпускал из рук нитей руководства обширным делом. Оценив обстановку, он приказал «считать возмутившихся ногайцев не подданными России, а врагами отечества, достойными всякого наказания оружием». Удар за Кубань был решен. Суворов начал стягивать части своего корпуса к Копылу, назначив атаману Иловайскому и его донским полкам место соединения у впадения Лабы в Кубань.

О степени напряженности обстановки дает представление рейд Тав-султана, прорвавшегося с большим конным отрядом из-за Кубани к Ейскому укреплению, находившемуся в глубоком

тылу русских войск. Лишь неделю назад Суворов ушел из Ейскою укрепления к Копылу, оставив за стенами крепости жену и маленькую дочь. Три дня гарнизон мужественно отбивал ожесточенные атаки ногайцев, Судьба одного из главных опорных пунктов Кубанского корпуса висела на волоске, и если бы не казачьи полки, прискакавшие 25 августа, Тав-султан мог захватить крепость и расправиться со всеми находившимися в ней.

Прибыв в Копыл, Суворов столкнулся с ужасающим санитарным состоянием находившихся там войск. Смерть косила солдат Воронежского пехотного полка, еще в июле занявшего копыльский ретраншемент. Суворов не скрыл от Потемкина причин бедствия и назвал виновников — генерал-майора Ф. П. Филисова и командира воронежцев полковника Никифора Рахманова. «Простите, Светлейший Князь! что моими выражениями Вашу Светлость обременяю; для меня нет гнуснее сего порока (лени, нерадивости, праздности.— В.Л.), и я лучше сам смерть приму, нежели видеть страждущее человечество; соизволили сами мне то правило предписать»,— читаем мы в донесении Суворова Потемкину от 25 августа. Ко всем этим бедам прибавилась неудачная попытка захватить Шагин-Гирея на Тамани. Беспечность Филисова позволила бывшему хану бежать за Кубань. «Я смотрю на сие с прискорбием, как и на другие странные в вашем краю происшествия,— писал Потемкин,— и рекомендую наблюдать, дабы повеления, к единственному вашему сведению и исполнению преданные, не были известны многим» [37]. В ответ на жалобы Суворова на нерадивость Филисова, Потемкин напомнил генерал-поручику, что тот сам просил его к себе. Но, как настоящий начальник, Потемкин, зная впечатлительность Суворова, решил ободрить своего подчиненного. Во время марша суворовских войск к Кубани генерал-поручик получил с гонцом эстафету. В личном письме Потемкин поздравлял Суворова с высокой наградой — орденом Св. Владимира 1-й степени. Девиз недавно учрежденного ордена гласил — «Польза, честь и слава».

«По службе Ея Императорского Величества малые мои труды ожидали от Вашей Светлости только отдания справедливости,— откликнулся Суворов письмом от 18 августа, посланном с марша при Ангалы.— Но Вы, Светлейший Князь! превзошли мое ожидание: между сих великих талантов великодушие Ваше превосходит великих мужей наших и древних времян». Похоже, что мнительный генерал-поручик, болезненно переживавший неудачу с переселением ногайцев, хотел скрыть свою тревогу за преувеличенными комплиментами по адресу начальника.

Ровно месяц провел Суворов в Копыльском компанаменте, готовя войска к походу. Лазутчики добывали сведения о местах кочевий мятежных ногайцев, о военных приготовлениях турок, усиливавших гарнизон крепости Суджук-Кале. От турок тянулись нити к предводителям ногайских орд. Чтобы застать мятежников врасплох, не дать им уйти в горы, Суворов, чей военный талант знали и уважали на Кубани не только друзья, но и враги, распустил слух о том, что он якобы отбыл в Полтаву «для войны с немцами» и что войска его готовятся к походу на Дон, на зимние квартиры. А войска между тем скрытно, ночами передвигались к устью Лабы, где их поджидали донские казаки.

В ночь на 1 октября началась переправа через Кубань. Пехота переправлялась вброд, конница и казаки вплавь. По дну реки перевезли пушки. Разведка и квартирмейстерская служба были на высоте. Каждый знал свой маршрут, свое место в общем порядке. Ногайцы, кочевавшие в урочище Керменчик на правом берегу Лабы, ничего не подозревали и были застигнуты врасплох. Бой превратился в побоище. Особенно беспощадно рубились донцы. Из окружения удалось прорваться лишь Тав-султану с небольшими силами. Но вскоре он был настигнут отрядом генерал-майора М. Н. Леонтьева из Кавказского корпуса и разбит наголову. Дерзкий и талантливый предводитель мятежных ногайцев погиб. Среди убитых при Керменчике мурз — всего двадцать один человек — был цвет ногайской конницы, переставшей существовать как грозная военная сила. В Прикубанье наступило затишье.

Войска возвращались на зимние квартиры — на Дон и в Воронежскую губернию. Теснимые горскими народами ногайцы уходили все дальше в турецкие владения на Кавказе. Значительная их часть возвратилась под защиту русских укреплений.

Мирные годы накануне большой войны. 1784-1787 гг.

Егерская каска 1786-1796 гг.

Новый 1784 год начался добрым предзнаменованием. 8 января турецкий султан Абдул-Хамид дал письменное согласие на признание власти России над Крымом. Эта дипломатическая победа, закреплявшая результаты многолетней борьбы за присоединение Крымского ханства, была обеспечена напряженной деятельностью Потемкина и его соратников в 1783 г. Следует помянуть и усилия Я. И. Булгакова — российского посланника в Константинополе — сумевшего воспользоваться обстановкой и добиться от Порты признания Кубани и Тамани за Россией. 22—24 января в Тифлисе царь Ираклий ратифицировал Георгиевский трактат, закрепив протекторат России над Картли-Кахетинским царством, объектом притязаний Порты и Персии, терзавших христианский народ. Утверждение России на берегах Черного моря открывало блестящие экономические и торговые перспективы для страны. Каким контрастом выглядели эти достижения по сравнению с Версальским миром, заключенным 3 сентября (23 августа) 1783 г. Изнурительная война, длившаяся несколько лет, привела к потере Великобританией богатейших провинций в Северной Америке. Испания, Нидерланды и особенно Франция, выступившие на стороне Северо-Американских Соединенных Штатов, добились некоторого ослабления своей колониальной соперницы — Англии, но сами

не приобрели ничего и вышли из войны с большим расстройством финансов.

Императрица, писавшая осенью 1783 г. Потемкину «Дай Боже, чтоб ты скорее выздоровел и сюда возвратился. Ей, ей, я без тебя, как без рук весьма часто. Паче всего, зделай милость — побереги себя», поспешила закрепить положение своего соправителя. 2 февраля 1784 г. Потемкин был назначен президентом Военной коллегии и пожалован в чин генерал-фельдмаршала. Тем же днем помечен указ об обращении Крыма в Таврическую область (губернию) и о назначении князя генерал-губернатором новой провинции.

14 февраля Суворов поздравил своего начальника: «Великой Императрицею увенчание высоких талантов Вашей Светлости новою степенью меня, Вам наипреданнейшего, в восторге моем ободряет паки принесть Вашей Светлости мое всенижайшее поздравление. Благоволи Боже, чтоб многолетие Вашей славы процветало во вселенной! Я же усердием малых моих трудов, стремяся быть угодным Вашей Светлости, препоручаю себя в высокое Ваше покровительство...». Письмо послано из крепости Св. Димитрия Ростовского (будущего Ростова-на-Дону). Генерал-поручик по-прежнему занят устройством войск, хлопочет о выезде Шагин-Гирея с Тамани в Россию. Бывший хан не поддается уговорам, тянет время. 10 апреля Суворов сдает свой корпус генералу Леонтьеву и скачет в Москву, к новой команде. Потемкин назначил его состоять при 6-ой Владимирской дивизии.

После трудов на Кубани служба в дивизии, расположенной в центре Европейской России, была равносильна заслуженному отдыху. Суворов благодарит Потемкина «за оказание милости» и просит извинения за то, что «самолично сего не учинил». Их свидание могло состояться где-то иа юге, куда генерал-фельдмаршал поскакал в начале апреля 1784 г., чтобы лично руководить обустройством вверенных его попечению губерний. На юге свирепствует язва, и Екатерина предписывая Потемкину учредить строгие карантины, просит его избегать опасных мест. Но уже в июне мы видим Потемкина в Карасу-Базаре, где он открывает Таврическое губернское правление. По его поручению военный инженер Н. И. Корсаков, строивший Кин-бурнскую крепость, начинает работы по устройству нового губернского города Симферополя. Главное внимание Потемкина притягивает Севастополь, официально основанный по его предложению 10 февраля 1784 г. Именно здесь поспешно создается новая база растущего Черноморского флота.

Кажется, Суворов умышленно разминулся с Потемкиным. На

то были свои причины. 21 апреля генерал-поручик прибыл в Москву и остановился в доме генерал-губернатора графа З.Г. Чернышева, о чем и донес Потемкину. У Суворова в столице был собственный дом у Никитских ворот, но в этом доме остановилась его жена Варвара Ивановна, ждавшая ребенка. О настроении Суворова свидетельствует коротенькая записка, сохранившаяся в бумагах начальника канцелярии Потемкина В.С. Попова. Она написана по-французски и помечена 21 мая 1784 г. «Мне наставил рога Сырохнев. Поверите ли?» [38]

Наступил новый и последний акт семейной драмы Суворова. Мы почти ничего не знаем о секунд-майоре Белозерского полка Иване Ефремовиче Сырохневе. Не был ли он среди офицеров Ейского укрепления в те страшные дни, когда Варвара Ивановна Суворова и ее маленькая дочь пережили нападение Тав-султана? Не с того ли времени начался роман Варвары Ивановны с Сырохневым, роман, поставивший крест на семейной жизни Суворова? По прибытии в Москву он подал прошение прямо в Синод, обвинив жену в связи с Сырохневым и обещая представить «обличающее ее свидетельство». 29 мая Суворов прискакал в Петербург. «Имею честь Вашей Светлости донесть, что Александр Васильевич Суворов приехал сюда неожидаемо, желал представлен быть Государыне для принесения благодарности за орден,— уведомил Потемкина Турчанинов 1 июня.— И как здесь ни графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина.— В. Л.), ни Безбородки не было, то он просил Александра Дмитриевича (Ланского.— В. Л.) о представлении его. Почему и приказано быть ему к столу. По выходе Государыни к столу по обычаю своему представился он двоекратным земным поклоном и, будучи весьма милостиво принят во время стола разговором, вышед из-за стола, повалился паки в ноги и откланялся. На другой день ездил в Гатчину и, зделав то же самое, уехал сегодня в ночь в Москву. Причину приезда своего объяснил так: видеть матушку, поблагодарить за все милости и посмотреть дочь свою». Турчанинов говорит далее, что он решил повидаться с Суворовым, поехал к нему и узнал, что тот находится у преосвященного митрополита Гавриила. «Будучи же там, узнал, что прежнее бешенство в семейных делах его не токмо возобновилось, но и превзошло всякие меры. Володимерской дивизией он весьма доволен и благодарен. Впрочем, кроме семейных огорчений, ни о чем он не говорил и уехал довольный» [39]. 6 июня Суворов самолично отписал Потемкину о своих делах, умолчав о семейном разладе: «Я был в Санкт-Петербурге пасть к Высочайшим стопам и был принят милосердно. Ныне еду в мои деревни, прикосновенные расположению шестой дивизии.

Приятность сей праздности недолго меня утешить может. Высокая милость Вашей Светлости исторгнет меня из оной поданием случая по Высочайшей службе, где я могу окончить с честью мой живот».

Еще не прибыв к 6-й Владимирской дивизии, Суворов уже начинает тяготиться «праздностью» и мечтает о новом трудном деле. В своих «Психиатрических этюдах из истории» известный дореволюционный ученый П. И. Ковалевский высказал интересные суждения о характере полководца. «Суворов жил идеей и для идеи! Всю свою жизнь отдавал военной службе и войскам. В военное время и в походах Суворов не знает усталости и утомления. Ни непогоды, ни невзгоды для него не существовали. Он был всегда счастлив, доволен и прекрасно настроен. Хуже бывало в мирное время. Не было дела, не было живого захватывающего интереса. Суворов томился, Суворов скучал, хандрил и капризничал» [40].

Сохранилась в отрывках переписка Суворова со Степаном Матвеевичем Кузнецовым, управляющим московским домом полководца в 80-ые годы. Эта переписка часть семейного архива Суворова, хранившегося в Кончанском, дошла до нас в отрывках благодаря историку-любителю Н. Рыбкину [41]. Служивший управляющим имения в Кончанском на Новгородчине, Рыбкин получил у наследников Суворова разрешение ознакомиться с архивом и в 1874 г. опубликовал большие выдержки из него. Рыбкин отобрал письма «Матвеичу» (как звал своего управляющего Суворов) за 1784—1786 гг. И на хозяйственном поприще Суворов проявил себя человек сведущим, рачительным хозяином, строгим, но справедливым.

«Ундольские крестьяне не чадолюбивы и недавно в малых детях терпели жалостный убыток. Это от собственного небрежения, а не от посещения Божия, ибо Бог злу невиновен,— пишет он своим крестьянам.— В оспе ребят от простуды не укрывали, двери и окошки оставляли полые и надлежащим их не питали, и хотя небрежных отцов должно сечь нещадно в мирском кругу, а мужья — те с их женами управятся сами. Но сего наказания мало; понеже сие есть человекоубийство... Порочный, корыстолюбивый постой проезжих главною тому причиною, ибо в таком случае пекутся о постояльцах, а детей не блюдут... А потому имеющим в кори и оспе детей отнюдь не пускать приезжающих, и где эта несчастная болезнь окажется, то с этим домом все сообщения пресечь, ибо той болезни прилипчивее нет». Один из самых последовательных и оригинальных гигиенистов своего времени, сторонник народной медицины, Суворов, как и его начальник Потемкин, придерживался правила, суть которого

заключалась в том, что болезнь легче предупредить, нежели лечить. Так и в своих имениях он требовал от старост и всего мира, чтобы больных детей в людные места не водили, в церковь не носили, чтобы родители ухаживали за ними, особенно остерегаясь простудить.

Рыбкин отмечает, что помещик Суворов задолго до героя пушкинского романа в стихах — Евгения Онегина — перевел своих крестьян с барщины на оброк. А ведь даже полвека спустя (во времена Пушкина) эта перемена, существенно облегчавшая жизнь крепостных крестьян, считалась среди многих помещиков опасным нововведением, чуть ли не «фармазонством».

Мы, воспитанные на обличительной литературе, плохо представляем себе подлинную жизнь России второй половины XVIII в., судим о ней, как о сплошном и беспросветном царстве произвола, крепостничества, поголовной жестокости помещиков по отношению к своим крестьянам. Этот односторонний взгляд опровергается и мемуарной литературой (смотри, например, «Записки» княгини Е. Р. Дашковой), и письмами того же Суворова. «Лень рождается от изобилия,— начинает Суворов наставление крестьянам села Ундол — одного из самых обширных своих имений, расположенного под Владимиром.— Так и здесь оная произошла издавна от излишества земли и от самых легких господских оброков. В привычку вошло пахать землю без навоза, от чего земля вырождается и из года в год приносит плоды хуже». Генерал-поручик требует от своих крестьян заняться разведением скота, чтобы восстановить плодородие земли. «Самим же вам лучше быть пока без мяса, но с хлебом и молоком»,— наставляет он крепостных, запрещая им резать скот. В самом конце письма следует поразительное свидетельство как об уровне жизни суворовских крестьян, так и об отношениях, существовавших между барином и миром. «У крестьянина Михайла Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михаилу Иванова дожить до одной коровы,— сетует строгий барин на бедственное состояние многодетного крестьянина.— На сей раз в первые и последние прощается. Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег. Сие делаю не в потворство и объявляю, чтобы впредь на то же никому не надеяться. Богатых и исправных крестьян и крестьян скудных различать и первым пособлять в податях и работах беднякам. Особливо почитать таких, у кого много малолетних детей. Того ради Михаиле Иванову сверх коровы купить еще из моих денег шапку в рубль». Зная по опыту командования войсками, как много зависит от толкового управления людьми, Суворов заключает письмо словами о перемене старосты. «Ближайший

повод к лени — это безначалие. Староста здесь год был только одним нарядником и потворщиком. Ныне быть старосте на три года Роману Васильеву и вступить ему в эту должность с нового года. Ежели будет исправен, то его правление продлится паче, ежели в его правление крестьяне разбогатеют; а паче того, ежели из некоторых выгонит лень и учинит к работе и размножению скота и лошадей радельными, то в работах ему будет помощь от мира».

Нет, не все помещики походили на сумасшедшую изуверку Салтычиху, кстати говоря, жестоко наказанную по суду. Рост благосостояния помещиков был непосредственно связан с благосостоянием их крестьян. И, разумеется, никакому помещику-крепостнику в голову не могла придти идея раскулачивания богатых и сильных крестьян, об истреблении их.

Поразительный рост культуры, науки, искусств в России второй половины XVIII в. шел рука об руку с ростом производительных сил страны и ростом народонаселения.

Русские мануфактуры (использовавшие труд крепостных) были самыми крупными в Европе. Английский флот ходил под парусами, сшитыми из русского холста. Торговый баланс с Францией — крупнейший колониальной державой того времени — был в пользу России. Небывалый строительный подъем, охвативший обе столицы, губернские и уездные города, распространился на самые глухие уголки страны. Строились усадьбы — центры дворянской культуры. Строились храмы, почтовые станции, фабрики, верфи, мануфактуры. Крепло и росло купечество. Новые промышленные и торговые компании простирали свою деятельность до Аляски и Калифорнии. Не следует забывать то, что в Европе того времени крепостное право не было исключительно российским явлением. Оно существовало в империи Габсбургод (в Чехии и Моравии до 1781 г., в Венгрии до 1785 г., но фактически сохранялось до 1848 г.), в Дании до 1800 г., в Восточной Пруссии до первых десятилетий XIX в. Причем, подавляющее большинство крестьян в Чехии, Польше, Восточной Германии было крепостными. В Дании, например, доля крепостных составляла 85 % от общего числа крестьян, а в России в 1766 г. только 52,9 % (Великороссия, Сибирь, Прибалтика, Украина). В 1796 г. эта доля составила 57 %.

Неодинаковым было и правовое положение крепостных в разных странах. В Прибалтике, например, еще в XVII в. «виселицы в имениях бывших вассалов Ливонского ордена были явлением бытовым». Необычайно жестокий характер носила крепостническая эксплуатация в Польше и в Пруссии. Еще в начале XIX в. прусский помещик обладал правом присуждать

своих крепостных к смерти. В Польше помещики имели право казнить своих крепостных до 1768 г. [42] В России же помещик никогда формально не располагала таким правом.

Некоторые отечественные историки (и среди них В. О. Ключевский) весьма критически оценивают царствование Екатерины II. За внешнюю политику ей выставляют строгий счет, обвиняя в соучастии в разделах Польши. За внутреннюю судят еще суровее. «При Екатерине крепостное право превратилось в полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев, не обусловливаемой и обязательной службой последних, которая была снята с дворянства,— резюмирует Ключевский.— Вот почему Екатерину можно назвать виновницей крепостного права не в том смысле, что она создала его, а в том, что это право при ней из колеблющегося факта, оправдываемого временными нуждами государства, превратилось в признанное законом право, ничем не оправдываемое» [43].

Но вот что любопытно. При восшествии на престол Екатерина не подтвердила Манифеста о вольности дворянства, поспешно объявленного ее незадачливым супругом 18 февраля 1762 гг. Манифест, освободивший дворянство от обязательной службы, не спас Петра III от ненависти гвардии, объединявшей в своих рядах цвет российского дворянства. Оскорбленное национальное чувство оказалось сильнее сословных привилегий. Екатерина выиграла борьбу со своим супругом не в последнюю очередь потому, что она возглавила широкое движение против антирусской политики Петра III, подчинившего интересы страны интересам прусского короля. Екатерина во время своего долгого царствования опирались на национальное чувство. В этом секрет ее поразительных внешнеполитических успехов и экономического процветания страны под ее скипетром.

Сложнее обстоит дело с оценкой ее внутренней политики. Созыв в 1768 г. законодательной комиссии, депутаты которой избирались всеми сословиями (кроме крепостного), сам знаменитый «Наказ», написанный Екатериной для комиссии, которая должна была выработать новое законодательство, принято считать чем-то вроде игры хитрой правительницы, пытавшейся якобы прикрыть просветительными идеями свою крепостническую сущность. Но вот, например, мнение современника Екатерины французского историка Ж. Кастера, выпустившего в 1799 г. в Париже трехтомную «Историю Екатерины II», наполненную резкими выпадами против политики России и лично против Северной Семирамиды. «Многие заседания комиссии далеко не были безмятежны. Начали

говорить об освобождении крестьян. Многие тысячи их были готовы силою добыть то, чего они не могли ожидать от справедливости. Дворянство опасалось повсеместного восстания, в особенности убавления своего богатства. Некоторые дворяне уверяли, что готовы убить того, кто первый внесет предложение сделать крестьян свободными... Спор становился все более оживленным, опасались страшных последствий разногласия, и поэтому депутатов распустили домой» [44]. Благо, добавим мы, предлог был подходящий — объявление Турцией войны России.

Русский историк Г. В. Вернадский в своем небольшом исследовании «Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767—1768 годов» показал, что «Наказ» Екатерины уже содержал мысли о вольных хлебопашцах на тех же самых правилах, которые были осуществлены полвека спустя внуком императрицы Александром I. Когда в мае 1768 г. депутат Г. С. Коробьин, за спиной которого, как считает Вернадский, стояла сама Екатерина, попытался на заседании Комиссии определить законом права крестьянской собственности на часть имения, а также размер податей в пользу помещика, он вызвал против себя бурю негодования. Особенно яростно нападал на Коробьина князь М. М. Щербатов, который по недоразумению (очевидно, за свою обличительную критику екатерининского царствования) считается у некоторых историков передовым деятелем эпохи. (На самом деле Щербатов стоял на крайних позициях крепостничества и доказывал, что только родовое дворянство должно обладать правом владения крепостными. Его речи вызвали возмущение служилого дворянства и купечества. Первые усмотрели ущемление своих прав, вторые требовали крепостных для себя. К ним присоединилось духовенство. Вот что услышала в ответ на свои мысли о необходимости ограничить крепостное право Екатерина. «Волна дворянского недовольства обрушилась на Комиссию и смыла ее,— пишет Вернадский. — Если бы Екатерина не распустила своего парламента, эта волна обратилась бы на нее самое» [45].

Сохранилась собственноручная записка императрицы, относящаяся ко времени заседаний Комиссии: «Если крепостного нельзя признать персоною, следовательно, он не человек: но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет; все, что следует о рабе, есть следствие сего богоугодного положения и совершенно для скотины и скотиною делано» [46]. Эти слова — ответ императрицы князю Щербатову, называвшему крепостных «рабами». Как должна была действовать гениальная правительница, столкнувшаяся с жестокими реалиями своего

времени? Разразившаяся вскоре пугачевщина с ее поголовным истреблением дворянства показала перспективу краха государства и утраты национальной независимости. Такие соседи России, как Турция, Крымское ханство, Швеция, Польша не преминули бы воспользоваться этой катастрофой и вогнать Россию по меньшей мере в границы Московского государства времен Василия III и первых лет царствования Ивана Грозного. В своем развитии страна была бы отброшена на многие десятилетия назад. О жертвах среди всех слоев населения говорить не приходится. Достаточно вспомнить пример крестьянской войны, бушевавшей в минской империи, в Китае, в середине XVII в. Гражданская война закончилась завоеванием страны манчжурскими захватчиками, террор которых против коренного населения достиг ужасающих размеров. Процветающие города были сметены с лица земли. По оценкам некоторых китайских историков из 50 миллионов жителей уцелела лишь десятая часть. На престоле утвердилась манчжурская династия. Китай был обречен на экономическое и культурное прозябание и стал легкой добычей колониальных держав. Недаром Екатерина, Вольтер, Гримм, Бибиков, Н.И. Панин и другие государственно мыслящие люди увидели в пугачевщине национальное бедствие и сравнивали ее со Смутным временем. Для всех здравомыслящих людей было ясно, что необходимы реформы. И правительство Екатерины вступает на путь реформ при активной внешней политике, обеспечивающей национальные интересы России: безопасность границ, свободу мореплавания и широких торговых связей со странами запада и востока.

Административные реформы — и прежде всего губернская — улучшили управление. Жалованная грамота дворянству, закрепив за первым сословием освобождение от обязательной службы, не только способствовала укреплению власти дворянства над крепостными, но стала важным шагом по пути создания гражданского общества. Дворянство активно привлекалось к местному управлению. Дворянские собрания с выборными предводителями (что само по себе было большим новшеством) способствовали росту политической культуры правящего класса. Отмена телесных наказаний оказала огромное влияние на воспитание чувства собственного достоинства. Через одно-два поколения дворянство дает таких гениев мировой культуры, как Пушкин. Одновременно с жалованной грамотой дворянству была издана жалованная грамота городам. Гильдейские граждане и мещане были освобождены от тяжелых казенных повинностей; было учреждено городское самоуправление. Вслед за дворянами были освобождены от телесных наказаний купцы первых двух

гильдий. За ними последовало духовенство. Правительство и лично императрица выступили за отмену пыток, бывших старым и традиционным средством дознания.

Крайне расстроенные финансы, доставшиеся Екатерине II от предшественников, были приведены в порядок благодаря умному и последовательному поощрению торговли и промышленности, путем ослабления и снятия сословных и цеховых ограничении, игромное значение для создания и функционирования национального рынка имело введение в 1769 г, бумажных денег — ассигнаций. Для сравнения заметим, что во Франции бумажные деньги появились лишь двадцать лет спустя, в ходе революции.

Особые надежды Екатерина возлагала на распространение образования среди всех классов. «В 60 лет все расколы исчезнут, — делится она своими мыслями в 1782 г. со статс-секретарем А. В. Храповицким.—- Сколь скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истребится само сабою. Тут насилия не надо».

Приведем только один факт, из которого видно, что государственное управление при Екатерине действовало эффективно и удовлетворяло интересы и потребности всего населения, а не только правящего класса. Неурожайный 1785-й год Россия встретила во всеоружии. Заблаговременно были созданы казенные «хлебные магазейны» в городах. Особенно четко действовали чиновники крупнейшего Санкт-петербургского магазейна (всего 20 человек вместе со сторожами). Они сумели быстро учесть запасы хлеба в городе и наладить пополнение магазейна зерном из хлебородных губерний, не пострадавших от неурожая. По их инициативе петербургская полиция еще до правительственного указа воспрепятствовала вывозу за границу больших партий зерна, законтрактованных задолго до обострения положения с хлебом. Эти меры, одобренные правительством, позволили избежать голода и удержали низкие цены на хлеб. Чиновники, как видим, сработали быстро, оперативно, проявили чувство ответственности и инициативу.

Правительство Екатерины, обеспечив хлебом из государственных магазейнов население городов, возложило на помещиков ответственность за пропитание находящихся в их владении крепостных крестьян. Помещики обязывались создать запасные хлебные магазейны в своих имениях. Как видно из переписки Суворова, генерал-поручик энергично принялся за это дело, выказав и здесь свою организаторскую хватку и чувство ответственности. Из тех же писем видно, как много хлопот доставляли ему спорные дела с соседями-помещиками. Ведь за

ущерб, нанесенный крестьянами соседям, отвечал их владелец. Письма рассказывают и о семейной драме Суворова.

«Матвеич! — пишет он 27 июля 1784 г. — Я решился все забрать сюда в Ундол из Москвы, т. е. тамошнего моего дома: людей, вещи, бриллианты и письма». К этому времени Суворов получил ответ на свою челобитную о разводе. Синод поставил ему на вид отсутствие надлежащих свидетельств и «иных крепких доводов» и предложил начать бракоразводное дело в низшей инстанции.

«Ныне развод не в моде,— резюмирует Суворов.— Об отрицании брака, думаю, нечего и помышлять». Получив известие о намерении тестя «поворотить жену к мужу», Суворов торопливо наставляет Матвеича для беседы с членом Синода преосвященным Платоном, известным своим красноречием: «Скажи, что третичного брака быть не может и что я тебе велел объявить ему это на духу,— пишет Суворов Матвеичу.— Он сказал бы: "Того впредь не будет". Ты: "Ожегшись на молоке, станешь на воду дуть". Он: "Могут жить в одном доме розно". Ты: "Злой ея нрав всем известен, а он (т. е. сам Суворов.— В.Л.) не придворный человек» [47]. Дело о разводе остановилось.

В августе 1784 г. Варвара Ивановна родила сына, которого назвали Аркадием. Никаких откликов в дошедших до нас письмах Суворова на это событие нет. Только в письме от 28 декабря того же года, посланного из Кончанского родственнику И. П. Суворову, генерал замечает: «Супругу Варвару Ивановну довольствовать регулярно из моего жалованья». Похоже, гнев прошел, но боль осталась навсегда. Жена Суворова поселилась сначала у своего отца, потом жила в Москве у брата. Суворов выделил ей ежегодное содержание и более никогда с ней не виделся и не переписывался. Дочь Наталья воспитывалась в Смольном, а сына Аркадия он впервые увидал лишь в 1797 г., когда опального полководца посетила в Кончанском дочь с маленьким сыном и братом. Красивый, смышленый мальчик понравился старику. Суворов признал сына и принял большое участие в его обучении и воспитании. Аркадий жил в Петербурге в доме сестры или у Д. И. Хвостова, женатого на племяннице полководца. В завещании 1798 г. Суворов отказал все благоприобретенные имения дочери, а все родовые и пожалованные за службу — сыну. Жене он не отказал ничего, оставшись непреклонным в осуждении той, которая нарушила святость брачных уз. Варвара Ивановна по советам «доброхотов» пыталась жаловаться Павлу I и добилась того, что опальный супруг по повелению императора увеличил ей пособие и оплатил часть ее долгов. Она пережила мужа всего на шесть лет. «Судьба судила этой женщине быть женой гениального

полководца, и она не может пройти незамеченной,— писал В. А. Алексеев, один из самых серьезных исследователей жизни Суворова.— Она, как Екатерина при Петре, светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницей. Своего жребия она не поняла и не умела им воспользоваться, в значительной степени по своей вине, а таких людей нельзя оправдывать, их можно только прощать» [48].

К концу 1784 г. Суворов уже явно тяготился своей праздностью. Ни поездки по имениям, ни хлопоты по хозяйству, ни встречи с хлебосольными соседями-помещиками, ни охота, ни певческая капелла и театр, заведенные им в Ундоле, — ничто не могло удовлетворить его деятельную натуру. 10 декабря он садится за письмо Потемкину. Это новогоднее поздравление светлейшего князя принадлежит к числу самых откровенных посланий Суворова. В начале письма генерал просит поручить ему особую команду, упоминая о «ваканции» по дивизиям Брюса и Репнина. Первая дислоцировалась в столице, в Петербурге, вторая — в Смоленске. «В стороне первой я имею деревни,— уточняет Суворов,— но все равно, Светлейший Князь! где бы я от высокой милости Вашей Светлости особую команду не получил, хотя в Камчатке». И после слов о покупке под вексель 92 душ и упоминания о 100 000 рублей, сэкономленных им во время командования Кубанским корпусом, где он, кстати говоря, не получил жалования за 4 месяца («Вот мое корыстолюбие»,— прибавляет Суворов, давая понять, что он ищет особой команды не из-за корысти, а ради деятельности), следует исповедь с изложением своего символа веры.

«Служу я, Милостливый Государь! больше 40 лет и почти 60-ти летний, одно мое желание, чтоб кончить Высочайшую службу с оружием в руках. Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать.

Наука просветила меня в добродетели; я лгу как Эпаминонд, бегаю как Цесарь, постоянен как Тюренн и праводушен как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был щастлив потому, что я повелевал щастьем.

Успокойте дух невинного пред Вами, в чем я на Страшном Божием суде отвечаю, и пожалуйте мне особую команду... Исторгните меня из праздности, но не мните притом, чтоб я чем, хотя малым, Г[рафом] Иваном Петровичем [49] недоволен был,

токмо, что в роскоши жить не могу. В чужие край... тоже праздность».

Он готов признать свои недостатки, объясняя «грубость в поступках» многолетней армейской службой. Но он честный человек — всегда говорит правду, как никогда не лгавший Эпаминонд (гениальный фиванский полководец, любимейший герой Суворова), как известный своей прямотой афинский полководец Аристид. Он скор в своих действиях, как Юлий Цесарь, и тверд в своих правилах, как французский полководец Тюренн. Завистники приписывают его победы слепому счастию. Он знает об этом и отвечает им кратким и сильным афоризмом: «Был щастлив потому, что я повелевал щастьем» Об одном он просит Потемкина: «Исторгните меня из праздности, в роскоши жить не могу».

Мы не знаем ответа Потемкина. Занятый устройством новых провинций на юге, он, похоже, не сразу откликнулся на просьбу Суворова. В марте 1785 г. тот напомнил о себе Попову, закончив коротенькое письмо с пожеланием получить новую команду словами: «Господь Бог да умилостивит ко мне Св[етлейшего] Кн[язя]»,

Потемкин и не думал гневаться на своего мнительного подчиненного. Он живет в столице, но все его помыслы устремлены на юг. Под его руководством строятся новые города, закладываются корабли Черноморского флота, создаются дороги и фабрики. В полной мере развернулся его талант выдающегося организатора и администратора. Планы его грандиозны, смелы, неожиданны новыми подходами. Так, желая обеспечить мир с Турцией, где к власти пришла реваншистская группировка, Потемкин в начале 1784 г. решает лично отправиться в Константинополь для переговоров. Русский посланник Я. И. Булгаков просит перенести поездку из-за моровой язвы на будущее лето, присовокупив при своем ответе оценки, даваемые Потемкину в Царьграде: «Здесь почитают Вашу Светлость нашим Верховным визирем... Бытность Ваша здесь принесла бы несказанную пользу всем делам».

В разгар устройства Таврической губернии Потемкин, находившийся в Крыму, получает письмо. Письмо помечено 29 июня 1784 г. и послано из Петербурга. Писал Безбородко, один из самых приближенных сотрудников Екатерины, с которым Потемкин поддерживал крепкие деловые связи. Безбородко сообщал о похоронах в Царском Селе скоропостижно скончавшегося 27-летнего фаворита А. Д. Ланского и о тяжелом состоянии императрицы, которая затворилась в своих покоях и никого не желает видеть. По его словам, лейб-медик С. Рожерсон

считает, что «нужнее всего — стараться об истреблении печали и всякого душевного безпокойства... К сему одно нам известное есть средство,— прибавляет Безбородко,— скорейший приезд Вашей Светлости, прежде которого не можем мы быть спокойны. Государыня меня спрашивала, уведомил ли я Вас о всем прошедшем, и всякий раз наведывается, сколь скоро ожидать Вас можно» [50]. Безбородко тревожился не зря. Тяжелая депрессия императрицы грозила непредсказуемыми последствиями и уже начинала сказываться на государственных делах. Потемкин поспешил в столицу.

«После того, как я две недели была между жизнью и смертью,— писала Екатерина своему европейскому корреспонденту барону Мельхиору Гримму,— являются к нам друзья на помощь: Князь Потемкин из Крыма и Граф Федор Орлов из Москвы. Это помогло, но сначала я не могла переносить этой помощи: ни один человек не был в состоянии сказать слово или выразить мысль, которая была бы нам по душе. Я была печальна, они желали видеть меня опять веселой по привычке, и все выходило не то. Надо было подвигаться тихо, шаг за шагом, и на каждом шагу выдерживать битвы, из которых одна проигрывалась, другая была выиграна... Но Князь был очень хитер: он ходил вокруг, как кот. Если одно обстоятельство было не подходяще, он повертывался в сторону и являлся с новым предложением. Наконец, я стала немножко повеселее. Это понравилось господину утешителю. Тогда он принялся еще более развеселять нас и так пробудил меня от сна смерти» [51].

Потемкин знал, что есть одно средство заглушить сердечную боль,— увлечь Екатерину новыми делами. Вскоре по приезде в Царское Село он докладывает ей о водворении Шагин-Гирея в Воронеже. Через несколько дней императрице необходимо решить, кем заменить в Москве умершего главнокомандующего графа З. Г. Чернышева. 4 сентября 1784 г. Екатерина подписывает указ о назначении на место Чернышева графа Я. А. Брюса, и в тот же день Потемкин представляет на рассмотрение проект об учреждении университета в Екатеринославе. Его планы грандиозны. Он мечтает о том, чтобы будущий Екатеринослав сделался крупным культурным центром страны, куда бы потянулась молодежь из Греции, Молдавии, Валахии, славянских стран, порабощенных Портой. Достойно внимания упоминание о планах создания в Екатеринославе консерватории. Большой знаток и любитель музыки, церковной и светской, Потемкин хлопотал об устройстве консерватории в России почти за 80 лет до ее открытия в Петербурге. Он рассказывает императрице о Тавриде, о прекрасной (может быть единственной в мире)

естественной гавани и растущем на ее берегах новом городе-порте Севастополе. Именно в эти тяжелые для императрицы дни он увлекает ее идеей совершить путешествие на юг, в Крым. И деятельная натура Екатерины одерживает победу над тяжелой депрессией, 5 сентября императрица покидает Царское Село и возвращается в столицу. 8 сентября двор и дипломаты видят ее у обедни — первый раз за два с половиной месяца. 13 октября Екатерина утверждает план застройки Екатеринослава. 14 октября следует предписание новгородскому и тверскому генерал-губернатору Архарову о подвозе хлеба на судах в Петербург и Выборг. 15 октября — рескрипт Потемкину о мерах по предотвращению «опасной болезни» в Екатеринославском наместничестве. Место Ланского заступает молодой офицер Александр Ермолов. Конец года приносит семейную радость — рождение внучки-великой княгини Елены Павловны.

Новый 1785 год Екатерина встречает полная сил и жажды деятельности. 14 января она подписывает рескрипт Потемкину об «умножении» и преобразовании армии. Президент Военной коллегии давно подготовил и настойчиво проводит важную реформу — заведение егерских корпусов — отборной пехоты, приученной к рассыпному строю, меткой стрельбе, индивидуальному бою. Ни одна европейская армия не имела таких частей, а Фридрих II (один из пионеров заведения егерей) довольствовался небольшими по численности егерскими командами при пехотных полках. Егерские корпуса Потемкина представляли собой четырехбатальонные полки усиленного состава. Эта и другие реформы в армии осуществлялись в преддверии новых осложнений на границах империи. Летом 1785 г. пришлось увеличить вооруженные силы на китайской границе из-за нападений манчжурских войск на русские купеческие караваны. Неспокойно было на Кавказе. Турция уже пробовала прочность союза Ираклия II с Россией, организуя набеги лезгин с севера и войск ахалцихского паши с юга. Верные Георгиевскому трактату русские части совместно с войсками Ираклия принимают участие в отражении этих набегов.

21 апреля Екатерина публикует Жалованную грамоту дворянству и Жалованную грамоту городам. Примерно в то же время подписывается торговый договор с Австрией, закрепивший русско-австрийский союз. В марте 1785 г. императрица делится своими мыслями с Гриммом: «Я глубоко убеждена, что у меня много истинных друзей. Самый могущественный, самый деятельный, самый проницательный — бесспорно фельдмаршал Князь Потемкин. О, как он меня мучил,как я его бранила, как я на него сердилась! Но он не переставал вертеться и все

перевертывать вокруг меня, пока не извлек из маленького моего кабинета в десять сажен, которым я завладела в Эрмитаже; и надо отдать ему справедливость, что он умнее меня, и все, что он делал, было глубоко обдумано» [52].

В конце мая — начале июня Потемкин устраивает поездку императрицы в Москву через Боровичи по реке Мете и Вышневолоцкой водной системе. Екатерина осматривает недавно реконструированный канал, сооруженный по проекту петровского любимца М. И. Сердюкова (деда А. В. Храповицкого). Эта гидротехническая система — чудо своего времени — позволила сократить и облегчить путь доставки хлеба в северную столицу из центральных губерний империи. Екатерина осталась очень довольна трехнедельной поездкой, своего рода репетицией путешествия на юг.

16 октября она подписывает рескрипт о назначении Потемкина главнокомандующим армией на случай войны с Турцией. Согласно разработанному Потемкиным плану, на юге выставляются две армии: одной командует прославленный Румянцев (учитель и признанный авторитет в военном деле), другой — он сам (ученик Румянцева), впервые выступающий в роли самостоятельного главнокомандующего. В вихре дел Потемкин не забывает и своего подчиненного. 16 ноября мы видим Суворова на званом обеде в Зимнем дворце, а 26 ноября генерал-поручик присутствует на торжестве, которое императрица ежегодно устраивает в своей резиденции в честь Георгиевских кавалеров (по случаю праздника — дня Святого Великомученика и Победоносца Георгия). Рядом с Суворовым за царским столом восседают Потемкин, Репнин, Михельсон и другие прославленные генералы и штаб-офицеры, удостоенные самой почетной боевой награды России.

Через три дня в Зимнем на празднике Андреевских кавалеров мы снова видим Потемкина и Репнина. Суворова нет. Он еще не кавалер старейшего российского ордена, учрежденного Петром Великим. В новом 1786 г. Суворов прочно осел в Петербурге. Его имя постоянно мелькает на страницах камер-фурьерского журнала. За полгода (начиная с апреля месяца) Суворов десять раз присутствует при высочайшем столе — в Царском Селе и в Зимнем дворце. Указом Военной коллегии от 21 ноября 1785 г. Суворов был переведен в Санктпетербургскую дивизию. Ее командующему графу К. Г. Разумовскому Военная коллегия дала знать, чтобы Суворов получил «пристойную команду». Никаких суворовских документов, относящихся к этому периоду его службы, отыскать не удалось, кроме нескольких писем управляющим имениями. Скорее всего Суворов не получил

никакой «пристойной команды» и трудился под непосредственным руководством Потемкина. О круге же занятий президента Военной коллегии дают представление приводимые ниже документы.

«По Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению, — доносит он императрице 8 апреля 1786 г.,— зделаны мною штаты кирасирских, карабинерных, драгунских, легкоконных, гренадерских и мушкетерских четырех баталионных и мушкетерских двубаталионных полков, егерских корпусов и егерских же и мушкетерских баталионов и табели положенных всем сим войскам ружейных, мундирных и амуничных вещей» [53]. Прося утвердить подносимые штаты, табели и положения о снабжении войск, Потемкин подчеркивал выгоды казенным интересам от вводимого единообразия в одежде и вооружении солдат. Проводя широкие реформы армии, Потемкин опирался на взгляды своего учителя Румянцева, на огромный боевой опыт последних десятилетий. При строительстве вооруженных сил, как писал Румянцев, должно соблюдать строгую соразмерность расходов на военные нужды с другими государственными надобностями и согласное действие разных управлений, без чего «часть воинская будет в нестроении и терпеть недостатки или другие чувствительные угнетения». Благосостояние армии,— подчеркивал Румянцев,— всецело зависит от благосостояния народа, дающего и людей, и деньги, а потому особенно важно сберегать народные силы, чтобы «несоразмерным и безповоротным взиманием не оскудеть казну». Потемкин твердо проводил в жизнь эти установки, готовя вооруженные силы к возможным испытаниям. Приближавшаяся смерть дряхлого прусского короля Фридриха II, по мнению дипломатов, могла спровоцировать австрийцев — союзников России — снова предъявить свои права на баварское наследство. Попытка Екатерины сколотить четвертной союз (Австрия, Франция, Испания и Россия) против Турции оказалась безрезультатной из-за противодействия Франции, имевшей свои интересы на востоке. Граф Сегюр, французский посол в Петербурге хлопотал о новом русско-французском торговом договоре, который должен был сблизить обе державы, но он шел против течения. Версальский кабинет активно интриговал в Константинополе против России. Англия, обеспокоенная продвижением России на восток, занимала выжидательную позицию, втайне сколачивая блок с Пруссией.

«Сколько мне кажется, то кашу сию Французы заваривают, чтобы нас озаботить, убоясь приближения смерти Прусского Короля, при которой они полагают, конечно, Императору затеи на

Баварию. Сие тем вероятнее, что во Франции приказано конницу всю укомплектовать лошадьми, что у них без намерения о войне никогда не бывает. Пусть хотя и уверили французы, что не пустят нас в Архипелаг, однако ж флот потребно иметь в состоянии [готовности]. Прикажите себе подать ведомость о кораблях и фрегатах с описанием годности каждого». Это строки из записки Потемкина Екатерине, поданной в конце июля. «Разположение духов в Швеции кажется в нашу пользу, продолжает Потемкин,— но назначенный туда министр (граф Ан. К. Разумовский.— В.Л.) годится ли по нынешнему времени, где устремлять все, что можно, против французов следует? Мне сии последние Булгакова известия по многим обстоятельствам вероятны. Однако ж я надежен, что француз посол, снесясь с Булгаковым, поворотит сии дела, чтоб получить у Вас мерит (Знак одобрения (франц.) – В.Л.). К Г[рафу] Сегюру привезен большой пакет из Константинополя. Завтра он у меня будет обедать, я сам не зачну говорить, а ежели он зачнет, то из сего можно будет заключение зделать. Главное то, чтобы выиграть несколько время» [54].

Булгаков доносил из Константинополя о борьбе придворных группировок — сторонников и противников войны с Россией — и о роли французского посла при султанском дворе в усилении первых. Потемкин намеревался использовать Сегюра для сдерживания агрессивных настроений в Турции.

«Король Прусский час от часу хуже и слабее становится здоровьем,— отвечает на его представления императрица, внимательно следившая за расстановкой сил на международной арене.— Турки в Грузии явно действуют — лезгинскими лапами вынимают из огня каштаны. Сие есть опровержение мирного трактата... Против сего всякие слабые меры действительны быть не могут. Тут не слова, но действие нужно, нужно, нужно, чтоб сохранить честь и славу Государя и Государства».

Но Потемкин не согласен с такой оценкой обстановки, с выводом о необходимости немедленных действий, т. е. приближения войны.

«Почта Цареградская доставила ответ Порты, который я подозреваю диктованным от французов. Он состоит в непризнании даже и царя Ираклия подданным России; называют его неоднократно своим, — сообщает Потемкин Безбородко.— Прошу Вас зделать мне одолжение поспешить сюда приездом. Необходимо нужно мне ехать самому на границы. Боюсь крайне, чтоб не задрались прежде время» [55]. Он торопит умного и опытного дипломата вернуться в столицу и приступить к исполнению своей должности. Сам он решает ехать на юг, чтобы на месте принять необходимые меры для предотвращения войны.

После консультаций с Сегюром Потемкин предлагает Екатерине неожиданный вариант: начать переговоры с Портой о заключении широкого соглашения, которое включало бы в себя не только новый торговый договор, но и договор об оборонительном и наступательном союзе.

«Трактаты дружбы и коммерции полезны будут,— отвечает императрица — но оборонительный и наступательный может впутать в такие хлопоты, что сами не рады будем. Это французская замашка противу Константина». Она лелеет мечту о восстановлении на Балканах Греческой империи. Во главе ее должен встать внук Екатерины великий князь Константин. Греческая империя, независимая от России и от Австрии, должна не только покончить с османскими владениями в Европе, но и стать буфером между двумя державами-соперницами на Балканах. Иосиф II не высказывает никаких замечаний относительно проекта своей союзницы. Может быть, он считает его слишком фантастическим. Важно отметить, что Потемкин, которого некоторые историки называют автором «греческого проекта» (на самом деле идея была высказана Безбородко), занимает более осторожную и реалистическую позицию, чем его государыня. По поручению Екатерины он разрабатывает план на случай войны с Портой, предусматривая в первую очередь активную оборону Херсона и Крыма. 30 мая Храповицкий записывает в своем дневнике слова императрицы по поводу обсуждения в Совете плана Потемкина: «Возражение Кн[язя] Вяземского на план Г. А. Потемкина... Кн[язь] Вяземский], Зах[ар] Чернышев и Н. И. Панин во все время войны разные делали препятствия и остановки; решиться должно было дать полную мочь Г[рафу] П. А. Румянцеву, и тем кончилась война. Много умом и советом помог Кн[язь] Г. А. Потемкин. Он до безконечности верен, и тогда-то досталось Чернышеву, Вяземскому, Панину. Ум Кн[язя] П[отемкина] превосходный, да еще был очень умен Кн[язь] Орлов, который, подущаем братьями, шел против Кн[язя] Потемкина, но когда призван был для уличения К[нязя] П[отемкина] в худом правлении частью войска, то убежден был его резонами и отдал ему всю справедливость... К[нязь] Потемкин глядит волком и за то не очень любим, но имеет хорошую душу; хоть дает щелчка, однако же сам первый станет просить за своего недруга». В конце беседы императрица уверенно заявляет о том, что будущее кажется ей прекрасным: на случай войны уже припасено 15 миллионов рублей.

Огромный круг обязанностей, возложенных на Потемкина, его инициативность и самостоятельность при решении вопросов государственной важности не могли не создавать ему врагов.

Историк Е. И. Дружинина в своей обстоятельной монографии о деятельности Потемкина на юге страны отмечает: «Правительство лихорадочно заселяло приграничные районы, не останавливаясь перед фактической легализацией побегов крепостных из внутренних губерний... Беглые в случае розыска чаще всего объявлялись «неотысканными». Этот курс, связанный с именем Потемкина, вызвал раздражение многих помещиков более северных украинских губерний и центральной России: массовое бегство крепостных в Причерноморье лишало их работников. Против Потемкина возникло оппозиционное течение, представители которого стремились скомпрометировать мероприятия, проводившиеся на юге страны» [56]. Среди оппонентов Потемкина мы видим таких крупных деятелей правительственной администрации, как генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, президент Адмиралтейской коллегии граф И. Г. Чернышев, президент Коммерц-коллегии граф А. Р. Воронцов. И все же план Потемкина одобрен советом. На этом настояла императрица. Выросшая в обстановке придворных интриг, сама большая мастерица политических комбинаций, Екатерина высоко ценила не только государственный ум и деловую хватку Потемкина, но и его умение сотрудничать на пользу дела с самыми разными людьми, даже со своими недоброжелателями и явными противниками.

Потемкин мог не опасаться своих врагов, пока его поддерживала Екатерина. Между супругами установилось неписаное соглашение: каждый новый фаворит должен был защищать интересы Потемкина при дворе. Без колебаний императрица отставила красавца Ивана Римского-Корсакова, выступившего против Потемкина. Летом 1786 г. фаворит Александр Ермолов («белый негр», как его называла Екатерина) решил бросить вызов соправителю императрицы. Между Екатериной и Потемкиным происходит размолвка. 22 июня князь покидает Петербург и отсутствует целый месяц. Дипломаты спешат оповестить свои кабинеты о падении «всесильного временщика». Но императрица сделала свой выбор двенадцать лет назад и не жалеет о нем.

«Я крайне безпокойна, здоровы ли Вы? — пишет она Потемкину, объезжающему гарнизоны и крепости Санктпе-тербургской губернии.— Столько дней от тебя ни духа, ни слуху нету, а сегодня и вчерась погода так велика была, что я зачла опасаться, как-то Вы Волшу переехали? И для того нарочного посылаю — знать, где и каковы Вы?»

Не успел Ермолов надеть на себя орден Белого Орла, присланный по просьбе Екатерины королем Станиславом

Августом, как последовала его отставка. 19 июля императрица подписывает указ о пожаловании в свои флигель-адъютанты Александра Дмитриева-Мамонова (одного из адъютантов Потемкина), а через день Храповицкий записывает в дневнике: «Возвратился Князь Григорий Александрович Потемкин, коему А. М. Мамонов подарил золотой чайник с надписью: «Plus unis par coeur, que par le sang» (Ближе по сердцу, чем по крови (франц) - В.Л.). Неделю спустя Екатерина признается Храповицкому: «Надобно держаться за корень, а не за ветви: доказательство — Князь Потемкин, который много имел неприятелей». Отношения восстановлены. Потемкин может ехать на юг, «Естьли поездка твоя необходима,—- признается императрица — то и на оную соглашусь, хотя признаюсь, что весьма люблю тебя видеть при себе по дружбе и доверенности моей к тебе».

6/17 августа умирает Фридрих Великий, бывший на протяжении многих лет «возмутителем спокойствия в Европе». Правда, после тяжелых поражений от русской армии в Семилетней войне король стал более осторожным и старался не доводить дело до войны. Но суть его политики не изменилась: любой ценой добиться гегемонии в Германии, расширить территорию и увеличить людские ресурсы Пруссии за счет Польши, над картой которой старый король провел последние дни жизни. Начало было положено первым разделом шляхетской республики. Как-то поведет себя его преемник Фридрих Вильгельм II? Соседи Пруссии выжидают. У России среди многих внешнеполитических забот самая неотложная ~ отношения с Портой и безопасность южных границ, протянувшихся от каспийского моря до Буга, На Северном Кавказе уже идут боевые действия. Горцы во главе с чеченцем Ушурмой, объявившим себя пророком Шейх-Мансуром, нападают на русские посты и крепости. В конце октября Потемкин скачет на юг. Вместе с ним едет и Суворов, незадолго до того получивший долгожданный чин полного генерала. Он был произведен в генерал-аншефы 22 сентября 1786 г., «по старшинству», вместе с боевым товарищем по Семилетней войне сербом П. А. Текелли. В списке генерал-аншефов Суворов оказался двенадцатым, но именно его взял с собой Потемкин, готовивший армию для отпора возможным покушениям турок. Была еще одна причина, по которой президенту Военной коллегии необходим был опытный боевой генерал, мастер обучения войск. На весну 1787 г. была намечена поездка Екатерины II на юг, которая с самого начала задумывалась, как важная политическая и дипломатическая акция. В свите императрицы отправлялись послы ведущих европейских держав. В Херсоне ее должен был встретить

император Иосиф. Потемкин хотел показать друзьям и недругам России ее достижения по хозяйственному освоению Северного Причерноморья. Новые города и селения, крепости и верфи, фабрики и заводы, возникшие за последние десять лет на безлюдных землях, красноречивее всех дипломатических нот должны были убедить всех, что России есть, что защищать, есть и чем защищать. Гостям предполагалось показать новые и старые полки, а также корабли нового Черноморского флота.

Суворов, назначенный состоять при 3-й дивизии Екатеринославской армии, через три месяца получил под свою команду часть войск, «к границе польской назначенной». Перед ним открывались широкие возможности внедрять в войска свои принципы боевой подготовки и воспитания солдат и офицеров.

В то самое время, когда Потемкин и Суворов скакали на юг, из Калуги к турецкой границе медленно следовал обоз бывшего хана Шагин-Гирея. После многочисленных настойчивых просьб Шагин-Гирея Екатерина дала разрешение на его отъезд в Турцию. Узнав об этом, Потемкин предсказал судьбу последнего правителя ханства, заявив, что Шагин-Гирей едет навстречу своей смерти. Принятый с показной пышностью Шагин-Гирей вскоре был сослан на остров Родос — место пребывания опальных крымских ханов — и был вероломно убит накануне войны.

7 января 1787 г. из Царского Села выехал санный поезд императрицы. Путь лежал через Смоленск, Чернигов и Киев, куда Екатерина прибыла 29 января. Почти три месяца длилось пребывание двора в древнем русском городе и лишь 22 апреля путешествие было продолжено. Вниз по Днепру двинулась целая флотилия. Это путешествие на юг хорошо документировано. Наряду с официальным «Журналом путешествия Ея Императорского Величества в полуденный край», исследователь располагает такими первоклассными источниками, как письма императрицы сановникам в Петербург и Москву, барону Гримму во Францию, как «Дневник Храповицкого», как письма императора Иосифа фельдмаршалу Ф. Ласси. Прибавим сюда письма графа А. А. Безбородко, «Записки графа Сегюра», «Дневник» Д.Н. Сенявина (будущего знаменитого адмирала), донесения участвовавших в путешествии дипломатов. Основываясь на этих свидетельствах, историк Г. В. Есипов подробно изложил обстоятельства путешествия в журнале «Киевская старина» за 1891 г. Отметим некоторые важные этапы путешествия.

25 апреля состоялось свидание Екатерины с польским королем Станиславом Августом. Король был принят на борту царской галеры «Десна», ставшей на якорь против Канева. Здесь

польская граница подходила к Днепру, и король, которому по конституции было запрещено покидать пределы страны, мог беседовать с российской императрицей, не выезжая из Польши. Храповицкий записывает под 26 апреля: «Отъехав несколько верст, были довольны, что избавились вчерашнего безпокойства. «Князь Потемкин ни слова не говорил; принуждена была говорить безпрестанно; язык засох; почти осердили, прося остаться; Король торговался на 3, на 2 дни, или хотя для обеда на другой день». Сохранилась записка Екатерины Потемкину, в которой она выговаривает ему за предложение продлить свидание с королем. И этот выговор, и молчание Потемкина во время бесед двух суверенов свидетельствуют не о ревности тайного мужа императрицы к ее бывшему сердечному другу, как может показаться с первого взгляда. Еще в марте, за полтора месяца до каневского свидания, Потемкин вел предварительные переговоры с королем, которые продолжил Безбородко. Станислав Август просил свою могущественную покровительницу защитить его от собственных подданных, влиятельных польских магнатов, грозивших королю свержением с престола. Король искал сближения с Россией, предлагал заключить союзный договор в преддверии близкой войны с Портой. Екатерина сдержанно отнеслась к этим предложениям, не желая связывать себя обязательствами с Польшей, внутреннее положение которой было крайне неустойчивым. К тому же союз со Станиславом Августом мог вызвать осложнения в отношениях с Австрией и Пруссией, Она обещала королю поддержку, но отклонила его попытки продолжить переговоры, Из переписки Потемкина с Екатериной и Безбородко конца 1787 — начала 1788 г. видно, что Светлейший напротив, был сторонником русско-польского оборонительного и наступательного союза. Уклончивая позиция Екатерины в польском вопросе способствовала сближению Речи Посполитой с Пруссией, Англией, Турцией и другими противниками России во время европейского кризиса 1788—1791 гг.

30 апреля — 3 мая императрица провела в Кременчуге, который временно, до постройки Екатеринослава, выполнял функции главного города наместничества. Потемкин устроил торжественную встречу. Ведь здесь, собственно, начиналась главная часть путешествия — осмотр вверенных его попечению губерний. «Здесь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили доныне, будто она лишь считается на бумаге, а в самом деле ее нет,— пишет императрица 30 апреля в Москву генералу П. Д. Еропкину,— Однако же она действительно на лицо, а такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, разсказав

любопытным, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду» [57]. О том же она пишет в Петербург главнокомандующему и генерал-губернатору графу Я. А. Брюсу. Шесть легкоконных полков — Сумской, Ахтырский, Изюмский, Харьковский, Павлоградский, Мариупольский (будущие знаменитые гусарские полки русской армии), баталион Екатеринославского гранодерского полка, Бугский егерский корпус, Екатеринославский кирасирский полк — части, сформированные в последние годы Потемкиным, удостоились высочайшего смотра. Отметим, что среди генералитета, встречавшего Екатерину в Кременчуге, были и генерал-аншеф Суворов, и генерал-майор Голенищев-Кутузов, командовавший бугскими егерями. И город, и жители, и войска очень понравились императрице и ее спутникам, среди которых были послы Франции, Великобритании, Священной Римской империи — граф Сегюр, Фиц-Герберт, граф Кобенцль. Почти ежедневно императрица пишет в Москву и в Петербург и во всех письмах звучит одна и та же нота: «Легко конные полки.... про которых покойный Панин и многие иныя старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные...» (1 мая, в Петербург Н.И. Салтыкову) [58]. «Чтоб видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала Князя Потемкина, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены, как возможно лучше и порядочнее: войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оныя хвалят неложно; города строятся, недоимок нет» (3 мая, в Петербург тому же Н. И. Салтыкову) [59].

7 мая, получив известие о том, что приехавший в Херсон император Иосиф отправился к ней навстречу, Екатерина сходит на берег и в четырехместной карете скачет к Новым Кайдакам. Встреча глав двух великих держав происходит в степи. Нет ни свиты, ни дипломатов — неизменных спутников коронованных особ. Все это так неожиданно, что Потемкин, готовивший встречу в Новых Кайдаках, не успел привезти повара и должен был сам готовить импровизированный обед вместе с помощником — германским принцем Карлом Генрихом Нассау-Зиген, известным искателем приключений, участником осады Гибралтара, генералом испанской и французской службы.

9 мая на месте, избранном Потемкиным для сооружения губернского города Екатеринослава, императрица закладывает церковь. Ей помогают Потемкин и австрийский император. Первый подает закладную плиту, второй кладет кирпичи на известковом растворе. Несколько часов спустя Екатерина и Иосиф

(сохраняющий инкогнито под именем графа Фалькенштейна) смотрят с берега Днепра, как искусные лоцманы-запорожцы проводят суда флотилии через ревущие Ненасытецкие пороги. Потемкин, Де Линь и Нассау-Зиген скрывают свое недовольство отказом императрицы позволить им лично участвовать на одном из судов в проходе через пороги. Флотилия успешно форсирует опасное место, но Екатерина и ее спутники продолжают путь сухим путем. 10 мая Потемкину жалуется Кайзер-флаг начальника над Черноморским флотом.

12 мая — торжественный въезд в Херсон. Салютуют пушки херсонской крепости. Салютуют войска. После торжественной литургии в соборной церкви Святой Великомученицы Екатерины (в которой четыре года спустя будет похоронен Потемкин) генералитет, херсонское дворянство и именитое херсонское гражданство во главе с Потемкиным встречают коронованных гостей у дворца. Вечером на торжественном приеме звучит музыка. Город иллюминирован. 13 мая на приеме присутствует Суворов. 14 мая гости посещают загородную дачу графа Безбородко — Белозерку. 15 мая Екатерина в морском флотском мундире и скромно одетый в простой армейский мундир граф Фалькенштейн присутствуют при торжественном спуске кораблей — 80-пушечного «Иосифа», 70-пушечного «Владимира» и 50-пущечного фрегата «Александр».

На большом званом обеде снова мы видим Суворова. Здесь же неаполитанский дипломат маркиз Галло, прибывшие из Константинополя Булгаков и интернунций (полномочный представитель Священной Римской империи при Блистательной Порте) Герберт, польский посол Мощинский, племянник короля Станислав Понятовский.

13 мая Храповицкий записывает: «В письме к Еропкину сравнение шестилетнего устроения Петербурга с Херсоном; укрепления города и здания похвалены; в расторопности и успехах должно отдать справедливость Князю Г. А. Потемкину».

«Народа здесь, окроме военных, великое множество и разноязычные с большой части Европы,— читаем мы в упомянутом письме.— Я могу сказать, что мои намерения в сем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без достодолжной похвалы. Усердное попечение везде видно, и люди к тому избраны способные» [60]. На другой день в письме к Брюсу в Петербург Херсон назван одним из лучших русских городов, И это великолепие достигнуто за шесть лет, в голой степи!

Путешественники намеревались посетить Кинбурн — самую южную русскую крепость, возведенную напротив грозного Очакова. Но маршрут пришлось изменить: к Очакову пришел

сильный турецкий флот — 4 линейных корабля, 10 фрегатов и множество вспомогательных судов. Екатерина выражает неудовольствие графу Сегюру за подстрекательство турок к войне. Сегюр оправдывается. Он ссылается на войска, показанные Потемкиным, как на причину, которая могла напугать Порту.

Совместное путешествие императрицы и императора не осталось незамеченным. Англия и Пруссия усилили свои интриги при дворе султана, но пока все это покрыто тайной. Для русского двора на первом плане стоит Франция, хотя, как покажут ближайшие события, ее роль в развязывании новой войны не главная. Из записок Сегюра следует, что Потемкин якобы был сторонником войны в отличие от императрицы, проявлявшей сдержанность. Документы говорят о другом: Потемкин требовал от Булгакова сохранить мир, протянуть еще на год-два мирные отношения. Он беспокоился за недостроенные укрепления, за невооруженные корабли, за недостаточно обученную армию. После неурожайного 1785 г. Потемкин прилагал энергичные усилия, чтобы пополнить хлебные магазейны закупками в Польше и в хлебородных губерниях России, собрать новый урожай на юге. Грандиозная строительная программа Потемкина в Северном Причерноморье требовала больших средств и нуждалась в мире.

17 мая путешественники покидают Херсон. Они держат путь в Крым, сказочную Тавриду. На подходе к Перекопу их встречают казаки — три с половиной тысячи донцов во главе с войсковым атаманом А. И, Иловайским. Донцы, к которым благоволил Потемкин, устраивают показательные маневры, вызывая неподдельное восхищение австрийского императора. В Крыму царский поезд окружает толпа татарских всадников — полторы тысячи отборной конницы под начальством бригадира Ивана Горича Большого, черкеса родом. Снова взрыв удивления: вчерашние враги конвоируют карету российской императрицы. На длинном спуске к Бахчисараю тяжелый экипаж понесло, и татарские всадники спасают высоких гостей от падения. В эти минуты сидящие в карете Иосиф II и принц Де Линь получают представление о силе характера императрицы: на ее лице нет и тени беспокойства.

В Бахчисарае путников встречает мусульманское духовенство во главе с муфтием. Гости останавливаются в бывшем ханском дворце. Мечети и дома иллюминированы. Русская императрица спокойно отдыхает в столице ханства, наводившего в течение столетий ужас на Русь, на Украину, на Польшу. Во время одной из прогулок императора с графом Сегюром они признаются друг другу, что увиденное напоминает сказку из «Тысячи и одной ночи».

20 мая Екатерина пишет Еропкину из Бахчисарая: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением безелавили приобретение сего края: и. Херсон, и Таврида со временем не только окупятся, но надеяться можно, что естли Петербург приносит осьмую часть дохода Империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами безплодные места» [61].

21 мая. Храповицкий заносит в дневник слова императрицы: «Говорено с жаром о Тавриде. "Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнения противного, которые жалеют еше о бородах, Петром 1-ым выбритых. А. М. Дмитриев-Мамонов молод и не знает тех выгод, кои чрез несколько лет явны будут. Граф Фалькенштейн видит другими глазами. Фиц-Герберт следует Английским правилам, которые довели Великобританию до нынешнего ея худого состояния. Граф Сегюр понимает, сколь сильна Россия: но Министерство, обманутое своими эмиссерами, тому не верит и воображает мнимую силу Порты. Полезнее бы для Франции было не интриговать. Сегюр, кроме здешнего Двора, нигде министром быть не хочет».

Мы еще остановимся на критических замечаниях императора об увиденном. Пока же царский поезд 22 мая останавливается в Инкермане. Во время обеда в путевом дворце падают шторы на окнах, и гости видят внизу прекраснейшую гавань и стоящий в ней флот! 15 военных кораблей, 1 бомбардирское судно и 10 транспортов. Это кульминация путешествия. По сигналу Потемкина флот салютует выстрелами из корабельных орудий. Спустя час от пристани отваливает гребной катер. Гребцы, как на подбор, рослые красавцы-матросы: по одну сторону блондины, по другую — брюнеты. Молодой Сенявин свидетельствует: императрица, садясь в катер, приветствовала гребцов: «Здравствуйте, друзья мои!» «Здравствуйте, матушка, Царица наша!» — был дружный ответ. «Как далеко я ехала, чтобы только видеть вас»,— говорит Екатерина и слышит неподражаемый ответ загребного Жарова (который, прибавляет Сенявин, после был лучшим шкипером во флоте): «От евдакой матушки-Царицы чего не может статься!» Сдерживая улыбку, императрица роняет по-французски командующему флотом графу М.И. Войновичу: «Какие ораторы твои матрозы!» [62] В катере находятся Потемкин, графиня Браницкая, Дмитриев-Мамонов, принц Де Линь, граф Кобенцль. Гости объезжают суда. С кораблей несется матросское «Ура!» На другой день осмотр города, флота и гавани продолжается. Императрица посещает корабль «Слава Екатерины». Вечером бомбардирское судно «Страшный» обстреливает и зажигает специально построенный фальшивый

городок. Путешественники покидают Севастополь, потрясенные увиденным. На Черном море, которое Блистательная Порта веками считала своим внутренним «озером», появился грозный соперник. Посетив Симферополь, Карасу-Базар, Старый Крым, Феодосию, гости возвращаются через Перекоп в Бреславль. Здесь Иосиф II прощается с российской императрицей, обещая на третье свидание прибыть в Петербург. Но эта встреча не состоится. Император умрет в самом конце начавшейся вскоре войны.

Через Блакитную, при которой Суворов, по его собственным словам, сформировал лагерь и где императрице отдали честь драгунский смоленский и легкоконные полки Херсонский, Воронежский, Ольвиопольский, Елисаветградский и Александровский, царский поезд проследовал на Кременчуг и 7 июня прибыл в Полтаву» Здесь на следующий день, после обозрения места знаменитой Полтавской баталии «под предводительством генерал-аншефа и кавалера князя Юрия Владимировича Долгорукова все конные полки маршировали мимо ставки Ея Величества, а напоследок в присутствии Ея Императорского Величества все войско, имея 40 орудий полевой артиллерии, атаковало неприятеля пред собою поставленного, причем во всех движениях доказало совершенное устройство и похвальную расторопность». Так записано в камер-фурьерском журнале. Полтавские маневры — финал путешествия, впечатляющий символ преемственности политики Екатерины II, идущей по стопам Петра Великого,— были задуманы Потемкиным. На кургане, прозванном в народе «Шведской могилой», Потемкин стоял рядом с императрицей в окружении генералов, лиц свиты, знатных иностранцев. Суворов не упоминает о своем участии в полтавских маневрах. Он присутствует на торжествах вместе с другими генералами, среди которых находится и Кутузов. Возможно, Суворов внес лепту в подготовку войск к маневрам, но честь их показа императрице и ее спутникам выпала на долю старшего генерал-аншефа князя Ю, В. Долгорукова. Тридцать лет спустя Сегюр в своих «Записках» вспоминает о полтавских маневрах. Он также упоминает и о больших маневрах в Кременчуге, о которых молчат другие источники. Нам кажется, что за давностью лет первые впечатления Сегюра об увиденных в Кременчуге войсках слились с впечатлениями о полтавских маневрах. Н.Полевой, опираясь на «свидетельство» Сегюра, написал о кременчугских маневрах и участии в них Суворова. Но камер-фурьерский журнал бесстрастно фиксирует все торжественные приемы и другие мероприятия по случаю пребывания императрицы (Суворов присутствовал на этих торжествах в Киеве, Кременчуге, Херсоне,

снова в Кременчуге и, наконец, в Полтаве), не упоминая ни слова о «кременчугских маневрах».

Полевой отдавал предпочтение не документам, которые, к слову сказать, были мало известны, а устным преданиям — анекдотам. Вот Суворов беседует по-немецки со скромно одетым австрийским офицером. «Знаете ли вы меня?» — спрашивает австриец. «Не смею сказать, что знаю,— улыбаясь, отвечает Суворов и прибавляет шепотом, — говорят, будто вы Император Римский!» «Я доверчивее вас, — отвечает Иосиф,— и верю, что говорю с русским фельдмаршалом, как мне сказали». А вот другой анекдот: Суворов катается на лодке по Днепру. В лодке императрица. Когда лодка подходит к берегу, Суворов, якобы узнавший о том, что завистники хотят уволить его из армии и распустили слух о его дряхлости, так ловко выпрыгивает на берег, что вызывает восхищение Екатерины. «Ах! Александр Васильевич! Какой вы молодец!» — восторгается императрица. «Какой молодец, матушка! Ведь говорят, будто я инвалид?» «Едва ли тот инвалид,— возражает царица, — кто делает такие сальтоморталe!» «Погоди, матушка, еще не так прыгнем в Турции!» — бодро отвечает Суворов. Полевой повествует и о том, как после полтавских маневров императрица спрашивает Суворова, чем наградить его за труды. «Ничего не надобно, матушка, давай тем, кто просит,— ведь у тебя таких попрошаек чай много?» — отвечает Суворов. Екатерина настаивает, и тогда генерал-аншеф после заминки просит заплатить его долг квартирному хозяину. На вопрос, много ли он задолжал, следует неподражаемый суворовский ответ: «Много, матушка,— три рубля с полтиной!» Императрица приказывает заплатить, а Суворов рассказывает всем о том, что промотался, да хорошо — матушка платит! [63]

Здесь трудно отделить правду от вымысла. Анекдоты, несомненно, доносят живые черты такой оригинальной личности, как Суворов. Но несомненно также, что в них много вымысла. Накануне войны никто не собирался исключать из армии Суворова. Вполне возможно, что Суворов позволял себе вольности в разговорах, но обвинять публично придворных в попрошайничестве в торжественную минуту на Полтавском поле — этому невозможно поверить. Не случайно Петрушевский в своей монографии опустил все упомянутые Полевым «подробности». Однако советские авторы книг о Суворове повторяют эти анекдоты без малейшего сомнения, и приходится читать, как Суворов после «кременчугских маневров», «запыленный, в легкой каске и солдатской куртке» подлетает на коне к императрице. «Чем наградить вас?» — спрашивает

довольная Екатерина. Следует ответ о попрошайках-придворных, о трехрублевом долге за квартиру и т. д. [64] Но ни один из этих авторов не воспользовался рассказами Ильи Осиповича Попадичева — столетнего суворовского ветерана, записанными в 1854 г. в Пятигорске одним из офицеров, служивших на Кавказе. Участник штурмов Очакова, Измаила и Праги, участник Итальянского и Швейцарского походов, Илья Осипович бесхитростно передает подробности своей ратной службы под знаменами любимого полководца. В его рассказах встречаются ошибки и неточности. Но память у старого солдата крепкая. Попадичев называет имена своих полковых командиров, пересказывает слово в слово «Науку побеждать», подтверждая сведения о том, что Суворов требовал от своих подчиненных заучивать написанную им «солдатскую азбуку». Рассказы Попадичева были опубликованы первый раз в 1895 г. и не попали ни в книгу Полевого, ни в монографию Петрушевского, хотя последний в примечаниях ко второму изданию своего труда упомянул о воспоминаниях ветерана как о редком и ценном источнике.

В 1787 г., как рассказывает Попадичев, он служил в Смоленском драгунском полку. «Во ожидании приезда Императрицы мы занимали форпосты на турецкой границе, близ устьев Днепра и Буга... Однажды в прекрасный летний вечер мы стояли на форпосте... Кашица на ужин была готова. Мы уселись в кружок вечерять, как вдруг к нашему бекету (пикету.— В.Л.) подъехал на казачьей лошади, в сопровождении казака с пикой, просто одетый неизвестный человек в каске и кительке, с нагайкой в руках. Он слез с лошади, отдал ее казаку и, подойдя к нам, сказал: "Здравствуйте, ребята!" "Здравствуйте",— просто отвечали мы, не зная, кто он такой. "Можно у вас переночевать?" "Отчего не можно? — можно". "Хлеб да соль вам", "Милости просим к нам поужинать". Он сел к нам в кружок; мы подали гостю ложку и положили хлеба. Отведав кашицы, он сказал: "Помилуй Бог, братцы, хорошая каша". Поевши ложек с пять, не более, говорит: "Я тут лягу, ребята". "Ложитесь",— отвечали мы. Он свернулся и лег; пролежал часа полтора, а может и меньше; Бог его знает, спал ли он или нет, только после встал и кричит: "Казак, готовь лошадь". "Сей час!" — ответил казак так же просто, как и мы. А сам подошел к огоньку, вынул из бокового кармана бумажку и карандаш, написал что-то и спрашивает: "Кто у вас старший?" "Я!" — отозвался унтер-офицер. "На, отдай записку Кутузову и скажи, что Суворов проехал!" И тут же вскочил на лошадь: мы все встрепенулись! Но покуда одумались, он был уже далеко, продолжал свой путь рысью к форпостам, вверх по Бугу.

Так впервые удалось мне видеть Суворова. Тогда у нас поговаривали, что он приехал из Петербурга или из Швеции» [65].

Кутузов в то время действительно служил под начальством Суворова, незадолго перед тем приехавшего из Петербурга. Даже такая маленькая деталь — просто одетый Суворов с нагайкой в руках, без оружия — очень точно передает облик полководца, запечатленный и в других свидетельствах современников. Полевой не знал рассказов Попадичева. Посему молчат о нем и наши современные авторы. А Попадичев продолжает: «Через три дня после этого сама Императрица изволила проезжать мимо нас. Войска стояли вдоль по дороге в строю, наш полк был с правого фланга, а еще правее нас Донские казаки. Государыня ехала в коляске, самым тихим шагом; спереди и сзади сопровождала ее пребольшая свита. Отдав честь саблями, мы кричали "Ура!" В это же самое время мы видели, как Суворов в полной форме шел пешком с левого боку коляски Императрицы и как Она изволила подать Суворову свою руку. Он поцеловал ее, и продолжая идти и разговаривать, держал все время Государыню за руку. Императрица проехала на Блакитную почту, где на всякий случай был приготовлен обед» [66].

И снова — замечательный рассказ, живые подробности. Попадичев рассказывает о встрече Екатерины в лагере при Блакитной, сформированном Суворовым. Полки, среди которых действительно был полк, в котором служил Илья Осипович,— Смоленский драгунский — отдавали честь возвращавшейся из Крыма императрице. Нам кажется, что идущий в полной форме рядом с коляской Суворов, беседующий с императрицей, держа ее за руку, гораздо ближе к оригиналу, нежели дерзкий обличитель придворных кругов, каким его вывел Полевой и каким его любят изображать наши авторы. Суворов в 1787 г. еще не был тем прославленным победителем турок, покорителем Варшавы, который мог себе позволить открыто выказывать неприязнь к придворным, о чем свидетельствуют современники недолгого и бурного царствования императора Павла I.

В автобиографии 1790 г, Суворов написал: «1787 года июня 11 дня, при возвращении Ея Императорского Величества из полуденного краю, — Всемилостивейшим благоволением пожалована табакерка золотая с вензелем Ея Императорского Величества, украшенная бриллиантами». Накануне Потемкин простился с императрицей, проводив ее до границы с Харьковской губернией. Так что список лиц, представленных к наградам, был подан им заблаговременно. Суворов оказался среди тех, заслуги которых в освоении полуденного края, в укреплении его обороноспособности были достойно отмечены.

Заслуги самого Потемкина Екатерина отметила еще в Полтаве 8 июня: она приказала «Сенату заготовить похвальную грамоту с означением подвигов Господина Генерал-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина в присоединении Тавриды к Империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части и населении губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Черном море, с прибавлением ему наименования Таврического».

Спустя десять лет в гамбургском журнале «Минерва» началась публикация анонимного памфлета «Потемкин Таврический», продолжавшаяся до 1800 г. Этот памфлет получил широкое хождение в Западной Европе — шесть отдельных изданий за тринадцать лет — в Германии, в Голландии, Англии, Франции. Е. И. Дружинина, посвятившая свое исследование хозяйственному освоению Северного Причерноморья в последней четверти XVIII в., отмечает, что автор памфлета «объявляет несостоятельными все военно-административные и экономические мероприятия Потемкина... Саму идею освоения южных степей он пытается представить, как нелепую и вредную авантюру», подавая «изображение всего того, что было построено на юге страны, в виде бутафории — пресловутых "потемкинских деревень" [67].

Кто же этот анонимный автор мифа о «потемкинских деревнях»? «Как в русской, так и в иностранной литературе,— отмечает Е. И. Дружинина,— уже давно утвердилось мнение, что автором этого сочинения является Г.А.В. Гельбиг, секретарь саксонского посольства, живший в России в 1787—96 гг». Гельбиг также анонимно издал «Биографию Петра III» в 1808 г. и книгу «Русские фавориты» в 1809 г. Его деятельность привлекла внимание русского правительства, и сама Екатерина просила Гримма помочь ей удалить Гельбига из Петербурга. Саксонский дипломат покинул русскую столицу лишь в год смерти императрицы. В своем памфлете «Потемкин Таврический», пишет Е. И. Дружинина,— Гельбиг «рисует политику Потемкина и покровительствовавшей ему императрицы в самом неприглядном свете... перечисляет баснословные суммы денег, которые сыпались на фаворита в виде жалованья, подарков, наград. Указывается на огромное честолюбие и тщеславие Потемкина, желавшего иметь все существующие ордена и медали. Особенно подчеркивается унижение Потемкиным старой родовой знати» [68].

Но Гельбиг плохо знал истинное положение дел на юге. Его памфлет (как, впрочем, и другие сочинения) изобилуют грубыми ошибками. Саксонский дипломат собрал слухи и сплетни,

которые распускались в Петербурге противниками Потемкина, и литературно оформил их. Миф о «потемкинских деревнях» пришелся очень кстати западноевропейским дипломатам: с одной стороны они не переставали указывать на пугающую мощь России, с другой (не смущаясь явным противоречием) говорили о мнимости этой мощи, ссылаясь на «потемкинские деревни». Либеральные русские историки второй половины XIX в. (в их числе В. А. Бильбасов) слишком доверчиво и некритически отнеслись к сообщаемым Гельбигом сведениям и способствовали распространению мифа, дожившего до наших дней.

Однако в 1807 г., в преддверии решительного столкновения с наполеоновской Францией, когда над русскими стратегическими позициями в Северном Причерноморье нависла реальная угроза со стороны жаждавшей реванша Порты (которую провоцировал на войну всеевропейский диктатор), русская цензура не пропустила в печать уже переведенный памфлет Гельбига. Важно подчеркнуть, что миф о «потемкинских деревнях» возник задолго до поездки императрицы на юг. Письма Екатерины, посланные во время путешествия, подтверждают это. Они пронизаны полемикой с влиятельными группировками, порочившими деятельность Потемкина в Причерноморье. Среди столичных сплетниц-«старушонок» императрица называет покойного графа Н.И. Панина. Это не случайно. Многолетний руководитель внешней политики России Панин ориентировался на берлинский двор. Вместе со своим воспитанником — наследником престола Павлом Петровичем — Панин принадлежал к так называемой «прусской партии», имевшей сильные позиции среди правящего класса. Из этих кругов шли слухи о выброшенных на ветер миллионах, о «карточной» легкой коннице, о непостроенных деревнях и городах.

Гельбиг в своем памфлете упомянул слухи, пущенные уже после путешествия. Так, показанные в Севастополе корабли были якобы торговыми судами, декорированными под военные. Но, как известно, легкая конница блестяще зарекомендовала себя в начавшейся войне, а «купеческие корабли» сумели одолеть турецкий флот, в течение столетий господствовавший на Черном море. Эти мифы ушли в небытие. А миф о «потемкинских деревнях» остался, хотя по сей день стоят основанные Потемкиным города и селенья — и первые среди них —- Херсон, Севастополь, Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Елисаветград (ныне Днепродзержинск), Николаев, Симферополь, Мариуполь.

Разумеется, как и во всяком большом деле, были и недостатки, замеченные путешественниками. Так, император

Иосиф в письмах председателю Гофкригсрата фельдмаршалу Ф. Ласси отмечал, что «херсонские укрепления выведены очень дурно, фасы очень длинны, куртины слишком коротки, фланги также, и поэтому все орудия для обстреливания фасов вытянуты в ряд, вдоль этих куртин, точь в точь, как у нас в Эгере и в Праге». Не понравились императору и земляные верки, насыпанные, по его мнению, очень небрежно, обложенные одним дерном. В Севастополе Иосиф заметил, что корабли построены из сырого леса, что экипажи плохо обучены, ибо укомплектованы большей частью солдатами сухопутных войск. Тяжелое впечатление оставили у императора госпитали, переполненные больными [69]. Все это было правдой. Но правдой было и то, что Потемкин в своих письмах и донесениях (большей частью неопубликованных и не известных историкам) еще в 1783—1785 гг, откровенно писал и о недостатках в строительстве укреплений, и о нехватке госпиталей и о многом другом, чего не заметили ни вездесущий Иосиф, ни другие участники путешествия. «Крепость Херсонская хотя и приведена в оборонительное состояние, но с великими пороками совсем противно положению о ней зделанному. Нет в ней при том нужнейших строении, как-то магазейнов и гошпиталей, казармы же полковые, кроме офицерских, — все землянки. Я употребил все способы к умножению зданий», — пишет он в донесении летом 1784 г. [70].

А вот более раннее письмо от 28 мая 1783 г.: «Вы, матушка, не можете представить, сколько мне забот по здешнему краю одно Адмиралтейство. По сие время распутать не могу. Нету ничему ни лет, ни примет. Денег издержано много, а куда, тому не сыщу. Строение кораблей с моего приезда идет успешно. За лесами, коих не достает, послал. Зделайте милость, прикажите командировать сюда потребное число чинов, о чем прилагаю ведомость. Кузнецов здесь не доставало. Послал по коих в Тулу. С другой стороны по Губернии напакощено немало. Тут мои заботы облегчил много Губернатор, которого теперь я послал, куда нужно. Одна часть меня услаждает — это закупка хлеба, которая дешева и успешна. По сие время была бы оная еще и выгоднее, ежели б не встретилось по таможням недоразумение». Потемкин предлагает распространить на Новороссию положение о пропуске без пошлин хлеба из Польши, которым пользовались Белоруссия и Малороссия. «Я не знаю, матушка: для Новороссии то запрещено, что позволено старым Губерниям, а наша еще в младенчестве», — прибавляет он, сообщая свое решение — не брать пошлин за провоз в Очаков хлеба, часть которого оставалась в Новороссийской губернии. Да и возчики «часто у нас оставались»,— заканчивает свои доводы Потемкин [71]. И так изо

дня в день, в безлюдных степях, с их ограниченными ресурсами в строительных материалах, особенно в лесе, с их недостатком продовольствия, Потемкин двигает вперед дело, помня, что времени у него в обрез. В любой момент Порта могла начать военные действия. Поэтому приходится обкладывать земляные валы Херсонской крепости не камнем (который очень дорог), а дерном. Приходится строить корабли из сырого леса (для заготовки леса Потемкин приобретает обширные имения у князей Любомирских на Правобережной Украине), комплектовать экипажи солдатами, делать запасы хлеба и продовольствия, боеприпасов и военного снаряжения, не дожидаясь, когда весь личный состав удастся расселить в каменных домах и казармах. Заносимые из Турции эпидемии осложняют дело. С эпидемиями борятся строгими карантинными мерами, а также методами дезинфекции, разработанными доктором Д. Самойловичем, потомком знаменитого гетмана. Вся эта работа велась одновременно с устройством поселян из России, колонистов из Западной Европы, выведенных из Крыма христиан — греков и армян. В строительстве широко используется труд солдат и матросов. Но не забыта и боевая подготовка армии и флота. Наступившая вскоре война — не самая последняя, но самая ожесточенная попытка Порты вернуть Крым и северные берега Черного моря,— показала, что Потемкин успел подготовиться к отражению агрессии.

Красноречивее всех свидетельств великого созидательного подвига России на Юге является показатель численности населения Азовской и Новороссийской губерний, входивших в Екатеринославское наместничество: за десять лет с 1777 г. . население увеличилось с 200 тысяч до 725 тысяч душ обоего пола.

Потемкин сделал на юге больше, чем Петр на севере. Все попытки, предпринятые в царствование императора Павла I, уличить Потемкина в растрате казенных сумм (о которых так радеет Гельбиг в своем памфлете) окончились полным оправданием великого строителя и созидателя. Сегюр приводит отзыв строгого ревизора — императора Иосифа, подводившего итоги увиденному на юге: «Я понимаю, что этот человек (Потемкин.— В.Л.), несмотря на свои странности, мог приобрести влияние на императрицу. У него твердая воля, пылкое воображение, и он не только полезен ей, но необходим. Вы знаете русских и согласитесь, что трудно сыскать между ними человека более способного управлять и держать в руках народ еще грубый, недавно лишь тронутый просвещением, и обуздать безпокойный двор» [72]. Сам Сегюр в письме к Потемкину от 25 (14) августа

1787 г., сообщая о своем намерении отправиться в отпуск, во Францию, писал: «Я с большим удовольствием опишу там все те великолепные картины, которые Вы нам показывали: торговлю, привлеченную в Херсон, несмотря на зависть и болота; чудом созданный в два года флот в Севастополе… и ту гордую Полтаву, где Вы с такою убедительностью мощью 70 баталионов отвечали на те нападки, которым подвергалось Ваше устроение Крыма со стороны невежества и зависти. Если мне не поверят, то это будет Ваша вина: зачем Вы сделали столько чудесного в столь короткое время, ни разу не похвалившись, пока не показали всего разом?!» [73]

Начало войны с Турцией. Кинбурн-Очаковская операция 1787-1788 гг.

Медаль за отличие в Кинбурнском сражении

Пока российская императрица и сопровождающие ее лица возвращались из путешествия по полуденному краю, международная обстановка резко обострилась. 13 июля Екатерина писала Потемкину из Царского Села: «Император приехал в Вену. Фландрия и Брабантия бунтовать не перестают. Он туда наряжает 30 000 войска. Голландцы двое суток держали

Принцессу Оранскую, сестру Короля Прусского, под арестом. Посмотрим, как братец сие примет. Людвиг XIV за сие заставил бы их кричать курицею. Англичане наряжают 12 кораблей и уже фракции Оранской помогают деньгами. Вот вести, каковы есть в здешнем месте». Через две недели новое письмо: «Дела в Европе позапутываются. Цесарь посылает войски в Нидерландию. Король Прусский противу голландцев вооружается. Франция, не имев денег, делает лагери. Англия высылает флот и дает Принцу Оранскому денег. Прочие державы бдят, а я гуляю по саду, который весьма разросся и прекрасен».

Восстание в бельгийских провинциях, вызванное деспотизмом Иосифа II, связало руки союзнице России Австрии. Голландия, разделившаяся на две партии, стала объектом распри между Францией с одной стороны, и Англией и Пруссией с другой. Сближение двух последних государств немедленно отозвалось в Константинополе. 1 августа Булгаков сообщил в донесении императрице: «Визирь слушал вздорные внушения аглинского, прусского, шведского, да, может быть, и других еще министров. Принимает оные за наличные деньги и основывает на них надежду на получение от дворов их помочи», Потемкин, получив от Булгакова эти сведения, 14 августа просил Безбородко: «Не можно ли прямым образом спросить у Дворов Прусского, Аглинского и Шведского, что значит, что их министры прямо противу нас идут в Цареграде, и требовать повеления к их министрам, чтобы они укоротились [74]. Но английский посол Энсли и прусский посланник Диц не укоротились. Через верховного везира Юсуф-пашу они склоняли престарелого султана Абдул-Хамида ужесточить требования к России.

Рейс-эфенди вызывает Булгакова и в ультимативной форме требует выдать бежавшего в Россию молдавского господаря Маврокордато, признать Ираклия II турецким подданным, отозвать русских консулов из Ясс, Бухареста и Александрии, а турецких консулов допустить во все российские гавани и торговые города в Причерноморье. Россия должна согласиться на досмотр всех своих судов, проходящих проливы. Очевидно, что Порта ищет повода для войны. Булгаков решительно отвергает ультиматум. 5 августа его арестовывают и препровождают в Семибашенный замок. «Сколь ни скоро меня схватили,— доносил Булгаков,— успел я скрыть наиважнейшие бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогие вещи и прочее. Казна также в целости, хотя и невелика» [75].

13 августа Порта официально объявляет войну России, требуя возвращения Крыма. Еще до получения этого известия Потемкин принимает меры предосторожности. 18 августа следует его ордер

Суворову в Херсон — усилить бдительность и наблюдать все движения турок в Очакове и на Буге.

20 августа турецкие суда внезапно напали на стоявшие неподалеку от Очакова фрегат «Скорый» и бот «Битюг», которые дожидались недавно спущенных и еще не вооруженных корабля «Владимир» и фрегата «Александр» для провода их в Севастополь. Несмотря на большое превосходство сил противника, русские суда после 6-тичасового боя сумели под выстрелами очаковской крепости прорваться в Лиман и ушли к Глубокой пристани — форпосту Херсона.

Война началась. Эта война вошла в историю под именем Второй русско-турецкой войны. Она и была таковой в царствование Екатерины Великой. Но для России это была седьмая за сто лет война за выход к Черному морю. И, как оказалось, решающая. Выдающиеся победы русской армии и молодого Черноморского флота поражают воображение. Но, как ни странно, именно эта победоносная война послужила поводом к обвинениям главнокомандующего Потемкина в бездарности. Ответ на эти обвинения дал в 1893 г. замечательный русский военный историк Д. Ф. Масловский, по инициативе которого началось издание четырех томов архивных документов, характеризующих деятельность Потемкина в войне 1787—1791 гг. Масловский скоропостижно скончался, подготовив первый том. Его работу продолжил другой выдающийся военный историк академик Н. Ф. Дубровин.

«Блестящие эпизоды подвигов Суворова во вторую турецкую войну 1787-—1791 годов составляют гордость России,— писал Масловский в предисловии к первому тому.— Но эти подвиги (одни из лучших страниц нашей военной истории) лишь часть целого; по оторванным же отдельным случаям никак нельзя судить об общем, а тем более делать вывод о состоянии военного искусства... Вторая турецкая война, конечно, должна быть названа «потемкинскою». Великий Суворов, столь же великий Румянцев занимают в это время вторые места». Масловский подчеркнул, что выводы о бездарности Потемкина, как полководца, ненаучны! Они сделаны «без опоры на главнейшие материалы». Документы свидетельствуют, что «Потемкин имел вполне самостоятельный и верный взгляд на сущность самых сложных действий войск на полях сражений (и прибавим от себя — на сущность боевых действий флота.— В. Л.)... Потемкин в эту войну является первым главнокомандующим нескольких армий, оперировавших на нескольких театрах». Потемкин дает и первые образцы управления этими армиями и флотом общими указаниями — «директивами» [76].

Сражения Второй турецкой войны выигрывали генералы и адмиралы Текелли, Нассау-Зиген, Алексиано, Дерфельден, Гудович, Рибас, Герман, Каменский, Кутузов, Репнин и первые из первых — Суворов и Ушаков. Но замысел кампаний, группировка сил и направление ударов разрабатывались Потемкиным, твердо руководившим операциями армии и флота на обширнейшем пространстве от Кубани до Дуная. Потемкин обладал даром вызывать у своих подчиненных не только инициативу, но и максимум напряжения сил для достижения поставленной цели. Он опередил свое время и не был понят современниками, привыкшими видеть полководца во главе армии на поле сражения.

Офицерский крест за взятие Очакова

ОЧАКОВЪ
ВЗЯТЪ·6·
ДЕКАБРЯ
1788·

Критики Потемкина обвиняют его в затягивании войны, неумении пользоваться победами. Они забывают, что война, развязанная Портой, оказалась для России войной с европейской коалицией. Через год после ее начала Швеция открыла боевые действия в Финляндии и на Балтийском море. В конце 1789 г. Пруссия, заключив союз с Польшей, заняла угрожающее положение на западных границах России. Пруссию поддерживала Англия. Все эти факторы должен был учитывать Потемкин.

Россия с честью вышла из

тяжелого положения. Заслуги главнокомандующего в победоносном завершении войны невозможно отрицать. Критикам Потемкина следовало бы вспомнить, что многие войны велись и оканчивались совсем не так, как задумывались. Вспомним поход Карла XII или поход Наполеона в Россию, закончившиеся катастрофами. И все же и Карл, и Наполеон -— великие полководцы. А Потемкин, не сделавший ни одной ошибки, образцово проведший войну в труднейшей международной обстановке, добившийся всех поставленных стратегических целей, — по мнению строгих критиков, не является полководцем. Поистине, нет пророка в своем отечестве!

С самого начала войны Потемкину предстояло решить вопрос: где противник нанесет главный удар. Ведь для турок, имевших подавляющее превосходство на море, не составляло труда высадить десанты в Крыму или на Кубани. Но Потемкин еще до разрыва сделал вывод о том, что противник нанесет первый удар в районе Очакова. Опираясь на свой мощный форпост, имея сильный флот, противник должен был попытаться уничтожить Херсон — главную базу Черноморского флота. Херсон прикрывался на даль-них подступах крепостью Кинбурн — важным стратегическим пунктом, возведенным на песчаной косе напротив Очакова. Именно этот боевой участок Потемкин поручил Суворову. Еще до получения официального объявления войны, Потемкин писал ему в Херсон: «Из письма Вашего к Попову, я видел, сколько Вас тяготят обстоятельства местных болезней. Мой друг сердешный, ты своей персоной больше десяти тысяч. Я так тебя почитаю и, ей-ей, говорю чистосердешно. От злых же Бог избавляет, Он мне был всегда помощник. Надежда моя не ослабевает, но стечение разных хлопот теснит мою душу» [77]. В письме говорится далее о мерах по борьбе с болезнями в Херсоне и о необходимости скрывать от живущих там иностранцев число больных. Потемкин просит Суворова «узнать, что слышно в Очакове. О сем проведать можно чрез обыкновенно посылаемого из Кинбурна». Письмо помечено 20 августа. Год (как и на большинстве писем Потемкина) не проставлен. Историки давно знают это письмо, опубликованное еще в начале XIX в. Они относили его то к 1787, то к 1788 г.

Внимательное прочтение письма заставляет отнести его к самому кануну войны [78]. Именно тогда Суворов находился в Херсоне, а 20 августа 1788 г. пребывал в Кинбурне. Именно тогда в Херсоне было много иностранных купцов. С началом войны иностранцам было приказано покинуть район военных действий. Да и зачем было Потемкину в 1788 г. просить Суворова посылать

в Очаков разведчика из Кинбурна, если он сам находился под стенами крепости и засылал туда лазутчиков, стараясь убедить турецкое командование в бесполезности сопротивления. Восхищенный боем фрегата «Скорый» и бота «Битюг», Суворов в ответ на ободрительное письмо Потемкина признался в своей «мечте»: послать Севастопольский флот под Очаков и вместе с имевшимися на Лимане военными судами блокировать крепость с моря. Сухопутным войскам —- двинуться на Очаков: если противник будет сопротивляться — разобьем, если спасется бегством — «наши руки развязаны». Но Потемкин, располагая надежными сведениями о мощи турецкого флота, не разделял оптимизма своего подчиненного. Он потребовал приготовиться к активной обороне. 28 августа, сообщая в письме Екатерине о том, что все готово к отражению нападения, Потемкин не скрыл от нее трудностей:

«Я защитил, чем мог, Бугскую сторону от впадения. Кинбурн перетянул в себя почти половину сил херсонских.

Со всем тем мудрено ему выдержать, если разумно поступят французы — их руководители. И во время сражения фрегата их были артиллеристы на шлюбках бомбардных. Сии злодеи издавна на нас целят. Как везде поставлено от меня к защите, то тем и оборонятся. Флоту приказано атаковать, чтоб во что ни стало. От храбрости сих частей зависит спасение. Больше я придумать не могу ничего. Болезнь день ото дня приводит меня в слабость. Теперь войски Графа Петра Александровича Румянцева идут сюда к соединению. До лета же армиям наступательно действовать и разделяться нельзя будет, то прикажите ему всю команду: то естли б я занемог, то будет к кому относиться генералам. Хлеба так скудно везде, что и двойной ценою трудно добывать. Вперед же не знаю, что и думать. Я не могу таить от Вас здешних обстоятельств. Дай Бог, чтоб мы додержались до тех пор, как соберемся» [79].

Это личное письмо. Потемкин предельно откровенен и честен: инициатива у противника, имея превосходство на море, ник свободен в выборе места первого удара. Кинбурн, находящийся на косе, открыт для обстрела и с Лимана, и с моря. Удержать его очень трудно. Вся надежда на действия Севастопольского флота, которому приказано: «Атаковать неприятеля и во что бы то ни стало сразиться. Естьли б случилось и погибнуть, то чтобы сие вдвое было туркам чувствительнее».

Напряжение ожидания нарастает. Суворов лично посещает войска, расположенные при устье Буга, и ставит задачу по обороне границы генерал-майору Голенищеву-Кутузову. Выполняя приказ Потемкина, Суворов подтягивает к Кинбурну

легкоконные Павлоградский и Мариупольский полки. 13 сентября он доносит о начале бомбардировки Кинбурна со стороны моря. Перебежчики-греки из Очакова приносят важные сведения: крупные силы турецкого флота идут к Очакову из Варны и, как только прибудут, очаковцы попытаются взять Кинбурн. Суворов спешит туда. 14 сентября он докладывает о результатах жестокой бомбардировки крепости и ответной стрельбы. Противнику нанесен урон — точным попаданием взорван линейный корабль, поврежден фрегат. Убито пять рядовых. В ночь на 14 число противник пытался высадить пробный десант, но был отбит. Очаковская эскадра продолжает бомбардировку крепости. 16 сентября Потемкин, сообщая императрице о бомбардировках Кинбурна, хвалит бодрость солдат и командира Кинбурнского отряда генерал-майора И. Г. Река: «Курляндец, храбрый и разумный,— пишет Потемкин, по-русски разумеет как русский, и сие много значит для людей». И тут же следует замечательная характеристика Суворова, не известная биографам полководца. «Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать. Каховский в Крыму — полезет на пушку с равною холодностью, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом. Не думайте, матушка, что Кинбурн крепость. Тут тесный и скверный замок с ретраншементом весьма легким, то и подумайте, каково трудно держаться тамо. Тем паче, что с лишком сто верст удален от Херсона. Флот Севастопольский пошел к Варне. Помоги ему Бог» [80].

«Усердие Александра Васильевича Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало,— отвечает Екатерина 24 сентября.— Ты знаешь, что ничем так на меня неможно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности. Хорошо бы для Крыма и Херсона, естьли б спасти можно было Кинбурн. От флота теперь ждать известия». В письмах императрицы сквозит неподдельная тревога за здоровье Потемкина: «Не страшит меня состояние дел наших, ибо все возможное делается, не страшит меня и сила неприятельская, руководимая французами... но страшит меня единственно твоя болезнь. День и ночь не выходишь из мысли моей, и мучусь тем заочно невесть как. Бога прошу и молю, да сохранит тебя живо и невредимо, и колико ты мне и Империи нужен, ты сам знаешь».

Но пока эти письма летят с курьерами на юг, Потемкин получает известие о гибели Севастопольского флота.

«Матушка Государыня, я стал несчастлив... Флот Севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе все

малые и ненадежные суда, и лучше сказать, неупотребительные. Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не Турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую; не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв; я все милости и имение, которое получил от щедрот Ваших, повергаю стопам Вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву.— В.Л.), чтоб он вступил в начальство, но не имея от Вас повеления, не чаю, чтоб он принял. И так, Бог весть, что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком. Но что я был Вам предан, тому свидетель Бог» (24 IX. 1787 г. Кременчуг) [81].

Некоторые историки видят в этом письме непозволительную слабость, чуть ли не трусость главнокомандующего Екатеринославской армией и Черноморским флотом. Они забывают, что это письмо пишется самому близкому другу, жене-императрице. Не меньшее впечатление производит письмо Потемкина учителю — Румянцеву. Эти письма прежде всего свидетельствуют о высоком чувстве ответственности за порученное дело. Изнуренный болезнью, Потемкин еще до известия о гибели Севастопольского флота просил об отпуске. Потеря флота потрясла его. Он готов пойти на крайнюю меру — раз флот погиб, незачем держать в Крыму такие значительные силы — 26 батальонов пехоты и 22 эскадрона конницы, предназначенные для охранения Севастополя. Он предлагает пожертвовать Крымом и использовать эти войска на других опасных направлениях — под Херсоном, на Буге, на Кубани. Замечательно, что и Екатерина и Румянцев, не сговариваясь, в своих письмах выказывают моральную поддержку Потемкину. Замечательно и то, что в эти трудные дни главнокомандующий не выпустил из рук управления войсками. Летят приказы — начальникам войск, расположенных по берегам Крыма и на Кинбурнской косе,— принять меры по обнаружению судов, разнесенных бурей, спасти все, что можно. В это время Суворов доносит о прибытии из Варны семнадцати турецких вымпелов. Вместе с ранее прибывшими к Очакову судами турецкий флот насчитывает 42 боевых единицы, из которых 9 линейных кораблей, 8 фрегатов. Бомбардировка Кинбурна продолжается. 26 сентября Потемкин получает первые сведения о том, что большая часть разбитого бурей флота собралась в Севастополе. Из трех линейных кораблей не достает одного, из семи фрегатов — налицо шесть. У многих судов сломаны мачты. Но флот — цел! Суворов доносит, что после большого пожара в Очакове и

успешного действия пушек, привезенных из Херсона, корабли противника отошли от Кинбурна, и наступило затишье. «Светлейший Князь! Ежели предвидимые обстоятельства не переменятся, то при начале октября отпущу я Санкт-Петербургский драгунский полк к Каменному мосту или куда повелеть соизволите,— рапортует он 27 сентября.— Все здесь обстоит благополучно». На этом рапорте главнокомандующий накладывает резолюцию: «Чтобы обождал отправлением полков конных по крайней мере до половины месяца». Он предвидит новое обострение обстановки.

1 октября после жестокой бомбардировки с кораблей противник начал высаживать десант на Кинбурнскую косу. Суворов, как было задумано, не препятствовал высадке.

5000 отборных янычар кинулись на штурм крепости. «Турки на кинбурнской косе, приближаясь от крепости на версту,— мы им дали баталию! Она была кровопролитна, дрались мы чрез пятнадцать сделанных ими перекопов, рукопашный бой обновлялся три раза, действие началось в часа пополудни и продолжалось почти до полуночи беспрестанно, доколе мы их потоптали за их эстакад на черте косы самого мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с полкою победою,— рапортует Суворов 2 октября Потемкину. Рапорт заканчивается словами: «Подробнее Вашей Светлости я впредь донесу, а теперь я нечто слаб, Светлейший Князь!»

Суворов был дважды ранен в сражении, потерял много крови. Его помощник генерал Рек тоже был ранен. Наши войска подвергались смертоносному обстрелу с турецких кораблей, и победа далась дорогой ценой. В письме победителю Потемкин счел необходимым отметить, что «из полторы тысячи один человек только порядочным образом удовлетворил своей должности» — сам Суворов, «единственно великому духу» которого войска были обязаны победой [82]. Да и Суворов не хотел скрывать теневых сторон дела. «Какие же молодцы, Светлейший Князь,— хвалит он солдат противника,— с такими я еще не дирался; летят больше на холодное ружье... Но, Милостивый Государь! ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом! ад бы нас здесь поглотил... Реляция тихо поспевает; не оставьте, батюшка, по ней рекомендованных, а грешников простите. Я иногда забываюсь. Присылаю Вашей Светлости двенадцатое знамя».

Через десять дней после сражения Суворов пишет знаменитое письмо, в котором сжато излагает принципы боевой подготовки войск. Чтобы успешно сражаться с неприятелем, утверждает он, нужны мужественные, знающие свое дело офицеры, спартанцы, а не сибариты. Он резко критикует привилегированную часть

офицерского корпуса — гвардейцев, называет их преторианцами, льстецами, прекраснодушными болтунами. Он требует, чтобы во время войны было приостановлено действие указа о вольности дворянства. В трудный для Отечества час никто не должен прятаться за спины других. Все должны служить!

Столь резкий и откровенный тон письма озадачил составителей 4-х томного собрания суворовских документов, издававшихся в Москве в 1949—1953 гг. Публикаторы сопроводили письмо пометкой: «Письмо написано неустановленному лицу, очевидно В.С. Попову». Сам факт написания письма ближайшему сотруднику Потемкина заслуживает внимания. Однако, судя по обращению — «любезный шевалье» — письмо написано Рибасу, приезжавшему в Кинбурн по поручению Потемкина сразу же после сражения и, конечно, предназначалось именно главнокомандующему. Оно и находится среди писем и донесений Суворова, следовательно, дошло до адресата. Одна маленькая деталь — оговорка насчет Конной гвардии в пассаже с резкой критикой «полковников преторианцев» — подтверждает нашу догадку. Ведь Потемкин служил в Конной гвардии. Мы не знаем ответа главнокомандующего. Но разве в строках приказа Потемкина от 18 декабря 1787 г. не слышатся знакомые по суворовским боевым наставлениям мысли об обучении войск, об отношении к солдату? Вот один из таких приказов Потемкина:

«Из опытов известно, что полковые командиры обучают часто движениям редко годным к употреблению на деле, пренебрегая самые нужным; и для того я сим предписываю, чтобы обучали следующему: марш должен быть шагом простым и свободным, чтобы не утруждаясь, больше вперед подвигаться... Как на войне с турками построение в каре испытано выгоднейшим, то и следует обучать формировать оный из всякого положения. Наипаче употребить старание обучать солдат скорому заряду и верному прикладу...

В заключение всего я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению. Господа полковые командиры долг имеют испытать наперед самих обер- и унтер-офицеров, достаточно ли они сами в знании. Унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями... Отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с сим и храбрость...

В коннице также исполнять, что ей может быть свойственно. Выстроение фронтов и обороты производить быстро, а паче атаку, коей удар должен быть во всей силе; сидеть на лошади крепко с свободностию, какую казаки имеют, а не по-манежному

принужденно...

Артиллеристов обучать ежедневно, примерно и с порохом... ... егерей преимущественно обучать стрелять в цель...

Всякое принуждение, как-то вытяжки в стоянии, крепкие удары в приемах ружейных должны быть истреблены; но вводить бодрый вид при свободном держании корпуса, наблюдать опрятность, столь нужную к сохранению здоровья, содержать в чистоте амуниции платья и обуви, доставлять добрую пищу и лудить почасту котлы.

Таковыми попечениями полковой командир может отличиться, и буду я на сие взирать, а не на вредное щегольство, удручающее дело» [83].

Следует сказать об участии Потемкина в награждении Суворова за Кинбурн. Храповицкий записывает в дневнике под 16 октября 1787 г. слова императрицы: «С удовольствием сказывали, что с 30-го сентября на 1-е октября отбиты Турки от Кинбурна; Суворов два раза ранен и не хотел перевязываться до конца дела; похвалена храбрость его. Турок побито больше 4000».

На другой день в церкви Казанской Божьей Матери и в придворной церкви был благодарственный молебен и читали реляцию. «18 октября. Говорено о победе Суворовым; за уборным столом сказано: "Александр Васильевич поставил нас вчера на колени, но жаль, что его, старика, ранили". В рескрипте на имя Суворова Екатерина II поблагодарила его и все войско за победу, прибавив: «Чувствительны Нам раны Ваши», однако при выборе награды для кинбурнского победителя заколебалась. "Ему же самому (т. е. Суворову.— В.Л.),— писала она Потемкину 16 октября,— думаю дать либо деньги — тысяч десяток, либо вещь, буде ты чего лутче не придумаешь или с первым курьером ко мне не напишешь... Пришло мне было на ум, не послать ли Суворову ленту Андреевскую, но тут паки консидерация та, что старше его Князь Юрий Долг[оруков], Каменский, Миллер и другие не имеют. Егорья Большого [креста] — еще более консидерации меня удерживают послать. И так, никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета, понеже ты еси воистину советодатель мой добросовестный».

«Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость,— отвечал Потемкин, подробно описав сражение при Кинбурне и выделив решающую роль Суворова — Генерал, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностию, как двадцатипятилетний, которому еще надобно зделать свою репутацию. Сия важная победа отвратила от нас те худые следствия, какие бы могли быть, естли б нам была неудача удержать Кинбурн. Все описав, я ожидаю от

правосудия Вашего наградить сего достойного и почтенного старика. Кто больше его заслужил отличность?! Я не хочу делать сравнения, дабы исчислением имян не унизить достоинство Св. Андрея: сколько таких, в коих нет ни веры, ни верности. И сколько таких, в коих ни службы, ни храбрости. Награждение орденом достойного — ордену честь. Я начинаю с себя — отдайте ему мои... Важность его службы мне близко видна. Вы уверены, матушка, что я непристрастен в одобрениях, хотя бы то друг или злодей мне был. Сердце мое не носит пятна зависти или мщения» [84].

9 ноября последовал ответ: «Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея, который сей курьер к тебе и повезет».

После Кинбурнской победы между Потемкиным и Суворовым устанавливается особо доверительная переписка. Она давно опубликована, но частями, и никогда не была сведена воедино. Биографы Суворова (в их числе и Петрушевский) не очень жаловали эту переписку, не оставлявшую камня на камне от версии о «завистливом и капризном временщике». Поэтому есть смысл привести несколько писем, которые даже в отрывках дают представление о характере установившихся отношений [85].

«Я не нахожу слов изъяснить, сколь я чувствую и почитаю Вашу важную службу, Александр Васильевич. Я так молю Бога о твоем здоровье, что желаю за тебя сам лутче терпеть, нежели бы ты занемог». (5 X. 1787 г.)

«Вашей Светлости за милость в письме 5-го сего месяца я отблагодарить не могу, как тою же службою Ея Императорскому Величеству и преданием под Ваше Повелительство моей жизни и смерти». (7 X. 1787 г. Кинбурн.)

«Друг мой сердешный Александр Васильевич. Я полагал сам к Вам быть с извещением о Милости Высочайшей, с какою принята была победа неприятеля под Кинбурном, но ожидание к себе Генерала цесарского тому воспрепятствовало. Препровождаю теперь к Вам письмо Ея Величества, столь милостливыми выражениями наполненное, и при том [спешу] Вас уведомить, что вскоре получите знаки отличной Монаршей милости... Будьте уверены, что я поставляю себе достоинством отдавать Вам справедливость, и, конечно, не доведу Вас, чтоб сожалели быть под моим начальством». (2 XI. 1787 г.).

«Такого писания от Высочайшего Престола я никогда ни у кого не видывал. Судите ж, Светлейший Князь! Мое простонравие; как же мне не утешаться милостьми Вашей Светлости! Ключ таинства моей души всегда будет в Ваших

руках». (5 XI. 1787 г. Кинбурн.)

«За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает. Поздравляю Вас, мой друг сердешный, в числе Андреевских кавалеров. Хотел было я сам к тебе привезти орден, но много дел в других частях меня удержали. Я все зделал, что от меня зависело. Прошу для меня о употреблении всех возможных способов к сбережению людей... А теперь от избытка сердца с радостию поздравляю... Дай Боже тебе здоровья, а обо мне уже нельзя тебе не верить, что твой истинный друг Князь Потемкин Таврический. Пиши, Бога ради, ко мне смело, что тебе надобно». (24 XI. 1787 г. Херсон.)

«Когда я себя вспомню десятилетним (т. е. десять лет назад. — В.Л.), в нижних .чинах со всеми к тому присвоениями, мог ли себя вообразить, исключая суетных желаниев, толь высоко быть вознесенным, Светлейший Князь, мой Отец! Вы то могли один совершить. Великая душа Вашей светлости освещает мне путь к вящей Императорской службе. Мудрое Ваше повелительство ведет меня к твердому блюдению должностей обеим Богам. Милостивый Государь! Цалую Ваше письмо и руки, жертвую Вам жизнию моею и по конец дней». (26 XL 1787 г. Кинбурн). Это письмо не включено в 4-х томник.

«При поздравлении тебя, любезный друг, с Новым годом, желаю тебе паче всего здоровья и всех благ столько, сколько я тебе хочу... Сей час получил я из Вены известие, что цесарские войска делали покушение на Белград: им хотелось его схватить, но не удалось. Война открылася...» (1 I. 1788 г. Елисаветград.)

Потемкин держит Суворова в курсе всех важнейших новостей, делится с ним планами предстоящей кампании. Суворов чувствует, что он на особом счету у главнокомандующего: «Вашей Светлости милостивое письмо от 13 ч. сего месяца получил. Будьте, батюшка, здоровы для нас и веселы. Чем больше Вы до меня милостивы, тем паче я боюсь проступитца по обшему несовершенству. С аулами поступлю точно по велению Вашей Светлости. Верный кош произведет здесь благочестивый парад и повеселитца...» (25 II. 1788 г. Кинбурн.)

Для лучшего обустройства войск на Кинбурнской косе и под Херсоном Потемкин заказал в Тавриде и прислал первые 500 из двух с половиной тысяч аулов — войлочных кибиток. После долгих уговоров ему удалось получить от императрицы разрешение на формирование коша верных запорожцев — казаков, оставшихся верными Родине. Формирование коша велось под непосредственным руководством Суворова.

2 марта Потемкин, пересылая Суворову константинопольские и австрийские известия, упомянул о замысле предстоящей

кампании: «Суда готовить приказал я гребные с крайнею поспешностию. В Кременчуге у меня наподобие Запорожских лодок будет 75, могущих носить большие пушки. Как скоро Днепр пройдет, то и они пойдут. Естли бы сие строился в Адмиралтействе, то бы никогда их не дождалися... В крайней прошу содержать тайне: гребными судами будет командовать князь Нассау под Вашим начальством. Он с превеликою охотою идет под Вашу команду. Я бы давно его отправил, но даю время морским изготовиться для себя, а как будет готово, тогда его пришлю».

Как и Суворов, Потемкин был недоволен медлительностью и нерешительностью контр-адмирала Н.С. Мордвинова, возглавлявшего херсонское Адмиралтейство и Лиманскую эскадру. Во время бомбардировки Кинбурна в сентябре минувшего года, Мордвинов, располагая значительными силами, не решился на активные действия, заслужив от Суворова прозвище «академика». Потемкин искал настоящего флагмана для Лиманской парусной эскадры и вызвал в Херсон из Севастополя Ф. Ф. Ушакова. Но Мордвинов, воспользовавшись занятостью главнокомандующего, поспешил отослать талантливого моряка назад. В письмах императрице Потемкин жалуется на недостаточную практическую подготовку морских начальников и просит вызвать из Голландии адмирала Кингсбергена, служившего в Первую турецкую войну на Черном море. Екатерина через своих дипломатов ведет переговоры с Кингсбергеном и с живущим в Париже Джоном Поль Джонсом — знаменитым корсаром, отличившимся во время войны за независимость северо-американских колоний. Уроженец Шотландии Джонс со своими двумя кораблями наводил страх на англичан и был объявлен врагом «старой родины». «Друг мой Князь Григорий Александрович,— писала 22 февраля императрица.— Имянитый Пауль Жонес хочет к нам войти в службу. А как я вижу, что приезд Кингсбергена весьма в даль тянется, и буде приедет, то приедет поздно, а быть может, что и вовсе не приедет, то я приказала Пауль Жо-неса принять в службу и прямо поедет к вам. Он у самих англичан слывется вторым морским человеком: Адмирал Гов — первый, а сей — второй. Он четырежды побил, быв у американцев, агличан».

Потемкин поделился новостью с Суворовым, который откликнулся примечательной репликой: «Это, конечно, Милостивый Государь, Пауль Ионе, тот Американец, который опасно, чтоб и нас, трубадуров Ваших, не перещеголял».

Идет напряженная подготовка к новой кампании. Потемкин настаивает перед императрицей на привлечении поляков.

Начинаются переговоры о заключении союзного оборонительного и наступательного договора между Россией и Польшей. Но Пруссия и Англия предпринимают контрмеры, и этот союз повисает в воздухе. На Балтике собирается эскадра линейных кораблей, которую адмирал С. К. Грейг должен вести в Средиземное море, как в Первую турецкую войну. Тогда небывалая по своим масштабам экспедиция встретила скептическое отношение морских специалистов Западной Европы. Чесменский бой и уничтожение турецкого флота заставили по-иному взглянуть на возможности российских моряков. Балтийский флот уже готов был двинуться вокруг Европы в Архипелаг, как вдруг резко обострились отношения со Швецией. Король Густав III, получив турецкие субсидии и дипломатическую поддержку Великобритании и Пруссии, усилил морские и сухопутные вооружения и вскоре вероломно нарушил мир с Россией. Словно предвидя войну на севере, Потемкин торопил своих подчиненных с постройкой гребных судов. 2 апреля он писал Суворову: «Я дал ордер о скорейшем вооружении судов и князю Нассау отправиться приказал к Вам... Я хочу, чтобы до нужного времени они (суда.— В. Л.) не казались неприятелю; чтобы он не привык на них смотреть» [86].

«Князь Нассау, которому под рукой велел здесь приготовить возможные выгоды, и Пауль Жонс, и я — какое ж множество у Вашей Светлости трубадуров! Мило, Друг перед дружкой мы не оставим выказываться и, право, с прибавкою, доколе живы; все-таки жаль, что Браницкого нет. Милостивый Государь! выражение до моей мудрой особы мне очень чувствительно! и стыжусь...»,— отвечал Суворов. Он сразу же установил дружеские отношения с Нассау, заявив о «счастии служить на одном континенте со столь прославленной особой». Этот комплимент может показаться преувеличенным, но Нассау, имевший чин генерал-поручика испанской армии, деятельный участник осады Гибралтара в 1781 г., имел репутацию опытного моряка и горел желанием отличиться на новом поприще. Потемкин даже отозвался о нем императрице, как о «втором Суворове». Не успев хорошенько познакомиться, Суворов и Нассау приступают к разработке плана овладения Очаковом.

Письма Суворова Нассау, опубликованные во Франции в 1965 г., практически не были известны русским военным историкам и проливают новый свет на обстоятельства, связанные с очаковской осадой. Уже 2 апреля Суворов просит Нассау — «Принц! Покамест храните в тайне общую нашу задачу, как делаю я здесь: по мнению моему, в Херсонской академии по временам многие непотребства творятся. Слышал я, что г. Корсаков служит в

егерях, кои вероятно будут на Вашей эскадре. Я его знаю с детства, это мелкий плут, но в своем деле искусный. Не будете ли Вы добры лично испытать его по прилагаемым к сему пунктам, не отдавая ему моего письма. Впрочем, ежели Вам сие покажется неблагопристойным, можете Вы его ему передать через моего офицера, но не напрямую. Полезно также узнать, какого он о сем будет мнения, и дать мне знать.

Простите мою смелость и откровенность».

Эта конспирация, этот нелестный отзыв о моральных качествах Корсакова, связаны, надо полагать, с тем, что Корсаков — сын новгородских соседей Суворова — был женат на сестре Мордвинова — «главы Херсонской академии». Суворов не решается прямо обратиться к лучшему инженеру армии, любимцу Потемкина Корсакову по интересующим его вопросам и предпочитает действовать через заезжего иностранца. Что же хотел узнать у Корсакова Суворов? (Нассау не передал ему письма: оно сохранилось в бумагах принца). «Любезный Николай Иванович! — писал Суворов.— Поздравляю с возвращением. Каких Вы мыслей об Очакове? Осмелюсь просить у Вас совета,— как у инженера,— хоть из одного любопытства. Будем прямы и откровенны и да останется все между нами, порукой в том моя честь. Посему, и только посему, предположите, что Вы не видите еще наших войск со стороны степи, а с моря не будет нам препятствий и мы начнем на плоскодонных судах. Не посеешь — не пожнешь, так ли?

1. Расстояние; 2. расчет времени; 3. Березань; 4. Батарея Гассана; 5. местность открытая, настильным огнем стенку нетолстую на берегу у самой воды обстрелять... случиться может, что против ожидании наших пожар в крепости не разгорится; 6. Как пробьем брешь — сразу на штурм. На стены идите открыто: а) направо; б) налево; в) кое-кого по улицам и в дома, да опасно — часть солдат со стен спустить; 7» подступы к крепости сильно минированы. Возможно, что и вся крепость также. Можно на воздух взлететь. 8. Прочие предосторожности? В ожидании Вашего мнения целую Вас».

Ответ Корсакова неизвестен. Мы не знаем и ответа Нассау. Но о плане атаки Очакова с воды стало известно главнокомандующему, который потребовал у Суворова объяснений. «Вашей Светлости признаюсь, это моя система: план у меня больше недели, принц Нассау вчера его у меня взял, и на другой день прошли сутки. План был меня; я требовал его мыслей глухо; он мне на письме тоже почти сказал. После первого огня он заворачивает вторую линию, но чтоб Алексиано зависел от него. От берегу на полверсты опровергает набережную

слабейшую Кинбурнской стену; первая линия парабольными выстрелами его протектует; как лутче меня матроз, он Вам, Милостивому Государю, лутче то опишет. К брешам транспорты мои: «а» — вправо; «б» — влево на стены и пушки, «с» — внутрь города. Тут и верный кош... Основанием — вид Кинбурна оборонительный — слабо по пункту, ежели действие не наступательное: руки развязаны, надлежит предварить басурманский флот! Вот только, Светлейший Князь!» (18 IV. 1788 г. Кинбурн.)

Итак, основная идея плана — попытаться атаковать крепость до прихода турецкого флота. Атака ведется со стороны Лимана на слабейшую стену, обращенную к стороне Кинбурна. Гребные суда, на которые предполагалось

посадить десанты, должны были действовать при поддержке парусных кораблей Лиманской эскадры, которой командовал капитан бригадирского ранга П. П. Алексиано. Из запросов Суворова Корсакову видно, что были серьезные сомнения в осуществлении задуманного предприятия. Суворов явно смущен: ведь Потемкин сделал его своим доверенным лицом, а он действовал за его спиной. Неизвестно, кто уведомил Потемкина об этом плане. Может быть, сам Нассау, может кто-то другой. Но Суворов затаил подозрение на Корсакова.

29 апреля Потемкин, посетив Кинбурн, гребную флотилию у Збурьевска и парусную эскадру при Глубокой пристани, возвратился в Херсон. Несомненно, он лично переговорил с Суворовым и Нассау, рассмотрел составленный ими план. «Я на всякую пользу руки тебе развязываю, писал он Суворову,— но касательно Очакова попытка неудачная тем паче может быть вредна, что уже теперь начинается общих сил действие. Я бы не желал до нужды и флотилии показываться, чтобы она им (т. е. туркам. В.Л.) не пригляделась. Очаков непременно взять должно; я все употреблю, надеясь на Бога, чтобы достался он дешево... И для того подожди до тех пор, пока я приду к городу. Верь мне, что нахожу свою славу [в твоей], все тебе подам способы, но естли бы прежде случилось дело авантажное, то можно пользоваться средствами. Ты мне говорил, что хорошо бы, пока флот не пришел. И кто знает, может быть, он тогда окажется, как только подступим. Позиция судов на плане в 250 саженях — это далеко для бреши» [87].

Со знанием дела Потемкин разбирает план, указывая его слабые места. Позиция парусных судов, пушки которых должны были просить орешь в стене, слишком далека, ближе подойти опасно. Крепостная артиллерия может обстрелять корабли. И, наконец, необходимо учитывать опасность прихода турецкого

флота, который, пользуясь своим превосходством, мог разгромить штурмующих. Главнокомандующий не связывал инициативы Суворова, разрешив ему пользоваться обстоятельствами, если таковые предоставятся, но он хотел действовать наверняка и настоял на необходимости отложить штурм до подхода главных сил

которые уже начали свой марш к Очакову. «Главная идея операционного плана Потемкина,— отмечал Д. Ф. Масловский,— резко расходилась с суворовскою с первого же раза... У Суворова была одна частная идея взять Очаков,.. Потемкин преследовал ту же цель... но, кроме того, он хотел тем или иным путем получить господство на море» [88]. Этой важной мысли ни Петрушевский, ни последующие биографы Суворова не заметили. Из переписки с Екатериной II Потемкин уже сделал вывод о том, что поход Балтийского флота в Архипелаг может не состояться, и вся мощь турецкого флота будет обращена на Черное море. Севастопольскому флоту, поврежденному бурей, требовалось время, чтобы собраться с силами. Потемкин рассчитал, что турецкий флот постарается поддержать осажденный Очаков и откажется от активных действий. Он не ошибся.

20 мая под Очаков прибыл огромный турецкий флот всего 92 судна, среди которых находились 14 линейных кораблей. Старый морской волк Газы Хасан-паша — командующий морскими силами Блистательной Порты в ранге капудан-паши — не был сторонником войны. Он помнил Чесменский бой, когда ему еле удалось спастись из огненного смерча, уничтожившего турецкий флот. Но султан повелел разбить русских на Черном море, и Газы Хасан должен был повиноваться. Херсонская парусная эскадра насчитывала 2 линейных корабля, 6 фрегатов; в Севастопольской эскадре было 3 линейных корабля и 14 фрегатов. Но в запасе на Лимане находились уже 65 судов гребной флотилии,— сюрприз, подготовленный Потемкиным.

Обе стороны готовились к решающему столкновению, когда на Лиман прибыл американец Джон Поль Джонс. Императрица, наслышанная о его прошлых победах, пожаловала Джонсу высокий чин контр-адмирала. Потемкин был поставлен перед свершившимся фактом. Он должен был поручить новоиспеченному адмиралу соответствующий пост и отдал приказ о замене командира Херсонской эскадры бригадира Алексиано Джонсом.

Заслуженный моряк, грек-волонтер, поступивший еще в 1769 г. на эскадру Г. А. Спиридова, участник Чесменского сражения и лихих набегов на приморские города Яффу и Бейрут, Алексиано был оскорблен этим назначением и решил подать в отставку. Из

солидарности с ним хотели уйти все служившие на Черноморском флоте греки. Несколько англичан — морских специалистов, служивших по контракту, заявили о нежелании служить с «пиратом», сражавшимся против своей Родины. Суворову, сообщившему Потемкину о том, что он и Джонс встретились в Кинбурне, «как столетние знакомцы», пришлось мирить «господ Флагманов». В письме к Алексиано он заклинал его не оставлять службу, быть с Джонсом на образ римских консулов, «которые древле их честь жертвовали чести Рима», убеждал храброго моряка в переменчивости судьбы, сулящей новые победы и новые лавры. Суворову помогал Иосиф Рибас — дежурный бригадир главнокомандующего, считавший, что «эскадра перестанет существовать», если Алексиано удалится. Наконец, не без помощи Корсакова, Алексиано удалось уговорить. «С того самого времени, как я имел счастие принять Россию за свое отечество,— писал он Потемкину,— никогда я ни от чего не отказывался и прихотей на оказывал. Критические обстоятельства, в которых мы находимся, и любовь общего блага меня решили. Я остаюсь, но чувствую обиду». Положение усугублялось интригами Мордвинова, обиженного тем, что его отстранили от командования. Старший по званию, Суворов оказался в эпицентре конфликта между моряками. Еле сдерживаемое раздражение прорывается в письме его к Попову: «Ежели слушать общих прихотей, то у меня ближе всех моя подмосковная... Мы не французы, мы русские, я не наемник». Он делает все для того, чтобы поддержать хорошие отношения и с Нассау, и с Джонсом — командующими двух независимых эскадр: гребной и парусной. Его очень беспокоит положение Кинбурна, и он просит адмиралов прислать несколько судов для прикрытия крепости. Моряки ссылаются на ветер, на невозможность разделить силы и прочие причины, выходящие за рамки компетенции сухопутных начальников. Суворов вынужден принять правила игры: «Вы, как моряк, принимайте надлежащие меры,— пишет он Нассау, не мне, человеку сухопутному, Вам указывать». «Я солдат, а моряком сроду не был»,— прибавляет он в письме Джонсу. Прибытие американца нарушило субординацию среди морских начальников. Нассау, имея чин контр-адмирала, мог приказывать бригадиру Алексиано. С Джонсом Нассау оказался в равных чинах. Потемкин, занятый маршем главных сил к Очакову, не мог лично руководить операциями на Лимане. Поэтому Суворову пришлось использовать свой авторитет, чтобы накануне боев согласовать действия моряков между собой. Общее руководство принял на себя Нассav.

7 июня в 7 часов утра турецкая греоная флотилия,

поддержанная несколькими парусными судами, пошла в атаку на русские суда, занявшие сильную позицию в Лимане. Встречный ветер не позволил действовать парусной эскадре Джонса, и все сражение вела гребная флотилия. И сам Нассау, и командовавший правым флангом Алексиано, где были запорожские лодки, и перешедший на гребную флотилию Джонс действовали энергично. Более искусная русская артиллерия решила дело. Турки потеряли один корабль и одну шебеку, взлетевшие на воздух, и, не выдержав огня, бежали. Газы Хасан даже приказал стрелять по своим, чтобы остановить бегущих.

«Батюшка Князь Григорий Александрович,—- коротко рапортовал Суворов, наблюдавший бой с Кинбурнской косы.— Цалую Ваши руки! Главное дарование великого человека — знать избирать особ по их талантам». Он пишет большое письмо морякам, поздравляя Нассау, Алексиано, Рибаса и его брата Эммануэля, голландца Винтера и других участников сражения. Он просит Нассау переслать ободрительную записку кошевому атаману Сидору Белому, командовавшему храбрыми запорожцами. И только одного офицера, отличившегося в сражении, Суворов «забывает» поздравить. Это инженер-полковник Корсаков. В большом письме Рибасу от 12—13 июня Суворов, вспоминая раздоры между моряками накануне сражения, резко отзывается о Джонсе и Мордвинове, о капризности морских начальников. «Коли по прихоти их не сбывается, сразу грозят отставкой... Это мое зубоскальство, хотя и против моей воли», — прибавляет Суворов. Но особенно досадил ему некто «С», который при обсуждении плана бомбардирования Очакова, разработанного Суворовым совместно с Нассау, бросил реплику, глубоко задевшую Суворова; «Все себе заграбил!» Он трижды повторяет эти слова по-русски во французском письме Рибасу.

Полевой, державший в руках это письмо и опубликовавший из него большие отрывки в своей книге, решил, что под «С» Суворов зашифровал Потемкина [89]. С тех пор и пошло: то один, то другой биограф Суворова помянет недобрым словом Светлейшею, якобы бросившего гневный упрек своему гениальному подчиненному: «Все себе заграбил!» Но Полевой не взял на себя труд процитировать письмо до конца. Оно не датировано. Полевой отнес его к середине июля, когда Потемкин был уже под стенами Очакова. Реплика «Все себе заграбил» предваряет в версии Полевого конфликт между Потемкиным и Суворовым, происшедший после неудачного дела 27 июля. Прочитаем внимательно текст письма, дошедшего до наших дней в оригинале. Из текста следует, что оно написано после

сооружения второй батареи на Кинбурнской косе (закончена 10 июня) и до второго сражения на Лимане, которое произошло 17—48 июня.

«Знавал я "С"» в те поры,— продолжает Суворов, когда сопливец сей был еще у гугнивого Фагота подпевалой. Служил-то он все больше пером; оглядите все его чины и награды — фавор, и ничего кроме. Наглый, скрытный, раболепный, вероломный, да и натура его обделила здравым смыслом, так что сроду не случалось ему мысль до конца додумать. Далее не продолжаю — сами портрет можете довершить, ибо у Вас таковых в избытке».

Как мог Полевой превратить «сопливца», «подпевалу гугнивого Фагота» (князя Репнина, прозванного так Суворовым за гнусавый тембр голоса) в Потемкина, одному Богу известно. Речь идет о сравнительно молодом офицере. Скорее всего об артиллеристе или инженере, ибо он спорит с Суворовым об углах обстрела крепости. В том же письме упоминается некий «Сэр Политик», на поводу у которого якобы идет американец Поль Джонс. Популярный персонаж сатирической пьесы Г. Филдинга — «Сэр Политик» недалек умом, болтлив, как и загадочный «С». Раскрыть загадку помогает сам Суворов. В письме Нассау от 3 июня он прямо пишет: «Корсаков желает взяться за старое и изобразить Сэра Политика». Итак, это Корсаков, который, как кажется Суворову, выдал Потемкину план штурма Очакова, составленный им вместе с Нассау.

Раздражение Суворова хлещет через край. На Лимане начались боевые действия, а он не у дел. Моряки, тот же Джонс, советуют ему заложить на косе батарею, которая

могла бы обстреливать калеными ядрами узкий фарватер. Но разве они, занятые собственными интересами, понимают, что такое батарея на косе, открытой для огня турецкой корабельной артиллерии и с моря и с лимана? Разве им привелось испытать этот губительный огонь, как ему, 1 октября прошлого года? Он сам знает, что делать. Он закладывает батарею (блокфорт) скрытно, чтобы ее не обнаружил противник. Он приказывает артиллеристам блокфорта притаиться до решающего сражения, которое — он чувствует — не за горами. И в этом состоянии ожидания он обрушивается на Корсакова, считая полезным проучить зазнавшегося мальчишку. Суворов очень откровенен с Рибасом. Порой ему самому кажется, что он переборщил, поэтому в одном из писем Попову (от 14 июня) он просит: «Пожалуйте, жгите тотчас эти письмы: у Вас всегда хоровод трутней».

16 июня Газы Хасан решает использовать мощь артиллерии линейных кораблей и ведет их в Лиман. Это ошибка. Тяжелые корабли с трудом маневрируют на мелководье, садятся на мель,

делаясь добычей проворных гребных судов. Сражение разгорается в 4 часа утра 17 июня. Потемкин успевает прислать подкрепление — 22 новых канонерских лодки.

«Ура! Светлейший Князь. У нас шебека 18-пушечная. Корабль 60-пуш [ечный] не палит, окружен, Адмиральский 70-пуш[ечный] спустил свой флаг. Наши на нем»,— доносит Суворов 17 июня. В коротенькой записочке, посланной Нассау, сквозит ревность к удачливому морскому предводителю: «Увы! Какая слава Вам, блистательный Принц! Завтра у меня благодарственный молебен. А мне одни слезы...»

Но и он все-таки внес свою лепту в победу. Противник, потеряв в жестоком бою два линейных корабля (в том числе корабль самого Газы Хасана) и одну шебеку, отступил. Ночью турецкие корабли стали выходить из Лимана, и тогда заговорили батареи Суворова. Внезапность обстрела деморализовала противника. Капитаны турецких кораблей решили, что они сбились с курса и вместо пролива подошли к Кинбурнской крепости. Корабли стали на якорь. Раскаленные ядра наносили им тяжелые повреждения, пробивая оба борта. Артиллеристы суворовского блокфорта потопили 7 судов (экипажи до 1500 человек, вооружение — 120—130 орудий). Суворов дал знать Нассау. Тот решил бросить в бой гребную флотилию. Но Джонс, опасаясь за свою эскадру, потребовал прикрытия. Между адмиралами произошла ссора. Оставив американцу несколько судов, Нассау все же настиг противника. В новом сражении было взорвано 5 линейных кораблей, 1 фрегат был взят невредимым.

«Теперь у нас на Лимане идет окончательное,— торопится сообщить Потемкину Суворов.-— В дыму слышно "ура! " И, наконец, итог: "Виктория... мой любезный шеф! 6 кораблей". Суворов просит Светлейшего не забыть при наградах артиллеристов блокфорта и советует назвать именем Нассау захваченный у противника фрегат. О себе же с грустью прибавляет: «Я только зритель; жаль, что не был на абордаже; Принцу Нассау мне остается только ревновать. Отправляю пленных в Херсон».

«Мой друг сердешный, любезный друг,— восторженно отвечал ему Потемкин,— Лодки бьют корабли.... Боже, дай мне тебя найтить в Очакове; попытайся с ними переговорить, обещай моим именем цельность имения, жен, детей. Прости, друг сердечный, я без ума от радости...» [90]

Суворов разделял восторги своего начальника: «Прежде Очаков не наш, разбит флот. Ныне не наш... горд; знает одного Вас, падет пред Ваши ноги... Слезы в моих глазах от утехи».

Успех следовал за успехом. 1 июля флотилия Нассау на

глазах прибывшего к Очакову Потемкина уничтожила турецкие суда, спасавшиеся под стенами крепости. Ушедший еще ранее флот Газы Хасана 3 июля у мыса Фидониси был настигнут Севастопольским флотом. Противник не выдержал боя и отступил. Первое настоящее морское сражение Черноморский флот выиграл.

«Мы лодками разбили в щепы их флот и истребили лутчее,— писал Потемкин императрице.—- Матушка, будьте щедры к Нассау, сколько его трудов и усердия, и к Алексиану, который его сотрудником. А пират наш (Джонс.— В.Л.) не совоин. Воздайте всем трудившимся... Вот, матушка, сколько было заботы, чтобы в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля. Не сказывая никому, но флот Архипелажский теперь остановить совсем можно... Бог поможет — мы и отсюда управимся» [91]. План Потемкина блестяще удался. В сражениях на Лимане противник потерял 15 кораблей и фрегатов, не считая более мелких судов,— целый флот, превосходивший мощью Севастопольскую и Херсонскую эскадры.

25 июня после торжественного молебна в Петербурге за победу на Лимане в столицу пришло известие о нападении шведов на пограничный укрепленный пункт Нейшлот. Началась война на севере.

В начале июля к Очакову стали подходить основные силы армии. Казалось, участь Очакова решена. Но дух защитников крепости не был сломлен поражениями флота. Существует утвердившееся в литературе мнение, что турецкая армия была малобоеспособной, с командным составом, пребывавшим в состоянии хронического разложения. Боевая история турецкой армии не дает основании для таких оценок. Все войны России с Турцией отличались большим напряжением сил. Австрийская армия, на счету которой были блестящие победы над пруссаками и французами, часто терпела серьезные неудачи в войнах с Турцией. В 1788 г. австрийцы, в соответствии с союзным договором, вступили в войну против Порты на стороне России. Несмотря на значительные силы, выставленные против турок, они потерпели ряд тяжелых поражений. Особенным упорством отличались турецкие войска при обороне крепостей. Вспомним мужественную защиту Измаила в 1790 г.; оборону Аккры, обрекшую на неудачу египетскую авантюру генерала Бонапарта в 1799 г.; героическую оборону Плевны в 1877 г., сорвавшую стратегические замыслы русского командования; оборону Дарданелл в 1916 г., окончившуюся тяжелыми потерями англо-французского флота.

Защита Очакова не является исключением: крепость

выдержала пятимесячную осаду. Поскольку с Очаковской осадой связан широко известный конфликт Суворова с Потемкиным, давший повод к многочисленным обвинениям главнокомандующего в гонениях на великого полководца, остановимся на этом эпизоде подробнее.

27 июля гарнизон Очакова предпринял вылазку. Отряд турок скрытно пробрался садами и оврагами к постам бугских казаков на левом фланге русской армии, полукольцом обложившей крепость, и внезапно напал на них. Левым флангом командовал Суворов. Получив известие о нападении, он подкрепил казаков гренадерами батальона Фишера. Завязался встречный бой. Турки подбросили подкрепление. Суворов тоже. Бой происходил с переменным успехом. Суворов несколько раз пытался вывести свои части из огня. В разгар схватки он был ранен пулей в шею и вынужден был уехать в лагерь. Сменивший его генерал-поручик Ю. Б. Бибиков не сумел организовать отход. Гренадеры отступили в беспорядке, понеся значительные потери — до 400 человек.

Обратимся к документам. Запрос Потемкина от 27 июля:

«Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам. К тому же мне странно, что вы в присутствии моем делаете движения без моего приказания пехотою и конницею. Ни за что потеряно бесценных людей столько, что их бы довольно было и для всего Очакова. Извольте меня уведомить, что у вас происходить будет, а не так, что ниже прислали мне сказать о движении вперед» [92].

Суворов замедлил с ответом и рапортовал только на другой день. Этим вызван второй запрос главнокомандующего — от 28 июля: «Будучи в неведении о причинах и предмете вчерашнего произшествия, желаю я знать, с каким предположением Ваше Высокопревосходительство поступили на оное, не донося мне ни о чем во все продолжение дела, не сообща намерений ваших прилежащим к вам начальникам и устремясь без артиллерии противу неприятеля, пользующегося всеми местными выгодами. Я требую, чтоб Ваше Высокопревосходительство немедленно меня о сем уведомили и изъяснили бы мне обстоятельно все подробности сего дела» [93].

28 июля двумя собственноручными рапортами Суворов подробно донес о происшедшем.

Рапорт № 947. «Вчера пополудни в 2 часа из Очакова выехали конных до 50-ти турков, открывая путь своей пехоте, которая следовала скрытно лощинами числом до 500. Бугские казаки при г. полковнике Скаржинском, конных до 60-ти, пехотных до 100, три раза сразились, выбивая неверных из своих пунктов, но не могли стоять. Извещен я был от его, г. Скаржинского. Толь

нужный случай в наглом покушении неверных решил меня поспешить отрядить 93 ч[еловека] стрелков Фанагорийского полку к прогнанию, которые, немедленно атаковав их сильным огнем, сбили; к чему и Фишера батальон при господине Майоре Загряжском последовал. Наши люди так сражались, что удержать их невозможно было, хотя я посылал, во-первых, донского казака Алексея Позднышева, во-вторых, вахмистра Михаилу Тищенка, в-третьих, секунд-майора Куриса, и, наконец, господина полковника Скаржинского. Турки из крепости умножились и весьма поспешно, было уже их до 3000 пехоты, все они обратились на стрелков и Фишера баталион. Тут я ранен и оставил их в лутчем действии. После приспел и Фанагорийский баталион при полковнике Сытине, чего ради я господину Генерал-Порутчику и Кавалеру Бибикову приказал подаватца назад. Другие два батальона поставлены были от лагеря в 1-й версте, но приоытии моем в лагерь посыланы еще от меня секунд-майор Курис и разные ординарцы с приказанием возвратитца назад. Неверные были сбиты и начали отходить». Далее следуют сведения о потерях противника убито от 300 до 500, раненых гораздо более того. Наши потери — убито 153, ранено 210 человек.

На второй запрос Суворов доложил, что «причина вчерашнего происшествия» была вызвана нападением турок на пикеты бугских казаков, что артиллерии не было из-за малого количества неприятельского отряда, что о начале и продолжении дела он докладывал чрез пикетных казаков, а прилежащих начальников не уведомил, потому что сам «при происшествии дела находился… Обстоятельства Вашей Светлости я донес сего числа, а произошло медление в нескором доставлении онаго по слабости здоровья моего».

Полевой в своей книге выдвинул версию о том, что Суворов якобы был недоволен медлительностью Потемкина и решил воспользоваться вылазкой турок, чтобы на их плечах ворваться в крепость и побудить тем самым осторожного главнокомандующего к общему штурму. Судя по всему, Полевой не знал приведенных выше рапортов Суворова. Он отыскал в сочинениях принца Де Линя письмо, посланное им императору Иосифу из лагеря под Очаковом, В письме по горячим следам было описано дело 27 июля. Де Линь находился при Потемкине в качестве представителя союзников. Он писал, что во время боя «так называемого непобедимого Суворова» защитники крепости перебросили все силы против его отряда и оголили другие участки. Де Линь, по его словам, поспешил к Потемкину и умолял главнокомандующего начать общий штурм. Но тот якобы в

отчаянии заламывал руки, рыдал, сожалея о напрасных потерях.

Оставим на совести принца это свидетельство. Утверждение о легкой возможности овладеть Очаковом 27 июля (единственное свидетельство такого рода из уст очевидцев) вызывает серьезное сомнение. Ожесточенность, с какой дрались турки, большие потери, понесенные гренадерами, говорят не в пользу версии Де Линя. Импровизация при штурме такой мощной крепости, над укреплением которой несколько лет трудились французские инженеры, вряд ли увенчалась бы успехом. У принца был свой расчет торопить Потемкина со взятием Очакова: высвободившиеся русские войска могли бы отвлечь на себя главные силы турок, успешно действовавших против австрийцев. Ведь сам император Иосиф едва не погиб во время панического бегства своих войск, столкнувшихся на марше с противником.

Лучшим доказательством того, что у Суворова не было намерения штурмовать Очаков, является отсутствие артиллерии в его отряде. Схема Полевого, как видим, страдает большими натяжками. Осадные работы только начинались. Генералы Репнин и Меллер на запрос Потемкина высказались за правильную осаду с возведением траншей и батарей. Постепенно приближая батареи к стенам крепости, осаждающие стремились подавить артиллерию обороняющихся и пробить брешь в стене. Но под Очаковом каменистая почва затрудняла шанцевые работы, батареи воздвигались медленно.

Ранние биографы Суворова Антинг и Фукс довольно глухо рассказывают о деле 27 июля (причем Антинг даже приводит ошибочную дату — 27 августа) и ни словом не говорят о возможности овладеть Очаковом в тот день. Не пишут они и о гневе Потемкина. Большие потери среди гренадер Антинг и Фукс приписывают неумелым распоряжением генерала Бибикова, сменившего раненого Суворова. Сам Суворов в автобиографии 1790 г. пишет о «неудобности мест, наполненных рвами», которые «способствовали неприятелю держаться», о «весьма кровопролитном сражении» и «превосходном числе неприятеля». Из его слов следует, что руководимые им войска добились успеха, прогнав неприятеля в ретраншемент. Большие потери своих войск он связывает со своим ранением, причем делает любопытную оговорку: «при сем я ранен в шею не тяжело». Но Суворов болезненно переживал неудачу, едва ли не самую значительную в его боевой практике. Уже 2 августа он отпрашивается в Кинбурн под предлогом «болезни раны». Припомним, что после Кинбурнской победы дважды раненный в сражении Суворов остался при своих войсках. А теперь, между 2 и 10 августа 1788 г., он пишет три послания Потемкину, которые дали повод

Полевому и другим биографам полководца драматизировать конфликт. Меняя последовательность писем, перемежая их анекдотами, Полевой сделал вывод о том, что Суворову «оставалось просить об увольнении... Потемкин был неумолим, он хотел доказать, что если гнев его постиг кого-либо, то для такого опального нет службы нигде ни по практике, ни по степени. Все заслуги Суворова были забыты» [94].

Но факты и прежде всего письма самого Суворова опровергают версию Полевого. Рассмотрим все по порядку.

«Болезнь раны моей и оттого слабость удручают меня,— начинает Суворов письмо Потемкину от 2 августа.— Позвольте, Светлейший Князь, Милостивый Государь, на кратчайшее время к снисканию покоя отлучиться в Кинбурн. Я надеюсь на Всемогущего, недель чрез две укреплюсь; не теряя ни минуты, буду сюда, естли и прежде того не повелите». Разрешение было дано.

Важно отметить, что Суворов не считал свою рану опасной и готов был вернуться через две недели, если... если Потемкин не позовет его ранее того. Но главнокомандующий не позвал. Занятый осадными работами, он еще не остыл от переживаний последних неудачных для русских войск дней. 25 июля при рекогносцировке Очакова турецким ядром раздробило ноги И. М. Синельникову — екатеринославскому губернатору, только что прибывшему в лагерь. Он стоял в нескольких шагах от главнокомандующего. В страшных мучениях Синельников просил у Потемкина милости — застрелить его. Синельников умер через несколько дней. 26 июля Потемкин лично руководит обстрелом крепости с возведенных первыми батарей. 27 июля происходит несчастное суворовское дело: потеря в людях почти равна кинбурнской. Но там была победа, а здесь... В донесении императрице Потемкин почти слово в слово повторил рапорт Суворова, подчеркнув героизм сражавшихся солдат: «В сем сражении гранодеры поступали с жаром и неустрашимостию, которым редко найти можно примера»,— писал он, прибавив, что среди раненых — «Генерал- Аншеф Суворов легко в шею» [95]. В официальном донесении главнокомандующий не позволил даже намека на вину Суворова. В личном письме Екатерине Потемкин более откровенен: «Перед приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек лишь с Ф[ишера] батали[она]. У меня на левом фланге в 6 верстах затеял после обеда шармицель, и к казакам соединив два бат [алиона], забежал с ними, не уведомя никого прикосновенных, и без пушек, а турки его чрез рвы, коих много на берегу, отрезали. Его ранили,

он ускакал в лагерь, протчее осталось без начальника. И к счастию, что его ранили, а то бы он и остальных завел, м, услышав о сем деле, не верил. Наконец, послал пушки, под которыми и отретировались, потеряв 160 убитыми, остальные ранены» [96]. Это письмо от 6 августа 1788 г. неизвестно историкам. Потемкин, рассказывая правду об осаде Очакова, трудности которой в Петербурге еще не понимали, описывает само дело как один из эпизодов, которыми так ильна война. И хотя он говорит о «дурачестве» виновника дела, но самого его почтительно именует Александром Васильевичем. Как говорится, и на старуху бывает проруха.

«Не безпокоит меня ныне шведская война, — отвечала императрица,— ибо финские войски бунтуют и не хотя идти на нас наступательно. Да кажется, что и шведы также не точную охоту оказывают исполнять произвольные и законам их противные хотения Фуфлыги-богатыря (т. е. Густава III.— В. JL). Но безпокоит меня твоя ногтееда, о которой ты меня извещаешь своим письмом от 6 августа после трехнедельного молчания. Мне кажется, что ты ранен, а оное скрываешь от меня. Синельников, конечно, был близок от тебя, когда он рану получил. Не тем ли ядром и тебя зацепило за пальцы? Я же вижу, что ваше теперешнее состояние под Очаковом весьма заботливо и труднее, нежели я себе представляла». Чутко уловив трудности очаковской осады, Екатерина обнадеживает Потемкина скорым окончанием «дурацкой шведской войны», после чего можно будет послать в Архипелаг флот против турок. В самом конце письма она замечает: «Весьма жаль, что Александр] Васильевич] Суворов столько потерял людей и что сам ранен». Но в беседе с Храповицким 14 августа сдерживаемая досада прорывается наружу: «Читали донесение и письмо Князя Потемкина Таврического от 6-го августа. С Турками было дело 25 и 27 июля; сшалил Суворов, бросясь без спроса, потерял с 400 человек и сам ранен. Он, конечно, был пьян: не сказывай ничего о Суворове».

Откуда у императрицы такие сведения? Ведь Потемкин об этом молчит. Надо полагать у нее были свои информаторы.

В записках графа Роже де Дама, молодого французского офицера, принятого, несмотря на запрет, волонтером в армию Потемкина, читаем: «7 августа (27 июля по старому стилю.— В. Л.) было новое дело на левом фланге, стоявшем под начальством Суворова, которого Князь Потемкин прозвал «Кинбурнским» и который был в отчаянии от того, что был принужден служить под его начальством. Турки сделали вылазку на эту часть. После обеда Суворов был пьян. Он атаковал турок и без всякого порядка и мер предосторожности преследовал их до самых окопов, где

был встречен таким градом артиллерийского и ружейного огня, что потерял много народу. Тогда он стал отступать. Турки все время с успехом преследовали его и изрубили большое количество лучшего его войска. Я осмелился заметить ему, какие несчастия могут последовать, если он не потребует подкрепления. Он упорствовал и потерял половину своих людей. Редко я видел столь кровопролитное дело. Наконец, отбросив его почти до самого его лагеря, турки остановились при виде боевого ряда и закончили эту бесполезнейшую бойню, виновником которой был Суворов, да еще неправильности укреплений на протяжении окопов, не имевших взаимного отношения и таким образом дававших туркам возможности ежедневно делать нападения» [97]. Хотя Дама излагает свои воспоминания в форме дневника, это не дневник. Это именно воспоминания, написанные голы спустя после самих событий. В них много неточностей, ошибок. Так, Дама, лично симпатизировавший Суворову и оставивший замечательное описание первой встречи с ним, даже не упоминает о том, что во время боя 27 июля Суворов был ранен. Принятый в компанию таких лиц, как принцы Нассау, Де Линь, Ангальт, Дама повторяет некоторые сплетни, ходившие среди иностранцев, в частности об «отчаянии Суворова, принужденного служить под начальством Потемкина». Но само описание боя Дама дает верно: горячее, кровопролитное дело, плохо управляемая импровизация без дальнего прицела. «Записки» Дама в русском переводе вышли в 1914 г., а в 1895 г. в «Русской Старине» был опубликован дневник Романа Максимовича Цебрикова — питомца Лейпцигского университета, переводчика Коллегии иностранных дел, назначенного в 1788 г. состоять при походной канцелярии Потемкина. Цебриков вместе с армией прибыл под Очаков и провел в лагере всю кампанию, записывая изо дня в день все, что он «видел, слышал, испытал и пережил».

«27 июля. Был молебен за одержанную над шведским флотом победу и, как говорят, еще за прогнание неприятеля с финляндских границ. И сей день торжествования нашего изменился в несказанную для нас печаль. О, Боже! колико судьбы Твои неисповедимы! После обеда выступает разженный крепкими напитками Генерал Аншеф Суворов с храбрым баталионом старых заслуженных и в прошедшую войну неустрашимостию отличившихся гренадеров из лагерей; сам вперед, ведет их к стенам очаковским. Турки или от страху, или нам в посмеяние, стоя у ворот градских, выгоняют собак в великом множестве из крепости и встравливают против сих воинов. Сии приближаются, турки выходят из крепости, устремляются с неописанною яростию на наших гренадеров, держа в зубах кинжал обоюдоизощренный,

в руке острый меч и в другой оружие, имея в прибавок на боку пару пистолетов; они проходят ров, становятся в боевой порядок — палят. Наши отвечают своей стрельбою. Суворов кричит: «Приступи!» Турки прогоняются в ров; но Суворов получает неопасную в плечо рану от ружейного выстрела и велит преследовать турок в ров; солдаты повинуются, но турки, поспеша выскочить из онаго, стреляют наших гренадеров, убивают, ранят, и малое число оставшихся из них обращаются в бегство. Поспевает с нашей стороны другой баталион для подкрепления, но, по близости крепости, турков число несказанно усугубляется. Наступают сотни казаков, волонтеров и несколько эскадронов легких войск, но турков высыпается тысяч пять из города. Сражение чинится ужасное, проливается кровь, и пули ружейные, ядра, картечи, бомбы из пушек и мечи разного рода —- все устремляется на поражение сих злосчастных жертв — разумных тварей. Лютость турков не довольствуется тем, чтоб убивать... наимучительнейшим образом, но чтоб и надругаться над человечеством, отрезывая головы и унося с собою, натыкая на колья по стенам городским, дабы зверское мщение свое простирать и на безчувственную часть, удивительнейший член состава человека — голову. Не щадятся тут офицеры, коих отцы чрез толь долгое время с рачительностью и великим иждивением воспитывал и... Все в замешательстве, и немного требовалось уже времени для посечения турецким железом наихрабрейших наших воинов, числом против неприятеля весьма немногих, ежели бы Репнин не подоспел было с третьим баталионом и с конным кирасирским полком и не спас сей злосчастной жертвы от конечной гибели, которой пьяная голова оную подвергла. Князь по человеколюбивому и сострадательному сердцу не мог не пролить потока слез, слыша таковые печальные вести, и когда ему сказано было, что любимый его полк кирасирский поведен против неприятеля, то он — «О, Боже мой! Вы всех рады отдать на жертву сим варварам!» Все иностранные офицеры, бывшие на сем сражении зрителями, удивлялись неустрашимости наших солдат, от коих они слышали, когда возвращались в свой стан окровавленные и ранами покрытые: «Мы-де, солдаты, очень стояли крепко, да некому нами было командовать» [98].

Замечательная батальная зарисовка штатского человека, питомца германского университета, набросанная, без сомнения, по рассказам очевидцев в тот злополучный день. И снова никаких намеков на возможность захватить Очаков. Снова виновником происшедшего называется Суворов. Снова упоминается обед и крепкие напитки. Как известно, Суворов придерживался спартанского образа жизни, был очень умерен в еде и в питье. Он

сам воспитал себя воином — выносливым, не боящимся холода, физически крепким. После двух ран, полученных в Кинбурнском сражении, он не покинул поля боя, хотя потерял много крови. Но под Кинбурном он был полным хозяином положения, а в очаковском лагере собралось много разного рода начальников — русские и иностранные генералы, принцы и другие знатные волонтеры, каждый из которых претендовал на первые роли. Даже 23-летний Дама, если верить его запискам, во время боев дает советы то генерал-аншефу Суворову, то генерал-поручику принцу Ангальту, то чуть ли не самому главнокомандующему. Успех в сражениях на Лимане вскружил голову молодому французу. Он был обласкан Потемкиным и по его представлению награжден Георгием 4-го класса. Что же говорить о принце Нассау, ставшем русским вице-адмиралом! Еще в начале войны императрица писала Потемкину о запрещении принимать в армию иностранных волонтеров. «Знатнейшие — были командирам в тягость»,— предупреждает она, ссылаясь на опыт прошлой войны. Исключение было сделано для морских предводителей. Но мы уже видели, к чему это привело накануне сражений на Лимане. Несмотря на проявленную Суворовым предупредительность, Нассау, как видно из суворовского письма к нему от 6 июля, позволил себе бестактность по отношению к русскому генерал-аншефу: «Как принц, Вашим письмом от 4-го Вы выразили желание получить Трегубова, который находится при мне: Вы уж меня простите, да негоже Вам так обходиться со мной, стариком. Если причина тому неудовольствие, то оно прилично начальнику, а никак не капризу подчиненного, иначе впадем мы в анархию».

Потемкин вскоре сам почувствовал вредность подобного положения и стал наводить порядок. И Джонс, и ставший его злейшим врагом Нассау, и Де Линь, и родственник Потемкина польский гетман Браницкий вскоре были удалены из армии, унося обиду на главнокомандующего. Суворов с его взрывчатым темпераментом был первым, кто обнажил всю несуразность субординации, сложившейся в лагере под Очаковом. Бой 27 июля был для него выходом накипевших обид. Он засиделся без настоящего дела, вынужденный наблюдать с суши, как его войска, посаженные на гребные суда, сражаются с неприятелем. Мелкая стычка по его вине превратилась в кровопролитное дело. Потемкин не стал щадить своего любимца и поступил, как и должно поступить начальнику, желающему поддержать дисциплину.

«Не думал я, чтоб гнев Вашей Светлости толь далеко простирался; во всякое время я его старался моим простодушием утолять», —- читаем мы в письме Суворова от августа.

Оказывается, морские офицеры в своих рапортах Суворову привели данные не только о типах кораблей Газы Хасана, появившихся под Очаковом 29 июля, но и умудрились показать калибры корабельных орудий. Эти рапорты, пересланные Суворовым главнокомандующему, вызвали справедливое замечание последнего, которое Суворов принял на свои счет и расценил, как гнев, «Невинность не терпит оправданиев, — продолжает он,— всякий имеет свою систему, так и по службе, я имею и мою; мне не переродиться, и поздно. Светлейший Князь! Успокойте остатки моих дней, шея моя не оцараплена, чувствую сквозную рану, и она не пряма, корпус изломан, так не длинные те дни. Я христианин, имейте человеколюбие. Коли Вы не можете победить Вашу немилость, удалите меня от себя, на что Вам скосить от меня малейшее безпокойство. Есть мне служба в других местах по моей практике, по моей степени; но милости Ваши, где б я ни был, везде помнить буду. В неисправности моей готов стать пред престол Божий». Кажется, в тот же день он набрасывает еще одно письмо: «Какая вдруг перемена Милости Вашей и что могу надеяться в случайных смертному нещастьях, когда ныне безвинно стражду! Противна особа, дела. С честью я служил бы, Милостивый Государь, но жестокие мои раны приносят с собою, Светлейший Князь, утруждать Вашу Светлость о изпрошении Милости Вашей, чтоб изволили дозволить мне на некоторое время отдалиться к стороне Москвы для лутчего излечения оных и поправления моего ослабшего здоровья с жалованием и моему стабу. Я явиться к службе не замедлю».

Эти два письма давно опубликованы: первое М. Антоновским в 1806 г., второе в журнале «Русский вестник» в 1815 г. Первое известно только в копии, второе в виде черновика. Оно написано на одном листке с черновиком третьего письма Потемкину, перебеленного и датированного 10 августа. Но как изменился тон переписки за какие-то сутки! «Если хотите истинной славы, следуйте стопами добродетели,— начинает Суворов по-французски и тут же переходит на родной язык,— последней я предан, первую замыкаю в службе отечества. Для излечения моих ран, поправления здоровья от длинной кампании, еду я к водам, Вы меня отпускаете, минерал их ближе: в обновлении Вашей Милости... Светлейший Князь! Защищайте простонравие мое от ухищрениев ближнего. Против Государственных неприятелей, ежели Бог изволит, я готов, Милостивый Государь! чрез 14 дней».

Совершенно очевидно, что Потемкин сменил гнев на милость. Ободренный Суворов, получив отпуск, прозрачно намекает на чудодейственное лекарство, которое может помочь ему лучше всяких минеральных вод: «вы меня отпускаете,

минерал их ближе: в обновлении Вашей Милости».

В ожидании ответа Суворов дает волю давно сдерживаемому раздражению на засилье иностранцев, В письме Рибасу, не известном биографам Суворова [99], он дает отповедь Нассау. «К 18 июня блокфорт бой выиграл. Нассау всего-то и поджег что, уже разорили да пулями изрешетили»,— пишет Суворов, прибавляя, что он трижды посылал приказы Нассау о наступлении. «Гребная эскадра, как бы там ни было, ни за что бы тогда неверных не настигла. Они бы до последнего своего судна спаслись за 3 часа до прихода Нассау, которого зашвырну я выше Ваших облаков в эфир бесконечный, ради славы флота, ради собственной его славы и духа сопернического. Но меж тем им-то невдомек, что я уже вырос, что помериться могу с Турвилем западным иль с Тюренном. Думал я, что уж получил по заслугам, теперь жду сего по справедливости и надеюсь получить вскорости, ежели Князь найдет сие нужным.

Я русский, не стану француза или немца оскорблять. Злословить можно... Ежели ничего не получу, пусть тогда Князь сделает милость — позволит мне пожить некоторое время наподобие Лаудона, а там пусть действуют за меня тряпки, вдохновляемые Минервой. А коли нет, так я ужо ославлю авантюриста до самых полюсов. Разбранили меня также в газете. Нет, лавры 18 июня— мои, а Нассау только фитиль поджег; а скажу и более — неблагодарный он! Пусть Князь гневается хоть бы и в 10 раз сильнее, все равно не могу Вам не писать. Тошно мне... Здесь у Репнина свой фагот: "племянничек, журавль с крестом, все для предбывшей Чесмы».

Его задевает тот факт, что весь успех сражения 18 июня, когда турецкому флоту были нанесены самые тяжелые потери, приписан Нассау, а его — Суворова — разбранили в газете (в какой, установить не удалось), и он остался не только без наград, но и подвергается насмешкам Репнина, который завел песню о том, будто бы Суворов хлопочет о наградах для своего племянника князя Алексея Горчакова за сражения на Лимане, сравнимые по результатам с Чесмой. Заезжие герои — «тряпки, вдохновляемые Минервой». Они, как греки под стенами Трои, медлительны и нерешительны. Даже прославленный Джонс действовал со своей парусной эскадрой крайне пассивно. Суворов не говорит об этом прямо, но в других письмах (Рибасу и самому Потемкину) Джонсу достается не меньше Нассау, который, кстати говоря, первым вынес приговор американцу: «Поль Джонс доказал нам,— писал он своей жене после боя 18 июня,— что не одно и тоже командовать одним корсаром и целой эскадрой. Однако его преувеличенная репутация затмила бы меня, если бы я не

победил» [100].

Разумеется, не все слова Суворова следует принимать на веру. Блокфорт внес важную лепту в победу 18 июня, но ведь и Нассау пришлось выдержать противодействие Джонса и проявить решимость, чтобы успеть настигнуть турецкие корабли, деморализованные экипажи которых ждали утра, чтобы прорваться из Лимана в открытое мор В тех же письмах жене Нассау отдает должное своим соратникам: «Нет большего удовольствия, как содействовать выигрышу сражения! Но это удовольствие я буду часто иметь с русскими. Офицеры, бывшие под моей командой, солдаты и матросы — все вели себя как герои! Никого нет в мире храбрее русских» [101]

В отрывистом тексте письма Суворова Рибасу проступают новые подробности злополучного боя 27 июля, случившегося на глазах иностранцев, заезжих «знатоков военного искусства», не способных даже понять, что он — Суворов — знает военное дело не хуже самого Тюренна или знаменитого адмирала Турвилля.

«Проклятые волонтеры, самый проклятый — Дама, словно мне равный... Коли не в нашей службе, с радостью уступлю место Нассау-иностранцу, а иначе — ни за что, хоть даже и в одном был со мною чине... Сопливец Дама, друг его (Нассау.— В.Л.), возомнил, что мне равен, подходит и кричит мне: "Сударь!" ... Берется в полный голос распоряжаться, русские слышат язык французский словно от играющего свою роль актера, а между тем я, командующий, ни на мгновение ни единого слова, кроме его приказов, услышать не могу. Я в бешенство пришел. Думали, что я в тылу, а я принужден был команды давать чрез младших чинов, и потому Фишера упустил, который дошел уже до края бездны, а как достал я его, он уже был там. Другой, повежливее Дама, привязался ко мне, представлялся будто на обеде, из виду меня не терял (говорю Вам, пусть Князь о сем думает, как хочет, я же все сие видел. В другой раз, коли так придется, выгоню их, да и наших, кнутом, ибо за исход боя я отвечаю, а ежели им угодно, так я их саблей). Есть способ от пуль укрыться. Кстати, слева от меня был один, но честный человек. Я поворачиваю круто вправо, воспитанный волонтер предо мной. Вдруг левый повод у меня хватает, моя лошадь еще на пядь — и конец. Хотел бы я, чтобы Вы о нем разузнали. Коли останусь жив, буду у Князя. Я русский, не потерплю, чтоб меня теснили эти господа... боюсь рана моя чрез месяц заживет, а за три недели скажу спасибо. Турки больше делать вылазок не станут. Другое дело, если надобно, приманим их... У меня 27 артиллерии не было. Она была в резервном корпусе. Александр Николаевич там был. С. меня фальготировал... Последние слова мои были касательно того,

чтоб другой баталион позвать, а 1-й притянуть... Вы знаете, у меня всегда ординарцев мало... Мне бы их прислали, у меня бы их на раздачу приказов не хватило. Субординация! Стыдно мне говорить о сем. Разве не я громче всех кричал против неподчинения?! Хватит... да, истинная правда: я ведь не разбираюсь в пехоте, я там и недели подряд не служил во всю жизнь, которая вот-вот кончится, а до того пребуду при Князе, ежеле только сам он меня не откомандирует».

Как видим, во время боя не только Дама давал советы русскому генерал-аншефу. Какой-то другой волонтер-иностранец даже схватил лошадь Суворова за повод — и тут последовал выстрел. Без преувеличения Суворов был на волос от смерти. Весь ход боя в пересказе Суворова выглядит, как жаркая, неуправляемая стычка, что подтверждается и другими свидетельствами. С опозданием Суворов дает ответ на запрос Потемкина о причине отсутствия артиллерии.

Она, по его словам, была неподалеку, у Александра Николаевича Самойлова, но, очевидно, последний не проявил инициативы и не поддержал попавшего в трудное положение Суворова. Возможно, в своих рапортах Потемкину от 28 июля Суворов сознательно затемнил ход дела, не желая перекладывать свою вину на других. В конце письма звучит горькая ирония: сначала иностранцы оттерли его от боевого дела под предлогом незнания им морской службы, теперь, чего доброго, обвинят в незнании азов военного ремесла.

Рибас, похоже, поделился содержанием суворовского письма с Поповым, и 18 августа Суворов в большом письме Василию Степановичу вынужден оправдываться: «Басни и дело!.. Вы сами знаете, подозрения быть не могло: природа не одарила меня безчестностью, перемениться мне поздно, буду всегда тот же... Честь моя мне дороже всего, покровитель ей Бог!» Чувствуя, что переборщил, нападая на Нассау и других волонтеров, Суворов просит Попова различать слова и дела. И тут же напоминает о своей якобы «смертельной ране», которая и «ныне с остатком того, будто до будущей недели. Знаете, что лекари льстят»,

простодушно прибавляет он, рассчитывая на передачу этих слов Потемкину.

Ни одно ответное письмо Попова, Рибаса и Потемкина тех дней до нас не дошло. М. Антоновский в первом издании «Науки побеждать» опубликовал в приложении несколько писем Суворова, среди которых оказалось еще одно «послание» Потемкину, относящееся к очаковскому конфликту: «Боже мой! Как я обезпокоил Вашу Светлость, моего благодетеля. Скромность, притворство, благонравие, своенравие, твердость и

упрямство равногласны, что разуметь изволите? Общий порок человечества». (Потемкин, судя по всему, передал своему любимцу благожелательный ответ, но напомнил ему о его горячности и стремлении всюду быть первым. «Суворова не пересуворишь!» — говаривал он. Поэтому Суворов и переводит диалог в русло моральных сентенций, рассуждая о слабостях, присущих всему человеческому роду). «Для меня толк пятой заповеди по естеству или случаям,— продолжает он.— Один способен к первой роле, другой ко второй; не в своей роле испортят. Обоим воинские законы руководством, щастье от их правил!.. Лаудон добрый человек, взял шуткою — Дубицу. Кто у Вас отнимает, Светлейший Князь, Вы великий человек, Вы начальник начальников, Вы говорите: их слава — Ваша слава; кто ж из них за нею бегает — она бежит от того, а истина благосклонна одному достоинству.

Милостивый Государь, добродетель всегда гонима, покровительство ближе всех к Вам, Вы вечны, Вы кратки, в него я себя поручаю».

Ссылка на австрийского полководца Лаудона, победителя прусаков в Семилетней войне, весьма примечательна. Престарелый фельдмаршал жил на покое. Неудачи австрийцев в кампании против турок 1788 г. заставили императора Иосифа «вспомнить» старика. Возглавив армию, Лаудон сразу вдохнул в нее победоносный дух и без особого труда — «шуткою»— взял сильную крепость Дубицу, Намек очевиден: недостатки недостатками, а положиться на него — Суворова, как и на Лаудона, можно — он не подведет. Уже это письмо, написанное судя по всему, 18 августа, одновременно с датированным письмом Попову, свидетельствует о том, что конфликт почти исчерпан.

18 августа противник сделал новую вылазку, во время которой был тяжело ранен в голову Кутузов. Де Линь, стоявший с ним рядом, написал в Вену: «Кутузов не доживет до утра». Он ошибся, как ошибся и Суворов, уверявший Рибаса в том, что после 27 июля «турки больше делать вылазок не станут». Потери только убитыми составили 6 офицеров и 70 солдат. Дама, раненный пулей в плечо, вспоминал, что «никогда еще турки не делали вылазки с подобной яростью. Я должен признаться, что в этот день я видел самое большое колебание в русских войсках, в особенности между офицерами». Помог Нассау, открывший с судов флотилии огонь во фланг туркам.

Вылазка 18 августа была не последней. Осада продолжалась. Суворов не поехал к водам для излечения раны, остался в Кинбурне и едва не погиб при взрыве снарядной лаборатории 20

августа. Взрыв причинил большие разрушения, но по счастливой случайности уцелели бочки с порохом, находившиеся там же Попов прислал Суворову свои соболезнования. «Я, благодаря Всевышнего, большого вреда, кроме нескольких малых на лице знаков и удара в грудь, не получил, — диктует Суворов своему адъютанту 22 августа. И тут же следует собственноручная приписка: «Ох братец, а колено, а локоть. Простите, сам не пишу, хвор». Но как вдруг переменилось настроение у больного! Тем же 22 августа помечено другое письмо Суворова: «Батюшка Князь Григорий Александрович! Нижайше благодарю Вашу Светлость за Милостивое Ваше письмо и Г[оспо]жу Давье. Как Вам наипреданнейший вечно! Здесь я служить могу, Бог даст и дале, дух мой бодр; цалую Ваши руки». Без сомнения, Потемкин, приславший сиделку — госпожу Давье — для ухода за раненым Суворовым, высказал сочувствие своему «другу сердешному». Этого было достаточно, чтобы воскресить «умирающего».

Итак, отношения между Потемкиным и Суворовым были восстановлены уже 22 августа.

Как и у каждого человека, у Суворова были слабые стороны характера: горячность, нетерпеливость, мнительность, раздражительность. Он сам сознавал это и говорил о себе: «Я иногда растение «Noli mi tanger», то есть, не трогай меня, иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не убьет» [102]. Он был отходчив и совестлив и не стыдился признаться в своей неправоте. 24 августа Суворов узнает, что Корсаков, руководивший возведением осадных батарей, поскользнулся, упал в ров и накололся на собственную шпагу. Суворов был потрясен. Все обиды и подозрения ушли, осталось уважение к памяти талантливого человека. «Я оплакиваю Николая Ивановича. Он скончался, — пишет Суворов по-французски Рибасу. — Я знал его еще ребенком. Избранное им поприще побуждало его к великим деяниям. Отечество теряет в нем человека редкого. Грудь моя болит более всего. Шея медленно заживает».

Суворов не вернулся в лагерь под Очаков. Может быть, причиной тому была плохо заживающая рана на шее и контузия в грудь, полученная при взрыве в Кинбурне. Но, скорее всего, Суворов, привыкший с легкой руки Потемкина к самостоятельности, не захотел играть вторые роли среди генералов, прибывших под стены крепости. Находясь в Кинбурне, он почти ежедневно доносит Потемкину о состоянии вверенных ему войск, об обстановке на море. Сохранились и письма Суворова Потемкину. О характере их переписки может дать представление письмо от 11 сентября: «При нижайшей

благодарности за Милостивое Ваше письмо от 8-го ч. сего месяца желаю Вашей Светлости служить паче моею кровью. Раны на шее только что затворятся на этой неделе, но другие увечья пуще скучны». Потемкин не настаивал. Он продолжал методично сжимать полукольцо батарей под Очаковом. Бомбардировки с воды и с суши наносили большие разрушения крепости, но гарнизон мужественно держался, время от времени совершая дерзкие вылазки.

Сильно беспокоил и флот противника. Блокада Очакова судами Херсонской парусной эскадры оказалась ненадежной. Турецкие корабли прорывались к осажденной крепости и подбрасывали подкрепления. Существовала постоянная угроза высадки десантов в тыл осадной армии. И все же Потемкину удалось выполнить свой план: турецкий флот был прикован к крепости и потерял стратегическую инициативу. Были и другие важные причины, по которым Потемкин не спешил со штурмом Очакова. Внимательно следя за развитием международной обстановки, он сделал вывод, что война со взятием Очакова не кончится, что предстоит долгая и тяжелая борьба с антирусской коалицией. И он стремился сберечь кадры офицеров и унтер-офицеров, необходимые для ведения длительной войны. Потемкина часто упрекают в том, что затягивание очаковской осады стоило его армии несравненно больших жертв, чем штурм. Но болезни были бичом армии и до и после очаковской осады. Свидетели (тот же Цебриков) отмечают изумительную заботливость Потемкина о солдатах. Когда наступили холода, армия получила теплые вещи. Все свои просторные, утепленные шатры главнокомандующий передал солдатам. Никто из критиков Потемкина не потрудился вспомнить, что в Первую турецкую войну русская армия, несмотря на блестящие победы Румянцева в 1770 г., оказалась настолько ослабленной болезнями, что с большим трудом смогла вести активные операции в 1773 и 1774 гг. Кампания Потемкина после очаковской осады была не просто блестящей — выдающейся!

И, наконец, автор этих строк располагает данными [103], свидетельствующими о том, что Потемкин через своих лазутчиков вел тайные переговоры с влиятельными лицами из очаковского гарнизона, добиваясь бескровной капитуляции крепости. Но заговоры были открыты, а их участники казнены.

4 ноября турецкий флот ушел из-под очаковских стен зимовать на юг. 7 ноября запорожцы по приказу Потемкина взяли приступом остров Березань — важный укрепленный пункт на подступах к Очакову. Сильные снегопады приостановили активные действия. 1 декабря главнокомандующий подписал

составленную им диспозицию штурма крепости. Удар наносился одновременно шестью колоннами с разных направлений. Для развития успеха был выделен резерв. Атака должна была вестись со всей решительностью. 4 декабря Потемкин провел последнюю рекогносцировку. 5 на совещании генералитета были уточнены задачи колонн. 6 в семь часов утра начался штурм. Через час с четвертью все было кончено.

«Поздравляю Вас с крепостию, которую турки паче всего берегли,— писал Потемкин из Очакова императрице.— Дело столь славно и порядочно произошло, что едва на экзерциции бывает лутче. Гарнизон до двенадцати тысяч отборных людей — не меньше на месте положено семи тысяч. Но в погребах и землянках побито много. Урон наш умеренный, только много перебито и переранено офицеров, которые шли с жадным усердием и мужеством. Убит Генерал-Майор князь Волконский на ретраншементе и бригадир Горич на стене. Ой, как мне их жаль. Войско казацкое из однодворцев, по Вашему указу только что сформированное, было пехотою на штурме и чудеса делало. Их предводители донские полковники — молодые люди оказали необыкновенную храбрость... Тяготят меня пленные, а паче женщины. Зима жестока, как в России. Отправлять их хлопот много. В городе строения переломаны нашими пушками. Много нужно починивать. Также забот немало — полки ввести в квартеры, тем паче, что поляки не хотят пустить. Александр Николаевич (Самойлов. В. Л.) вошел первый в крепость, а потом с другой стороны Ангальт. Армия моя почти наголову из рекрут, но когда есть Божья помощь, то все побеждает» [104].

Считавшаяся неприступной крепость пала. Потери противника составили 9,5 тысяч убитых и 4 тысячи пленных, не считая обывателей. В крепости были взяты огромные трофеи — 310 пушек, 180 знамен и оружия на несколько тысяч человек. Сохранились свидетельства о том, что Потемкин не мог видеть без слез жестокого штурма. «Твоему упрямству обязаны мы этим кровопролитием!»— крикнул он плененному очаковскому коменданту трехбунчужному Гусейн-паше. «Оставь напрасные упреки,— отвечал комендант. Я исполнил свой долг, а ты свой. Судьба решила дело» [105].

Потери русской армии составили более 2,5 тысяч убитыми и ранеными. Среди них один генерал-майор, один бригадир и 147 офицеров.

Взятие Очакова произвело огромное впечатление в России, в Турции, в Европе. Потемкин добился своего: кампания 1788 г. закончилась взятием крепости, которую считали «ключом в Черное море». Кинбурн, Херсон, Крым и Кубань остались

неприкосновенными. 300-летнему господству Оттоманской Порты на Черном море пришел конец.

«С завоеванием Очакова спешу Вашу Светлость нижайше поздравить,— писал 6 декабря из Кинбурна Суворов. — Боже даруй Вам вящие лавры!» Через неделю он снова напомнил о себе Потемкину: «Ваша Светлость изволите описывать обыкновенное жребия течение высокости или великости веществ. Я всегда говорил, перемена от Каира до Стокгольма, от Багдада до Филадельфии. Милостивый Государь! мне повелите ли явиться к себе в Санкт-Петербург, или... ничего не скажу, да будет Ваша воля!»

Ответ Потемкина неизвестен. Но уже 23 декабря Суворов набрасывает записку:

«Как мне, батюшка, с Вами не ехать! Здесь здам и — ночью в Херсон.

Вашей Светлости Милостивого Государя нижайший слуга
Александр Суворов».

Светлейший звал его с собой в Петербург.

Кампания 1789 г. Фокшаны, Рымник, Бендеры

Орден св. Георгия 1-й степени. Звезда и лента принадлежали А.В. Суворову

Биографы Суворова излагают его поездку в Петербург после взятия Очакова весьма драматично. Петрушевский в своей монографии «Генералиссимус князь Суворов», вышедшей первым изданием в 1884 г. утверждает, что примирения под Очаковом не было, что гонения Потемкина на Суворова продолжались. По его словам, «при распределении генералитета по войскам обеих действующих армий он (Суворов.— В.Л.) не был внесен в списки; единственной тому причиной могло быть неудовольствие Потемкина». Но затереть Суворова не удалось. Суворов узнал про это вовремя, поскакал в Петербург и представился государыне:— «Матушка, я прописной».— «Как так?» — «Меня нигде не

поместили с прочими генералами и ни одного капральства не дали в команду». Умной императрице «не расчет было лишаться на театре войны такой боевой силы, какую представлял собой Суворов, особенно при усложнившихся обстоятельствах. Не желая поступать прямо наперекор Потемкину, государыня назначила Суворова в армию Румянцева» [106]. Так пишет Петрушевский, лучший биограф Суворова, годы проработавший в архивах, тщательно изучивший отечественную и зарубежную литературу, заявивший о своем желании «изобразить Суворова в виде не легендарного богатыря, а живого исторического лица».

Обратимся к документам. 4 февраля Потемкин прибыл в Петербург. Очевидно, Суворов прибыл вместе с ним. Во всяком случае, как свидетельствует камер-фурьерский журнал, 11 февраля Суворов вместе с Потемкиным присутствовал на торжественной церемонии, во время которой «мимо Зимняго каменного дворца эскадроном лейб-гвардии конного полка с 4 трубачами везены в Петропавловскую крепость взятыя войсками Ея Императорского Величества при сражении под Очаковом знамена числом до 200, которые обозрев Ея Императорское Величество из фонарика, потом... изволили иметь обеденный стол в столовой комнате на 27 кувертах; к столу же были приглашены:

1. Княгиня Катерина Романовна Дашкова

2—4. Дежурные фрейлины

5. Князь Григорий Александрович Потемкин Таврический

7. Александр Васильевич Суворов».

Оказывается «завистливый временщик» был бессилен оттереть Суворова даже от высочайшего стола, приглашение к которому считалось большой честью. В марте-апреле 1789 г. мы несколько раз встречаем Суворова во дворце на званых обедах и приемах. Затем происходит нечто совсем невероятное. 15 апреля в Зимнем дворце на торжественной церемонии вручения наград очаковским победителям первым из рук императрицы принимает награды князь Григорий Александрович Потемкин Таврический, вторым... Александр Васильевич Суворов, Странная была у Светлейшего манера преследовать ослушников! Ведь Суворов не участвовал в главном событии очаковской осады — в штурме. Но Потемкин собственноручно вписал имя Суворова в список представленных к наградам, отметив: «Командовал при Кинбурне и под Очаковом, во время же поражения флота участвовал немало содействием с своей стороны. Перо в шляпу с буквою «К» [107] И Александр Васильевич получает бриллиантовое перо с буквою «К» — Кинбурн!— обойдя многих участников штурма. Хороша опала. Разве не очевидно, что Светлейший пристрастен к своему любимцу. Несмотря на размолвку (закончившуюся, как мы

показали, через две-три недели примирением), Потемкин счел необходимым особо отличить Суворова, чья победа под Кинбурном положила начало операции, завершившейся сокрушением Очакова и стратегическим поражением турецкого флота.

Знал ли обо всем этом Петрушевский? Не мог не знать. Он, сурово критиковавший Суворова за нарушение дисциплины в деле 27 июля, не сумел удержаться на высоте и предпочел сомнительные домыслы очевидным фактам. Весь эпизод «Матушка, я прописной» заимствован Петрушевским из собрания анекдотов Фукса, изданных в 1827 г. Причем у Фукса анекдот не датирован. Талантливый исследователь оказался в плену антипотемкинской версии и повторил вымыслы Полевого, не претендовавшего на научную строгость своей книги.

Правда, во втором издании своего труда, вышедшем в 1900 г,, Петрушевский смягчил описание послеочаковской размолвки: «Вероятно ненормальность его (Суворова. В.Л.) отношений к Потемкину скоро сгладилась, ибо Потемкин не отличался злопамятностью. И хотя он, Суворов, в одном из своих писем говорит, что ему тогда готовилась «Уриева смерть» [108], но подобные преувеличения были свойством его темперамента». Петрушевский идет дальше — «В первом издании, между прочим, сказано, что на кампанию 1789 года Суворов не попал в списки генералитета действующей армии и получил в командование дивизию лишь вследствие своей жалобы Императрице на этот пропуск. Ближайшее знакомство с предметом по первоначальным и дополнительным источникам приводит к заключению, что факт этот или извращен сильным преувеличением или просто выдуман, а потому во втором издании нашей книги не нашел себе места» [109].

Как все дипломатично. В первом издании, между прочим, писалось о «самолюбии и эгоизме» Потемкина, выбросившего Суворова из армии в разгар войны. Вывод напрашивался сам собой: президент Военной коллегии проявил черты характера, недостойные государственного деятеля такого ранга. Маститый историк не нашел в себе гражданского мужества честно признать ошибку. И во втором издании версия о бездарном полководце, завистливом враге Суворова не претерпела существенных изменений. Вот и приходится читать на страницах современных изданий о том, что «Суворову было предложено покинуть армию», что «зная о конфликте его с Потемкиным Екатерина послала Суворова к Румянцеву» [110]. И это пишется автором, чья книга выдержала более пятнадцати изданий! В последней по времени биографии Суворова автор целиком восстановил изъятый

Петрушевским (во втором издании) эпизод «Матушка, я прописной...» Там же можно прочитать, что «отставленному и даже не внесенному Потемкиным в список генералов его армии Суворову грозило бездействие...» но, «понимая значение Суворова и не желая в то же время задевать самолюбие Потемкина, царица назначила «прописного генерала» в румянцевскую армию» [111].

Не было «прописного генерала». Не императрица, а сам Григорий Александрович Потемкин Таврический ордером от 23 апреля 1789 г. предписал Александру Васильевичу — генерал-аншефу и кавалеру — «немедленно отправиться к бывшей армии Украинской, где назначается в Вашу команду часть, состоящая под начальством Господина] Генерал-Порутчика и Кавалера Дерфельдена, которую по прибытии моем непремину я в особый корпус устроить» [112].

Еще 3 марта 1789 г. Украинская армия была объединена с Екатеринославской под общим командованием Потемкина. В минувшей кампании армия Румянцева совместно с австрийцами добилась капитуляции Хотина и прикрыла очаковскую осаду. Больной и постаревший фельдмаршал действовал не очень активно и вызвал недовольство Потемкина и самой императрицы. Отбросив личное самолюбие, Румянцев признал необходимость объединения двух армий и писал своему бывшему ученику: «А по моему обыкновению, не скрываясь, Вам говорю, что не может лучше и пойтить наше дело в сем краю, верно как под одним Вашим начальством» [113].

Новое назначение Суворова было глубоко продуманным. Планируя кампанию 1789 г., Потемкин располагал важными сведениями о намерениях противника. Незадолго до того, как послать в Молдавию Суворова, он получил секретное письмо из Константинополя. Письмо шло более двух месяцев. Оно содержало запись беседы французского посла в Турции графа Шаузель Гуфье с капудан-пашой.

«Бесполезно употреблять против императора (т. е. австрийцев.— В.Л.) главные ваши силы,— внушал Шаузель Гуфье своему собеседнику,— а надлежит вам быть только в оборонительном состоянии и обратить всю силу против России... Вам труднее победить русских, ибо они лучше обучены и лучше всех знают, как с вами вести войну». Посол предлагал следующий план: наносить быстрые внезапные удары армией и флотом; блокировать Севастополь, напасть на Кинбурн, высадить десанты в Крыму, послать крупные сухопутные силы под Очаков (известие о его падении еще не достигло Константинополя). В конце письма, сообщив важные сведения о численности турецкого флота, о бунте янычар и нежелании населения продолжать войну,

тайный корреспондент писал: «Прошу извинить беспорядок моего Донесения, пишу украдкою. Не знаю, дошли ли мои прежние? Ниоткуда и ниоткого не получаю ни ответа, ни одобрения; и в сем состоянии стражду уже семнадцать месяцев. Дай Боже, чтоб только доходило, что я пишу. Сего довольно для моего утешения. Истощил все каналы, подвергая себя всем опасностям. Что могу я больше сделать для пользы Отечества?» Это томившийся в Семибашенном замке русский посол Яков Иванович Булгаков, одному ему известными путями добывал ценнейшие сведения и, рискуя жизнью, переправлял их Потемкину [114].

В Молдавии уже шли боевые действия. С начала марта значительные силы турок вели поиск в междуречье Прута и Серета. Вот, куда полетел стремглав Суворов. Не он опоздал, В боях 16 и 20 апреля генерал-поручик В.Х. Дерфельден разбил турецкие отряды. И все же именно здесь развернулись решающие события кампании. Две попытки турецкого командования в июле и в сентябре 1789 г. разбить примыкавший к правому флангу русской армии вспомогательный корпус австрийцев (командующий генерал от кавалерии принц Фридрих Иосия Саксен-Кобург Заальфельд) и выйти в тыл главным силам Потемкина потерпели неудачу. Здесь их ждал далеко выдвинутый вперед летучий корпус Суворова. «Главное дарование великого человека — знать избирать особ по их талантам»,— восклицал Суворов в одном из писем Потемкину, приведенном выше. События подтвердили справедливость этого афоризма. Блестящие победы, одержанные Суворовым при Фокшанах и Рымнике, давно стали классикой военного искусства. Именно после этих побед турки выделили Суворова — грозного Топал-пашу — среди русских генералов. Фокшанская и особенно Рымникская победа сделали победителя тем Суворовым, слава которого перешагнула границы России.

Меньше известно, что Суворов действовал в рамках общих задач, поставленных Потемкиным. Так, перед Фокшанским делом, получив просьбу Кобурга оказать помощь союзникам, Суворов, не дожидаясь решения непосредственного начальника Репнина, временно командовавшего бывшей Украинской армией, двинулся на соединение с австрийским корпусом, сославшись на директиву Потемкина: не терпеть перед собой скоплений неприятеля. Совершив быстрый марш, суворовский корпус пришел вовремя. Тридцатитысячная армия противника занимала угрожающее положение. У союзников вместе едва насчитывалось двадцать пять тысяч. Русский генерал сумел, подчинив своей воле австрийского военачальника, провести в жизнь свой план сражения. Победа была полная. Воодушевленные примером

суворовских войск австрийцы были неузнаваемы.

Результаты победы имели большое военно-политическое значение. Храповицкий записывает слова Екатерины II:

«Это зажмет рот тем, кои: разсеивали, что мы с ними (с австрийцами.— В. Л.) не в согласии». Обстановка на севере оставалась напряженной. В Финляндии с переменным успехом шли бои. Под давлением Пруссии и Англии союзница России Дания, объявившая шведам войну, вышла из борьбы.

Потемкин, назначая Суворова на правый фланг армии, учитывал те сложности, какие обыкновенно возникают при взаимных действиях союзников. Но он помнил, каким прекрасным дипломатом проявил себя Суворов в Крыму и на Кубани, и был уверен, что «друг сердешный Александр Васильевич» найдет нужный тон с осторожным и методичным принцем Кобургом. Предоставляя своим генералам широкую свободу действий, Потемкин не выпускал из рук управления ходом кампании, твердо поддерживал в войсках дисциплину. Так, 31 июля, через десять дней после Фокшанского дела, он выговорил самому победителю: «До сих пор я не имею обстоятельного рапорта о деле Фокшанском. Я не знаю, в каких силах был неприятель, под чьим начальством, как происходило сражение и куда бегство свое побежденные направили. Вашему Высокопревосходительству предписываю поспешить доставлением ко мне онаго и дать при этом знать, какая причина, что ни ко мне, ни к Господину Генерал Аншефу и Кавалеру Репнину не прислали сего подробного донесения» [115]. Но и до получения донесения Потемкин безошибочно оценил роль Суворова в сражении. Получив от князя Репнина копию поздравления, направленного им принцу Кобургу, Потемкин в тот же день 31 июля выговорил Репнину за неумеренное заискивание перед союзниками: «В письме к Кобургу Вы, некоторым образом, весь успех ему отдаете. Разве так было? А иначе не нулсно их так поднимать, и без того они довольно горды» [116]. Сами союзники признавали, что победой обязаны Суворову, которого Кобург (правда, после Рымника) стал называть «своим великим другом и учителем». По приказу главнокомандующего победа была торжественно отмечена всей армией. Солдаты получили денежную награду. Многие отличившиеся офицеры по представлению Суворова были повышены в чинах. Сам Александр Васильевич был награжден знаками особого отличия — бриллиантовыми подвесками к звезде и кресту ордена Св. Андрея Первозванного.

Основные события кампании разыгрались осенью. Потемкин носился между Херсоном, Очаковом, Каушанами, побуждая флот

к активным действиям, продвигая корпуса за Днестр и к Хаджибею, ведя постоянные поиски казаками в преддверии решительных боев. Новый верховный везир Хасан-паша Дженазе, сменивший победителя австрийцев Юсуф-пашу, также задумал решительную операцию с целью навязать русской армии генеральное сражение в невыгодных для нее условиях. В конце августа турки предприняли наступление двумя группировками. Первая численностью до 30 тысяч под командованием бывшего капу-дан-паши Газы Хасана двинулась от Измаила на север вдоль реки Прут. Ее задача заключалась в отвлечении на себя главных сил Потемкина. Сам везир, сосредоточив в Браилове на Дунае огромную армию (до 80 тысяч), двинулся на северо-запад к местечку Рымник. В сорока километрах от Рымника, у Фокшан, стоял корпус Кобурга. Везир намеревался разгромить австрийцев до подхода Суворова, стоявшего у Берлада, в ста километрах от Фокшан. После этого, смяв сопротивление маленького суворовского корпуса (около 10 тысяч человек), турецкая армия выходила на тылы русских главных сил, отвлеченных Газы Хасаном. Движение огромной армии верховного везира было проведено с большим искусством. Несмотря на усиленную разведку — передовые разъезды Суворова доходили до Галаца на Дунае — обнаружить наступление главных сил турок не удалось. Австрийцы заметили противника лишь тогда, когда он находился от них в нескольких переходах, значительно ближе, чем войска Суворова.

Маневр корпуса Газы Хасана был вовремя разгадан русской разведкой. Потемкин приказал Репнину идти навстречу туркам и атаковать. Но Светлейшего беспокоил правый фланг, корпус Суворова. Не имея точных сведений о движении армии везира Хасан-паши Дженазе, Потемкин 1 сентября отдал ордер Суворову: «Генерал Аншефу и Кавалеру Князю Николаю Васильевичу Репнину я приказал, соединясь с Генерал-Порутчиком Кречетниковым, иттить на Табак, учредя в Фальчах с Вами сообщение; естьли бы где в кашей дирекции неприятель оказался, то, божию испрося милость, атакуйте, не дав скопляться» [117].

Этот ордер пришел как нельзя кстати. 4 сентября Суворов подтвердил его получение, а через день к нему прискакал австрийский курьер с тревожным сообщением Кобурга: крупные турецкие силы шли на сближение с австрийцами. Суворов выждал день, желая удостовериться в точности сведений о противнике. Но 7 сентября прискакал новый курьер. Кобург взывал о помощи. По его словам, противник находился в четырех часах пути от его корпуса и готовился к атаке. Потерявший день Суворов принял решение, коротко сообщив о нем Потемкину: «От Принца Кобур-

га полученное мною письмо Вашей Светлости прилагаю, по которому немедленно выступил я чрез Текуч к Фокшанам, на понтоны, при Фурчени от его устроенные...»

Все говорило о том, что начиналась решающая фаза кампании. Потемкин принимал свои меры. 4 сентября он приказал войскам генерал-поручика Гудовича, сосредоточенным под Очаковом, идти к турецкому замку Хаджи-бею (будущей Одессе) и взять его. Гребной флотилии Рибаса — идти туда же и поддержать Гудовича с моря. Парусному флоту — прикрыть движение флотилии. Крупные силы армии под водительством самого Потемкина (два егерских корпуса, четыре пехотных и десять кавалерийских полков, несколько полков казаков — всего до 20 тысяч при 34 орудиях полевой артиллерии) выдвигались к Каушанам. Отсюда Потемкин мог в случае необходимости поддержать и Репнина, и Суворова.

7 сентября кавалерийский авангард Репнина (всего в корпусе насчитывалось до 25 тысяч — 11 пехотных и 9 кавалерийских полков, 4 батальона егерей и гренадер, 3 казачьих полка при 66 орудиях полевой артиллерии) во встречном бою при Сальчи разбил авангард Газы Хасана. Противник стал стремительно отходить к Измаилу. Потемкин приказал преследовать неприятеля и, если позволит обстановка, овладеть Измаилом. Отправляя 10 сентября донесение Екатерине II о победе при Сальчи, Потемкин писал: «Сие дело меня разрешило иттить, и я завтра выхожу очищать все вне крепостей стоящее... Жду теперь от флота и от корпуса к Хаджи-бею посланного; но больше всего меня беспокоит цесарский корпус. Кобурх почти караул кричит, Суворов к нему пошел, но естьли правда, что так неприятель близко, то не успеют наши придтить...» [118].

Но Суворов успел. По размытым дождями дорогам, форсируя реку, на которой поднявшаяся вода снесла понтоны, суворовские чудо-богатыри прошли сто верст за двое с половиной суток. Стремительность марша была столь велика, что казалась невероятной. Австрийцы, увидев подходившие русские войска, называли их своими спасителями, воспрянули духом. А верховный везир якобы повесил «за ложные слухи» своего шпиона, донесшего о прибытии Суворова.

Суворов мгновенно оценил обстановку. Медлительность везира позволила ему соединиться с австрийцами, а разбросанность турецких сил по трем группировкам давала возможность бить их по частям. Посвященный в план сражения, Кобург колебался. Даже с учетом подошедшего корпуса Суворова (7-8 тысяч при 30 орудиях) союзники насчитывали не более 25 тысяч, в три с лишним раза меньше, чем противник (около 80

тысяч при 80 орудиях). Суворов заявил, что атакует в одиночку. Это задевало честь австрийцев, и Кобург решился. Отметим любопытную деталь: в ордере, данном Суворову 8 сентября, Потемкин, подтвердив широкую свободу действий суворовского корпуса, указал главную задачу: «Содействие Ваше Принцу Кобурху для атаки неприятеля я нахожу нужным, но не для дефензивы» (т. е. не для обороны.— В.Л.) [119]. Русский полководец и не собирался обороняться. Он чувствовал, что пробил его час. Мучительная лихорадка, изнурявшая его последнее время, прошла; напряженное ожидание — успеет ли он или не успеет придти к австрийцам — сменилось уверенностью в успехе, точностью и быстротой распоряжений. Скрытный марш, внезапное появление перед противником, замечательно быстрое и точное маневрирование в ходе боя и неотразимые штыковые удары суворовских каре, принявших на себя основную тяжесть битвы, привели к полной победе. Прекрасно держались и австрийцы, сумевшие отразить массированные удары турецкой конницы. Кобург еще раз убедился в преимуществах суворовской тактики каре, уже испробованной в Фокшанском деле. Энергичное преследование противника довершило разгром. Заключительная атака на главный турецкий лагерь была произведена союзниками совместно.

«По жестоком сражении, чрез целый день, союзными войсками побит Визирь! 5 000 на месте, несколько сот пленных, взят обоз, множество военной амуниции, щетных 78 пушек и мортир. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее», — доносил Потемкину Суворов 11 сентября с места баталии. Узнав о численности армии верховного везира, Потемкин понял, что генеральное сражение, к которому готовилась русская армия, выиграно Суворовым. Генералам полетели ордера: развить успех, ускорить действия против опорных пунктов противника. Приказом по армии главнокомандующий отметил подвиг суворовских войск, подчеркнув, что в сражении «оказали безпримерную храбрость полки карабинерные». В кульминационный момент последней фазы сражения, когда бежавший в беспорядке неприятель пытался спастить за полевыми укреплениями главного лагеря, Суворов принял решение, не предусмотренное уставами. Изнуренная пехота была не в состоянии быстро приблизиться к лагерю. И Суворов бросил вперед карабинерные полки. На плечах бегущих конница ворвалась в лагерь, а подоспевшая вскоре пехота довершила дело.

Каким контрастом с успехами Суворова выглядели действия Репнина! В то время, как на берегах Рымника решалась судьба кампании, Репнин топтался под Измаилом. В крепости

находились немногочисленные силы турок, деморализованные поражением при Сальчи. Да и крепость еще не была так основательно укреплена, как год спустя, когда Суворову пришлось брать ее штурмом. Войск у Репнина было не меньше, чем у Суворова в декабре 1790 г. Но князь Николай Васильевич не решился на приступ и после бомбардировки крепости отступил. Падение Измаила наряду с победой при Рымнике произвело бы ошеломляющее впечатление на противника. Но этого не случилось. И ведь Репнин был не из последних генералов русской армии. Он отличился под начальством Румянцева при Ларге и Рябой Могиле. Летом 1791 г. при Мачине, он командовал армией, поставившей точку в военных действиях на суше. Но Репнин был представителем «методичной» военной науки. Он всю жизнь оставался поклонником Фридриха Великого (которого знал лично), не обладая ни волей, ни гением своего кумира. Репнин презрительно называл суворовскую тактику «натурализмом», считая ее примитивной, а победы Суворова приписывал слепому счастью. Суворов знал об этом и платил Репнину устойчивой неприязнью. Сдержанно относился к Репнину и Потемкин. Но Светлейший был государственным человеком и честно сотрудничал и с Репниным, и с Каменским и со многими другими лично ему несимпатичными людьми. Его ордера и письма этим военачальникам всегда корректны, вежливы. Но в них никогда не было той сердечности, какой наполнены его письма к Суворову, Получив известие о Рымникской победе, Потемкин не мог сдержать своих чувств: «Объемлю тебя лобызанием искренним и крупными словами свидетельствую мою благодарность; ты, мои друг люоезныи, неутомимой своею ревностию возбуждаешь во мне желание иметь тебя повсеместно. Колико оказано мое командование здесь наизнаменитым образом! Естли мне слава славой, то Вам честь честию. Будь уверен, что в полной мере прославлю Вашу ревность, храбрость и труды, и прошу, дай мне подробно о всем. Я рад, воздам щедрою рукою. Вернейший Ваш друг и слуга

Князь *Потемкин Таврический*

Каушаны. 15 сентября 1789 г.» [120]

Только имея перед собой это письмо, можно понять смысл ответа Суворова, посланного 18 сентября из местечка Текуч:

«Светлейший Князь, Милостивый Государь!

Между протчим 16 лет. Близ 200 000. Воззрите на статуты милосердным оком... Был бы я между Цинцинатом и репным Фабрицием, но в общем виде та простота давно на небесах. Сей глуп, тот совести чужд, оный между ими. Хотя редки, токмо есть Леониды, Аристиды, Эпаминонды. Неккер хорош для кабинета,

Демостен для катедры, Тю-ренн в поле. Дайте дорогу моему простодушию, я буду вдвое лутче, естество мною правит. Драгоценное письмо Ваше цалую! Остаюсь с глубочайшим почтением,

Светлейший Князь, Милостивый Государь! Вашей Светлости нижайший слуга

Александр Суворов».

Не письмо, а целая поэма в прозе. Завидна эрудиция Александра Васильевича — от Леонида и Демосфена до Тюренна и Неккера. И все же, на что намекает он, уверяя, что простота древних идеальных героев давно на небесах? О чем просит Потемкина — «Дайте дорогу моему простодушию, я буду вдвое лутче!»? На какие статуты должен воззреть Светлейший милосердным оком?

Да, он был честолюбив, этот страстный человек, посвятивший себя любимому призванию — военному делу. Он знал себе цену и смело сравнивал себя с великими полководцами Древней Греции — «Хотя редки, токмо есть Леониды, Аристиды, Эпаминонды». Он чувствовал всем своим существом военного человека, что Рымник — настоящая, великая, искусная, а потому вдвойне славная победа. И он, никогда не забывавший несправедливости по отношению к своим заслугам, хотел, чтобы этот подвиг был оценен по достоинству. Он был убежден, что «человек, совершивший великие дела, должен говорить о них часто, чтобы возбуждать честолюбие и соревнование своих слушателей». «Титлы мне не для меня, но для публики потребны»,— говаривал Суворов. Сколько их было на его памяти — титулов и наград, розданных не по заслугам, добытых угодничеством и ласкательством, полученных по родственным связям — «по бабушкиному старшинству». Все эти, обошедшие его в чинах генералы — Салтыковы, Репнин, Долгоруков, Каменский — «разве они сделали для империи больше, чем я?!»— вырвалось у него восемь лет назад. «Сей глуп, тот совести чужд, оный между ими». Так, неужели, он — Суворов — должен уподобиться Цинцинату или Фабрицию — знаменитым римским полководцам, смиренно предававшимся после ратных подвигов трудам и утехам мирной сельской жизни. Первый, по преданию, ходил за сохой, второй сажал репу. Нет, «та простота давно на небесах». Получив письмо Потемкина, он в порыве радости признается ему в своем сокровенном желании: вот уже 16 лет воюет он против турок, почти 200 000 неприятелей разбиты им. «Воззрите на статуты милосердным оком!»— он заслужил, по праву и по чести, высшую и самую славную боевую награду русской армии — орден Св. Великомученника и Победоносца Георгия 1-й степени!

За двадцать лет, прошедших со дня основания Екатериной II четырехстепенного военного ордена Св. Георгия, только пять человек были удостоены 1-й степени Большого креста: Петр Александрович Румянцев, Алексей Григорьевич Орлов, Петр Иванович Панин, Василий Михайлович Долгоруков — все за победы в Первой турецкой войне.

Григорий Александрович Потемкин получил свой орден за взятие Очакова. Александр Васильевич Суворов стал шестым кавалером «Егорья Первой степени». Но, прежде чем рассказать примечательную историю этого награждения, следует подвести итог кампании 1789 г.

13 сентября противник был разбит под Каушанами. 14 сентября сухопутные войска при поддержке гребной флотилии овладели Хаджибейским замком. 30 пала крепость Аккерман на Днестровском лимане. Точными движениями войск Потемкин обложил Бендеры и потребовал капитуляции этой крупнейшей турецкой крепости. Начальники гарнизона пытались затянуть переговоры, но главнокомандующий русской армией принудил их к сдаче. 4 ноября русские войска заняли Бендеры: 300 пушек, 25 мортир, огромные запасы пороха и ядер достались победителям. Взятыми в Бендерах пушками Потемкин приказал вооружить недавно построенные корабли. Ободрились и союзники, для которых год шел под знаком неудач. Австрийские войска были вынуждены очистить восставшие Бельгийские провинции. Не лучше обстояли у них дела с турками. Но после Рымника положение изменилось. Лаудон взял Белград на Дунае. Десятитысячный турецкий корпус был разбит в Баннате. Корбург продвинулся вперед и занял Бухарест.

«Ну, матушка, сбылось ли по моему плану? — писал Потемкин в Петербург.— Неприятель с визирем оттянут был весь почти в нужную часть Дуная. Противу цесарских безделица оставалась. Из прилагаемой ведомости изволишь увидеть, во всю кампанию, что мы потеряли и цесарцы, за пять тысяч» [121].

«Недаром я тебя люблю и жаловала,— отвечала императрица. — Ты совершенно оправдываешь мой выбор и мое о тебе мнение. Ты отнюдь не хвастун, а выполнил все предположения и цесарцев выучил турков победить. Тебе Бог помогает и благословляет, ты покрыт славою...»

И эту кампанию Потемкина критики называют кампанией неиспользованных возможностей! Утверждают, что Потемкин якобы упустил шанс добить противника и заключить выгодный мир.

Обратимся к фактам. Старый Газы Хасан, сменивший умершего после катастрофы под Рымником верховного везира,

обратился к Потемкину с предложением о перемирии и переговорах. Имея все полномочия на заключение мира, Потемкин принял предложение. Было ясно, что Порта проиграла войну. И не вина Потемкина, если в вопросе о мире с турками России пришлось столкнуться с объединенной коалицией враждебных ей европейских государств.

Вернемся к нашим героям. Лучше, чем кто-либо понимавший и ценивший Суворова, Потемкин не замедлил отозваться о его подвиге в Петербург.

«Скоро пришлю подробную реляцию о суворовском деле,— писал он 22 сентября.— Ей, матушка, он заслуживает Вашу милость и дело важное; я думаю, что бы ему, и не придумаю; Петр Великий графами за ничто жаловал. Коли бы его с придатком Рымникский? Баталия была на сей реке» [122].

3 октября Храповицкий заносит в дневник: «Пожалованы: Суворов Графом Рымникским, Пл[атон] Александрович] Зубов в Корнеты Кавалергардов и в Генерал-Майоры». Несколько раньше Храповицкий свидетельствует: «Подполковник Николай Александрович Зубов приехал курьером, с победой над Визирем, 11-го сентября на реке Рымнике одержанной Суворовым и Принцем Кобургским. Веселы. Изъяснение о пожаловании присланного в полковники — и Короле Французском: "Я предпочла бы его видеть прогнанным из Версаля, а заключенным в Метце. Тут бы дворянство к нему пристало"... И как можно сапожникам править делами?.. О победе всем рассказывали с удовольствием... Велено Вице-Канцлеру сообщить об оном всем нашим Министрам (послам.— В. Л.) с уверением, что, не взирая на победы, согласны принять мирные предложения». (Запись от 25 сентября).

Через три недели Храповицкий сообщает: «Курьер от Суворова. Бендеры окружены. В бывших сражениях Кобург его во всем слушался, а он все делал. Ему 1-й степени Георгия» (Запись от 18 октября). Казалось бы, все очень просто. Но даже хорошо осведомленный Храповицкий не знает, что награда эта продиктована Потемкиным.

18 октября помечены три письма Екатерины Потемкину. В первых двух она пишет, что подробная реляция о выигранной Суворовым и Кобургом баталии еще не привезена, что союзники-австрийцы, на действия которых жаловался Потемкин,— все же лучше пруссаков, на нейтрализации которых он все время настаивает, «Мой друг, я говорю по опыту; я, к несчастью, близко видела это ярмо,— жалуется она, рассказывая о своих попытках установить корректные отношения с прусским королем.— Постарайся, мой друг, зделать полезный мир с турками, тогда

хлопоты многие исчезнут, и будем почтительны: после нынешней твоей кампании сего ожидать можем». Настроение у императрицы, как видим, не очень радостное. «Александру Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет. А что тунеядцев много, то правда. Я давно сего мнения. Что ты замучился, о том жалею:: побереги свое здоровье, ты знаешь, что оно мне и Государству нужно... Христос с тобою. Будь здоров и щастлив... Мы пруссаков ласкаем, ко каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и поступки, один Бог весть»,— прибавляет Екатерина и просит совета о перемене командования войсками в Финляндии. Граф В. П. Мусин-Пушкин не справился, нужен другой решительный генерал, лучше бы не граф И.П. Салтыков, которого Потемкин отзывает с Кавказа и который, по словам императрицы, «упрям и глуп»— «А, право, уже две кампании потеряны, и не дай Бог видеть третьей, наполненной упрямою глупостью».

И вдруг резкая перемена тональности: «Третье письмо, мой друг сердечный, сегодня я к тебе пишу: по написании двух первых приехал Золотухин и привез твои письмы от 5 октября... К Гр[афу] Суворову, хотя целая телега с бриллиантами уже накладена, однако Егорья большого креста посылаю по твоей прозьбе: он того достоин». Что же писал ей Потемкин? Официальное донесение давно опубликовано. Вот его начало: «Всемилостивейшая Государыня! Об одержанной союзными и Императорскими войсками над верховным визирем при речке Рымник 11-го минувшего сентября победе присланное ко мне от Генерала Суворова обстоятельное донесение с планом баталии имею счастие всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству чрез полковника Золотухина, который, быв при нем дежурным, может подробно донести Вашему Величеству, колико ознаменовал себя в тот день Господин Суворов. Его искусством и храбростию приобретена победа...» [123] Но были еще личные письма, не известные биографам Суворова. Эти письма сохранились. Вот отрывки из них.

«Естли бы не Суворов, то бы цесарцы были на голову разбиты. Турки побиты русским имянем. Цесарцы уже бежали, потеряв пушки, но Суворов поспел и спас. Вот уже в другой раз их выручает, а спасиба мало. Но требуют, чтоб я Суворова с корпусом совсем к ним присоединил и чтобы так с ними заливать в Валахию. Нашим успехам не весьма радуются, а хотят нашею кровию доставить земли, а мы чтоб пользовались воздухом. Будь, матушка, уверена, что они в тягость. Венгерские все расположены

к бунту и нас любят, но австрийцев нет... Матушка родная, будьте милостивы к Александру Васильевичу. Храбрость его превосходит вероятность. Разбить визиря дело важное. Окажи ему милость и тем посрами тунеядцев генералов, из которых многие не стоят того жалования, что получают. Завтре отправляю курьера с подробным описанием визирского дела» (2 X. 1789.) [124].

Через день в Петербург летит еще одно письмо: «Сей час получил, что Кобург пожалован фельдмаршалом, а все дело было Александра Васильевича. Слава Ваша, честь оружия и справедливость требуют знаменитого для него воздаяния, как по праву ему принадлежащего, так и для того, чтоб толь знаменитое и важное дело не приписалось другим. Он, ежели и не главный командир, но дело Генеральное; разбит визирь с Главной Армией. Цесарцы были бы побиты, коли б не Александр Васильевич. И статут Военного ордена весь в его пользу. Он на выручку союзных обратился стремительно, поспел, помог и разбил. Дело все ему принадлежит, как я и прежде доносил. Вот и письмо Кобурхово, и реляция. Не дайте, матушка, ему уныть, ободрите его и тем зделаете уразу генералам, кои служат вяло. Суворов один. Я, между неограниченными обязанностями Вам, считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня. Сколько бы генералов, услыша о многочисленном неприятеле, пошли с оглядкою и медленно, как черепаха, то он летел орлом с горстию людей. Визирь и многочисленное войско было ему стремительным побеждением. Он у меня в запасе при случае пустить туда, где и Султан дрогнет !» [125]

Прекрасное письмо, двести лет пролежавшее в архиве без востребования. Еще Пушкин упрекал нас русских — в «нелюбопытстве». Сколько же сокровищ хранится в наших архивах! Давно ждет публикации переписка Екатерины с Потемкиным, известная лишь по письмам императрицы. Очень содержательна переписка Потемкина с Безбородко. Она тоже ждет своего исследователя и публикатора. Любопытно, что Золотухин вместе с письмами Потемкина императрице привез и его письмо Безбородко.

«Милостивый Государь мой Граф Александр Андреевич,— писал Потемкин.— Кобург пожалован фельдмаршалом за то, что Суворов его вынес на своих плечах. Уже цесарцы бежали. Я просил об нем. Честь оружия требует ознаменить его подвиг» [126].

Если вспомнить, что князь Репнин поторопился приписать Фокшанскую победу Кобургу, что граф И.П. Салтыков распускал про Суворова худые слухи, что вице-канцлер граф И. А. Остерман интриговал против Безбородко, то станет понятным, почему

Потемкин решил усилить свое представление императрице о «знатной награде» Суворову. Он хорошо знал завистливость придворной среды к подлинному таланту. Знал он и о том, что его самого недруги не оставляют в покое. Летом 1789 г. им удалось провести крупную интригу — свалить фаворита Александра Дмитриева-Мамонова (сторонника Потемкина) и заменить его Платоном Зубовым.

Потемкин как в воду глядел. «Из копии при письме Графа Александра Андреевича (Безбородко.— В. Л.), препровождаемой Вашей Светлости, изволите усмотреть плоды Ваших благотворении Александру Васильевичу Суворову Графское достоинство исходатайствовавших,— писал 5 октября из Петербурга Гарновский — доверенное лицо Потемкина при дворе.— Многие здесь завидуют ему: почитая успехи Александра Васильевича произшедшими от счастья, и не от распоряжения его. Но Государыня уважила об нем рекомендацию Вашей Светлости столько же, сколько и службу его» [127].

3 ноября Потемкин, занятый переговорами с турецкими пашами о капитуляции Бендер, посылает Суворову сразу три письма. Поскольку эти письма мало известны, считаем важным привести их полностью.

«Милостивый Государь мой Граф Александр Васильевич!

Неустрашимость Ваша и искусство в предводительствовании войсками, ознаменованные в сражении Рымникском, где совершенная над великим визирем одержана победа, — доставила Вам право к получению Перваго степени военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Ея Императорское Величество благоволили воздать сию справедливость заслугам Вашим, и я, с особливым удовольствием препровождая к Вам Высочайшую Ея Императорского Величества грамоту с знаками ордена, предвижу ревностное рвение, с которым Ваше Сиятельство стремитесь на новые подвиги к службе Ея Императорского Величества и пользе Отечества. Будьте уверены об истинном почтении и нелицемерной преданности, с коим имеет честь быть

Вашего Сиятельства, Милостивый Государь мой
покорнейшим слугою
Князь *Потемкин Таврический*» [128].

Второе письмо сопровождало алмазные знаки к кресту и звезде ордена Св. Андрея Первозванного, пожалованные Суворову за Фокшанскую Победу.

«Милостивый Государь! С чувством наирадостнейшим имею честь поздравить Ваше Сиятельство получением отличия заслугам Вашим принадлежащего. Остается только желать, чтоб было Ваше

Сиятельство здоровы и наслаждались плодами подвигов Ваших, сею славою, которою имя Ваше учинилось уже безсмертным.

Я не престану никогда быть Вашим почитателем и сохраню неограниченную свою преданность

Вашего Сиятельства, Милостивый Государь

всепокорнейший слуга ваш

Князь *Потемкин Таврический*» [129].

Это официальные письма. Но было и личное письмо — привилегия Суворова.

«Я с удовольствием сердечным препровождаю Вам, мой любезный друг, милости Монаршие. Вы, конечно, во всякое время равно бы приобрели славу и победы, но не всякий начальник с удовольствием, моему равным, сообщил бы Вам воздания. Скажи, Граф Александр Васильевич! что я добрый человек. Таким я буду всегда.

Бендеры, когда Богу угодно, завтре будут наши. О! как трудно улаживать с тремя пашами и все трехбунчужными.

Прощай, Милостивый Государь, я во всю жизнь Ваш верный друг и слуга

Князь *Потемкин Таврический* [130].

P, S. Еще будет Вам и шпага богатая».

Суворов был потрясен. В ответах на официальные письма Потемкина он сдержанно и с большим достоинством благодарит его.

«Высочайшее при указе Ея Императорского Величества всемилостливейшее награждение меня орденом С[вято]го Великомученника и Победоносца Георгия Первого класса в ознаменование прежней службы и за победу на баталии Рымникской над верховным визирем совершенно одержанную я имел щастие получить.

Рвение мое и усердие к службе Императорской пребудут по конец дней моих со мною. Остаюсь с глубочайшим моим почтением и преданностию

Светлейший Князь, Милостивый Государь

Вашей Светлости

нижайший слуга

Граф *Александр Суворов Рымникский* Ч. 8 ноября 1789 году. Берлад».

Второе письмо по поводу получения алмазных знаков к андреевскому ордену сходно с предыдущим. Но было, не могло не быть еще одно письмо — ответ Суворова на личное послание Потемкина. К сожалению, оно не сохранилось. Что мог сказать Суворов? Какими словами выразить свою признательность, если в порыве восторга он писал Василию Степановичу Попову: «Насилу

вижу свет от источника радостных слез. Могу ли себе вообразить? Верить ли? Бедный, под сумою, ныне... Но в последнее, настоящее время! Долгий век Князю Григорию Александровичу!

Увенчай его Господь Бог лаврами, славою. Великой Екатерины верноподданные, да питаютца от тука Его милостей. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!» (Письмо от 8 ноября). На другой день в письме тому же Попову (о пересылке денег ему самому и его племяннику князю Алексею Горчакову) снова прорывается волнующее Суворова чувство: «Не до денег! Один кусок лент Князь Григорья Александровича дороже всех моих деревень!»

Красноречиво письмо Суворова и к дочери: «Comtesse des deux Empires *(Графиня двух империй (франц.). Иосиф пожаловал Суворову графское достоинство Священной Римской Империи, а Екатерина, по представлению Потемкина возвела Суворова в графы Российской Империи с почетным наименованием «Рымникский».)* любезная Наташа-Суворочка! a cela *(В этом [франц.])* ай да надобно тебе всегда благочестие, благонравье, добродетель. Скажи Софье Ивановне и сестрицам: у меня горячка в мозгу, да кто и выдержит. Слышала, сестрица душа моя, еще de ma Magnanime Mere *(От моей Высочайшей Матери [франц.])* рескрипт на полулисте будто Александру Македонскому. Знаки Св. Андрея тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, Первый класс Св. Георгия. Вот каков твой папенька. За доброе сердце, чуть право от радости не умер» (8 ноября).

Конец 1789 г. был одним из самых счастливых в жизни Суворова. Он едет к Потемкину и 2 декабря спешит поделиться новой радостью с дочерью: «С полным удовольствием провел я несколько дней в Яссах и там был награжден одною из драгоценнейших шпаг». Получив из рук Потемкина шпагу с надписью «Победителю Визиря»— последнюю награду в длинном ряду отличий за Фокшанскую и Рымникскую победы, Суворов не забывает о своих соратниках: «Светлейший Князь, Милостивый Государь! Дерзаю приступить к позволенному мне Вашею Светлостию. Действительно боюсь, чтоб не раздражить... другой список так же не мал, но, Милостивый Государь! где меньше войска, там больше храбрых. Последуйте Вашему блистательному великодушию». (3 XII. 1789 г.) Представления были уважены.

Заканчивался 1789 год. Мир казался достижимым и близким. Русский посол Булгаков, более двух лет томившийся в Семибашенном замке в Константинополе, был выпущен на свободу. Везир Газы Хасан, согласившийся принять свой пост на условии прекращения войны, переписывался с Потемкиным о пунктах мирного договора. Но тут на сцене, как выразилась Российская императрица, появились «новые актеры».

Успехи русского оружия вызвали приступ ненависти в Берлине и в Лондоне. Прусская дипломатия развила бешеную активность: Порте был предложен оборонительный и наступательный союз. Швеции обещана Лифляндия с Ригой. Австрия должна была вернуть Польше полученную по первому разделу Галицию, а Турция — вознаградить Австрию из своих земель в Валахии и Молдавии. За это Россия должна была вернуть Турции Крым. Сама Пруссия за посредничество просила совсем немного — Данциг и Торн (Гданьск и Торунь) — последние польские города, обеспечивавшие этой стране балтийскую торговлю. Фридрих Вильгельм II не собирался при этом возвращать польские земли, захваченные по первому разделу. Наследник Великого Фридриха, мечтавшего об уничтожении славянского государства, сулил Польше русские земли до Смоленска и Киева, отрезая ее от Балтики.

Заодно с Пруссией действовала и Англия. Требуя от России и Австрии помириться с Портой без территориальных изменений, лондонский кабинет советовал полякам быть уступчивыми по отношению к Пруссии. В правящих кругах Польши победили сторонники пропрусской ориентации. Они отвергли предложенный Россией союзный договор и предпочли союз с Фридрихом Вильгельмом.

24 декабря 1789 г. Храповицкий записывает в дневнике слова императрицы: «Теперь мы в кризисе: или мир, или тройная война, то есть, с Пруссией».

Кампания 1790 г. Нижнедунайская операция. Измаил

Золотой офицерский крест за взятие Измаила

ИЗМАИЛЪ
ВЗЯТЪ
ДЕКАБРЯ 11
1790

10 января в письме Потемкину Екатерина просит его «соединить к победам имя миротворца», поспешить с заключением мира с Портой, прямо называя срок нападения Пруссии (вкупе с поляками) на Россию — весна 1790 г.

Вот в какой обстановке приходилось действовать главнокомандующему русской армией, которого кабинетные критики обвиняют в нерешительности и неумении пользоваться победами. Надо было проявить огромное дипломатическое искусство и смелость. Как показывают дальнейшие события, Россия с честью вышла их трудного испытания: и Потемкин, и Екатерина показали себя достойными соперниками западноевропейских мастеров политических комбинаций. Любопытно отметить, что в отношении к прусскому королю («новоявленному диктатору Европы», как называла его императрица) Потемкин занимал более гибкую позицию, чем

Екатерина, немка по рождению.

«...я писала без гнева,— признается она Потемкину в ответ на его настойчивые просьбы не дать спровоцировать себя на войну с пруссаками,— одно мое опасение, что обиды, сделанные Российской Империи, иногда не принимались с тем чувством, которое рвение к достоинству ея в моей душе впечатлело... Вся жизнь моя была посвящена поддержанию блеска России и потому не удивительно, что обиды и оскорбления ей наносимые, я не могу терпеть молча и скрывать их, как мы это делали доныне...»

Ближайшим сотрудником Екатерины в Петербурге был Безбородко, а на юге, в армии, у Потемкина самым близким соратником — Суворов, наладивший прекрасные отношения с австрийцами, что было немаловажно в условиях непрерывного давления со стороны Пруссии и Англии. От Австрии требовали разорвать союзный договор с Россией и выйти из войны. Эти требования особенно усилились после смерти в феврале 1790 г. императора Иосифа.

Меньше известно, что Суворов был ближайшим сотрудником Потемкина в переговорах с турками. Через него, стоявшего со своим корпусом далеко впереди основных сил армии, шла переписка главнокомандующего с верховным везиром. Выполняя секретные поручения Потемкина, Суворов через созданную им сеть агентов, добывал важные сведения о противнике, настроениях в его армии и в правящей верхушке, об интригах европейских дворов и т. д.

Здесь уместно сказать несколько слов о русской разведке того времени. История ее не написана. Мы уже упоминали о самоотверженной деятельности Булгакова, который, находясь в строгом заключении, сумел добывать и переправлять Потемкину ценнейшие сведения.

В приказах главнокомандующего (особенно по флоту) можно прочитать о готовности турецкой эскадры к выходу в море, о попытке под видом торгового судна провести брандер на Севастопольский рейд, о многих других замыслах противника. Потемкин до малейших деталей знал укрепления Босфора и Дарданелл, а также других городов и крепостей Турции. Все это — свидетельства хорошо поставленной разведывательной деятельности. Порой приходится читать забавные анекдоты о странностях Потемкина: он посылает срочных курьеров то во Флоренцию за искусным скрипачом, то в Вену за изящной безделушкой, то в Париж — за дорогим лакомством. Часто эти анекдоты обрастают смешными подробностями: скрипач-виртуоз посылает и Потемкина, и его курьера к черту,— читаем мы у Пушкина,— но умный потемкинский адъютант нанимает какого-

то бедняка, умеющего играть (и даже не без таланта) на скрипке, везет его к Светлейшему, выдает за виртуоза, и бедняк, обласканный вниманием всесильного временщика, делает карьеру. Смешно. Но, наверно, громче всех смеялся этим забавным историям сам их герой — добродушный великан, сорививший налево и направо деньгами, устраивавший и в походных условиях грандиозные пиры для своих генералов и волонтеров-иностранцев, толпившихся в Главной квартире.

И мало кто догадывался, что отправившийся за лакомствами для Светлейшего в дальнюю дорогу курьер вез секретнейшие поручения умного и прозорливого политика своим агентам. От этих поручений порой зависели судьбы войны и мира. За закрытыми дверьми своей резиденции Потемкин неутомимо трудился на благо России: журнал его канцелярии неопровержимо свидетельствует: в напряженнейшие периоды переписка главнокомандующего доходила до 20-30 писем и приказов в день. Причем его распоряжения касались всех сторон жизни армии и флота и сложнейших дипломатических переговоров с союзниками и противниками. Когда речь шла об интересах Родины, Потемкин высказывал свою точку зрения самой императрице, нимало не смущаясь тем, приятно ей это будет или нет:

«Булгакову в Варшаве говорить должно одним со мною языком: Ваши же пословицы, что надлежит двери быть или запертой или отворенной, ни да ни нет, не годятся никогда, ибо они предполагают робость, что видя враждующие нам еще смелее пакостить будут,— пишет он Екатерине в ноябре 1790 г. в очень сложный период борьбы с европейской коалицией.— Союз Прусский для Польши еще не беда, понеже то еще будущее; а наш уже довольно им беды наделал: то и следует старое смешать, как дурную игру и начать лучше новую. Чтобы Польшу привязать к себе, необходимо обещать ей должно Молдавию и тем обратить поляков против турок и пруссаков, и турки о сем узнавши, скорее помирятся. В каком мы противоречии пред Европою будем, обещавши Молдавию Польше? Первое. Я Европы не знаю: Франция с ума сошла, Австрия трусит, а прочие нам враждуют. Завоевания зависят от нас, пока мы не отреклись... И что это, не сметь распоряжаться завоеваниями тогда, когда другие сулят наши владения: Лифляндию, Киев и Крым! Я Вам говорю дерзновенно и как должно обязанному Вам всем, что теперь следует действовать смело в политике. Иначе не усядутся враги наши, и мы не выберемся из грязи» [131].

Письмо не нуждается в комментариях. В этом подвижническом служении России — источник неограниченной

доверенности Екатерины к Потемкину. Можно понять беспокойство императрицы, когда узнав о внезапной смерти ведшего переговоры о мире верховного везира Газы Хасан-паши, она писала Потемкину:

«Поберегись, Христа ради, от своего турка. Дай бог, чтоб я обманулась, но у меня в голове опасение: у них таковые штуки водятся, и сам пишешь, что Гассан-паша едва ли не отравлен, а сему пруссаки повод и, может быть, умысел дали, и от сих врагов всего ожидать надлежит, понеже злоба их паче всего личная противу меня, следовательно, и противу тебя, котораго более всего опасаются».

Газы Хасан-паша умер в марте 1790 г. На его место был назначен сторонник жесткого курса Шериф Хасан-паша — губернатор Рущука. В том же марте Пруссия заключила с Турцией оборонительный и наступательный союз против России. Новый император Леопольд дрогнул и пошел на уступки Англии и Пруссии, согласившись на их посредничество в переговорах о мире с турками.

Всю зиму и весну Потемкин перебрасывает из своей армии полки в Белоруссию. Много сил отдает он формированию и обучению новых частей, особенно казачьих, производству для них вооружения. Формально его заместителем был старший из генералов Репнин. Но с Репниным у Потемкина официальная переписка и только. А Суворову, чье имя стало боевым символом армии, каждый официальный ордер главнокомандующего, как правило, сопровождался личным письмом.

Вот несколько отрывков из переписки Потемкина и Суворова того периода. [132]

Потемкин — Суворову 21 февраля 1790 г. Яссы.

«...мы лишилися нашего союзника. Так Богу угодно. Великий князь Тосканский (Леопольд.— В. Л.) теперь уже должен быть в Вене. Уповаю, что он от нас не отстанет. Он человек твердый и более систематичный...»

Суворов — Потемкину 23 февраля 1790 г. Бырлад.

«...проливаю слезы, паче о незаплатимом Союзнике! Леопольд был скупой господин по прежнему престолу; ныне Белград с протчим его задержать должен; Шлезия тож для австрийскаго дому...» (т. е. завоеванный у Турции Белград отвратит императора от сепаратного мира, а Силе-зия (Шлезия), захваченная Фридрихом II, не позволит Леопольду пойти на соглашение с Пруссией).

Потемкин — Суворову 9 марта 1790 г. Яссы.

«Я немогу, мой милостивый друг, и хотя уже полегче, но слабость день ото дня умножается. Прикажи препроводить

Ефендия, отправленного к визирю. Прилагаю известия польския, и есмь с непременными почитаниями навсегда вернейший друг и покорный слуга...»

Суворов — Потемкину 14 марта 1790 г. Бырлад.

«...Боже, даруй Вашей Светлости крепкое здоровье для одоления тяжелых дел, тож у меня грудь чистится к весне близ месяца. Г[осподи]на Мустафу-Эфендия я угостил. В высокославной прусской армии быстрая польская конница умокнет, у себя оставить прусскую пехоту на жертву, ежели ея по обстоятельствам протекции прежде не отберут, У нас ныне легкие войски не те, что были при Петре Великом. Помочи Селимовы далеки; жаль, что после Данцига в угодность неудобно променять Каменца на молошный рожок…» (Суворов считает, что в случае нападения Пруссии и Польши на Россию легкая польская конница, привязанная к неповоротливой прусской пехоте, быстро «умокнет»— отяжелеет, а без нее пруссаки обречены «на жертву», как при Кунерсдорфе в 1759 г. Султан Селим III не успеет оказать помощь своим союзникам. Причем незавиднее всего положение Польши, у которой один союзник — Пруссия — требует Данцига, а другой — Порта чего доброго потребует назад Каменец-Подольский, с большим трудом отвоеванный у турок в XVII в.)

Потемкин — Суворову 30 марта 1790 г.Яссы.

«Пришло ко мне известие от принца Кобурха о смерти верховного визиря Гассан-паши и назначении на сию степень Огды-паши. Чтоб вернее сие узнать, пошлите, Ваше Сиятельство, под каким-нибудь предлогом нарочного в Браилов и поспешите меня уведомить, что окажется».

Не дожидаясь запроса главнокомандующего, Суворов через своих агентов уже навел справки. 31 марта он пересылает Потемкину краткую сводку новостей, собранных начальником его передовых команд премьер-майором Соболевским.

«Известия Браиловские сей день полученныя. Визирь Гассан умер от яду, а на место его визирем Юсуф-паша, который был противу цесарцев. Турков в Браилове до пяти тысяч». (Это известие оказалось ложным. Из трех претендентов на пост везира Селим III выбрал Шерифа Хасан-пашу, не имевшего связей в придворных кругах).

И так изо дня в день, из месяца в месяц трудного 1790 г. Смерть Газы Хасан-паши — сторонника мира с Россией — осложнила переговоры. И хотя новый верховный везир продолжал переписываться с Потемкиным, было ясно, что турки, полагаясь на обещания Пруссии, ведут дело к затягиванию времени, рассчитывая на серьезные осложнения на западных границах России и на Балтике. В апреле последовал ультиматум Пруссии

России — прекратить войну и заключить мир на условиях статус-кво. Это означало, что Россия — страна, подвергшаяся нападению и одержавшая серьезные победы, должна отказаться от своих очень умеренных требований: получить Очаков и провести границу по Днестру. Навязывая России и Австрии свое посредничество в переговорах с Турцией, Англия и Пруссия вели нечестную игру. Австрия не выдержала нажима и пошла на уступки. Россия проявила твердость. Екатерина заявила, что она за прямые переговоры и с Портою, и со Швецией, а потому отклоняет ультиматум.

Потемкин и Суворов прекрасно понимали, что в сложившейся обстановке надо ждать любых неожиданностей. И они деятельно готовили войска к новым боям. Главнокомандующий, задумывая сложную нижнедунайскую операцию, в которой вместе с сухопутными силами должна была активно действовать гребная флотилия, пишет специальную инструкцию о подготовке для флотилии полка легкой гренадерской пехоты. Эта инструкция представляет принципиальный интерес. Вот несколько выдержек из нее:

«Гранодерский полк легкой пехоты долженствует быть устроен и соответственно своему назначению. Тягостей иметь сколь возможно меньше. Артиллерия будет придана самая легкая; обучать же сверх предписанного обще для пехоты следующему:

производить удар на штыках дружно и стремительно; в то же время отборными и проворными людьми, облегча их от ружья и прочей тягости, атаковать на саблях, наподобие турецких далничей, с отменною скоростию; к сему выбрав способных, обучить наперед. Турки называют такую атаку юринь, а я везде именовать ее буду вихрем.

сего нужнее сделать разбор верный людям и узнать, кто имеет способность цельно стрелять, кто легче в бегу и кто мастер плавать; все построения должны производиться отменно живо, разсыпаться и тотчас строиться...

Приучать их бегать и влазить на высоты, переходить рвы и прочее... обучать скрываться и подкрадываться к неприятелю, чтоб схватывать его часовых. К таковым экзерциям и офицеры приучены должны быть. Штаб и обер офицеры во время кампании мундиры должны носить из солдатского сукна, знаки серебряные по примеру егерских».

Далее главнокомандующий требует вселить в солдат и офицеров дух военный и любовь между собою, «дабы при всяком случае друг другу помогали и не выдавали бы в деле» [133].

Этот поразительный документ, многими своими положениями перекликающийся с суворовской «Наукой

побеждать», написанной пять лет спустя, свидетельствует о замечательном качестве, которым в полной мере обладал Потемкин. Он был смелым новатором в военном деле. Ведь, говоря современным языком, речь шла о формировании полка штурмовых десантников. Ни в одной армии того времени не было даже намека на подобные новшества.

Дипломатическая борьба продолжалась. Потемкин старался раскрыть туркам глаза на коварную роль их мнимых союзников: «Франция сосет их по торговле и завладела почти всем продуктом, теперь явилась Швеция у них на жалованье,— писал Потемкин своему представителю при везире. — Все указывают на Россию, что она опасна, а между тем Индию разобрали с ея богатствами под носом у турков по своим рукам, и уже сокровищи оттоль все везутся вокруг земли морем, которые ходили чрез их владения прежде и обогащали жителей. Были охотники, желали некоторые выманить у них Суез (*Суэц.— В.Л.*), чтоб тут сделать антрепо (*Перевалочный пункт (франц.) — В.Л.*) для коммерции индейской, а при том прибрать египетский торг, а может и землю...» (Замечание о Суэце показывает безошибочное стратегическое чутье Потемкина. Пройдет восемь лет, и в Египте высадится с экспедиционной армией генерал Бонапарт. Спустя год он будет вынужден бросить свои войска в безвыходном положении. А еще год спустя Египетская армия сдастся на капитуляцию англичанам. Эта борьба за Египет и за Суэц длилась почти сто лет, причем и Англия и Франция, чтобы отвлечь внимание Турции, постоянно пытались столкнуть ее с Россией).

В заключение русский государственный деятель просил передать верховному везиру: «Я честный человек и всегда говорю откровенно... я открыто им (туркам.— В.Л.) сказываю, что, конечно, в войне нет человека, кто бы так жаден был к победам, как я. Но, если будет мир, найдут во мне такова друга, который всей пользы для них искать будет и, конечно, после моего отечества им душевно буду доброжелательствовать и смело скажу, что во многом открою им глаза. Ежели хотят миру, его сделать можно без конгрессов, в которых, кроме плутовства, ничего нет...» [134].

Однако под давлением Англии и Пруссии правящая верхушка Турции все больше склонялась к участию в мирном конгрессе, предложенном «доброжелателями».

В мае обстановка резко осложнилась. Екатерина с беспокойством пишет о 30-тысячном корпусе пруссаков, готовых к нападению, о недостаточном количестве наших войск под Ригою, о том, что необходимо добыть мир с турками. «Дела дошли до крайности»,— признается она в письме от 14 мая.

23 мая Храповицкий заносит в свой дневник: «Ужасная канонада слышна с зари до зари почти весь день в Петербурге и в Царском Селе. Безпокойство». В столице опасались шведских десантов.

В эти же дни на юге Потемкин приказал привести войска в боевую готовность. А тут еще австрийский фельдмаршал принц Кобург попытался атаковать турок и потерпел серьезную неудачу (большие потери в людях и в артиллерии). Неумелые действия Кобурга ободрили противника. Резкий отзыв о нем Потемкина в письме к Безбородко вполне справедлив: в сложившейся обстановке крайне важно было не давать туркам ни малейшей возможности воспрянуть духом. Верный союзническим обязательствам, Потемкин приказал корпусу Суворова подвинуться ближе к австрийцам и в случае необходимости придти к ним на помощь. Специальным ордером главнокомандующий предупредил своего любимца не начинать самим военных действий. Он не хотел упустить ни малейшего шанса заключить мир и продолжал переговоры. К верховному везиру был послан опытный дипломат С. Л. Лошкарев с точными инструкциями и условиями мира. Одновременно с посылкой Лошкарева, Потемкин приказал подготовить к взрыву занятые русскими войсками турецкие крепости. В случае вынужденного отхода наших войск противник не смог бы в течение длительного времени опереться на линию крепостей и был бы более уязвим при продолжении военных действий. Напряжение нарастает. К Бендерам стягиваются русские полки. 24 июня следует директива Потемкина флоту — найти неприятеля и сразиться. Суворов сообщает о беспокойстве Кобурга, по сведениям которого армия верховного везира вот-вот переправится через Дунай и атакует австрийцев. Ходят слухи о движении крупных сил противника на Кубани. Кубанскому и Кавказскому корпусам посланы ордера главнокомандующего — быть в готовности. 28 июня Лошкарев получает указание: потребовать у верховного везира окончательного ответа и в случае отказа немедленно уезжать. И тут приходит первая радостная весть: 22 июня адмирал В. Я. Чичагов в упорном сражении разбил шведский флот при попытке его прорваться из Выборгского залива, где он был заперт еще с конца мая. Словно не желая отставать от своих товарищей на Балтике, моряки-черноморцы 8 июля атаковали турецкий флот в Керченском проливе. Новый командующий эскадрой Ушаков действовал блестяще. Сильный турецкий флот бежал.

Переговоры возобновляются. Снова кажется, что вот-вот Порта войдет на мир. Потемкин обращает внимание везира на разгром шведов и победу Ушакова. Он требует не трогать

австрийцев, иначе его армия должна будет вступить в дело. Положение очень запутанное, ибо в эти самые дни в Рейхенбахе собирается конгресс, на котором Пруссия и Англия буквально выкручивают руки австрийцам, принуждая их разорвать союз с Россией.

В конце июня Кобург снова просит о помощи: по верным сведениям армия везира переправляется через Дунай. И снова по ордеру главнокомандующего суворовский корпус выступает в поход и подвигается к Бухаресту. Расчет Потемкина верен: везир несколько раз подумает, прежде чем атаковать австрийцев. Грозный «Топал-паша» в любую минуту готов прийти на помощь союзникам.

Истосковавшийся по настоящему делу Суворов горит желанием сразиться. Письма его Потемкину полны оптимизма: «...Нижайше благодарю Вашу Светлость за милостивое письмо сего от 23-го ч. Здесь мы сыты, здоровы и всего у нас довольно... Ленивая турецкая переправа за бурями на Дунае и небольшой охотой визиря. Милостивый Государь! Боже, благослави предприятия Ваши» (27 VII. 1790 г.)

Суворов уже обо всем договорился с Кобургом, который готов выполнять все указания «своего великого друга». Но обстановка в который раз за последнее время резко изменилась.

Секретный ордер Потемкина Суворову от 31 июля:

«Сейчас получил я из Вены курьера, чрез которого уведомлен о заключенном договоре с королем прусским. Мир положен с Портою на условии все завоевания Порте возвратить, Венский двор согласился; неизвестно, останется ли в действии наш трактат о вспоможении нам корпусом 30 тысяч. Теперь крайне нужно не терять людей для союзника, который уже помирился...» [135]

И, как всегда, к ордеру приложено личное письмо: «Вот, мой милостивый друг, австрийцы кончили. Пруссаки домогаются, чтоб и вспомогательного нам корпуса не давать, да я думаю и успеют. Слышно, что букарестскому [корпусу] будет повеление иттить во свояси; что курьер приедет, то Вы в свое место» [136].

Главнокомандующего очень тревожит положение корпуса, далеко выдвинутого вперед. «Генерала Графа Суворова я отрядил в подкрепление австрийцев к Букарешту, доносит он Екатерине 2 августа.— Но теперь необходимо его оттуда взять должно, ибо, что копилось противу союзников, обратится уже на него одного, и он, будучи отрезан браиловским и силистрийским неприятелем, не в состоянии возвратиться без большой потери» [137].

Но Суворов был начеку: «Светлейший Князь, Милостивый Государь! Милостивое письмо Вашей светлости от 31ч. июля я

получил. Пред сим за сутки дошли два письма к моим букарештстким приятелям из Вены о том же» (Разведка Суворова работала безукоризненно!). «Австрийцы удерживают Орсову, 5 округов в Боснии, Хотин до миру с нами или вовсе; что с российскими на 3 месяца перемирие; что Щринц] Нассау...»

Очень примечательное многоточие. Агенты Суворова сообщали ему о неудаче наших войск на Балтике. Старый знакомец по очаковской осаде принц Нассау, командовавший гребной флотилией, не успел к Выборгскому сражению и через 6 дней после победы корабельного флота был разгромлен шведским галерным флотом. Потемкин был уведомлен об этом Екатериной, но в трудной обстановке тех дней не стал бередить чувства подчиненных. Суворовский корпус снялся с позиций под Бухарестом и без промедлений отошел на реку Серет, куда главнокомандующий заблаговременно выслал резервный корпус князя С.Ф. Голицына.

Австрийцы вышли из игры. Россия осталась одна. Одна против европейской коалиции и Порты. Правда, в эти же дни русской дипломатии при личном участии Екатерины удалось вырвать (без посредников!) мир у шведов. 3 августа были подписаны предварительные условия.

«Одну лапу из грязи вытащили,— радостно сообщила Екатерина Потемкину.— Как вытащим другую, то пропоем "Аллилуя"... Предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест, а постарайся заключить свой особенный для нас мир с турками».

Но «вторую лапу» оказалось вытащить не так легко.

Везир всячески уклонялся от обсуждения условий мира. За его спиной вырисовывались фигуры советчиков, любящих воевать чужими руками. Ловкий прусский дипломат маркиз Джироламо Лукезини (посол в Польше) руководил действиями турок. На его счету были серьезные заслуги перед коалицией: он сумел настроить Польшу против России, содействовал выходу Австрии из войны. Лукезини был готов помочь и туркам — новым союзникам Пруссии, с недавнего времени связанным с ней сорокалетним наступательным и оборонительным договором.

В конце августа везир предложил Потемкину прусское посредничество. «Наскучили уже турецкие басни. Их министерство и нас, и своих обманывает,— ответил Потемкин через Лошкарева,— Тянули столько, вдруг теперь выдумали медиацию прусскую, да и мне предлагают. Мои инструкции: или мир, или война,., коли мириться, то скорее, иначе буду их бить» [138].

Снова заговорили пушки. Первым успеха добился

Черноморский флот. В двухдневном сражении 28-29 августа у Тендры Ушаков наголову разбил превосходящие силы турецкого флота. Адмиральский корабль взлетел на воздух. Один линейный корабль был пленен, другой затонул.

В сентябре возобновились действия сухопутных сил. Поскакали курьеры с ордерами главнокомандующего: Кубанскому и Кавказскому корпусам действовать наступательно и разбить армию Батал-бея; генерал-аншефу князю Репнину с главным корпусом наблюдать границу польскую и прикрывать тылы армии; сильным корпусам генералов Меллера-Закомельского, Гудовича и Самойлова — идти к низовьям Дуная, где находилась целая система турецких крепостей, из которых сильнейшей был Измаил; гребной флотилии под начальством Рибаса и флотилии черноморских казаков под начальством Головатого — идти к дунайским гирлам и прорваться в реку. Черноморский флот должен прикрывать их действия со стороны моря.

Начиналась давно задуманная нижнедунайская операция. Эта операция и поныне еще недостаточно исследована и оценена военными историками. Обычно ее сводят к штурму Измаила, забывая, что Измаил был только кульминацией этой сложной операции с участием сухопутных сил, гребной флотилии и большого парусного флота.

Существует версия, что ревнивый главнокомандующий вначале хотел обойтись без Суворова, чьи громкие победы якобы бросали тень на полководческую репутацию Потемкина, но был вынужден прибегнуть к его помощи, чтобы овладеть считавшимся неприступным Измаилом. Это неправда. Как и в прошлую кампанию, на Суворова была возложена ответственнейшая задача — обеспечить успех всей операции. Со своим выдвинутым вперед корпусом он сторожил армию верховного везира на Дунае. Потемкин мог доверить это поручение только Суворову.

Об отношении к нему главнокомандующего можно судить по отрывку из письма Потемкина к русскому послу в Варшаве Булгакову. В ответ на ходившие в Польше слухи о гибели знаменитого Суворова (своеобразное свидетельство боевой славы русского генерала), Потемкин писал:

«...плюйте на ложные разглашения, которыя у вас на наш счет делают. Суворов, слава Богу, целехонек...» (7 IX.1790 г.) [139]

10 сентября Потемкин поставил Суворову задачу не допустить турецких подкреплений к Измаилу сухим путем. В случае попытки неприятеля прорваться к крепости, предписывалось атаковать и разбить противника. Для этой цели Потемкин подчинил Суворову 2-й передовой корпус генерал-поручика князя С.Ф. Голицына. 25 сентября Потемкин

специальным письмом поделился с Суворовым планом операции и, возможно, запросил его мнение. К сожалению, письмо это не разыскано. Из ответа Суворова видно, что он не только разделял замысел главнокомандующего, но и смело развивал его.

«Вашей Светлости милостивое письмо сего от 25 ч. получил... В присутствии или [при] помощи войск гребной флот возьмет Килию, Измаил, Браилов... Для услуг сего последнего подвезть может нечто осадных артиллерии и припасов; или эти доставит благовремянно резервный корпус водою... В свое время сухоп[утное] войско перейдет здесь при Сербанешти, спустит мост за устье Бузео и в Браиловском Рае. Как декрет на Булгарию не публикован, мечтается в перитектике, что по времяни Ваша Силистрия и ближе к трибуне префекта... ежели черта пера не предварит острие меча. Вашей Светлости новый год! Новые мне милости! Я выстрелю Ваше здравие!»

Последние три фразы — образное и очень характерное для стиля Суворова поздравление Потемкина со днем его ангела. Абзац со слов: «в свое время сухопутное войско... и т. д.»— свидетельство творческого участия Суворова в планах кампании. Он предлагал после взятия крепостей перенести боевые действия на Балканы, идти прямо к Константинополю («трибуне префекта»), пока «черта пера» (мир) не предварит «острие меча» (войну).

И снова приходится сожалеть о неразысканном ответе Потемкина. Возможно, главнокомандующий и принял бы идею Суворова, но упорная оборона турками крепостей и, в первую очередь, Измаила, вмешалась в планы кампании.

29 сентября Потемкин приказал генерал-аншефу Меллер-Закомельскому объединить под своим начальством корпуса в низовьях Дуная и овладеть крепостью Килия:

«Старайтесь как возможно скорее решить с Килиею, дабы заблаговременно обратиться к другому пункту...» Но, несмотря на значительное количество войск и сравнительную слабость этой турецкой крепости, русскому командованию не удалось обеспечить четкого взаимодействия корпусов и овладеть Килией сходу. Более двух недель войска топтались под ее стенами. Смертельно раненного Меллер-Закомельского сменил Гудович, генерал, не отличавшийся решительностью. Жалуясь Потемкину на опоздание гребной флотилии (сильные встречные ветры задержали ее подход к устью Дуная), Гудович не видел иной возможности взять крепость, кроме как формальной осадой, с рытьем траншей и постройкой осадных батарей. Задержка у стен незначительной турецкой крепости грозила серьезными осложнениями.

В это время пришла радостная весть с Кубани. Генерал-майор И. И. Герман наголову разбил 40-тысячную турецкую армию во главе с сыном старого знакомца Суворова (Хаджи Али Джаныклы-паши) Батал-беем. Весь турецкий лагерь, вся артиллерия и сам Батал-бей с многочисленной свитой оказались в руках победителей.

Потемкин широко оповестил войска об этой победе. 18 октября гарнизон Килии ввиду явного неравенства сил сдался на капитуляцию.

19 октября последовал ордер Потемкина Суворову: «Хотя Ваше Сиятельство может быть прямо получили уже известие о покорении Килии, но тем не менее считаю за нужно Вас о том чрез сие уведомить, предписывая объявить о том в команде Вашей и принести благодарственное Всевышнему моление».

Как всегда, к ордеру приложено письмецо: «Килия сдалась, флотилия входит, флот наш показался. Боже, дай хорошее время (погоду.— В. Л.), а паче свою всемощную помощь...»

Приписка внизу: «Граф Бальмен (командир Кубанского корпуса.— В. Л.) умер чахоткою, но турки разбиты и славно истреблены. Прощай, мой милостивый друг». (19 X. 1790 г. Бендеры.) [140].

На другой день, 20 октября, гребная флотилия прорвалась в Дунай. Действия флотилии и черноморских казаков доказали, что надежды, возлагавшиеся на них главнокомандующим, были основательны. Решительными и дерзкими десантами с судов были захвачены укрепления турок по берегам Дуная, а также две небольшие крепости Тульча и Исакча, Турецкая флотилия на Дунае была разгромлена. К середине ноября Дунай от устья до Галаца, за исключением могучей твердыни — Измаила, был в руках русских.

Поначалу Потемкин не мог поверить, что за стенами крепости, подготовленной французскими инженерами к длительной обороне, укрывается целая армия — около 35 тысяч человек. Но разведка подтвердила: Измаил превращен в «орду колеси»— армейскую крепость, защищенную мощной артиллерией (около 250 орудий) и снабженную припасами на несколько месяцев. Оставлять у себя в тылу столь значительные силы было рискованно. К тому же известия, поступающие из разных источников, свидетельствовали об активизации прусской дипломатии. Маркиз Лукезини затевал в Систове новый конгресс с целью принудить Россию к посредничеству Англии, Голландии и Пруссии. Таким образом, Измаил, помимо стратегического значения, приобретал важное политическое значение. Из Петербурга шли требования нанести противнику сокрушительный

удар и закончить войну.

Главнокомандующий поставил войскам задачу взять крепость. Русские войска, блокировавшие Измаил со стороны Дуная и с суши, насчитывали не более 30 тысяч. Около половины составляли казаки, вооружение и характер службы которых мало подходили для штурма крепостей. Надвигавшаяся зима требовала скорых и решительных действий. Старшим под Измаилом оказался генерал-поручик Гудович, только что отличившийся при взятии Килии. Но Измаил был не Килия, а Гудович не обладал достаточным авторитетом ни среди войск, ни среди генералитета. Под его руководством военный совет, собравшийся 25-26 ноября, вынес решение о необходимости формальной осады.

За рассуждениями об осаде просматривался отказ от решительных действий. Так и случилось. Командиры корпусов начали отводить войска от крепости. Рибас стал снимать осадную артиллерию с острова Чатал напротив Измаила и грузить ее на суда. Но главнокомандующий предвидел такое развитие событий! Еще не зная о решении совета, Потемкин послал секретный ордер Суворову: «Флотилия под Измаилом истребила уже почти все их суда и сторона города к воде очищена; остается предпринять с помощью Божиею на овладение города. Для сего, Ваше Сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду, взяв на судах своих сколько можете поместить пехоты, оставя при Генерал-Порутчике Князе Голицыне для удержания неприятеля достаточное число и всю конницу, которой под Измаилом и без того много.

Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею, если бы начать там, чтобы, взойдя, тут где ни есть ложироваться (*Разместиться — от loger (франц.) — В.Л.*) и уж оттоль вести штурмования, дабы и в случае чего, Боже сохрани, отражения, было куда обратиться.

Сын принца Де Линя инженер, употребите его по способности. Боже, подай Вам свою помощь! Уведомляйте меня почасту. Генерал-Майору и кавалеру Де Рибасу я приказал к Вам относиться...» (25 XI. 1790 г. Бендеры.) [141]

Тем же числом помечены еще один ордер Суворову о необходимости дать остающимся вместо него генералам Дерфельдену и Голицыну наставления в рассуждении военной осторожности со стороны Браилова, и личное письмо главнокомандующего:

«Измаил остается гнездом неприятеля. И хотя сообщение прервано чрез флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг!

По моему ордеру к тебе, присутствие там личное твое соединит все части. Много тамо равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род Сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на помогу и по предприимчивости и усердию; будешь доволен и Кутузовым. Огляди все и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимайте. Есть слабые места, лишь бы дружно шли. Князю Голицыну дай наставление. Когда Бог поможет, пойдем выше. Вернейший друг и покорнейший слуга

Князь *Потемкин Таврический*».

(25 XL 1790 г. Бендеры.) [142]

Посылая Суворова под Измаил, Потемкин не терял из виду его боевой участок. Несколько раз он обращает внимание на необходимость усилить бдительность остающихся там войск и их командиров, т. к. в любой момент армия верховного везира могла начать переправу.

Указание главнокомандующего на слабейшую сторону Измаила свидетельствует о верности его военного взгляда. Первого успеха штурмующие колонны добились именно с этой стороны. Поражает и его знание людей. Под Измаилом находились известные в армии генералы, в том числе и родственники Потемкина — генерал-поручики А.Н. Самойлов и П.С. Потемкин, отличившиеся во многих боях. Но главнокомандующий выделяет двух: предприимчивого Рибаса и Кутузова. «Будешь доволен и Кутузовым!» Сколько веры в полководческий талант Михаила Илларионовича содержит эта короткая фраза Потемкина, обращенная к самому Суворову! Каким огромным уважением к лучшему боевому генералу русской армии веет от каждой строчки приказа и письма.

Это подтверждают и другие ордера главнокомандующего. Так, 28 ноября, он пишет Рибасу: «Чрез прибытие господина Генерал-Аншефа и Кавалера Графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго и соединения всех частей под единоначальство уничтожатся все затруднения, и дела воспримут должное течение...» [143].

Ордера и Письма от 25 ноября не успели дойти до Суворова, как Потемкин узнал о решении военного совета и отходе войск от Измаила. Немедленно главнокомандующий посылает ордер генералу Гудовичу: «Ваш рапорт от 25 ч... мною получен. Из онаго вижу я трактование пространное о действиях на Измаил, но не нахожу тут вредных для неприятеля положений. Канонада по городу, сколько бы она сильна ни была, не может сделать большого вреда. А как Ваше Превосходительство не примечаете, чтоб неприятель в робость приведен был, то я считаю, что сего и приметить невозможно. Конечно, не усмотрели Вы оное в Килии

до самой ея сдачи, и я не приметил также никакой трусости в Очакове до самого штурма.

Теперь остается ожидать благополучного успеха от крайних средств, которых исполнение возложено от меня на Господина] Генерал-Аншефа и Кавалера Графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго».

(28 XI. 1790 г. Бендеры.) [144]

На другой день личным письмом главнокомандующий поздравил Гудовича с монаршей милостью — производством в генерал-аншефы за покорение Килии и сообщил ему о назначении его к «командованию войск у Кавказа и Кубани, где настоящие обстоятельства требуют начальника отличных достоинств».

Каким контрастом с этим вежливым и учтивым письмом является помеченный тем же 29 ноября секретный ордер Потемкина Суворову:

«Прежде, нежели дошли мои ордера к Г[осподам] Генерал-Аншефу Гудовичу, Генерал-Порутчику Потемкину и Генерал-Маиору Де Рибасу о препоручении Вам команды над всеми войсками у Дуная находящимися, и о произведении штурма на Измаил, они решились отступить. Я, получа сей час о том рапорт, предоставляю Вашему Сиятельству поступить тут по лучшему Вашему усмотрению продолжением ли предприятия на Измаил или оставлением онаго...»

Главнокомандующий понимает, в каком трудном положении оказался Суворов,— отходящие от крепости войска уже потеряли уверенность в успехе дела, противник ободрился. Но Потемкин знал, что «друг сердешный Александр Васильевич» был настоящим воином. Предоставляя ему полную свободу действий, он верил в его военный гений, в его воинскую честь: «Ваше Сиятельство, будучи на месте и имея руки развязанныя, не упустите, конечно, ничего того, что только к пользе службы и славе оружия может способствовать. Поспешите только дать знать о мерах Вами приемлемых и снабдить помянутых Генералов вашими предписаниями» [145].

И Суворов (в который раз!) доказал, что слава, которой уже было овеяно его имя, была настоящей славой.

«Получа повеление Вашей Светлости отправился я к стороне Измаила. Боже, даруй Вам свою помощь». Это ответ на письмо Потемкина от 25 ноября. Рапорт Суворова на приказ принять командование под Измаилом также краток: «По ордеру Вашей Светлости от 25 ноября за № 1336, мною сего числа полученному, я к Измаилу отправился, дав повеление генералитету занять при Измаиле прежние их пункты, а господину Гекерал-Порутчику

Князю Голицыну предписал ведать здешний пункт Галац». (30 XL 1790 г.)

Никто из биографов Суворова «не заметил», что назначение под Измаил не явилось для него неожиданностью. Еще не получив ордера от 29 ноября, в котором Потемкин известил его об отходе войск из-под Измаила, Суворов приказал генералитету «занять при Измаиле прежние их пункты». Поистине, главнокомандующий и Суворов понимали друг друга с полуслова.

В тот же день 30 ноября, отдав остающимся вместо него генералам — Князю Голицыну и Дерфельдену распоряжения относительно «наблюдения и обеспокоивают» турецких сил под Браиловым, Суворов с небольшим казачьим конвоем поскакал к Измаилу. Он очень торопился. Утром 2 декабря Суворов прибыл в лагерь русских войск.

Рапорт Суворова Потемкину № 77:

«К Измаилу я сего числа прибыл. Ордер Вашей Светлости от 29-го за № 1757 о мероположении5 что до Измаила, я имел честь получить и о последующем Вашей Светлости представлю».

(2 XII. 1790 г.)

Штурм Измаила 11 декабря 1790 г. Раскрашенная гравюра С.Шифляра по рисунку М.Иванова, сделанному во время сражения:

Осмотрев крепость, ознакомившись с обстановкой, Суворов рапортовал на следующий день: «Между тем Браилов должен пребывать на правилах, как его я оставил: в заботе, усыплении и недоумении...» (Суворов беспокоится за свой боевой участок, но главные его заботы уже об Измаиле). «По силе повелениев Вашей

Светлости первоначально войски сближились под Измаил на прежние места; так безвременно отступить без особого повеления Вашей Светлости почитается постыдно.

У господина Генерал-Порутчика Потемкина я застал план, который поверял: крепость без слабых мест. Сего числа приступлено к заготовлению осадных материалов, коих не было, для батарей, и будем старатца их совершить к следующему штурму дней чрез пять, в предосторожность возрастающей стужи и мерзлой земли. Шанцовой инструмент по мере умножен.

Письмо Вашей Светлости к Сераскиру (*Сераскир (сераскер) — командующий группой войск (турец.) —В.Л.*) отправлю я за сутки до действия. Полевая артиллерия имеет снарядов только один комплект. Обещать нельзя, Божий гнев и милость зависят от его провидения. Генералитет и войски к службе ревностию пылают. Фанагорийский полк будет сюда».

(3 XII. 1790 г.)

В этом письме весь Суворов: деятельный, решительный, честный: «крепость без слабых мест, обещать нельзя». Его реакция на решение военного совета та же, что и у главнокомандующего: «так безвремянно отступить... почитается постыдно».

Приближающиеся холода заставляли торопиться. Надо было успеть построить насыпи для батарей, пока морозы не сковали землю. Надо было подтянуть к крепости ударные части — Суворов с нетерпением ждал свой любимый Фанагорийский гренадерский полк. Но какой сдержанной решимостью веет от этого рапорта, какая сила духа в каждом слове, в каждой строчке: «Генералитет и войски к службе ревностию пылают!»

Он только день пробыл под стенами Измаила, но уже успел вселить уверенность в окружающих. Более того, при одном слухе о скором прибытии Суворова отходившие от крепости войска, как об этом свидетельствуют очевидцы, сразу преобразились. Все были уверены, что с прибытием Суворова крепость будет взята. Поразительный пример влияния полководца на дух армии!

Мы так подробно цитируем письма Потемкина и Суворова потому, что в многочисленных описаниях действий Суворова под Измаилом приходится сталкиваться с утверждениями, принижающими или совершенно искажающими роль главнокомандующего в этом деле, Так, один из последних биографов Суворова прямо утверждает, что Светлейшего обуревали сомнения и что сам он навряд ли верил в возможность взятия Измаила, а выше ордер от 29 ноября подается следующим образом: «Узнав, что войска начали отходить от крепости, он снова заколебался. Суворову полетела новая депеша...» и ниже: «Потемкин своей второй депешей, по сути, переложил на

Суворова всю ответственность за исход сражения» [146].

Подобные утверждения имеют давнюю и стойкую традицию. Лучшим ответом на них являются подлинные документы тех дней без всяких комментариев.

Ордер Потемкина Суворову № 1730:

«Когда уже корпусы заняли прежнее место, то и быть по прежнему повелению. Даруй Боже Вам счастие». (4 XII. 1790 г. Бен-деры.) [147]

Письмо Потемкина Суворову (того же числа):

«Даруй Боже тебе, мой любезнейший друг, счастья и здоровья. Желаю от искреннего сердца. Снарядов нету ли поблизости? А я отсюда послал. Кажется, в Килии у Ивана Ивановича был запас. Прости! Твой вернейший друг

Князь *Потемкин-Таврический*» [148].

Рапорт Суворова Потемкину №86:

«Уже бы мы и вчера начали, если б Фанагорийский полк сюда прибыл. О чем

Вашей Светлости доношу». (5 XII. 1790 г. При Измаиле.)

Из рапорта Суворова Потемкину № 90:

«7-го числа пополудни в 2 часа, послан был к крепости трубач с письмом Вашей Светлости и моими, где означен срок суточный на ответ, что принято было учтиво...»

Из письма Потемкина измаильскому коменданту:

«Приближа войска к Измаилу и окружа со всех сторон сей город, уже принял я решительные меры к покорению его... Но прежде, нежели употребятся сии пагубныя средства, я, следуя милосердию,.., требую от Вас добровольной отдачи города; в таком случае все жители и войска... отпустятся за Дунай с их имением. Но если будете вы продолжать бесполезное упорство, то с городом последует судьба Очакова и тогда кровь невинная жен и младенцев останется на вашем ответе.

К исполнению сего назначен храбрый Генерал Граф Александр Суворов Рымникский...» [149]

Вместе с письмом Потемкина парламентеры передали измаильским властям и письмо Суворова» в котором говорилось: «Приступая к осаде и штурму Измаила российскими войсками в знатном числе состоящими, но соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость, при том бываемую, даю знать чрез сие Вашему Превосходительству и почтенным Султанам и требую отдачи города без сопротивления. Тут будут показаны все возможные способы к выгодам вашим и всех жителей, о чем и ожидаю, от сего чрез 24 часа, решителного от вас уведомления... в противном же случае поздно будет пособить человечеству, когда не могут быть пощажены не только никто, но

и самыя женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства, и за то никто, как вы и все чиновники пред Богом ответ дать должны». (7 XII. 1790 г.)

9 декабря Суворов собрал военный совет. Состав его почти тот же, что и две недели назад, без Гудовича, покинувшего армию. Но какая перемена в настроении! После того, как был зачитан ответ сераскира Мегмет-паши с просьбой дать сроку десять дней, чтобы связаться с верховным везиром, военный совет единодушно постановил:

«Приближась к Измаилу по диспозиции, приступить к штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю время еще более укрепиться. И посему уже нет надобности относиться к его Светлости Главнокомандующему. Сераскиру в его требовании отказать... Отступление предосудительно победоносным Ея Императорскаго Величества войскам».

Всего 13 подписей. Среди них подписи Кутузова и Платова.

Суворов делает последнюю попытку предотвратить кровопролитие: «Получа Вашего Превосходительства ответ,— пишет он сераскиру Мегмет-паше,— на требование согласиться никак не могу, а против моего обыкновения еще даю вам сроку сей день до будущего утра на размышление», (9 XII. 1790 г.)

Рапорт Суворова Потемкину № 93:

«Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред Высочайшим троном Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом! Нижайше поздравляю Вашу Светлость». (11 XII. 1790 г. Измаил.)

Никакое подробное описание штурма Измаила не дает большего представления о подвиге Суворова и руководимых им войск, чем эти скупые строчки донесения на небольшом листке бумаги, словно пожелтевшем от порохового дыма и гари пожарища.

То, что сделал Суворов под Измаилом и по сей день поражает знатоков военного искусства. Это был переворот в военном деле: за девять суток подготовить и осуществить штурм сильно укрепленной крепости, гарнизон которой превосходил силы осаждавших. Преклоняясь пред гением Суворова, мы должны помнить и о выдающихся боевых качествах и воинском мастерстве солдат, офицеров и генералов русской армии, преобразованной реформами Потемкина, прошедшей великолепную боевую школу Второй турецкой войны. Это были не те необстрелянные рекруты, дрогнувшие в разгар Кинбурнского сражения, с трудом отбивавшие вылазки Очаковского гарнизона. Позади были штурм Очакова, сражения кампании 1789 г., недавние бои на берегах Дуная,

Измаильский штурм явился высшей точкой всей войны. «Не Измаил, но армия турецкая, состоящая в 30 с лишком тысячах, истреблена в укреплениях пространных»,— доносил Потемкин в Петербург [150]. «Измаильская эскалада города и крепости с корпусом в половину турецкого гарнизона, в оном находящемся, почитается за дело едва ли еще где в истории находящееся и честь приносит неустрашимому российскому воинству»,-— отвечала ему Екатерина.

Императрица не преувеличивала. Тайные и явные враги России, ее друзья, а также оробевшие союзники — все единодушно признавали, что в Европе нет армии, способной на подобный подвиг. «Сия потеря Измаила произвела великий страх в задунайских пределах», — сообщал Суворов главнокомандующему известия, полученные им чрез своих агентов. Стратегическая и политическая обстановка резко изменилась. Жители Валахии выражали бурную радость. Венгры предлагали австрийскому императору 80 тысяч войска для продолжения войны с Портой за лучшие условия мира. Английские, голландские и прусские дипломаты были в растерянности. Систовская конференция прервала свои заседания. В Турции царила паника и недовольство затянувшейся войной. Мир казался близким и достижимым.

После Измаила. Что произошло в Яссах?

Рапорт Суворова Потемкину № 94:

«Легло наших героев сухопутных с флотскими за отечество до двух тысяч, а раненых больше. Варваров, получавших провиант, до 40 000, но числом менее того; в полону при разных пашах и чиновниках около трех, а всех душ до пяти тысяч, протчие погибли. Провианта у них оставалось с лишком на месяц. Военной амуниции и припасов множество. Пленные отправятся немедленно по партиям в Бендеры. Трофей — больших и малых пушек ныне около 200 и знамен до 200, должно быть больше. Победоносное войско подносит Вашей Светлости городские ключи»

(13 XII. 1790 г. Измаил.)

Это первый и далеко не полный рапорт о трофеях и потерях. Иначе звучат слова письма, помеченного тем же 13 декабря. Так пишут после тяжелого труда: «Светлейший Князь! Милостивый Государь! Простите, что сам не пишу: глаза от дыму болят. Благодарю, Светлейший Князь, за милостивое ободрительное письмо; благодарю за гостинцы чрез Вас [или]я Степ[анови]ча, я ими разговеюсь... (как видим, накануне штурма Потемкин послал ободрительное письмо и «гостинцы» с Поповым. Письмо не разыскано. Под гостинцами скорее всего следует понимать запас снарядов и пороха, о котором Суворов просил раньше)... Отправится в Бендер Александр Николаевич, сокрушенный Раевским [151]. Г[раф] Безбородко ранен [152], с знаменами пошлю к Вашей Светлости отменно отличного Золотухина, имевшего импульзию и сподручность с дунайским Героем Осипом Михайловичем [153]. Браилов поздно... хотя мы все готовы за Вас умереть; усильте, Светлейший Князь, Ваших серетских [154] в запас для лутчего успеху войском и осадным, по Вашему высокому разсмотрению, до возвращения турков. Сегодня у нас будет благодарственный молебен унашего нового Спиридония. Его будет петь Полоцкий поп [155], бывший со крестом пред сим храбрым полком. Фанагор [ий]цы с товарищами отсюда пойдут сего числа домой...

И вновь остается сожалеть, что до нас не дошло поздравительное письмо Потемкина Александру Васильевичу. Мы помним его письма после Кинбурнской победы, после Рымника. Что должен был писать Потемкин «другу сердешному» после

Измаила? Какими словами благодарить героя за небывалый подвиг?

Косвенный ответ на эти вопросы можно получить из двух писем Суворова от 18 и 20 декабря: «Виват, Князь Григорий Александрович на 7000 лет! За письмо Вашей Светлости все здешние храбрые войски Вам нижайше руки цалуют...» (18 XII. 1790 г. Измаил.)

«Сколько бы я желал коснуться здесь Вашей мышцы, но Ваша Светлость верить может, что я в душе моей обнимаю колени Ваши. Здесь я кончил, подозрение мое на Но-восеретскую политику принуждает меня туда спешить...» (20X11. 1790 г. Измаил.)

Все ждали развития событий. И тут, если верить большинству биографов Суворова, случилось непредвиденное: встретившись в Яссах, главнокомандующий армией и измаильский победитель не нашли общего языка и рассорились навсегда. Приведем полностью единственное описание сцены встречи Суворова с Потемкиным, будто бы окончившейся столь драматично.

«По взятии Графом Суворовым Измаила, Князь Потемкин ожидал победителя в Яссы. Желая сделать ему почетную встречу, Князь велел расставить по дороге нарочных сигнальщиков; а в зале, из которой видно было далее версты на дорогу, приказал смотреть Боуру, чтобы как скоро увидит едущего Графа, немедленно доложил бы Князю: ибо о выезде его из последней к Яссам станции дано уже было знать. Но Суворов, любивший все делать по-своему, приехал в Яссы ночью и остановился у молдаванского капитан-исправника, запретивши ему строго говорить о приезде своем. На другой же день, часу в десятом по утру, севши в молдаванский берлин (похожий на большую архиерейскую повозку), заложенный парою лошадей в шорах; кучер на козлах был молдаван же, в широком плаще с длинным бичом; а назади лакей капитан-исправника в жупане с широкими рукавами. И в таком великолепном экипаже поехал к Князю. Дорогою никто из наблюдавших его не мог подумать, чтоб это был Суворов, а считали, что едет какая-нибудь важная духовная особа. Когда же въехал он к Князю во двор, то Боур, увидя из окошка, побежал к Князю доложить, что Суворов приехал, Князь немедленно вышел из комнат и пошел по лестнице, но не успел сойти три ступеньки, как Граф был уже наверху. Потемкин обнял его, и оба поцеловались. При Князе был один только г. Боур, а мы стояли все в дверях и смотрели. Князь, будучи чрезвычайно весел, обнимая графа, говорит ему: «Чем могу я вас наградить за ваши заслуги?» Граф поспешно отвечал: "Нет! Ваша Светлость! Я не купец и не торговаться с вами приехал. Меня наградить, кроме

Бога и Всемилостивейшей Государыни, никто не может!"

Потемкин весь в лице переменился. Замолчал и вошел в залу, а за ним и Граф. Здесь подает ему Граф рапорт; Потемкин принимает оный с приметною холодностию; потом, походя по зале, не говоря ни слова, разошлись: Князь в свои комнаты, а Суворов уехал к своему молдавану; и в тот день более не видались» [156].

Теперь приведем несколько «разработок» этой сцены. До появления монографии А. Ф. Петрушевского лучшей работой о Суворове считалась книга Фридриха фон Смитта — русского историка, писавшего на немецком языке. Фон Смитт работал над ней в 30-50 годах XIX в. Во второй части книги, вышедшей в 1858 г. в Лейпциге, читаем: «Потемкин побледнел; никогда еще не испытывал он такого глубокого оскорбления... молча, с стиснутыми губами и с злобой в сердце воротился он в залу... Кажется, что Суворов произвел эту ссору с преднамеренным умыслом, или, может быть, не в силах будучи превозмочь своего гнева, потому что Потемкин в эту минуту верно не думал оскорбить его или представлять себя награждающим. Он хотел и мог быть только посредником, однако выразился двусмысленно. Но Суворов уже слишком высоко оценил славу, приобретенную им победой под Измаилом, и думал, что после того мог уже освободиться от зависимости Потемкина».

По Смитту, Потемкин, при всем личном мужестве, не обладал высшими дарованиями полководца, проводил целые недели в бездействии. Суворов счел, что настало время освободиться от тяготившей его опеки. Он хотел получить под свое командование армию и доказать всему миру свой великий талант полководца. Смитт утверждает также, что для этого Суворову нужно было получить чин фельдмаршала, чтобы стать на одну ногу с Потемкиным и Румянцевым, и что он рассчитывал на достойную оценку своего подвига императрицей.

«Он ошибался,— пишет в заключение Смитт.— Как ни мужественен, как ни тверд душою был он, ему нельзя было не страшиться последствий опрометчиво сказанных им слов... Могущественный враг его последовал за ним... в Петербург... Здесь он умел воспрепятствовать всему, что могло быть благоприятным Суворову» [157].

«Потемкин обомлел,— читаем мы в книге К. Осипова, написанной сто лет спустя после книги фон Смитта.— Подобного тона он никак не ожидал... Они молча ходили по залу; ни тот, ни другой не могли найти слов. Наконец Суворов откланялся и вышел. Это была его последняя встреча с князем Таврическим... Пять минут независимого поведения дорого обошлись Суворову...

Екатерининская эпоха еще раз зло посмеялась над ним. Суворову горше, чем когда бы то ни было, было суждено почувствовать, что недовольство фаворита значит для царицы больше, чем любые подвиги полководца... Суворов выехал в Петербург. Потемкинские эстафеты опередили его. Он был принят очень холодно...» [158]

Лучший биограф Суворова Петрушевский в своем описании этой сцены сумел обойтись без «стиснутых зубов и злобы в сердце». Не пишет он и о «потемкинских эстафетах», опередивших Суворова в Петербурге. Но концепция Петрушевского та же, что и у остальных, только разработана она тоньше и поэтому кажется более убедительной.

«Случай этот иначе не объясним, как характеристикой того века, — начинает свои рассуждения Петрушевский, века искательства, подслуживания, лести и всяких кривых путей... Ничто не доставалось тогда прямо; даже богато одаренным людям приходилось держаться общей колеи. Суворов, искавший исхода своим внутренним силам, успел уже состариться, когда сделался человеком известным. Прошли долгие годы, а он все еще не добился надлежащего положения. Еще недавно в прошлом году принц Кобургский был возведен за Рымник в фельдмаршалы; он — главный виновник победы — нет. Поэтому, когда Суворову привелось совершить в Измаиле новый подвиг, более крупный и блестящий, чем все предшествовавшие, он вздохнул свободно: давно искомая цель не могла теперь миновать его рук.

Суворов ошибся. Потемкин не терпел около себя равного по положению, особенно равного с громадным перевесом дарования. В кампанию 1789 года он оттер от дела Репнина, дабы отнять от него возможность производства в фельдмаршалы. Суворов же был гораздо способнее Репнина и, следовательно, еще неудобнее для Потемкина. Иметь его под своим начальством, отличать, ценить, осыпать милостями Императрицы — Потемкин был согласен, потому что победы подчиненного ставились в заслугу главнокомандующему. Но поставить его рядом с собой на равной ноге — ни в каком случае. Контраст был слишком велик. Поэтому ждать от Потемкина производства Суворова в фельдмаршалы было бы пустым самообольщением; оставалось возложить всю надежду прямо на императрицу. Суворов на этой мысли и остановился, вдаваясь в другое самообольщение. Он не знал, что всеми предшествовавшими отличиями и наградами обязан был почти исключительно Потемкину; что самое графство и Георгий 1-го класса были, так сказать, продиктованы им же».

Суворов ехал к Потемкину новым человеком, а Потемкин «видел перед собой того же самого Суворова, которому несколько времени назад жаловал шинель со своего княжеского плеча, и

потому обошелся с ним весьма любезно, но совершенно по-прежнему, в чем никто никогда не находил ровно ничего обидного, ниже сам Суворов. Потемкин был вполне прав со своей точки зрения, а Суворов, рассчитав неверно, поступил заносчиво и из прежнего протектора сделал себе жестокого врага...» [159]

Трудно устоять против такого массированного натиска историков и писателей. Обратимся к фактам. Начнем с небольшой подробности. Рассказ о размолвке Суворова с Потемкиным заканчивается словами: «и в тот день более не видались». Это бесхитростное утверждение при последующих пересказах претерпевает серьезную метаморфозу. «Это была его последняя встреча с князем Таврическим»,— читаем мы у К. Осипова. Разница, как видим, огромнейшая. Разрыв, по словам большинства, писавших о нем, произошел дней через 12 после штурма, следовательно, где-то 23—24 декабря. Между тем давно опубликованы письма Суворова Потемкину: в одном из них он поздравляет Светлейшего с Новым 1791 годом, а в другом (март 1791 г.) просит его похлопотать о двухгодичном отпуске для своей дочери. Но об этом ниже.

Сейчас же необходимо выяснить несколько существенных вопросов. Первый: где произошла сцена, якобы окончившаяся разрывом? Конечно, в Яссах. Так писал анонимный автор рассказа, так считал сам Петрушевский. Но Потемкина не было в Яссах до 25 декабря. Он находился в Бендерах. Может быть, поэтому К. Осипов (единственный их всех) перенес сцену встречи в Бендеры, тем самым нарушив традицию и вступая в явное противоречие с рассказчиком. Но Суворова не было ни в Бендерах, ни в Яссах ни в декабре, ни в январе. Обеспокоенный положением своих войск на реке Серет, полководец 20 или 21 декабря покинул Измаил, сдав войска Кутузову, назначенному комендантом покоренной крепости. 22 декабря помечен рапорт Суворова из Галаца: «при корпусе все благополучно». До 10 января чуть ли не ежедневно Потемкин получает рапорты Суворова из Галаца. Два рапорта (от 16 и от 29 января) посланы из Берлада, куда Суворов отвел свои части на зимние квартиры [160]. Ко многим рапортам приложены известия, полученные Суворовым через своих агентов: о положении дел в Турции, о настроениях среди солдат турецкой армии, о происках западноевропейских дипломатов. Идет невидимая, упорная борьба. Решается вопрос: быть или не быть миру с Портой. Суворов находится при корпусе, далеко выдвинутом вперед, и по-прежнему самым тесным образом общается с главнокомандующим, который 24-25 декабря переехал из Бендер в Яссы.

Вывод непреложен: до февраля 1791 г. Суворов и Потемкин не встречались в Яссах. Эти рапорты Суворова позволяют исправить еще одну грубую ошибку, кочующую из книги в книгу. Большинство биографов Суворова утверждает, что после разрыва с Потемкиным полководец отправился в Петербург, куда прибыл в январе 1791 г. Даже Петрушевский не избежал этой ошибки. Но в январе Суворов находился в Галаце. Он появился в столице лишь 3 марта, тремя днями позже Потемкина. Это позволяет поставить вопрос о потемкинских эстафетах, якобы опередивших Суворова в Петербурге. Зачем было Потемкину слать порочащие Суворова эстафеты, если он прискакал в столицу раньше строптивого подчиненного? Да и где эти эстафеты? Даже Петрушевский не рискнул на подобные утверждения. А вот К. Осипов бросает фразу (очевидно, чтобы не повторяться слово в слово за Петрушевским) и дело с концом. Кто проверит?! И гуляет по свету еще одна выдумка, чернящая доброе имя выдающегося русского деятеля.

Но «потемкинские эстафеты» действительно были. Первая из них от 18 декабря 1790 г. широко известна и многократно цитировалась. Мы уже приводили ее начало:

«Не Измаил, но армия турецкая, состоящая в 30 с лишком тысячах, истреблена в укреплениях пространных... Храбрый генерал Граф Суворов Рымникский избран был мною к сему предприятию,— продолжает Потемкин и заканчивает «эстафету» словами: «Повергаю освященным стопам Вашего Императорского Величества командующего штурмом генерала Графа Суворова Рымникского, его подчиненных, отлично храброе войско и себя...»

Это первое официальное донесение об измаильской победе, написанное до получения подробной реляции от Суворова. С ним поскакал в Петербург брат нового фаворита Валериан Зубов. Вторая «потемкинская эстафета» менее известна, хотя и появлялась в печати в 1841 и 1890 гг. Она хранится в том же архиве, что и первая, и заслуживает того, чтобы один отрывок из нее был приведен полностью. В конце донесения, подробно излагающего ход штурма Измаила, Потемкин писал: «Отдав справедливость исполнившим долг свой военачальникам, не могу я достойной прописать похвалы искусству, неустрашимости и добрым распоряжением главного в сем деле вождя Графа Александра Васильевича Суворова Рымникского. Его неустрашимость, бдение и прозорливость всюду содействовали сражающимся, всюду ободряли изнемогающих и, направляя удары, обращавшие вотще неприятельскую оборону, совершили славную сию победу» [161].

Обратим внимание на дату этого донесения — 8 января 1791

г. Прошел почти месяц после штурма и, по меньшей мере, две недели после «разрыва в Яссах».

5 февраля 1791 г. «Санкт-Петербургские ведомости» дословно воспроизвели для читающей публики этот отзыв главнокомандующего русской армией о Суворове. Вот какие «эстафеты» опередили приезд полководца в столицу.

Итак, рассказ о разрыве Суворова с Потемкиным в Яссах вопиюще противоречит фактам. Резонно возникает вопрос, кто же этот авторитетный свидетель, которому безоговорочно поверили на слово. Петрушевский в своей монографии сослался на публикацию в журнале «Сын отечества» за 1849 г. Раскроем этот журнал. В апрельском номере, в отделе русской истории приведены «четыре неизвестные анекдота о генералиссимусе князе Суворове. Соч. Фон Эттингера». Под № 2 идет анекдот о встрече в Яссах. Завершается публикация редакционным замечанием: «Статья эта сообщена нам семидесятитрехлетним старцем, который в молодости служил на военном поприще и слышал сообщаемые здесь анекдоты от своих товарищей, служивших вместе с ним под главным начальством Суворова». Итак, в основу своих, не лишенных интереса психологических рассуждений о причинах разрыва Суворова с Потемкиным, солидный историк кладет рассказ 73-летнего старца, который спустя 58 лет после события, свидетелем которого он не был, вспоминает анекдот, услышанный от других. Поистине, есть от чего прийти в изумление! Ведь сам же Петрушевский в разборе суворовской литературы предупреждал не слишком доверять анекдотам о Суворове, в частности анекдотам, собранным и изданным Е. Б. Фуксом, служившим правителем канцелярии Суворова во время Итальянского и Швейцарского походов. После смерти полководца и последовавшей через год смерти императора Павла Фукс начал готовить к печати свои труды, посвященные Суворову. В 1811 г. он издал «Историю Генералиссимуса Князя Италийского Графа Суворова Рымникского», в 1825—1826 гг.— два тома «Истории Российско-австрийской кампании», где привел много интересных документов, а в 1827 г.— выпустил в свет «Анекдоты Князя Италийского, Графа Суворова Рымникского». В этой книжке Фукс поместил анекдот о разрыве Суворова с Потемкиным в Яссах.

Почему же Петрушевский не захотел сослаться на более раннюю публикацию? Не потому ли, что Фукс с его собранием анекдотов был подвергнут критике рядом исследователей? Особенно резко отзывался о Фуксе выдающийся русский военный деятель и реформатор армии Д.А. Милютин, перу которого принадлежит одна из самых капитальных работ по истории

Итальянского и Швейцарского походов Суворова. Милютин прямо говорил, что «все изданное им (Фуксом) о Суворове, к сожалению, ниже всякой посредственности... Сочинения г. Фукса, наполненные риторическими прикрасами и крайне бедные содержанием, не только не раскрыли героя во всей истине, не только не рассеяли множества ложных о нем толков и рассказов, но еще утвердили их и даже пустили в ход новые басни» [162].

Очевидно, Петрушевский учел все это и решил опереться на свидетельство Эттингера, не замечая ложности положения, в котором оказался. Фукс, по крайней мере, действительно служил с Суворовым и многое слышал из уст самого полководца и близких к нему лиц. Уж если выбирать между Фуксом и Эттингером, то предпочтение, конечно, следовало бы отдать первому. Но и Фукс не говорит, что слышал лично о разрыве Суворова с Потемкиным. Он ссылается на «Дух журналов»— периодическое издание, выходившее в Петербурге в 1815—1822 гг.

Действительно, в 9-й книжке «Духа журналов» за 1817 г. под заглавием «Суворов не дает себя унизить» помещен анекдот, повторенный слово в слово Фуксом и с небольшими изменениями Эттингером. 73-летний старец добросовестно списал все свои «неизвестные анекдоты» со страниц «Духа журналов».

Совершенно очевидно, что Эттингер не может считаться свидетелем в этом деле. Фукс тоже отпадает. Приходится заняться автором, писавшим в «Духе журналов». К сожалению, он не оставил нам своего имени. Всего за 1815—1817 гг. он поместил под рубрикой «Галерея славных мужей» 13 анекдотов о Суворове да еще два анекдота, посвященных Потемкину. В трех случаях рассказчик прямо говорит, что был очевидцем событий, о которых повествует. Рассказывая о покорении Потемкиным Бендер, анонимный автор прибавляет: «Я был в его свите», а в анекдоте о дружбе Суворова с кошевым Черноморского войска Чапегой и войсковым судьей Головатым говорит: «Он обращался с ними очень коротко и часто играл как ребенок. Мы, смотря на сию комедию, не могли удержаться от смеха, видя двух почтенных стариков, бегающих друг за другом...» [163]

Все остальные анекдоты рассказаны со слов других, причем в ряде случаев автор ссылается на тех лиц, от кого он их слышал. Казалось бы, все это внушает доверие. Но, например, в анекдоте «Суворов учит привыкать к морозу», рассказчик утверждает, что «в Шведскую войну, когда русские войски под начальством Графа Мусина-Пушкина зимовали в Финляндии, Суворову поручено было обозреть расположение неприятельских квартир...» [164] Это неправда. Суворову было поручено отправиться в Финляндию в

конце апреля 1791 г. Граф В. П. Мусин-Пушкин еще в начале 1790 г. был сменен графом И. П. Салтыковым, а в августе того же года война закончилась. В этом же анекдоте денщик и камердинер Суворова, известный всей армии Прошка (Прохор Иванович Дубасов), назван Тришкой.

Несмотря на то, что в большинстве анекдотов сквозит умиление перед добродетелями Суворова, сам их герой зачастую выглядит просто ненормальным. Так, рассказывая о том, как после Рымникской победы Потемкин послал к Суворову курьера Малиновского для вручения графу полученных от императрицы милостей, автор продолжает «Граф стоял тогда у Рымника в лагере... Граф, взявши у Малиновского пакет, побежал в палатку, куда и все за ним последовали. Там прочтя он депеши, стал перед образом на колени, говоря: "Всемилостивейшая Государыня, Матушка моя! Я думал, что ты меня разжалуешь в капралы, а ты напротив того по милости своей изволила прислать мне победоносную богатую шпагу". Сказавши сие, он выскочил из палатки и побежал на большой курган, версты за четыре от лагеря, куда и бывшие при нем также побежали, а граф на бегу подпрыгивает и кувыркается...» Далее, описав полное изнеможение свиты от этой беготни, автор приводит коротенькое письмо Суворова Потемкину: «Сему присланному курьиру покорно прошу поиграть на инструменте». Князь, получа письмо, спрашивает у Малиновского: что бы это значило, не оскорбил ли он чем графа? Малиновский сначала оробел, но потом, рассказав все подробно, привел князя в смех. Тем все и кончилось. Однакож слова Суворова остались для всех загадкою, и никто не мог понять, к чему они клонились» [165].

Уж если безоговорочно верить рассказу о размолвке в Яссах, то почему бы не поверить и этой «истории», в которой одна нелепость сменяет другую нелепость и ошибка следует за ошибкой.

«Милостивые письма» от императрицы пришли к Суворову в октябре, спустя месяц после Рымникской победы, когда он давно находился в Берладе, за полторы сотни верст от Рымника. О «богатой шпаге» он узнал из письма Потемкина от 3 ноября. Это и другие письма Потемкина, до глубины души взволновавшие Суворова, привез поручик Душинкевич, а не Малиновский. Победителю верховного везира незачем было страшиться разжалования в капралы, да еще публично признаваться в этом и т. д.

Мы так подробно анализируем все это только потому, чтобы показать, на какой сомнительной основе была построена версия о разрыве Суворова с Потемкиным в Яссах. Не случайно Фукс в

своем собрании оттенил анекдот о свидании в Яссах и не помянул анекдоты, выставлявшие Суворова в невыгодном свете, в том числе и только что разобранный.

Перечитаем еще раз анекдот «Суворов не лает себя унизить». Главнокомандующий хочет устроить покорителю Измаила торжественную встречу. Это характеризует Потемкина с хорошей стороны. Он настолько предупредителен к герою, что приказывает расставить на всех дорогах сигнальщиков, чтобы те дали знать о его приближении. Что делает Суворов? Он приезжает тайком. Ночует у какого-то капитана-исправника, запретив ему говорить о своем приезде. Затем устраивает маскарад и в таком странном виде едет на встречу с главнокомандующим. Проворный Боур все-таки успевает разглядеть Суворова в архиерейской коляске и дает знать Потемкину. Тот выходит с распростертыми объятиями навстречу герою. Они обнимаются и целуются. «Чем могу я Вас наградить за ваши заслуги?»-- спрашивает Потемкин. Что в этом унизительного или оскорбительного? Разве Суворов после того же Рымника не намекал главнокомандующему в своих письмах на желаемую награду? И что же слышит Потемкин в ответ: «Я не купец, и не торговаться приехал и т. д.»

Откуда такая резкость? За что? Ведь Суворов давно знал Григория Александровича. Под начальством Потемкина прошли лучшие годы его службы. По представлениям Потемкина он получил все высшие ордена России и другие награды. Никто не удостоился от Суворова такой оценки, как Потемкин: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек». Да, Суворов был честолюбив и ревнив к успехам других, У него был вспыльчивый характер, критический склад ума и острый язык. В запальчивости он не щадил никого. Но лицемером он не был. И, будучи до мозга костей, военным человеком, требовал от подчиненных и сам строго соблюдал субординацию. Очевидно, все это смущало такого серьезного историка, как Петрушевский (генерал-лейтенанта русской армии), и он пытался найти психологическое объяснение сцене в Яссах, ссылаясь на нравы XVIII в., на самообольщение Суворова.

Но историку и в голову не пришло проверить анекдот по другим источникам. 1 февраля Суворов посылает из Берлада письмо в Яссы Рибасу. 2 февраля находящийся в Яссах Потемкин подписывает ордер об отпуске Суворова из армии. 10 февраля Рибас сообщает Попову в Петербург: «Граф Суворов уезжает несколькими часами позже Князя Фельдмаршала» [166]. Из сказанного следует, что Потемкин и Суворов могли видеться в Яссах только между 3 и 10 февраля 1791 г. Но в этом случае

анекдот явно не соответствует обстановке. Торжественная встреча покорителя Измаила имела смысл по горячим следам, когда всем казалось, что потрясенный новым поражением противник пойдет на мир» К началу февраля стало ясно, что доброжелатели и советчики Блистательной Порты взяли верх. Надежды на мир исчезли. Россия стояла перед угрозой новой войны на западных границах.

Боевые действия на юге приостановились до весны. Войска расположились на зимних квартирах, многие генералы и офицеры разъезжались по домам. Но в начале февраля в главной квартире в Яссах еще находилось множество офицеров и не один генерал. Поистине удивительно, что никто из свидетелей встречи Суворова с Потемкиным не упомянул о таком из ряда вон выходящем событии, каким в их глазах должна была стать размолвка Александра Васильевича с самим Светлейшим. Ни словом не обмолвился об этом и Рибас в упоминаемом выше письме к своему старому приятелю Попову. Ловкого Рибаса, умевшего ладить со всеми, трудно заподозрить в скромности. Под Очаковом, как мы видели, он довольно беззастенчиво пользовался откровенностью Суворова и передавал тому же Попову его критические замечания по адресу ближайшего окружения Потемкина. Рибас молчит.

Молчит и другой авторитетный свидетель, В описываемый период он близко общался как с Потемкиным, так и с Суворовым. Он участвовал в штурме Измаила, отличился в деле. На другой день после взятия крепости он удостоился чести быть представленным Суворову. По возвращении в главную квартиру он провел в Яссах несколько недель, причем был допущен в узкий круг лиц из 10-12 человек, с которыми Потемкин любил беседовать за вечерним столом. Этого свидетеля зовут графом Александром Федоровичем Ланжероном. Русский историк А.Г. Брикнер, опубликовавший в 1895 г. большие выдержки из хранящихся в Париже записок Ланжерона, говорит о нем как о талантливом писателе, несколько субъективном в оценках, но вполне заслуживающем внимания. Брикнеру вторит Петрушевский. В примечаниях ко 2-му изданию своей монографии о Суворове он пишет о Ланжероне и его записках: «Это один из компетентнейших судей того времени, просвещенный, сведущий и если не строго беспристрастный, то только в том, что любит накладывать слишком густые краски и проводить чересчур темные тени».

Ценность свидетельства Ланжерона в интересующем нас вопросе повышается, когда мы узнаем, что молодой французский волонтер симпатизировал Суворову и был настроен против

Потемкина. Ланжерон обвиняет главнокомандующего русской армией во всех смертных грехах. Он ленив, груб с подчиненными. Его раздражает в Потемкине мелочное самолюбие, капризность, эгоизм. За бездарную осаду Очакова, приведшую к гибели 20 000 русских солдат, — пишет Ланжерон, — «вместо того, чтобы строго наказать Потемкина, его встречают с торжеством. В Англии бы с ним поступили иначе; он непременно погиб бы на эшафоте» [167]. Правда, Ланжерон не был под Очаковом и слышал об осаде только со слов других. Но уж за Измаил, как ему кажется, он имеет полное моральное право выставить Потемкину строгий счет. По его словам, во время осады Измаила Потемкин обнаружил непоследовательность и полное невежество в области военных знаний. Ланжерон уверяет, что только благодаря предприимчивому Рибасу удалось убедить главнокомандующего не мешать делу. Но Ланжерон ни словом не обмолвился о разрыве Суворова с Потемкиным в Яссах. В 1805 г. строгий критик Потемкина оказался среди тех генералов, которые испытали на себе позор Аустерлица. Причем колонна русских войск, которой командовал Ланжерон, понесла очень чувствительные потери. Александр I хотел уволить Ланжерона из армии, но тот умолил о прощении. Ланжерон служил и дальше и заслужил награды и уважение своей новой родины. Участвовал в войне 1812 года, в заграничных походах. Назначенный в 1821 г. генерал-губернатором в Одессу, он много сделал для развития города и края. И тогда он снова вспомнил, не мог не вспомнить о Потемкине. В 1824 г. Ланжерон просмотрел свои старые записи, наполненные бранью по адресу Потемкина, и сделал важные примечания: «Впрочем, добрые качества в Потемкине имели перевес над худыми. Он был чрезвычайно способным. Ничему не учившись, он имел познания. Он творил чудеса: он занял Крым, покорил татар, положил начало городам Херсону, Николаеву, Севастополю, построил везде верфи, основал флот, который разбил турок. Он был виновником господства России в Черном море и открыл новые источники богатства для России, Все это заслуживает признательности» [168]. Ни в «Записках», ни в позднейших примечаниях к ним Ланжерон не упоминает о размолвке Суворова с Потемкиным после Измаила. Молчит и этот очевидец.

Выяснив несостоятельность версии о разрыве в Яссах, последуем за нашими героями в Петербург и посмотрим, так ли основательны обвинения Светлейшего в кознях против покорителя Измаила. 10 февраля, сдав командование армией Репнину и снабдив его подробными инструкциями на тот случай, если турки решатся возобновить мирные переговоры, Потемкин

поскакал из Ясс в Петербург. Несколькими часами позже за ним поскакал Суворов.

Трудно поверить, но даже легко устанавливаемая по камер-фурьерскому журналу дата приезда Суворова в северную столицу, очень долго, почти 150 лет, оставалась непреодолимой трудностью для историков. И фон Смитт, и Петрушевский, и современные авторы, словно сговорившись, утверждают, что Суворов прибыл в Петербург в январе, на худой конец, в феврале 1791 г. «Суворов приехал в Петербург и прожил там более двух месяцев без всякого дела,— пишет Петрушевский. — Он все ждал справедливой оценки своей славной в минувшем году службы и признания ея по достоинству, но ждал напрасно. Судьба повернулась к нему спиной» [169]. И одна небольшая поправка, одно уточнение, свидетельствующее о том, что Суворов прибыл в Петербург лишь 3 марта, а награждение или, как тогда говаривали, «произвождение» за Измаил вышло 24 марта, в корне меняет дело. Не было долгих томительных месяцев ожидания, о которых так любят поминать сторонники версии о кознях «всесильного временщика» против Суворова.

Потемкин и Суворов в Петербурге. Весна 1791 г.

Итак, Суворов прибыл в северную столицу тремя днями позже Потемкина. За эти дни Потемкин не раз виделся с императрицей. Надо думать, не Суворов был предметом их бесед. Они расстались почти два года назад. Обменивались письмами не реже одного раза в две недели. Но личного свидания ничто не могло заменить. Как часто в письмах Екатерины звучит один мотив, одно желание — хоть на час видеть «друга сердечного Князя Григория Александровича», чтобы переговорить о важнейших делах.

А положение было очень серьезное. Всего шесть месяцев назад смолк гром пушек в непосредственной близости от северной столицы. Четвертый год продолжалась война на юге. Не раз казалось, что еще одно усилие — и получит долгожданный мир. 20 декабря, еще ничего не зная об Измаильском штурме, Екатерина писала Потемкину: «Мы ожидаем известий из-под Измаила, то есть истинно это важный пункт в настоящую минуту: он решит или мир, или продолжение войны».

3 января, получив донесение о взятии Измаила, поздравив главнокомандующего и войска с выдающейся поб дой, императрица прибавляет с надеждой: «Дай Боже, чтоб аши заставили турок взяться за ум и скорее заключить мир; при случае дай туркам почувствовать, как Прусский Король их обманывает, то обещая им быть медиатором, то объявить войну нам в их пользу... все сие выдумано только для того, дабы турок держать как возможно долее в войне и самому сорвать, где ни есть, лоскуток для себя».

Но уже 6 февраля Храповицкий записывает в своем дневнике:

«Из разных сообщений и дел политических заключить можно:

1) мирясь мы с турками, оставляем за собой Очаков и граница будет Днестр;

2) турки, ни на что не соглашаясь, даже и на уступление нам Тавриды, хотят продолжать войну, обще с Пруссией и Польшей;

3) король Прусский к тому готов; ждут последнего отзыва Англии, которая к тому же наклонна, и подущает уже шведа;

4) австрийцы за нас не вступятся: им обещан Белград от пруссаков, кои с согласия Англии, берут себе Данциг и Торунь. Послано письмо к Циммерману в Ганновер по почте через Берлин, дабы чрез то дать знать Прусскому королю, что турок спасти не

может...»

10 февраля в день отъезда Потемкина и Суворова из Ясс Храповицкий отмечает: «По почте открывается главное к нам недоброжелательство от Англии, и на Данию полагаться не можно».

Пять дней спустя навстречу Потемкину поскакал курьер с рескриптом о приготовлениях к войне с Пруссией.

Но не только желание поговорить о насущных делах руководило Екатериной, поспешившей навестить своего тайного супруга сразу же по его приезде. Она испытывала необходимость объясниться с Потемкиным по весьма щекотливому делу. Она хотела переговорить с ним о своем «милом дитяти» Платоне Зубове. К началу 1791 г. Зубов пользовался уже настоящим влиянием на императрицу. За спиной нового любимца, которому Екатерина оказывала большое доверие, вырисовывались серьезные люди, люди деловые и опытные, решившие, что пробил час, чтобы с помощью «милого дитяти» свалить ненавистного им главу русской партии. Они знали, что делали. Они играли в большую европейскую политику. Главным врагом России в тот период была Пруссия. Успехи Потемкина, решительно порвавшего с прусской ориентацией, не отвечавшей национальным интересам России, выводили из себя берлинский двор. Поворот на Юг, союз с вечной соперницей Пруссии Австрией — всего этого не могли простить Потемкину ни Фридрих II, ни его наследник Фридрих Вильгельм, мечтавшие расширить свои владения за счет Польши. Ненависть берлинского двора к князю Таврическому подкреплялась ненавистью к нему домашних пруссофилов, группировавшихся вокруг наследника русского престола. Сам наследник в разгар тяжелейшей войны, которую довелось вести России, тайно переписывался с прусским королем — врагом своей Родины. Эта тайная дипломатия наследника, шедшая вразрез с целями русской политики, осуществлялась по разным каналам. Так, русский дипломат М. М. Алопеус, посланный в Берлин с важной миссией, имея за спиной поддержку в лице будущего императора Павла, работал больше на Пруссию, чем на Россию. Незаметную, но важную роль в этой тайной дипломатии играли масонские круги и в первую очередь московские розенкрейцеры (кружок барона Шредера и Новикова). Они поддерживали постоянную связь со своими берлинскими руководителями И-Х. Вельнером и Бишофсвердером, которые, помимо высших степеней в масонской иерархии, незадолго до Второй турецкой войны заняли министерские посты при новом прусском короле Фридрихе Вильгельме II. И Вельнер, и Бишофсвердер, оказывали решающее влияние на прусскую

политику.

В России многие сторонники великого князя Павла Петровича (как, впрочем, и сам наследник) были тесно связаны с масонами. Первым среди них надо назвать князя Н. В, Репнина, временно после отъезда Потемкина командовавшего армией на Юге. Алопеус тоже принадлежал к масонским ложам. В марте 1791 г. берлинский двор ожидал ни более, ни менее как перемены царствующей особы на русском престоле. Эти ожидания основывались на донесениях некоего Гюттеля — агента прусского посла в Петербурге. Именно через Гюттеля Павел вел тайную переписку с Фридрихом Вильгельмом [170]. Партия наследника была готова воспользоваться тяжелым положением России, чтобы взять власть в свои руки. Но прежде, чем устранить Екатерину, необходимо было разделаться с главой русской партии, с Потемкиным. Для этой цели и должен был пригодиться новый фаворит, Платон Александрович Зубов.

В сложное время прибыли в Петербург Потемкин и Суворов. Несколько выписок из дневника Храповицкого дают представление о напряженности тех дней:

75 марта: Беспокойство относительно Пруссии давно уже продолжается. Плакали.

17 марта: Захар (камердинер Екатерины Захар Константинович Зотов — доверенное лицо Потемкина.— В.Л.) из разговора с Князем узнал, что, упрямясь, ничьих советов не слушает. Он намерен браниться. Она плачет с досады; не хочет снизойти переписываться с Королем Прусским. Князь сердит на Мамонова, зачем, обещав, его не дождался и оставил свое место глупым образом.

22 марта: Нездоровы, лежали, спазмы и колики с занятием духа... Князь говорит, чтоб лечиться. Не слушается, полагаясь на натуру... Я был с почтой, всем скучает, малое внимание к делам».

Огромное нервное напряжение последних лет не могло не сказаться на здоровье императрицы, которой шел шестьдесят второй год. Все чаще она срывалась на каприз, слезы. Захар Зотов с грубоватой простотой пересказывает Храповицкому закулисные подробности драмы. Потемкин требует от императрицы написать прусскому королю и ценой политических уступок не допустить войны на западных границах. Силы государства и без того перенапряжены. Главное — закончить успешно войну на юге. Екатерина упрямится, не хочет унижаться перепиской с новоявленным европейским диктатором, как она называла короля Фридриха Вильгельма. «Плачет с досады, — отмечает Храповицкий. — "Он намерен браниться". Сохранилась поздняя запись Федора Секретарева — сына камердинера Потемкина,

Десятилетний Федя был невольным свидетелем спора Потемкина с Екатериной. Князь ударил рукой по столу и так хлопнул дверью, уходя из покоев, что задрожали стекла. Императрица разрыдалась. Заметив испуганного Федю, улыбнулась ему сквозь слезы и сказала: «Пойди посмотри, как он?» И Федя идет на половину Потемкина, который сидит за столом в мрачном раздумье. Мальчику удается привлечь его внимание. «Это она тебя послала?»— спрашивает Потемкин. Простодушное детское отпирательство, слова Феди о том, что «она плачет, сокрушается, что надо бы пойти утешить ее», поначалу вызывают суровую реплику: «Пусть поревет!» Но вскоре князь смягчается и идет мириться [171].

Невозможно поверить, чтобы в это трудное для страны время Потемкин был занят лишь тем, как бы побольнее уколоть измаильского героя. По имеющимся свидетельствам незаметно, чтобы Суворова холодно приняли при дворе. На другой же день по приезде в столицу он имел беседу с Екатериной. Через два дня его приглашают на большой званый вечер в Эрмитаж.

9 марта состоялась торжественная церемония по случаю Измаильской победы. Камер-фурьерский журнал сообщает: «Пополудни мимо Зимнего дворца везены турецкие знамена и другие трофеи, взятые под Измаилом Российскими войсками». Екатерина и многочисленная свита смотрели на торжественное шествие из окон дворца. Все это оченъ напоминало торжество по случаю взятия Очакова. Тогда в апреле 1789 г. Суворов тоже стоял среди свиты Екатерины — хоть и славный, но все же один из многих генералов. В этот раз он явно выделялся: граф двух империй, кавалер Большого креста 1-й степени, ордена Св. Георгия. Подлинный герой двух кампаний, чья слава перешагнула границы России. Он был засыпан поздравлениями. Поэты воспевали его в торжественных одах. Для Суворова, выросшего среди военного лагеря, все это было внове. 24 марта императрица подписала произвождение за Измаил. 25 марта в аудиенцзале состоялась торжественная церемония награждения. **Суворов был пожалован чином подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.** Было также постановлено выдать ему «**грамоту похвальную** с означением его подвигов и на память о них потомству **медаль с его изображением**».

Сохранилась собственноручная записка Потемкина Екатерине. В ней нет ни даты, ни места написания. Такие записки Потемкин писал, находясь в Петербурге. Часто это были ответы на запросы Екатерины. Возможно, что и эта записка была ответом на запрос, чем наградить Суворова за Измаил, ибо остальные участники победоносного штурма были представлены к наградам

Потемкиным еще 8 января. Задержка с представлением «главного в сем деле вождя», надо полагать, была связана с ожиданием тех последствий, которые должна была вызвать в стане врагов России «Измаильская эскалада».

О чем же просил Потемкин императрицу в марте 1791 г.? «**Естли будет Высочайшая воля сделать медаль Генералу Графу Суворову, сим наградится его служба при взятии Измаила**,— писал Светлейший.— Но как он всю кампанию один токмо в действиях был из Генерал Аншефов, трудился со рвением ему сродным, и, обращаясь по моим повелениям, на пункты отдаленные правого фланга с крайним поспешанием, спас, можно сказать, союзников, ибо неприятель, видя приближение наших, не осмелился атаковать их, иначе, конечно, были бы они разбиты,— **то не благоугодно ли будет отличить его гвардии подполковника чином или генерал-адъютантом**» [172].

Как видим, в записке нет и намека на раздражение «всесильного временщика». Спокойно и со знанием дела перечисляет главнокомандующий заслуги Суворова в минувшей кампании, ничего не забыв, отдавая должное лучшему боевому генералу русской армии. Это во-первых.

Во-вторых, главной наградой за Измаил, по мнению Потемкина, должна была стать именная медаль — честь, которой удостаивались немногие. Сам Потемкин получил такую медаль за Очаковский штурм. Обе эти медали — массивные золотые диски — резал один мастер. На лицевой стороне — профильные портреты полководцев. И Суворов, и Потемкин изображены в виде античных героев согласно тогдашним нормам классицизма, крупнейший знаток суворовской иконографии А. В. Помарнацкий, чья работа о портретах полководца является одной из лучших книг, написанных о Суворове за последние семьдесят лет, блестяще доказал, что изображенный на измаильской медали старик с морщинистым лицом и есть один из самых близких к оригиналу портретов Суворова. До этого считалось, что изображение на медали носит условный характер. Но, сделав это замечательное открытие, Помарнацкий пошел дальше. В сочетании реалистически изображенного лица полководца с накинутой на его плечи львиной шкурой, заставляющей вспомнить чеканные строки Г. Р. Державина:

Се Росский Геркулес;
Где, сколько ни сражался,
Всегда непобедим остался.
И жизнь его полна чудес!

— исследователь усмотрел утонченную издевку Потемкина. Вот до какой степени въелась в сознание историков антипотемкинская версия.

На самом деле медаль была очень почетной наградой. «Граф Александр Васильевич Суворов Рымникский ген.-аншеф»,— было выбито по окружности на лицевой стороне. На обороте, в четырех медальонах, можно прочитать: «Кинбурн», «Фокшаны», «Рымник», «Измаил». Медальоны прикреплены к лавровому венку. Выше, над венком, одно слово — «Победих». Внизу даты сражений, выигранных Суворовым. Редкая и значительная награда. Да и чин подполковника гвардии никак нельзя считать унижением. Полковником была сама императрица, а среди подполковников числились и Потемкин, и Репнин, и Салтыковы. **Но даже если Суворов и не совсем был доволен, то ведь из записки Потемкина отнюдь не следует, что Светлейший настаивал на этом чине**. Там прямо сказано: «Не благоугодно ли будет отличить его гвардии подполковника чином или генерал-адъютантом». Императрица сама сделала выбор. Запомним это. Что же еще мог предложить Потемкин для награждения Суворова? Ордена? Но Суворов уже имел все высшие степени российских орденов. Вторичное награждение одним и тем же орденом исключалось. Чин генерал-фельдмаршала? Именно о нем хлопочут задним числом многочисленные биографы Суворова (за исключением ранних — Антинга, Фукса, Левшина). Мы тщательнейшим образом просмотрели все письма Суворова за 1791-—1792 гг. и ни в одном из них, даже среди тех, которые написаны в сильном раздражении и наполнены жалобами на недооценку его заслуг, не нашли и намека на обвинение Потемкина в противодействии Суворову получить желанный фельдмаршальский жезл. О фельдмаршальстве за Измаил в этих письмах нет ни слова. Откуда же взялась эта версия?

«Все начальствующие армиями,— гласит один из анекдотов из собрания Фукса,— получали при императрице Екатерине в мирное время генерал-губернаторские места, как-то граф Румянцев-Задунайский, князь Потемкин-Таврический, граф Салтыков и другие. В рассуждении Суворова велено было его спросить, какие губернии он пожелает. Ответ его был следующий: "Я знаю, что Матушка-царица слишком любит своих добрых подданных, чтобы мною наказать какую-либо свою провинцию. Я размеряю силы свои с бременем, какое могу поднять. Для другого невмоготу фельдмаршальский мундир" После сего отзыва был он пожалован подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, и сие отличие принял с благоговейною признательностью» [173]

Анекдот явно не отвечает посяеизмаильской обстановке. До мирного времени было далеко, а матушка-царица предлагала лучшему боевому генералу своей армии подумать о губернаторстве. Очевидно, по этой причине Петрушевский не рискнул использовать этот анекдот для подтверждения версии о желании Суворова получить чин генерал-фельдмаршала за измаильский подвиг. Лучший биограф великого полководца воспользовался «Запиской» Суворова, опубликованной П. И. Бартеневым в 1880 г. вместе с другими суворовскими бумагами (в том числе с 38 собственноручными письмами его Потемкину). Подобные «записки», или, как говаривал Суворов, «мысли вслух», писались им для самого себя и не предназначались для чужих глаз. Записка (как и вторая, помещенная рядом) не датирована. «Обе записки сохранились в современных списках,— сделал примечание Бартенев. — В первой многого понять нельзя» [174]. Но именно в ней Петрушевский усмотрел и критику Потемкина, и высказанное Суворовым желание получить за Измаил фельдмаршальский жезл. Приведем текст первой записки полностью в том виде, в каком ее опубликовал Бартенев.

«Граф Алекс. Сувор. Рымн. 2.3 году. Что было бы в степени Г-на Потемк-а. От меня больше пользы! После не было бы странности при Варне, Шумле. 7 бат., 3.4000 конн. были при Козлуджи. Прч. вспячены Каменским 18 верст. Отвес списочного старшинства. Каменский помешал гр. Алек. Сувор. Рымн-у перенесть театр войны чрез Шумлу за Балканы. В частности граф Сув. Рымн. удручен милосердиями. Земля корпорал! В общественности на том же рубеже. Принц Кобург овластчен к плодоносиям. Так Евгений, Лаудон, прч. Они обошли графа Суворова Рым-а. Во всей армии никого.

Эльмпт из чужестранных в капитаны, граф Сув. Рымн-кий сержант гвардии. Князь Юрий Долгорукий с ним одного года в службе по списку в колыбеле. Над прочими граф Сув. Рымн-кий старее летами и службою, кроме Петра Дмитриевича Еропкина, что особо из увольненных. Граф Брюс по адъютантству в гвардии, граф Иван Салтыков по камерюнкерству и франкфуртскому известию, Николай Салтыков по оберквартирмейстерству и франкфуртским знаменам. Князь Репнин по адъютантству в гвардии, граф Валентин Платон. Пушкин... Каменский по артиллерии и квартирмейстерству, князь Юрий Долгорукий полковник Кроат, коих не было. Все они были обер-офицерами, граф Сув. Рым. премиер-маиор. Si je serois J. Cezar, je me nommerois le premier Capitaine du monde *(Если бы я был Юлий Цезарь, то назывался бы первым полководцем мира (франц.) — В.Л.)*. Настоять на это было бы подобно тому московскому архимандриту, что себя пожаловал

в преосвященного Платона... Физикально и морально. Время кратко; сближается конец, изранен, 60 лет, и сок высохнет в лимоне» [175].

Действительно, много непонятного. Сразу и не разберешь, в каком месте «Записки» Суворов намекает на свое желание получить чин фельдмаршала. Петрушевский пишет: «Относительно Потемкина он задает вопрос — что было бы ему, Суворову, если бы он со своими делами занимал место Потемкина» [176]. Но Петрушевский не обратил внимания на примечание Бартенева: речь в записке идет не о князе Григории Александровиче (Суворов обязательно написал бы «в степени князя Потемкина»), а о Павле Сергеевиче Потемкине, еще не имевшем титула.

Суворов упоминает принца Кобурга, получившего в октябре 1789 г. за Рымник чин фельдмаршала. Истинный победитель верховного везира — остался в том же чине: «в общественности на том же рубеже». Ведь став фельдмаршалом, Суворов вырвался бы вперед из длинного ряда генерал-аншефов, перечисленных в записке. Но этого не случилось, и он «удручен милосердиями», по-прежнему замыкая список генерал-аншефов, хотя и старее всех летами и службою: ведь он был уже премьер-майором, т. е. имел чин штаб-офицера, когда все его соперники ходили еще в обер-офицерах. У него слава, победы, а его обошли в чине (по старшинству) князь Юрий Долгоруков, Эльмпт, граф Иван Салтыков, князь Николай Репнин, Николай Салтыков, граф Валентин Мусин-Пушкин, Михаил Каменский.

Каменскому — старому сопернику — достается особо. Суворов возвращается к давним событиям Первой турецкой войны, к сражению при Козлуджи, своей стычке с Каменским, который помешал ему «перенесть театр войны за Балканы» и победоносно закончить кампанию.

Возникает вопрос, неужели мрачные воспоминания о событиях шестнадцатилетней давности заслонили в сознании Суворова недавнюю и потому особенно жгучую обиду за Измаил? В записке об этом ни слова. Казалось бы Суворов должен обрушиться на Потемкина, помешавшего ему получить фельдмаршальский жезл, а он негодует на Каменского. Вот уж действительно загадка на загадке.

Разгадать эти загадки можно. Публикуя копию записки, Бартенев привел любопытное примечание переписчика. «Сие писано в Санкт-Петербурге после взятия Измаила штурмом, когда императрица Екатерина хотела за сей необыкновенный штурм возвесть Суворова в фельдмаршалы, но противною партиею сие разстроено, и сделаны ему другие пожалования, как-то:

похвальная грамота на память будущих времен, производство в подполковники гвардии в Преображенский полк и еще что-то» [177]. Переписчик отнес записку к послеизмаильскому периоду и грубо ошибся. Записка написана до штурма Измаила. Датировать ее помогает одна подробность. Перечисляя соперников, Суворов обязательно упоминает их титулы: князь Репнин, граф Иван Салтыков, князь Юрий Долгоруков. Николай Салтыков поименован без титула. Он получил графское достоинство в начале сентября 1790 г., за три месяца до штурма Измаила. Следовательно, записка написана никак не позже сентября 1790 г.

В октябре 1789 г. Суворов, ставший графом двух империй, не мог жаловаться на судьбу, даже узнав о том, что его товарищ — принц Кобург — пожалован в фельдмаршалы. Еще меньше оснований для жалоб в ноябре, когда осыпанный наградами граф Рымникский, по собственным его словам, «чуть от радости не умер». В декабре состоялось свидание Суворова с Потемкиным, во время которого победитель везира получил «одну из драгоценнейших в мире шпаг». Иное дело весна 1790 г. Переговоры с турками о мире затягивались. Славная кампания 1789 г., в которой Суворов одержал две блестящие победы, не привела к окончанию войны. Блеск Рымника начинал тускнеть. В наступившем затишье Суворов и решил набросать «мысли вслух». Невольно вспомнился конец предыдущей войны, победа при Козлуджи, стычка с Каменским, гнев Румянцева. Его соперники в самом конце войны или сразу же после нее стали генерал-аншефами, а он — победитель при Козлуджи — не получил ни ордена, ни чина. Обидно. Вот если бы за Рымникской победой последовал скорый мир, он мог бы рассчитывать на новые милости и, кто знает, может быть и на фельдмаршальский жезл. Нашу догадку относительно датировки записки подтверждают письма Суворова дочери: «И я, любезная сестрица-Суворочка, был тож в высокой скуке, да и такой черной, как у старцев кавалерские робронды»,— пишет он из Берлада 20 мая 1790 г. В другом, не датированном письме, написанном по-французски и относящемся к тому же времени, Суворов делится с дочерью грустными мыслями о своей судьбе: «Я ея солдат (т. е. солдат императрицы.— В.Л.), я умираю за мое отечество. Чем выше возводит меня ея милость, тем слаще мне пожертвовать собою для нея. Смелым шагом приближаюсь к могиле, совесть моя не запятнана. Мне шестьдесят лет, тело мое изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага Государства». Те же мысли, что и в записке, почти дословно повторена фраза: «...время кратко, сближаетца конец! Изранен, 60 лет, и сок высохнет в лимоне». Вскоре, по возобновлении военных действий, Суворов с

головой ушел в боевую жизнь, и ему было не до грустных мыслей.

Оказалось, что опубликованные Бартеневым записки были известны и раньше по публикациям 1856 и 1872 годов [178]. Причем они печатались не с копий, а с подлинных автографов, хранившихся в семье суворовского адъютанта И.О. Куриса. В 1900-е годы эти автографы держал в руках исследователь суворовского эпистолярного наследия В.А. Алексеев, который опубликовал их с максимальной точностью [179]. Копиист, которому доверился Бартенев, исказил некоторые места записки. Начало выглядит совсем иначе: «Г. А. С. Р. Г. З. Г. Ч. было бы в степень Г. П.— от меня больше пользы!— после не были бы странности при Варне, Шумне...» Мы предлагаем читать это место следующим образом: «Г[раф] А. В. С[уворов] Р[ымникский]. Г[рафу] З. Г. Чернышеву] было бы в степень Г[енерал]-П[оручика] — от меня больше пользы!— после не были б странности при Варне, Шумне...» (*Полный текст приведен в книге: А. В. Суворов. Письма. М., 1986. С 393—394*).

Смысл совершенно ясен: графу З. Г. Чернышеву, возглавлявшему Военную коллегию, следовало бы произвести Суворова в генерал-поручики (тем более, что он, прибыв на дунайский театр военных действий, одержал в 1773 г. победы при Туртукае и при Гирсове), Тогда бы в осеннем наступлении 1773 г. он —- Суворов — сумел бы принять деятельное участие, добился бы большего успеха, чем генерал-поручики Унгерн и Долгоруков под Варной и Шумной. Логичен и переход к Каменскому: получив чин генерал-поручика раньше Суворова, тот имел старшинство; но, будучи главным начальником, Каменский не воспользовался суворовской победой при Козлуджи и остановил наступление на Балканы. Он него — Суворова — больше пользы, а его затерли, вовремя не дали чина генерал-поручика, и дело пострадало. Как видим, никакого упрека по адресу Потемкина нет и в помине. Но лучший биограф Суворова Петрушевский выбирает самую недостоверную публикацию суворовской «Записки» только потому, что в ней якобы можно вычитать упрек Александра Васильевича по адресу «господина Потемкина», будто бы вскоре после измаильского штурма.

Взглянем на «произвождение за Измаил» беспристрастно. Щедрость, с которой были награждены участники штурма, не уступала и даже превосходила «очаковское произвождение». «Я назначил награждение орденами тех единственно,— писал императрице Потемкин 24 марта 1791 г.,— о которых достоинстве я беспрекословно удостоверен. Но, если и из прочих по точнейшему и строгому исследованию найдутся достойными подобной награды, то и для них осмеливаюсь испрашивать

некоторого числа Георгиевских и Владимирских крестов, тож и шпаг. А затем испрашиваю Высочайшее повеление, Всемилостливейшая Государыня, всем из отличившихся, которые от моего производства зависят, объявить чины с листом каждому, означающим службу его, убавя сроку к ордену по примеру Очаковских и с таким же крестом... Всем нижним чинам медали с надписью «За отменную храбрость» [180].

Точно такие же знаки отличия были учреждены для участников Очаковского штурма.

Но разве можно сравнивать очаковский штурм с измаильским? И можно, и должно. Разумеется, Измаил был мощнее Очакова, хотя и последний относился к числу первоклассных крепостей. Быстрота, с какой Суворов провел подготовку и сам штурм, не знают равных в военной истории. Но вспомним, что Очаков штурмовался в начале войны, еще недостаточно обученными и закаленными войсками, не прошедшими великолепной школы, какая была у них ко дню штурма Измаила. Да и противник, потрясенный поражениями, в 1790 г. был иным нежели в 1788. Недаром Суворов, узнав о победе Репнина под Мачином (28 VI. 1791 г.), ревниво писал о том, что эта победа была добыта его, суворовскими войсками, сражавшимися под Фокшанами, при Рымнике, Измаиле. Справедливости ради следовало бы прибавить: и потемкинскими войсками, штурмовавшими Очаков, сражавшимися под Каушанами, Хаджибеем, Бендерами. Отметим попутно, что в Мачинском сражении выдающуюся роль сыграли командиры корпусов М.И. Кутузов, князь С.Ф. Голицын и князь Г.С. Волконский — генералы, выдвинутые и решительно поддержанные Потемкиным.

В сознании современников Очаков и Измаил были выдающимися победами русского оружия. Но они не оправдали связывавшихся с ними надежд на окончание войны. Если бы взятие Измаила привело к миру, то Суворов был бы вправе рассчитывать на фельдмаршальский чин. Но, повторяем, этого не произошло. Что же касается австрийцев, то награждение принца Кобурга чином фельдмаршала за Рымникскую победу (австрийские военные историки подчеркнуто называют ее «победой при Мартинешти») объясняется тяжелыми поражениями, которые австрийцы терпели в войне с Портой. Редкий успех австрийского оружия был отмечен с небывалой торжественностью. Сам Моцарт написал марш, посвященный герою Кобургу. Став фельдмаршалом, «ученик Суворова» в дальнейшем ничем не прославился и даже растерял приобретенную благодаря «своему великому другу» репутацию. В

русской армии на чин генерал-фельдмаршала смотрели гораздо строже, чем у австрийцев, строже, чем в Первую турецкую войну.

Эта война длилась шесть лет. Чин фельдмаршала получили трое: главнокомандующие армиями граф П. А. Румянцев и князь А. М. Голицын, а также президент Военной коллегии граф З. Г. Чернышев. Потемкин получил этот чин в 1784 г. по должности президента Военной коллегии. Во Вторую турецкую войну, длившуюся четыре года, никто не получил фельдмаршальского жезла. Даже князь Репнин, выиграв Мачинскую битву, непосредственным результатом которой стало подписание предварительных условий долгожданного мира с Турцией, получил в награду лишь Георгия 1-го класса. Немногочисленные биографы Репнина усматривают и здесь козни Потемкина, но если быть справедливым, роль Репнина в войне 1787—1791 гг. не шла ни в какое сравнение с ролью Суворова и его заслугами. Кажется, можно подводить черту. Версия о преследованиях Потемкиным Суворова основана на сомнительных анекдотах, на грубых передержках и ошибках. Имеющиеся документы и свидетельства современников опровергают эту версию.

И все же конфликт между Суворовым и Потемкиным имел место. Но время, обстоятельства и причины конфликта были совершенно иными. Не главная квартира в Яссах, а дворцы Петербурга и Царского Села были декорацией этого конфликта. Не армейская среда, а придворные круги оказались главными действующими лицами драмы. Не Потемкин шел против Суворова, а Суворов против Потемкина.

Суворов против Потемкина

А.А. Безбородко (1747-1799). Подписал мирный договор с Турцией в 1791 г.

Как мы помним, определенная не без участия Потемкина и самой императрицы в Смольный, в воспитательное общество благородных девиц Наташа Суворова росла без матери, жившей с маленьким сыном у родственников в Москве. Суворов долго не признавал сына своим и всю нежность родительского сердца перенес на дочь.

«Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмом от 9

ноября; больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье; и того больше, как будем жить вместе»,— пишет Суворов 20 декабря 1787 г. из Кинбурна. Белое платье воспитанницы Смольного надевали в старших классах.

В письмах дочери полководец часто описывает свои боевые дела. Так, с Рымникского поля битвы он пишет краткое донесение Потемкину, а более подробный отчет о победе посылает своей четырнадцатилетней «Суворочке». Нередко в этих письмах прорывается грусть и затаенная нежность. «Милая моя Суворочка! Письмо твое от 31 ч. генваря получил; ты меня так им утешила, что я по обычаю моему от утехи заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу, что я завидую, чтоб ты меня не перещеголяла... Куда бы я, матушка, посмотрел тебя в белом платье. Как-то ты растешь! Как увидимся, не забудь мне рассказать какую приятную историю о твоих великих мужах в древности. Поклонись от меня сестрицам». (16 III. 1788 г.)

«Что хорошего, душа моя сестрица? Мне очень тошно; я уж от тебя и не помню, когда писем не видал. Мне теперь досуг, я бы их читать стал. Знаешь, что ты мне мила; полетел бы в Смольный на тебя посмотреть, да крыльев нет. Куда, право, какая. Еще тебя ждать 16 месяцев, а там пойдешь домой...» (3 XI. 1789 г.)

И вот это время наступило. Наташа-Суворочка надела белое платье и была готова сменить его на придворный наряд с шифром императрицы. 2 марта 1791 г., накануне приезда Суворова в столицу, Екатерина пожаловала пятнадцатилетнюю дочь измаильского победителя в свои фрейлины. Много горестных часов доставил старику-отцу этот знак монаршей милости. Через три дня после произвождения за Измаил Суворов писал Потемкину: «Светлейший Князь, Милостивый Государь! Вашу Светлость осмеливаюся утруждать о моей дочери в напоминовании увольнения в Москву к ее тетке К[нягине] Горчаковой года на два. Милостивый Государь, прибегаю под Ваше покровительство о низпослании мне сей Высочайшей милости. Лично не могу я себя представить Вашей Светлости по известной моей болезни. Пребуду всегда с глубочайшим почтением...» (23 III. 1791 г.).

Не награда за Измаил, а судьба взятой ко двору Наташи терзала сердце старого воина. Будучи самого невысокого мнения о нравах двора и придворных, Суворов сокрушался об опасностях, подстерегавших его дочь. Ответ Потемкина неизвестен. Он сам переживал трудные времена. Его враги, действуя через нового фаворита Платона Зубова, вели против него сложную интригу. Важную роль в этой интриге играл граф Николай Иванович Салтыков, один из самых ловких царедворцев своего времени.

Назначенный Екатериной гофмейстером малого двора после женитьбы наследника престола, Салтыков сумел завоевать доверие и любовь такого подозрительного человека, как великий князь Павел Петрович. Когда через десять лет императрица отозвала Салтыкова для нового поручения, Павел расстался с ним со слезами. Императрица доверила Салтыкову воспитание обожаемых внуков Александра и Константина. За эти труды Салтыков получил больше наград, чем Суворов за все свои победы. Николай Иванович остался чуть ли не единственным вельможей, сохранившим расположение императора Павла во время его короткого и бурного царствования. После убийства Павла заговорщиками Салтыков продолжал занимать важные посты в правительстве своего воспитанника — императора Александра I, стал председателем Государственного совета, получил княжеский титул.

Ко времени появления в Петербурге измаильского победителя граф Н.И. Салтыков занимал по совместительству пост вице-президента Военной коллегии. Пользуясь длительным отсутствием Потемкина, он все более прибирал к рукам военное ведомство. И этого царедворца, которого Суворов считал среди своих соперников, мы вдруг видим в числе новых друзей героя Измаила. Суворов чуть было не породнился с графом Николаем Ивановичем. Желая извлечь из дворца дочь, старый воин искал жениха.

Салтыков предложил руку своего сына. Жена Салтыкова — графиня Наталья Володимеровна, родная сестра князя Ю. В. Долгорукова, даже взялась опекать Наташу Суворову при дворе. В одной из записок, относящихся к весне 1792 г., Суворов с опозданием признается, что главной фигурой придворной интриги, направленной против Потемкина, был князь Репнин и что именно он «сплел его женихом» с Салтыковым.

Новые друзья начали кадить Суворову по поводу его побед. Измаильский победитель понадобился им для того, чтобы внушить недоверие к главнокомандующему: Потемкин-де сам не руководит военными действиями, а только пожинает плоды побед своих подчиненных. Екатерину обмануть было невозможно. А вот общественное мнение, «стоглавая скотина», как отзывался о нем Суворов, приняло эту версию. На Императрицу оказывалось воздействие через фаворита Платона Зубова. В случае удачи —- отставки Потемкина — ключевые посты в армии оказались бы в руках людей, принадлежавших к партии наследника престола. Граф Н.И. Салтыков принял бы целиком военное ведомство, князь Н. В. Репнин — Главную армию на юге, временно оставленную ему Потемкиным, а граф И.П. Салтыков уже возглавлял войска,

собранные на западных границах для отражения нападения Пруссии и Польши. Искушенная в политической борьбе Екатерина сумела разгадать маневры прусской дипломатии и домашних друзей прусского короля. Она понимала, что Потемкин является ее опорой, и не выдала своего тайного мужа и соправителя его недоброхотам.

Суворов же не сумел разобраться в хитросплетении придворных интриг. Он доверился новым друзьям и сделал неверный шаг. Хорошо осведомленный Державин прямо говорит в своих «Записках»: «Надобно знать, что в сие время крилося какое-то тайное в сердце императрицы подозрение против сего фельдмаршала (Потемкина — В.Л.) по истинным ли политическим каким, замеченным от двора причинам, или по недоброжелательству Зубова, как носился слух тогда, что князь, поехав из армии, сказал своим приближенным, что он нездоров и едет в Петербург зубы дергать. Сие дошло до молодого вельможи и подкреплено было, сколько известно, разными внушениями истинного сокрушителя Измаила, приехавшего тогда из армии. Великий Суворов, но, как человек со слабостьми, из честолюбия ли, или зависти, или из истинной ревности к благу отечества, но только приметно было, что шел тайно против неискусного своего фельдмаршала, которому со всем своим искусством, должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться» [181]

Державин писал свои «Записки» много лет спустя после знаменитых походов Суворова в Италии и Швейцарии, прославивших имя русского полководца. В оценке «неискусного фельдмаршала» слышится распространенная в придворных кругах антипотемкинская версия. Но главное Державин передает точно: осложнение отношений с императрицей, недоброжелательство Зубова и тайное участие Суворова в борьбе против Потемкина. Это не анонимный анекдот, а свидетельство, подтвержденное письмами самого Суворова. Новые друзья полководца свели его с Платоном Зубовым. Горько и обидно читать строки из письма Суворова новому фавориту: «Ежечасно возпоминаю благосклонности Вашего Превозходительства и сию тихую нашу беседу, наполненную разума с приятностью честосердечия, праводушия, дальновидных целей к общему благу» (письмо от 30 июня 1791 г. из Вильманстранда). Кому он это пишет? Он, поседевший в боях воин. Мальчишке, ничтожеству, сила которого лишь в благосклонности престарелой императрицы. Неужели он верит в то, что этот слащавый красавец способен понять и оценить его, Суворова, лучше, чем «батюшка князь Григорий Александрович»? Но Зубов обещал помочь — исхлопотать для Суворова звание генерал-адъютанта. Генерал-адъютанты несли

дежурство при дворе (в дежурство графа Н.И. Салтыкова, кстати говоря, начался «случай» Зубова), имели прямой доступ к императрице. Суворов рассчитывал таким способом помочь дочери. Он не знал, что Потемкин уже предлагал императрице отличить его «гвардии подполковника чином или генерал-адъютантом» и что сама Екатерина сделала выбор. В 1795 г. она писала барону Гримму о Суворове: «В общем это очень странная личность. Он очень начитан, обладает большим природным умом, но и бесконечными странностями, которые нередко ему вредят» [182]. Екатерина не пожелала иметь среди своих генерал-адъютантов человека, который в ответ на ее милость торопился забрать свою дочь из дворца, словно это не дворец великой императрицы, а вертеп.

За праздничной мишурой столичных приемов, балов, маскарадов опытный наблюдатель весной 1791 г. мог разглядеть озабоченность, напряженность и тревогу, охватившие правящие круги в Петербурге. Кризис в отношениях Пруссией и Англией достигает высшей точки. Потемкин прилагает все усилия, чтобы отвратить новое вооруженное столкновение. В числе его ближайших сотрудников Безбородко, опытнейший дипломат, пользующийся доверием императрицы. Споры и размолвки между Екатериной и ее тайным мужем чередуются примирением и совместной работой.

«Батинька, первое письмо королевское я читала.,. Король (Густав III.— В Л.) не имеет причины сумневаться обо мне, что я готова заключить с ним союз и что в оном договоримся о субсидии, — пишет императрица Потемкину 4 апреля.— Естьли шведы посольства не хотят, то отложить оно недолго же, но всему надобна благопристойность. От границы же, Бог ведает, какие уступки хотят. Пугательным прусским выдумкам, пришедшим сего утра, я еще отлагаю принять веру... План твой получила, написав сие, и, положа перо сие на стол, читать стану».

Отовсюду шли тревожные вести. Лондонский кабинет вел дело к разрыву отношений с Госеней. Прусский король держал войска в боевой готовности, а Густав III, недовольный задержкой выплаты обещанных субсидий, предлагал встретиться с Потемкиным на границе, чтобы уладить возникшие трудности. Но Потемкин оставался в Петербурге: по поручению императрицы он дни и ночи работал над планами защиты западных границ и балтийского побережья, где англичане намеревались высадить десанты.

7 апреля Храповицкий записывает в дневнике: «Разные перебежки. Досады. Упрямство доводит до новой войны». Последние слова принадлежат Потемкину, упрекающему

императрицу в нежелании пойти на уступки Англии и Пруссии.

9 апреля Храповицкий слышит слова Екатерины: «Сказали, что пива и портера не будет (т. е. с началом войны все торговые связи прервутся. — В.Л.), но сего утра Князь (Потемкин.— В.Л.) с Гр[афом] Безбородкой составили записку для отклонения от воины, князь говорил Захару: как рекрутам драться с англичанами. Разве не наскучила здесь шведская пальба. Князь был ввечеру у Государыни и оттуда пошел на исповедь».

«10 апреля. В день омовения ног Князь в большой придворной церкви приобщался с ПТШ (Платошей Зубовым.— В.Л.) вместе».

Потемкин решил действовать через фаворита, как действовал в грозном 1774 г. через него самого опытный Никита Иванович Панин. Напряжение нарастает. Английский кабинет посылает гонца с официальным объявлением войны России. В Совете императрицы обсуждается вопрос, где взять выгодную позицию для отражения британского флота. 15 апреля адмирал В. Я. Чичагов получает приказ выводить корабли на рейд. Все эти дни русские дипломаты ведут упорную борьбу в европейских столицах. Особенно успешно действует в Лондоне граф С.Р. Воронцов. Он снабжает парламентскую оппозицию документами, доказывающими пагубность для английской торговли и промышленности политики кабинета Уильяма Питта-Младшего, т.к. Россия занимала одно из первых мест в британском импорте и экспорте. Через подставных лиц русский посол начинает в английской печати кампанию против войны.

17 апреля Храповицкий записывает:«Сказали с приметным на лице удовольствием, что в парламенте спорили очень жарко против Питта и войны с нами». В рескрипте на имя Воронцова, помеченном 18 апреля, говорилось: «Если Бог поможет совершить мир с турками, то нетрудно заметить, сколь тщетны и вредны были для Англии чинимые ныне вооружения в угодность властолюбивым видам Короля Прусского». 19 апреля императрица утверждает представленные Потемкиным планы защиты границ.

В те дни она направляет письмо в Гамбург своему постоянному корреспонденту доктору И. Г. Циммерману. «Обещаю Вам, — говорится в письме, — что Вы будете иметь обо мне известие, если на меня нападут с моря или с сухого пути, и ни в каком случае не услышите, что я согласилась на те постыдные уступки, которые неприятель позволит себе предписать мне» [183]. Письмо послано почтой через Берлин, чтобы прусский король из первых рук получил сведения о твердости российской императрицы.

23 апреля, Храповицкий: «Почти сквозь слезы говорят, что 6 уже кораблей выведены на рейду Кронштадтскую, а те канальи не придут, но только людей в холод мучат». Императрица еще не знает, что Питт, пораженный стремительным падением престижа правительства в парламенте, уже приказал вернуть гонца, везущего ноту с объявлением войны. 25 апреля помечена собственноручная записка Екатерины Потемкину, в которой говорилось: «Я нахожу Вашу мысль составить значительный корпус в Финляндии и назначить его начальником Графа Суворова весьма хорошею, и, чтобы это ускорить, я посылаю прилагаемое письмо генералу Суворову, если Вы признаете нужным отдать это письмо». Тем же 25 апреля помечен рескрипт Суворову:

«Граф Александр Васильевич!

Я желаю, чтоб Вы съездили в Финляндию до самой шведской границы для спознания положений мест для обороны оной. Пребываю Вам доброжелательна

Екатерина».

Это назначение большинством биографов Суворова (опять же за исключением ранних) подается, как происки Потемкина. Храповицкий записывает в своем дневнике под 26 апреля: «Граф Суворов Рымникский послан осмотреть шведскую границу. Недоверчивость к шведскому королю внушил Князь, говорят, будто бы для того, чтоб отдалить Суворова от праздника и представления пленных пашей». Передавая придворную сплетню, Храповицкий сам же через несколько дней опровергает ее, сообщая о «разных требованиях королевских», которые привез курьер из Стокгольма (запись от 16 мая). Густав требовал немедленной выплаты крупных денежных сумм, обещанных ему при заключении мирного договора с согласия Екатерины, В русской казне, истощенной двумя войнами и новыми военными приготовлениями, свободных сумм нет. Король грозит разрывом мирного договора. Зная его неуравновешенный характер, этому можно верить. Тем более опасными казались сведения о предложениях английского посла в Стокгольме дать королю деньги за «небольшую услугу» — разорвать мир с Россией. Нет, совсем нелишне было поручить Суворову осмотреть границу и представить соображения на случай новой войны. Да и само пребывание в Финляндии победоносного полководца должно было охладить горячие головы. Потемкин несомненно был осведомлен о том, что приключилось с его другом в Петербурге. Увидев Суворова среди своих врагов, он должен был почувствовать себя глубоко уязвленным. Но Потемкин был государственный человек. Он знал нравы придворных кругов,

жертвами которых становились и не такие неискушенные люди, как Суворов. И Потемкин решил вырвать «друга сердешного» из сети интриг, заняв его делом. Письма Суворова из Финляндии свидетельствуют о том, что Потемкин не ошибся. Суворов ушел в дело с головой. Тяжелыми весенними дорогами скачет он по приграничным крепостям, делает расчеты, где, что построить, что укрепить, какие запасы сделать, сколько потребуется войск. В суворовских письмах этого периода нет и тени уныния и обиды. Как всегда, он краток и точен. Его сведения исчерпывающе полны, его предложения целесообразны.

28 апреля в Таврическом дворце Потемкина устраивается грандиозный праздник. На него съехался весь Петербург. С хор неслась музыка. Державин сочинил знаменитые куплеты, начинавшиеся словами:

Гром победы раздавайся,
Веселися храбрый Росс!

Одни живые картины сменяли другие. Были представлены турецкие паши, плененные в последнюю кампанию. Внуки императрицы великие князья Александр и Константин открывали специально сочиненную для праздника кадриль. Современники долго перебирали подробности торжества, высчитывали, во сколько оно обошлось хозяину. Но мало кто понимал суть происходящего. Императрица сделала во время праздника публичное заявление, в котором выразила свое полное доверие Потемкину. Эта важная политическая демонстрация предназначалась тайным и явным недругам России. Потемкинский праздник, на котором присутствовал дипломатический корпус, должен был показать европейским диктаторам, что Россия не боится угроз.

Отметим важную подробность: никто из многочисленного семейства Зубова, в том числе сам фаворит не были приглашены в Таврический дворец. Под конец праздника произошла поразившая всех сцена. Императрица собиралась покинуть дворец, и хозяин в расшитом алмазами фельдмаршальском мундире опустился на колени, чтобы поцеловать ей руку... и разрыдался. Екатерина также не могла сдержать слез. Это походило на прощание. Пушкин, ценивший Потемкина, интересовавшийся этой яркой и самобытной фигурой русской истории, записывает со слов Натальи Кирилловны Загряжской (урожденной графини Разумовской) маленький эпизод, проливающий свет на личную драму «великолепного князя Тавриды»: «Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему:

«Ты не поверишь, как я о тебе грущу». — «А что такое?»— «Не знаю, куда мне будет тебя девать». — «Как так?» — «Ты моложе Государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком». Потемкин задумался и сказал: «Не беспокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро». И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала» [184].

Но все это позже, в июле, а в середине мая в осведомленных петербургских кругах только и было разговоров, что о приезде из Англии некоего господина Фалькенера, представившегося «вояжером». Путешественник был прелюбопытный. По пути в Россию он посетил Стокгольм и дал понять Густаву, что переговоры о денежных субсидиях прекращаются. 14 мая Храповицкий заносит в свой дневник» «Приехал Фалькенер из Англии для негоциации о мире; он секретарь королевского совета и партии Питта». Неделю спустя «вояжер» в Царском Селе представляется императрице. Ему оказан любезный прием. Его приглашают на званый обед, императрица гуляет с ним в саду. Вечером Фалькенер присутствует на большом балу, на котором он видит двух прославленных русских полководцев Потемкина и Суворова. В тот же день Екатерина отправляет примечательное письмо в Вену, принцу Де Линь: «Я очень бы желала вам отвечать, но боюсь печати, правда, что страх ни на что не годится в этом мире, сказала я, как бы по вдохновению, при виде возвратившегося весьма неустрашимого Графа двух Империй Суворова Рымникского, который от нечего делать съездил прогуляться по Финляндии. И после того я снова взялась за перо… Мы не предаемся отдыху и не находимся в утомлении от успехов, как Вы говорите, но мы вооружаемся, вооружаемся на море и на суше, без конца и без перерыва… при всегдашнем желаний от всего сердца мира.

При виде Князя Потемкина можно сказать, что победы и успехи красят человека, он возвратился к нам из армии прекрасный, как день, веселый, как зяблик, блистательный, как звезда, более остроумный, чем когда-либо. Он не грызет более своих ногтей, он задает ежедневные пиры, одни лучше других, он принимает гостей с вежливостью и вниманием, которые производят общий восторг на зло его завистникам» [185].

Умное и тонко рассчитанное письмо. Если недруги России хотят воевать, Потемкин и Суворов ждут своего часа. В самом конце письма следует ироничное упоминание об английском «вояжере», с выражением надежды на то, что ему понравится бал, Екатерина знает, за чем приехал Фалькенер, вступивший в переговоры с ее дипломатами, Безбородко уже сообщил ей о

запросе англичанина насчет условий мира с турками («он требует скорейшего ответа и станет негоциировать, а в противном случае уедет, не объявляя полномочия своего»). «Вояжер» мог и не делать запроса. Условия России были известны давно: подтверждение Кучук-Кайнарджийского мира и трактата о Крыме, Очаков с прилегающей степью, граница по Днестру. Не вина России, что для уяснения этих условий потребовались годы кровопролитной войны, в ходе которой английская дипломатия подливала масла в огонь, обещая Блистательной Порте вооруженную поддержку.

В эти дни, когда стало ясно, что ни Пруссия, ни Англия на войну не пойдут, Екатерина пишет Потемкину короткую записку: «Ежели хочешь камень свалить с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силам сухопутным и морским произвести действие поскорее, а то войну еще протянем надолго, чего, конечно, ни ты, ни я не желаем». 11 мая помечены ордера, направленные Потемкиным на юг: «Считая флот готовым к выходу в море, я сим предписываю Вам тотчас выступить по прошествии весенних штормов. Испрося помощь Божию, направьте плаванье к Румелийским берегам, и, если где найдете неприятеля, атакуйте с Богом. Я Вам препоручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там, чтобы наши берега были ему неприкосновенны». Это ордер контр-адмиралу и кавалеру Ушакову [186]. А вот ордер генерал-аншефу и кавалеру князю Репнину: Сиятельству препоручаю произведение поисков на неприятеля, где только случаи удобные могут представиться, но с таким разсмотрением, чтобы действовать наверное.

Большое предприятие на противную сторону я почитаю удобным тогда, как флот наш выйдет в море, ибо он удержит и флот их и флотилию от покушений на наши берега, а тем даст свободные руки нам действовать. Узнав, где большое их скопище, цельте на Бабаду» (Бабадаг.— В.Л.) [187].

Еще раньше последовал ордер командующему Кубанским и Кавказским корпусами генерал-аншефу и кавалеру Гудовичу: перейти Кубань и овладеть важным опорным пунктом турок — крепостью Анапа. Русская армия и флот должны были поддержать успех, достигнутый дипломатами. Граф С. Р. Воронцов доносил из Лондона о том, что Уильям Питт-Младший, уличенный оппозицией в потворстве прусским интересам, еще недавно добившийся ассигнований на снаряжение огромных морских сил., заявлявший о необходимости «положить предел неумеренному властолюбию России и спасти Турцию от гибели», вынужден был пойти на попятный.

9 июня Фалькенер подал свою кредитную грамоту и просил аудиенции у императрицы на сей раз в качестве полномочного министра и чрезвычайного посланника для негоциации о мире. На условиях России, 15 июня в Царском Селе он еще раз был представлен Екатерине, а вечером присутствовал на большом обеде- Среди 62 приглашенных находились Потемкин и Суворов.

Как свидетельствует камер-фурьерский журнал за май-июнь 1791 г., Потемкин и Суворов по меньшей мере восемь раз встречались на официальных приемах, обедах, балах. Императрица осталась довольна докладом Суворова о его поездке на шведскую границу, который был представлен ей лично в Царском Селе 18 мая. После доклада Суворов чуть ли не каждый день приглашается ко двору. Вместе с Зубовым он сопровождает императрицу на прогулках в экипаже, присутствует на званых обедах в узком кругу. 25 июня именным указом Екатерина предписывает Суворову исполнить предложенный им план укрепления границы. Суворов прощается с дочерью, запрашивает у графа Н.И. Салтыкова ассигнования на строительство и отбывает к новому месту службы. Незадолго до этого ему удалось добиться отпуска для Наташи, которая поселилась у родственников в столице. Итак, личное положение Суворова при дворе кажется вполне прочным, А что же Потемкин? С ослаблением напряженности в европейских делах его положение при дворе осложнилось. Смлытя придворная оппозиция президенту Военной коллегии сохранялась. Екатерина, разумеется, и помыслить на могла, чтобы отказаться от его услуг, но она ни за что не хотела расстаться с «милым дитятей» — Платоном Зубовым, решившим объявить Потемкину войну. «Князю при дворе тогда очень худо было», — свидетельствует Державине Отец фаворита, пользуясь «случаем» сына, бесстыдно присваивает чужие имения. Обиженные бросаются к Потемкину, ставя его в двусмысленное положение по отношению к императрице. Екатерине стараются внушить мысль о том, что могущество Потемкина столь велико, что угрожает ее собственным интересам, Усиленно распускаются слухи (и дома и за границей), что князь мечтает стать самостоятельным владетельным государем в Тавриде, в Курляндии. На большом приеме в Царском Селе 22 июня Суворов последний раз видит «великолепного князя Тавриды;», могучая фигура которого возвышается над толпой придворных. Неизвестно, беседовали ли между собой в тот раз старые боевые товарищи. Скорее всего нет. Потемкин демонстративно не замечает злорадства царедворцев, заискивающих перед новым фаворитом, а граф двух империй, прославленный Суворов держится ближе к Зубову, чем к

Потемкину.

Сохранился интересный документ, подписанный Потемкиным в эти самые дни — 24 июня. Это представление офицеров к новым чинам. «Подполковник Князь Алексей Горчаков приобрел особливое внимание усердием и способностьми своими к службе, — пишет президент Военной коллегии императрице. — Во уважение оных, а равно и заслуг дяди его Графа Суворова Рымникского, всеподданнейше испрашиваю пожалования его в полковники» [188]. Важное свидетельство доброжелательного отношения Потемкина к Суворову. О какой же «мстительности всесильного временщика» можно говорить после этого?!

Сделаем отступление и расскажем небольшой эпизод, характеризующий отношение Потемкина к службе. В бывшей Императорской публичной библиотеке хранятся письма племянника Потемкина А.Н. Самойлова. В некоторых из них, относящихся к началу 1791 г., Самойлов умоляет дядюшку простить «мальчишку» совершившего недостойный поступок, который осудила вся семья. Только горе сестры Самойлова (и, следовательно, племянницы Потемкина!), потерявшей на штурме Измаила старшего сына Александра, заставило ее задержать в Москве младшего — Николая, просрочившего отпуск. О ком идет речь? О внучатом племяннике Потемкина будущем герое Отечественной войны, славном боевом генерале Николае Николаевиче Раевском.

«Любимый из племянников князя Потемкина был покойный Н.Н. Раевский,— отмечает в одной из своих исторических заметок Пушкин, лично знакомый с генералом и его семейством. — Потемкин для него написал несколько наставлений; Н.Н. их потерял и помнил только первые строки: «Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем» [189]. Проверив молодого офицера в боевой обстановке, главнокомандующий поручил Раевскому полк казаков «Гетманской булавы», с которым тот успел отличиться в нескольких делах. Нам, воспитанным на классическом изречении Фамусова — «Ну как не порадеть родному человечку!» — даже трудно поверить в то, что в екатерининское время, так горячо осуждаемое Чацким, всесильный соправитель императрицы, глава военного ведомства и главнокомандующий армией строго спрашивал за упущения по службе со своих родственников, не делая скидок на ни какие извинительные обстоятельства. Служить с пользой, честью и славой, не щадить во имя Родины живота своего было жизненным принципом и Потемкина, и Суворова, и многих-многих верных сынов Отечества.

Назначение Суворова в Финляндию состоялось по мысли самой императрицы, и, как писал Петрушевский, несомненно с согласия генерал-аншефа. Но, став начальником работ по укреплению границ, Суворов не получил в свое командование расквартированные там войска Финляндской дивизии. Вскоре он узнает об отзыве Потемкина, заявившего: «Дивизиею погодить его обременять, он потребен на важнейшее» [190]. Важнейшим могло быть командование крупными силами армии либо на юге, где продолжалась война, либо на западе в случае нападения Англии, Пруссии и Польши. Какое уважение, какая вера в воинский гений Суворова сквозит в этом отзыве Потемкина: «Он потребен на важнейшее!»

Можно предположить, что вызванный борьбой придворных группировок конфликт Суворова с Потемкиным разрешился бы благополучно. Но политические обстоятельства потребовали присутствия Потемкина на юге. Этому предшествовали важные события.

2 июля курьер привез донесение генерала Гудовича о взятии штурмом Анапы. В руки победителей попали 13 тысяч пленных, 95 орудий. Потери убитыми и ранеными составили 3 тысячи человек. Штурм велся решительно. Гудович учел опыт Очакова и особенно опыт Измаила. Эта победа подтолкнула шедшие в Петербурге переговоры. 11 июля посол Великобритании Уитворт, посол Пруссии граф Гольц и знакомый нам Фалькенер подписали ноту, в которой, отдавая справедливость умеренности требований России, «ответствовали за своих королей, что к миру с турками в основание полагают уступку Очакова до реки Днестра». Европейская коалиция отказалась от своих попыток навязать России несправедливый мир с передачей Крыма под протекторат Турции.

В тот самый день, когда дипломаты согласились на выставленные Россией условия мира, из Главной армии прискакал курьер. Репнин доносил Потемкину о том, что русская армия (30 тысяч человек при 78 орудиях) переправилась через Дунай, и, совершив тридцативерстный марш, 28 июня атаковала при Мачине главные силы турок. После упорного шестичасового сражения 60-тысячная армия противника была разбита. Лагерь, обоз и до 40 орудий достались в руки победителей. Немного найдется в истории примеров, когда истощенная четырехлетней войной страна столь впечатляюще доказывала свое военное и моральное превосходство над сильным противником. Русская армия, преобразованная реформами Потемкина, выполнила свой долг. Еще до этих побед Безбородко чутко уловил перемену обстановки: «За Дунаем начали драться, а Гудович уже перешел

Кубань и идет к Анапе, а оттуда далее. Кажется, все клонится к миру».

24 июля в пять часов утра из Царского Села по большой дороге промчалась тройка. Потемкин поскакал на юг. Он сознавал, что взятие Анапы и Мачинская победа вкупе с дипломатическими успехами на переговорах с Англией и Пруссией поставили Блистательную Порту в безвыходное положение. Вековая борьба России за выход к Черному морю подходила к концу. Существует версия, согласно которой Потемкин торопился на юг, чтобы перехватить у Репнина лавры миротворца. Рассказывают также о том, что Репнин, успевший подписать предварительные условия мира до приезда Потемкина, вызвал якобы страшный гнев временщика. Документами эта версия не подтверждается. Потемкин отдал должное Репнину и от имени императрицы поблагодарил его за оказанные отечеству услуги. Из тех же документов следует, что Потемкин не зря торопился на юг. Он сознавал, что предстоят трудные переговоры и противник, несмотря на поражения, сделает все, чтобы выторговать уступки, осложнить заключение мирного договора. В эти самые дни в Систове подходила к концу мирная конференция между Австрией и Турцией. Союзница России под давлением Англии и Пруссии отказывалась от всех завоеваний.

Потемкин спешил на юг еще потому, что он слишком хорошо знал, кем был князь Николай Васильевич Репнин, самый видный представитель партии наследника престола.

Знал он и о связях «маленького доктора Мартина» (как в шутку называл Репнина Потемкин) с берлинскими масонами, делавшими большую политику при дворе короля Фридриха Вильгельма. Репнин тоже не мог не понимать, какую возможность для успеха его партии, для его личной карьеры представляли лавры миротворца. Мы не собираемся всесторонне оценивать дипломатические способности Репнина. Возможно, что он был крупным дипломатом. Но в ходе переговоров с верховным везиром Юсуф-пашой о прелиминарных (предварительных) условиях мира он допустил большой просчет. «Князь Репнин или по слабости своей, а более еще и по незнанию прямых Высочайших намерений,— пишет Безбородко,— столь странно вел сию негоциацию, что дал им (туркам.— В. Л.) повод во всяком пункте чего-нибудь для себя требовать» [191]. Безбородко знал, о чем говорил. Ему пришлось завершать переговоры, начатые Репниным. Недовольна была и Екатерина. Получив от Потемкина известие о подписании прелиминарных пунктов, она писала ему 12 августа: «Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович! Обрадовал ты меня нечаянно прелиминарными пунктами о мире,

за что тебя благодарю душою, и сердцем. Дай Бог, скоро совершить сие полезное дело заключением самого мира. Осьмимесячный срок перемирия долог; пожалуй постарайся кончить скорее... сказать можно, что Репнин не знал условия с дворами, туркам помогающим».

Всего на шесть дней опоздал Потемкин. 31 июля князь Репнин и везир подписали в Галаце прелиминарные пункты мирного договора на условиях восьмимесячного перемирия, что не отвечало реальной обстановке и было выгодно туркам. Опытный Репнин явно поторопился. Стоило ему чуть затянуть переговоры, и он бы получил новые неотразимые доводы: 31 июля Ушаков, не зная о мирных переговорах и выполняя директиву Потемкина, настиг противника. Эскадра, в которой помимо турецких кораблей находились корабли из Алжира и Туниса, стояла на якоре у мыса Калиакри, под прикрытием береговых батарей. Смело применив новый тактический прием, Ушаков прошел между берегом и неприятельскими кораблями (тем самым выиграв ветер) и атаковал превосходящие силы противника. Разгром был полный. Остатки турецкого флота бежали в Константинополь. При виде разбитых кораблей в столице началась паника. Носились слухи о том, что Ушак-паша собирается штурмовать укрепления Босфора. Точку в войне поставили русские моряки. С нескрываемой гордостью за свое детище — Черноморский флот — доносил Потемкин в Петербург об этой победе. Воля противника была сломлена. Потемкин, несмотря на болезнь, уверенно держал в руках нити переговоров с везиром. Высоко оценивает его действия Безбородко; «На попытку турок говорить, что Визирь будто бы в великой опасности и что Султан его поступки не апробовал, Князь им дал окрик, сказав, что в их воле разорвать положенное, но с той минуты уже кондиций нет. После прислал Визирь другого чиновника» [192].

К Потемкину в Яссы летели письма от коронованных особ и прожектеров, дипломатических представителей России и строителей Черноморского флота, от генералов, офицеров, финансистов, поставщиков, ученых, бесчисленных просителей, осаждавших своими просьбами самого влиятельного человека в России.

Приведем только одно из писем, полученных Потемкиным в это время. Граф Андрей Разумовский, занявший при поддержке Потемкина важный дипломатический пост в Вене, писал своему покровителю в Петербург, еще не зная об отъезде Светлейшего на юг: «Хотел было я отправить к Вам первого пианиста и одного из лучших композиторов в Германии, именем Моцарта. Он недоволен своим положением здесь и охотно предпринял бы это

путешествие. Теперь он в Богемии, но его ожидают сюда обратно. Если Ваша Светлость пожелает, я могу нанять его ненадолго, а так, чтобы его послушать и содержать при себе некоторое время» [193].

Но Моцарту не суждено было воспользоваться приглашением Потемкина, страстно любившего музыку. Гениальный музыкант уже чувствовал дыхание смерти, торопясь с окончанием «Волшебной флейты». А в далеких Яссах могущественный соправитель императрицы сочинял «Канон Спасителю», сознавая, что дни его сочтены.

«И ныне волнующаяся душа моя и уповающая в бездне беззаконий своих ищет помощи, но не обретает,— скорбит Потемкин.— Подаждь ей, Пречистая Дева, руку свою, ею же носила Спасителя моего и не допусти погибнуть во веки».

Но даже изнуренный смертельной болезнью, Потемкин не выпускает из рук управления армией и флотом. 18 сентября помечен его ордер контр-адмиралу Ушакову о мерах дисциплинарного воздействия на капитана 2-го ранга Д. Н. Сенявина. Дело тянулось с весны, когда любимец Потемкина, его генеральс-адъютант Сенявин, отличившийся в набегах на турецкие торговые суда у самых турецких берегов, надерзил командующему эскадрой Ушакову. Контр-адмирал отдал приказ выделить с каждого корабля по нескольку здоровых и знающих дело моряков для укомплектования команд вновь построенных судов. Сенявин со своего корабля негодных к службе и получил выговор Ушакова в приказе по флоту. Вспыльчивый Сенявин подал Потемкину официальное прошение о производстве расследования по поводу обвинения его Ушаковым «в ослушании». Ушаков в свою очередь подал официальный рапорт. «Дерзость и невежество флота капитана Сенявина, нарушающие и порядок и долг службы, подвергали его тяжкому наказанию,— говорилось в ордере Потемкина. — Я приказал его арестовать и готов был показать над ним примерную строгость закона, но Ваше о нем ходатайство из-за уважения к заслугам Вашим удовлетворяю я великодушную Вашу о нем просьбу и препровождаю здесь снятую с него шпагу, которую можете ему возвратить, когда заблагорассудите. Но подтверждаю при том на поступки его иметь прилежное внимание, строго взыскивать точного же исполнения должности и в случае какового-либо упущения немедленно представить ко мне так, как о человеке, замеченном уже в незнании и неисполнении своего долгу; о сем имеете дать знать во флот и Черноморское правление».

«Только решительное вмешательство Потемкина,— отмечают публикаторы документов Ушакова,— положило конец конфликту

и поставило Сенявина на свое место. Своим ходатайством о Сенявине Ушаков устранил угрозу суда... Морской историк В. Т. Головачев в своем труде «История Севастополя, как русского порта» приводит выдержку из необнаруженного нами письма Потемкина по этому поводу: «Федор Федорович. Ты хорошо поступил, простив Сенявина. Он будет со временем отличным адмиралом и даже, может быть, превзойдет самого тебя» [194].

Замечательный человеческий документ: Потемкину оставалось жить всего несколько дней, но он показывал своим подчиненным пример того, каким должен быть начальник: строгим, справедливым, умеющим ценить таланты и способности своих сослуживцев, направлять их на пользу дела. Остается добавить, что Сенявин сделался лучшим учеником и последователем Ушакова, наследником его славы.

Турецкая сторона уведомляет Потемкина о скором приезде своих представителей. Это те же лица, которые только что — 4 августа — подписали в Систове мирный договор с австрийцами. Идет согласование процедурных вопросов. Потемкин назначает полномочных представителей России на переговорах: Самойлова, Рибаса и Лошкарева.

Он решает перенести переговоры из Ясс в небольшое местечко Гущу, неподалеку от города. В Гуще дипломаты Петра I были вынуждены подписать унизительные условия Прутского мира, спасая окруженную турками и татарами русскую армию во главе с императором. Прошло восемьдесят лет. С сознанием исполненного долга Потемкин смывал позор прутской катастрофы. Накануне открытия мирной конференции Потемкин скончался.

Приступы лихорадки возобновились у Потемкина еще по дороге на юг. В письмах императрице он не скрывал серьезности своей болезни. Ответные письма Екатерины наполнены мольбами о том, что Господь избавил ее от такого удара, о котором она «и думать не может без крайнего огорчения». По мере того, как в Петербург приходили новые свидетельства о тяжелом течении болезни Потемкина, ее беспокойство росло. Она отстаивает всенощную в Невской обители, делает богатые вклады, молится в надежде, что Бог поможет и спасет ее мужа и соправителя. Но все чаще и чаще видит Храповицкий слезы на ее лице.

«Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Бескрайне меня беспокоит твоя болезнь. Христа ради, ежели нужно, прими, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может. Да, приняв, прошу уже и беречь себя от пищи и питья, лекарству противного. Бога прошу, да возвратит тебе скорее силу и здоровье. Прощай, мой друг.

Платон Александрович тебя благодарит за поклон и весьма тужит о твоем состоянии. С имянинами тебя поздравляю и посылаю шубенку». Сознавала ли она, что в письмах, наполненных заботой о здоровье Потемкина, она бередила его душевные раны, передавая ему поклоны от Зубова. Да и сам Потемкин, которому оставалось жить считанные дни, не забывал передать поклон Платону Александровичу, к которому так привязалась его жена, его Государыня. Ни шубенка, ни письмо Екатерины (помеченное 30 сентября) уже не застали Потемкина в живых. 4 октября он продиктовал Попову последнее письмо императрице: «Матушка Всемилостивейшая Государыня! Нет сил более переносить мои мучения; одно спасение остается — оставить сей город, и я велел себя везти к Николаеву. Не знаю, что будет со мною. Вернейший и благодарнейший поданный..,» Подписи нет. Рукой Потемкина сделана приписка. Буквы прыгают, с трудом поддаются прочтению, «Одно спасение уехать» [195].

12 октября в Петербург прискакал курьер. Всего за семь суток промчался он от Ясс до столицы. Он очень спешил. Он вез весть государственной важности. «Курьер к пяти часам пополудни,— записывает в дневнике Храповицкий,— что Потемкин повезен из Ясс и, не проехав сорока верст, умер на дороге, 5 октября, прежде полудни. Слезы и отчаяние. В 8 часов пустили кровь».

В 8 часов во дворце собрался Совет императрицы. Безбородко объявил, что государыня «в этот самый вечер получила известие о кончине генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина Таврического и потому указать изволила, чтобы Совет представил свои мнения относительно распоряжений по сему случаю, как по начальству над армией, так и по мирной с турками негоциации». Сознавая ответственность момента, Безбородко вызвался отправиться на юг и заменить на переговорах покойного. 16 октября он поскакал в Яссы. В тот же день Храповицкий записал в дневнике: «Продолжение слез. Мне сказано: «Как можно Потемкина заменить. Все будет не то. Кто бы мог подумать, что его переживут Чернышев и другие старики? Да и все теперь, как улитки, станут высовывать головы». Я отрезал тем, что все это ниже Ее Величества. «Так, да я стара. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его неможно было купить».

Смерть Потемкина произвела огромное впечатление в Европе и в Турции. Английский парламент прервал свои заседания. Верховный везир Юсуф-паша, сторонник войны, не забывший Потемкину Крыма, связывал с его именем победы русской армии и флота. Он предлагал султану Селиму III разорвать мирные

условия и попытать счастья, так как главного предводителя русских — победоносного Потемкина — нет в живых.

Официальная версия о смерти Потемкина гласит, что болезнь, сведшая его в могилу, была рецидивом болотной лихорадки, которую он подхватил в 1783 г. в Крыму. При описании последних дней его жизни некоторые современники упоминают о нежелании больного слушать докторов, о нарушении им диеты. Может быть, так оно и было. Но существует и другая версия смерти главнокомандующего русской армией в самый ответственный момент борьбы России за утверждение в Северном Причерноморье. Версия эта говорит об отравлении. Еще весной 1790 г, во время переговоров Потемкина с верховным везиром императрица предупреждала его об опасности быть отравленным, просила поберечься и турок, и пруссаков. При той ненависти, какую вызывал Потемкин у берлинского двора, в пропрусски настроенных кругах на родине, такое радикальное решение его судьбы не кажется невозможным. То, что он был серьезно болен, не подлежит сомнению. Лихорадка то отступала, то снова трепала его на протяжении восьми лет. Остается вопрос: только ли болотная лихорадка свела в могилу пятидесятидвухлетнего богатыря. Читатель поймет, с каким волнением автор этих строк раскрывал «Дело об отравлении генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина», попавшееся ему на глаза в отделе рукописей бывшей Императорской публичной библиотеки (ныне библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Поймет читатель и разочарование автора, прочитавшего следующую коротенькую запись: «Фельдмаршал Потемкин был отравлен по приказанию Екатерины II доктором Тиман, при нем находившемся в Яссах; доктор получил хорошую пенсию и отправлен за границу. Я знал этого доктора. Сенатор Рерберг». На том же листе примечание: «Тиман Иван Карлович 1761 —1831, лейб-медик. Рерберг Роман Иванович генерал-инженер, умер в 1871 году. Копия, снятая для работ В.А. Бильбасова» [196].

Памятная медаль в честь заключения мира с Турцией в 1791 г.

ПОБѢ
ДИТЕЛЯМЪ
ПРИ МИРѢ
ДЕКАБРЯ 29
1791

Что можно сказать об этом? Известный русский историк Василий Алексеевич Бильбасов долгие годы собирал материалы для истории Екатерины II. Монография должна была состоять из 12 томов. Бильбасову удалось опубликовать два тома, посвященные молодости императрицы, ее жизни при дворе Елизаветы Петровны, перевороту 1762г. и первым годам ее царствования. Двенадцатый том вобрал в себя библиографию. Приведенная выше записка никак не комментирована. Действительно, при Потемкине в последние недели его жизни находились врачи — российский подданный Тиман и француз Массо. Они были при князе не первый год и пользовались его

доверием. Вопреки утверждению Рерберга, Тиман не уехал за границу, а жил и умер в России. При Александре I он был назначен лейб-медиком, что свидетельствует о доверии к нему. Статья о Тимане помещена в «Русском биографическом словаре».

Биографии Массо найти не удалось. Известно, что в начале Второй русско-турецкой войны он добровольно приехал в Россию и заслужил уважение Потемкина, просившего императрицу наградить талантливою хирурга за его помощь раненым. Именно Массо вырезал у Суворова пулю из шеи после Очаковского дела.

Версия об отравлении Потемкина требует специального исследования. Одно можно сказать с уверенностью: обвинение Екатерины в отравлении мужа и соправителя пускает исследователей по ложному следу. Крик отчаяния, вырвавшийся из уст императрицы при известии о смерти Потемкина, самый тон ее последних писем Потемкину красноречивее всех свидетельств говорит о том, что значила для нее эта потеря. Сохранилось письмо Екатерины барону Гримму, написанное в два с половиной часа утра 13 октября, т.е. через несколько часов после получения известия о смерти Потемкина. «Снова страшный удар разразился над моей головой. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой выученик, мой друг, можно сказать, мой идол, Князь Потемкин Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходною сердца. Цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен. В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача — и на суше, и на море. Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти; он всегда сердился и бранил меня, если, по его мнению, дело было сделано не так, как следовало... В нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, Князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать...» Через неделю она признается тому же адресату: «Теперь вся тяжесть правления лежит на мне» [197].

Платона Зубова трудно заподозрить в добром пристрастии к Потемкину. Много лет спустя он жаловался своему управляющему на Потемкина, который якобы помешал ему

сделаться вдвое богаче: «Хотя я победил его наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог,— сетует Зубов, — А устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтоб я брал с него пример» [198]. По общему признанию современников блеск царствования Екатерины II померк со смертью Потемкина. Державин, которого Зубов сумел втянуть в интриги против Светлейшего, искупил свою вину знаменитым «Водопадом» — поэтической эпитафией на смерть Потемкина.

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?
Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл Понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?
Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг русской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом -храбрости самой?
Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Прекрасный поэтический памятник великому сыну России. Потемкин довел до счастливого окончания дело всей своей жизни: Россия стала черноморской державой и всегда оставалась ею, несмотря ни на какие испытания. Символична сама смерть Потемкина — в дороге, на пути к основанному им Николаеву. Символично и место погребения — кафедральный собор в Херсоне — колыбели Черноморского флота, городе, также

основанном Потемкиным.

Остается прибавить, что «Водопад» был сложен Державиным не по заказу, а по душевному порыву. Поэт закончил его в 1794 г., когда пророчество Екатерины сбылось: «улитки» стали высовывать головы и без стыда трепать имя Потемкина.

Итак, один из героев нашей книги ушел из жизни, другого, мы оставили в Финляндии, куда он прибыл в конце июня 1791 г. по именному указу императрицы.

И один в поле воин

15 октября 1791 г., через десять дней после смерти Потемкина, из приграничной финляндской крепости Вильманстранда курьер везет в Петербург письмо. В нем Суворов благодарит свою сестру Марью Васильевну Олешеву за весточку и советует ее сыну Васе готовиться к военной службе чтением нужных книг, предпочтя их развлекательным. Строительство укреплений идет успешно, и через неделю он рассчитывает приехать в столицу с докладом императрице. Готов к новым поручениям, но повеленное ему укрепление границы почитает «ревностной должностью» и доведет дело до конца.

После благословения Наташе следуют приветы графине Наталье Володимировне и графу Николаю Ивановичу Салтыковым, сын которых считается женихом «Суворочки». Простое семейное письмо. Оно адресовано Дмитрию Ивановичу Хвостову — скромному синодскому секретарю, два года назад женившемуся на племяннице Суворова княжне Аграфене Ивановне Горчаковой. В их доме поселилась Наташа, временно взятая из дворца. Хвостов известен как переводчик и поэт. Кажется, это обстоятельство стало причиной особого внимания и доверия со стороны знаменитого родственника, питавшего уважение к творческим людям. Каждую неделю, а порой несколько раз в неделю везут курьеры письма из Финляндии в Петербург и обратно. Через посредство Суворова Хвостов знакомится с такими влиятельными лицами, как П. А. Зубов, А. А. Безбородко, П. И. Турчанинов. Он становится своего рода полномочным представителем и поверенным в делах дядюшки при дворе и ревностно исполняет принятые на себя обязанности. Никому из современников Суворов не написал столько писем, сколько Хвостову. Никому не писал он с такой откровенностью. Эта переписка длилась до самой смерти Суворова, умершего в доме Дмитрия Ивановича, у него на руках.

А пока на дворе 1791 год, октябрь месяц. Всего три дня назад в Петербург пришло известие о смерти Потемкина. Это о нем коротенькая фраза в изложенном выше семейном письме: «Се человек... "образ мирских сует", беги от них мудрый!» Девять слов — отзыв на смерть человека, сыгравшего такую роль в его судьбе. Петрушевский приводит другой отзыв, дошедший в устном пересказе: «Великий человек и человек великий. Велик умом, велик и ростом: не походил на того высокого французского посла в Лондоне, о котором канцлер Бэкон сказал, что чердак

обыкновенно плохо меблируют» [199]. Историк усмотрел в этих словах по-суворовски оригинальное признание ума покойного. Может быть.

Но сравним их с отзывом Румянцева, у которого действительно были сложные взаимоотношения с Потемкиным, и станет очевидным, что Суворов еще не остыл от «борьбы», в которую его вовлекли придворные интриганы. «Вечная тебе память, князь Григорий Александрович»,— сказал со слезами на глазах Румянцев, узнав о кончине Потемкина, и, заметив недоумение своих приближенных, прибавил: «Князь был мне соперником, может быть, даже неприятелем, но Россия лишилась Великого человека, а Отечество потеряло сына бессмертного по заслугам своим!» [200]. «Наконец, смерть избавила его от этого опасного врага,— утверждает фон Смитт в своей книге о Суворове. Но другие заботы и неприятности остались. Потемкин не был его единственным противником». «Когда же Потемкин умер,— вторит ему Петрушевский,— ревнивое чувство Суворова перешло значительною долею на Репнина, а по отношению к покойному утратило свою едкость... Позже всякое горькое чувство к Потемкину в Суворове пропало и он старался вспоминать «одни его благодеяния». Зато явились другие недруги: жизнь и натура взяли свое» [201].

Но из писем Суворова Хвостову за июль-сентябрь 1791 г., видно, что еще до смерти Потемкина генерал-аншеф почувствовал, что согрешил, пойдя с неверными друзьями против своего благодетеля. Суворов пытается заглушить угрызения совести ссылками на вымышленные несправедливости Светлейшего: «Я дал Кинбурнский — затаен», — роняет он в одном из писем, «забыв» о своих признаниях Потемкину. Он разражается эпиграммой по адресу всесильного князя Тавриды:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенны берега.

Из автора «Росс в Измаиле»,— прибавляет Суворов, перебарщивая с конспирацией, потому что Хвостов строго предупрежден о тайне переписки, которая осуществляется курьерами, а не через почту. Но в тех же письмах прорывается уважение к Потемкину: «У П[латона] Александровича] [Зубова] длят, избирают время,— у Гет[ман] а все секунды»,.. «У вас одно, а у К[нязя] Г[ригория] Александровича] — 101 орудие», В письме от 8 августа, когда стало очевидным, что война победоносно

окончена, Суворов с грустью оценивает свое незавидное положение — противника Потемкина: «Я легкий временщик и для него прах. Разве быть в так называемой «Его армии» помощником К[нязя] Н[иколая] Васильевича] Р[епнина]? Какое же было бы мне полномочие? Вогнавши меня во вторую ролю, шаг один до последней». И вдруг следует раздражительная тирада: «Здесь колебался К[нязь] Щотемкин], там [нязь] Н[иколай] Васильевич] Р[епнин] дал ему новые силы, так чтобы лутче вовсе не было бы Мачина!»

Трудно поверить, что это пишет Суворов, известный своим горячим патриотизмом. Лучше не было бы Мачинской победы, принесшей долгожданный мир измученной войной России, раз эта победа усилила Потемкина. Разве не очевидно, что Суворов, запутавшийся в придворных интригах, грешит против своего жизненного кредо — служить Родине. «Новые друзья» поспешили п фронт: сын графа Салтыкова вдруг отказался от помолвки с Наташей. «Почивает тут цель!» — сразу откликается Суворов, догадываясь, почему осторожный граф Николай Иванович не спешит породниться с человеком, слишком явно противопоставившим себя Потемкину, свалить которого не удалось.

«И с какими ж гусями... сей К [нязь] Г[ригорий] Александрович] имеет дело. Всего больше я могу остаться между неба и земли. Я в счислении на юге и по обстоятельствам... легко исключусъ. В норде служу, но чужая команда не постоянная. Вот мое перспективное благосостояние!.. Разсмеется К [нязь] Г[ригорий] Александрович] П[отемкин].

Бежа гонениев, я пристань разорял.
Оставя битый путь, по воздухам летаю.
Гоняясь за мечтой, я верное теряю.
Вертумн поможет ли? Я тот, что проиграл».

Да, он проиграл, отступившись от «батюшки князя Григория Александровича». Упомянув Вертумна — древнеримского бога садов и огородов,— Суворов намекает на возможность отставки.

«Кто при дворе мне отзывается зложелательным? вопрошает он Хвостова 6 августа. — Надобно их имяна мне знать для ежевременных предосторожностей и чтоб не принять ель за сосну».

Он все же принял ель за сосну и проиграл.

Фон Смитт, впервые опубликовавший письма Суворова 1791 — 1792 гг. не сумел сделать правильных выводов. А выводы напрашиваются сами собой. Конфликт с Потемкиным носил

односторонний характер. Повинен в нем был Суворов, позволивший вовлечь себя в борьбу придворных группировок. Впервые оказавшись в близости к правящим сферам, он не сумел разобраться в обстановке, забыв о том, что тайные и явные враги Потемкина не оыли его Суворова — доброжелателями. Нападки на Потемкина рисуют самого Суворова в невыгодном свете. Даже фон Смитт, упомянувши вскользь о несправедливости многих оценок Суворова тех дней, был вынужден объяснить их «затмением души в нравственном отношении». Алексеев заметил, что «письма эти — неумытая истина», здесь «гений подает руку простому человеку» с его слабостями, пристрастиями, заблуждениями. Не мог не отметить этого и Петрушевский. Но странное дело: все перечисленные историки, внимательно изучавшие переписку Суворова Хвостовым, усматривают несправедливость в оценках Суворовым Репнина, Салтыковых, но не Потемкина!

Возникает простой вопрос, на который биографы Суворова должны были дать простои ответ: легче ли стало служить Суворову после смерти Потемкина?.. Поскольку биографы молчат, предоставим слово документам и прежде всего самому Суворову.

Конец октября 1791 г. Суворов вдруг узнает, что в столице про него распускают слухи, будто он безжалостно эксплуатирует солдат, занятых на строительных работах. Солдаты якобы трудятся без специальной одежды и вконец истрепали мундирные вещи. «Перед выездом моим сюда осуждали в кампании невежды мою дисциплину и субординацию, полагая первую в кичливости, другую в трепете подчиненных,— пишет он статс-секретарю императрицы по военным делам Турчанинову,— Дивизия здешняя одета полковниками. Кроме исходящих сроков, я вижу много новых мундиров и донашивают старые... Прибавлю, что работные имеют теплую казенную одежду... Не похвально тем частным особам платить так мою службу и одолжают меня, чтоб я требовал удовольствия» [202].

Он без обиняков называет имя ответственного за недостатки в обмундировании солдат Финляндской дивизии. Это его предшественник по командованию дивизией граф Иван Петрович Салтыков. Другой Салтыков — граф Николай Иванович, стоящий во главе Военной коллегии,— «что наги и босы должен был знать прежде других и претендовать». Но он молчит и, покрывая графа Ивана Петровича, списывает все на Суворова. Может, это пустяки?

Тогда откуда же такая тревога, которая прорывается в письмах?

«Я чист душою и сердцем перед Богом и моей Великой

Императрицей, в чем моя совесть никогда не упрекает,— читаем мы в письме Хвостову от 30 октября 1791 г.— И приезд мой в Санкт-Петербург непорочен».

Ему никто не воспрещает приехать в столицу. Но Суворов знает причину, по которой императрица не хочет его видеть. Осведомленная о закулисной борьбе придворных группировок, Екатерина не могла простить Суворову неблагодарности по отношению к Потемкину.

«Каково смотреть на лицо, упрекающее покойного»,— признается Суворов в одном из писем. 1 декабря 1791 г. Храповицкий заносит в дневник слова Екатерины: «Довольны, что откланялись Суворов и К[нязь] Прозоровский: «lis son! mieux a leur places» (*Они лучше на своих местах [франц.]*).

6 января 1792 г. бригадир Ираклий Морков привозит мирный трактат с Портой, заключенный в Яссах русскими уполномоченными под руководством Безбородко. «За уборным столом слезы, — отмечает Храповицкий.— Молебен только во Дворце, и 101 пушка,— повестки и здоровье за столом обеденным отменены, с гневом». Императрица не в силах сдержать слезы и гневно отвергает предложение устроить во дворце большой прием (с приглашением по повесткам) и торжественное питие за ее здоровье в день, который подвел черту под великим подвигом Потемкина.

«12 генваря. Приехал и явился Попов. Слезы и разная беготня. Княжий бумаги заперты в общий ящик и ключ спрятан... 30 генваря. Приехал Самойлов с ратификацией Визиря и Гр[афа] Безбородко. Это было ввечеру, во время собрания — всех отпустили, и с Самойловым плакали»,— читаем в дневнике Храповицкого.

Екатерина спешит собрать вокруг себя потемкинцев. Попов получает место кабинет-секретаря, а Самойлов заменяет на важнейшем посту тяжело больного генерал-прокурора князя Вяземского. Сохраняет свое влияние и Безбородко, хотя императрица настойчиво расширяет круг государственных занятий своего молодого фаворита — Платона Зубова.

В европейской политике происходит резкая смена ориентации. Революционная буря, разразившаяся над Францией, нарушила равновесие на континенте. Даже Австрия и Пруссия — непримиримые врага и соперники пошли на сближение перед лицом растущей угрозы со стороны ниспровергателей общественного порядка. Екатерина II внимательно следит за развитием событий. Ей удается привлечь к антифранцузскому союзу шведского короля Густава III, сохраняя за собой свободу рук. Антирусская позиция правящих кругов Польши во время

минувшей войны с Портой заставляет императрицу принимать меры. Обстановка благоприятна: Польша оказалась в политической изоляции. Не получив Данцига и Торна, Пруссия открыто угрожает своей бывшей союзнице. Австрия, занятая подготовкой войны против Франции, не препятствует Пруссии в ее намерениях. Пруссию поддерживает Англия.

Новая конституция 3 мая 1791 г., принятая в обстановке всеобщего энтузиазма, царившего в Варшаве, превратила Речь Посполиту в Польшу. Но не могла преодолеть раздирающую страну междуусобицу и финансовый крах. Конституция предоставила политические права верхам городской буржуазии, но не изменила тяжелого положения крепостного крестьянства, значительную часть которого составляли православные — белорусы и украинцы.

Поскольку король Станислав Август и партия Понятовских оказались в полной изоляции, Екатерина II обратилась к группе магнатов, недовольных реформами. При ее поддержке они провозгласили Тарговицкую конфедерацию, подняв мятеж против центральной власти. На подкрепление тарговичан были двинуты две русские армии — генералов Каховского и Кречетникова. Почти одновременно с началом этой войны Франция объявила войну императору. На стороне Австрии выступили Испания и Сардиния. В Петербурге ходили слухи о вспомогательном русском корпусе, который якобы должен был пойти на помощь австрийцам. Командующим называли Репнина. Суворов, строивший крепости на границе, встревожился не на шутку. «Что это вы затеяли?— мысленно вопрошал он тех, от кого зависело решение — быть или не быть ему в действующей армии, — Прошлого года я считал К[нязя] Г[ригория] А[лександровича] у себя по пятам...» Он сознает, что без могучей поддержки Потемкина ему трудно получить боевое назначение, что недоброхоты «заглушат его талант». Все чаще ему приходят мысли об «абшиде» — отставке. Все чаще в письмах Турчанинову, и особенно Хвостову, звучат трагические ноты: «Усердная моя и простодушная служба родила мне завистников беземертных... Ныне 50 лет практики обратили меня в класс захребетников... Далек от тебя смертный, о, Мать Отечества! Повели вкусить приятный конец хоть пред эскадроном!»— читаем мы в письме Турчанинову от 21 июня 1792 г. Он умоляет старого друга передать императрице просьбу — «быть употреблену с каким отделением войск в Польше». Через три дня приходит ответ: «Польские дела не требуют графа Суворова. Поляки уже просят перемирия, дабы уложить, как впредь быть» [203].

Кампания в Польше и Литве идет успешно. Король Станислав

Август заявляет о своем переходе на сторону тарговичан. В середине июля заключено перемирие. На Рейне французы терпят поражение от австрийцев. В соответствии с соглашением между королем Фридрихом Вильгельмом и императором Леопольдом Пруссия выставляет войска против Франции, но требует за это компенсации в Польше, по-прежнему претендуя на Гданьск и Торунь. Екатерина и новый император Франц не возражают. В августе прусские войска переходят границу Франции. В их рядах эмигранты — французские роялисты. Суворову кажется, что и эта кампания окончится быстрой победой. Он повторяет имена тех, кто оттер его от активной боевой деятельности; это графы Салтыковы и князь Репнин. Граф Иван Петрович переложил на него ответственность за большое число больных, умерших и беглых в Финляндской дивизии, задержав отсылку ведомостей в Военную коллегию. Глава военного ведомства граф Николай Иванович — смотрит на это сквозь пальцы, роняя авторитет Суворова в глазах Екатерины II. Но больше всех достается Репнину: «Крайне берегитесь Репнина,— наставляет он Хвостова в письме от 25-27 февраля 1792 г.— Для Репнина должно быть в бессменном карауле... Только я ему истинное противостояние». .

«Никто, как сей последний, как я по страсти первым солдатом, не хочет быть первым министром. И ни у кого так на то талант всех: I. стравить, 2. порицать, 3-е. унизить и стоптать, тверд и долготерпелив, не оставит плана до кончины, низок и высок в свое время, но отвратительно повелителен и без наималейшей приятности» (Письмо Хвостову от 1 VI. 1792 г.).

«При дворе язык с намеками, догадками, недомолвками, двусмыслием. Я — грубый солдат — вовсе не отгадчик... Не помышляю.,, никому мешать, ниже малейшему факционеру, и ежели кому чем стану в какую тягость, как то Репнину в его дальновидных проектах, ту ж минуту выеду вон. Никого не атакую, ни обороняюсь. Милосердие монаршее мне драгоценно!» (Письмо Турчанинову от авг, 1792 г.).

В какой-то момент Суворову кажется, что партия Репнина — «факция гугнивого Фагота» — сумела захватить бразды правления в Военном ведомстве и обрекла его на бессрочные строительные работы: «В сих трудах и сокращающейся жизни оставь меня в покое, о, Фальгот! возпитанный при дворе и министре и от того приобретенными качествами препобеждающий грубого солдата! Не довольно ли уже ты меня унизил? И не от тебя ли, моего кровавого банкета десерт Каховскому? Ты меня якобы хвалишь: твой лай не столько мне вреден. Под сею благовидностию плевелы скрыты и под розами терны! Петр Иванович, изторгайте меня в поле. Херсон моя участь. Тут я потерян Великой

Императрице!» (Письмо Турчанинову от 11. X. 1792 г.). Суворов уверен, что из-за козней Репнина он не получил в командование армию после смерти Потемкина, которая досталась Каховскому. Оказывается, еще в феврале 1791 г. Светлейший, отъезжая из армии в Петербург, хотел оставить командование Суворову. Но вмешался Репнин: «Оставляете Сув[орова]: поведет армию в Царьград или сгубит! Вы увидите»,— приводит он слова Репнина. Потемкин предпочел более осторожного князя Николая Васильевича, который сумел воспользоваться предоставившейся возможностью и добил противника в сражении при Мачине.

«С г[рафом] Николаем] Ивановичем] меня сплел жених [ом]. Стравил меня со всеми и страшнее,— продолжает Суворов.— Это экстракт. Я ему зла не желаю, другом его не буду даже в Шведенберговом раю». Неприязнь к Репнину так велика, что Суворов не может ручаться за дружбу с ним даже в раю, описанном знаменитым шведским инженером, ученым, мистиком Эмануэлем Сведен-боргом, раю, где господствует любовь к ближнему и любовь к божественной истине.

Но может быть Суворов пристрастен к своему сопернику и преувеличивает его силу и влияние? Оказывается, нет. Сама императрица опасалась Репнина — ведущей фигуры партии наследника престола. Она помнила заговор 1776 г. и не забывала об участии в нем Репнина — племянника братьев Паниных. Осенью 1790 г, в обстановке острейшего кризиса, спровоцированного берлинским двором, в политике которого ведущую роль играли масоны, она обратила пристальное внимание на московский кружок масонов, руководимый Новиковым. Смерть Потемкина заставила ее ускорить ликвидацию опасного центра. «Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста,— кричит великий князь Павел Петрович знаменитому архитектору В. И. Баженову, приехавшему к нему по поручению Новикова.-- О них же и слушать не хочу; ты и рта не разевай о них говорить». [204]

На дворе зима 1791 — 1792 гг. В бумагах генерал-прокурора А. Н. Самойлова, ведомство которого, помимо финансов, занималось политическим сыском, сохранился важный документ. «Я Николай Репнин,— говорилось в документе,— клянусь Всевышним Существом, что никогда не назову имени Ордена, которое мне будет сказано почтеннейшим братом шредером, и никому не выдам, что он принял от меня прошение к предстоятелям сего Ордена о вступлении моем в оный, прежде чем я вступлю и получу особое позволение открыться братьям Ордена.

Князь Николай Репнин полный генерал службы» [205].

В апреле 1792 г. был арестован Новиков. Следствие велось под личным наблюдением императрицы. Следователей интересовали связи московских розенкрейцеров с их берлинскими братьями; связи с наследником престола; роль Репнина в тайном обществе, которое до своего отъезда из России возглавлял барон Шредер, бывший капитан прусской службы. «Сношения с цесаревичем и его берлинскими друзьями, конечно, и погубили Новикова, подвергнув разгрому весь кружок,— делает вывод крупнейший авторитет по русскому масонству времен Екатерины Г. В. Вернадский.— Екатерина не могла без достаточных улик тронуть влиятельных закулисных столпов масонской партии, вроде князя Репнина,.. она долго искала причину для ареста даже поручика Новикова» [206]. Тронуть «столпов» было политически невыгодно, так как означало бы признание наличия сильной оппозиции. Новиков был заключен в шлиссельбургскую крепость, для остальных опытная правительница сочла «достаточной предупреждающей мерой — страх»: некоторые влиятельные московские масоны выехали в свои деревни; Репнин получил пост генерал-губернатора в Риге. Даже Храповицкий — доверенное лицо императрицы, «нашедший», по его словам, «случай изъясниться о старом Масонстве» (времен И. П. Елагина и А. И. Бибикова), был удален от двора, получив чин тайного советника и место сенатора. Храповицкому не помогло и напоминание о том, что именно он перевел на русский язык антимасонскую брошюру «сочинения Ея Величества».

Именно тогда Екатерина, встревоженная убийством короля Густава и скоропостижной смертью императора Леопольда, пишет черновое завещание: «Для блага Империи Российской и Греческой,— говорится в конце завещания,— советую отдалить от дел и советов оных Империй Принцев Виртемберхских и с ними знаться, как возможно менее, равномерно отдалить от советов обоих пол немцев»9. Примечательные и полные глубокого смысла советы гениальной правительницы, сделавшей главной целью своей политики служение национальным интересам России.

Следует упомянуть, что Суворов, которого некоторые авторы зачислили в масоны, отрицательно отзывается об известных деятелях тайных обществ: Новикове, графе А. П. Шувалове, Репнине. «Но гугнивого Фагота,— наставляет он Хвостова 2 марта 1792 г., незадолго до ареста Новикова,— тяжело остеречься по марткнитству» [207].

Тяготясь своей ролью «инженера», Суворов не ослаблял усилий по созданию надежной системы укреплений, которая должна была обезопасить столицу империи от покушений

беспокойного соседа. По его инициативе были построены каналы между Нейшлотом и Вильманстрандом, не предусмотренные первоначальным проектом.

К осени 1792 г. основные работы были закончены. Суворов представил план обороны границы на случай войны и, считая свою миссию завершенной, начал хлопотать через Турчанинова и Безбородко о поручении ему войск на юге, подальше от правящих сфер. В письмах он неоднократно упоминает о своем недовольстве наградами за Измаил. «Стыд измаильский из меня не исчез, сколько времени тянется одно Гене[рал]-Адью[тантство],— читаем мы в письме Хвостову от 20 октября 1792 г,— От Ирода к Пилату, от Пилата к Ироду. Обещать можно до замирения, до новой войны и до нового замирения». Совершенно очевидно, что умерший год назад Потемкин тут не при чем. Под Иродом и Пилатом подразумеваются здравствующие Зубов и Турчанинов. Фаворит, желая заручиться поддержкой Суворова, обещал ему весной-летом 1791 г. генерал-адъютантство. Но обещания не сдержал и через Турчанинова передал успокоительные заверения. Суворов так и не смог пробиться в узкий привилегированный круг генерал-адъютантов императрицы (среди которых были и Репнин и Николай Салтыков). «Стыд измаильский», по нашему мнению, это еще и угрызения совести, связанны воспоминаниями о том, как, поддавшись посулам «новых друзей», он пошел против своего благодетеля. Не случайно в тех же самых письмах Суворов все чаше вспоминает «Князя Григория Александровича» «Часто я ему был нужен в виде Леонида»,— признается он Хвостову 20 июля 1792 г., намекая на свое «особливое» положение при Потемкине. Ведь под начальством Потемкина он совершил подвиги, сравнимые с подвигом спартанцев при Фермопилах. Рассчитывая на помощь Безбородко. Суворов пишет в сентябре того же года: «Ему (т. е. Безбородко.— В.Л.) в свое время удалить меня в Действующий департамент, как то всегда со мною было; и при К[нязе] Г[ригории] Александровиче] не был ли я в 1-й роле?»

10 ноября 1792 г. Суворов был назначен командующим войсками Екатеринославской дивизии и вскоре отбыл на юг. Нам кажется, что императрица оценила его противостояние «факции» Репнина и доверила ему значительные военные силы, дислоцированные «в Екатеринославской губернии, Тавриде и во вновь приобретенной области». Суворову были подчинены и казаки Черноморского войска, которые за отличия в минувшей воине по представлению Потемкина получили земли на Тамани и Прикубанье. Почти два года провел Суворов на юге. Главным местом его пребывания был Херсон. Эти годы можно считать

сравнительно спокойными, хотя и здесь не обошлось без трений с властями предержащими. Суворов разработал план укрепления границ, исходя из полученных при отъезде указаний, и немедленно приступил к его осуществлению. Однако присланные им сметы, требовавшие значительных ассигнований, не были утверждены. Отношения с Портой изменились в лучшую сторону, и с форсированным строительством крепостей можно было подождать. Суворов действовал решительно. Он послал Хвостову доверенность на продажу своих деревень, чтобы выплатить неустойку подрядчикам. Турчанинову был направлен протест: он обязан был вовремя предупредить об изменении политической ситуации. Не получив положительного ответа, Суворов послал императрице прошение об увольнении «волонтером к немецким и союзным войскам на сию кампанию». Екатерина незамедлительно распорядилась «отпустить двести пятьдесят тысяч из банка Графу Суворову Рымникскому». Доказывая петербургским чинам важность укрепления таких крепостей, как Севастополь и Кинбурн, Суворов постоянно ссылается на авторитет покойного Потемкина. Когда же Турчанинов напомнил ему позапрошлогодние отзывы о «Князе Григории Александровиче», Суворов мгновенно возразил: «О Пасхе: я кланялся мощам той особы, которая, отнюдь не касаясь протчего, находила во мне свойственные мне достоинства». В Херсоне, в Екатерининском соборе находился склеп, где покоились останки Потемкина. Его соратники по торжественным дням собирались в склепе и молились за упокоение души Светлейшего. Среди них был и Суворов.

Смерть Потемкина не могла не сказаться на управлении краем и на состоянии размещенных там войск. Суворову пришлось принимать крутые меры по наведению порядка, по оздоровлению госпиталей, превращенных в рассадники болезней и в источник дохода для корыстолюбивых начальников. «Кого бы я на себя не подвиг, мне солдат дороже себя!» — писал Суворов, требуя от подчиненных «взять меры к предохранению от зла». В письмах Платону Зубову, назначенному екатеринославским и таврическим генерал-губернатором, он не скрыл правды: виновными в болезнях и в большой смертности среди личного состава оказались некоторые командиры, принимавшие за взятки от поставщиков гнилой провиант. Екатерина II приказала отдать под суд преступников.

С потемкинской твердостью Суворов трудился над санитарным обеспечением войск, не забывая об их боевой подготовке. Он разработал план на случай войны с Портой, в котором учел опыт кампаний Румянцева и Потемкина. Сам план и

особенно вывод о необходимости иметь крупный стратегический резерв для развития успеха и победоносного завершения войны в одну-две кампании показывают, как вырос полководческий талант Суворова. Султан Селим III жаждал реванша, но правящие круги Блистательной Порты не спешили испытывать судьбу. С помощью французских инструкторов шла реорганизация турецкой армии и флота. Французская агентура подстрекала к войне. Обо всем этом Суворов получал подробные сведения от нового чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Отмечая неготовность Турции к войне, Кутузов писал: «Но наиболее ее удержит знание, что управляет войсками в новоприобретенной области столь страшные раны ей наносивший...», т. е. сам Суворов [208].

Тогда же он узнает о словах Екатерины II, сказанных адмиралу Ушакову по поводу побед принца Кобурга над французами: «Ученик суворовский в подмастерье еще не годится». Война коалиции против французских республиканцев идет с переменным успехом. Общая численность войск, выставленных коалицией, к которой присоединились Великобритания и Голландия, достигает миллиона! Но и революционный режим демонстрирует волю и умение разжечь энергию масс для удержания захваченной власти. Действуя методами террора, якобинцы беспощадно подавляют внутреннее сопротивление и ставят под ружье миллион двести тысяч человек! Война приобретает невиданный по масштабам и ожесточенности характер. Россия не вступала в войну, хотя после казни Людовика XVI разорвала все политические связи с Францией. Екатерина стремилась обезопасить свои границы на западе и на юге. Суворов следит за военными событиями из Херсона. Все чаще в его письмах звучат грустные ноты: ему уже за шестьдесят, а он так и не попробовал свои силы в роли самостоятельного командующего армией на театре военных действий. И вдруг — гром средь ясного неба: восстание в Польше. После второго раздела партия умеренных и польские якобинцы, бежавшие за границу, стали готовить восстание. Оно началось стихийно с выступления кавалерийской бригады Мадалинского. Прибывший в Краков генерал Тадеуш Костюшко был объявлен диктатором. Незначительная победа над русским отрядом под Рацлавицами стала сигналом к всеобщему выступлению. В ночь с 6 на 7 апреля в Варшаве ударили колокола. Русский гарнизон был застигнут врасплох. Многие солдаты находились в православных церквах на богослужении. Началась резня. Виновник разгрома командующий войсками и чрезвычайный посол генерал-поручик И. А.

Игельстром прислал в Петербург паническое донесение. Только в Варшаве в плен попало 1764 человека — много офицеров, чиновников, несколько генералов. С убитыми потери составили более 4000 или около половины гарнизона. Восстание перекинулось в Вильно, Гродно, другие места. Поднялись польские части (всего до 15000), принятые на русскую службу и дислоцированные на территориях Правобережной Украины и Белоруссии, отошедших после раздела к России.

Взрыв широкого недовольства против расчленения страны для соседей Польши обернулся реальной угрозой возникновения в Восточной Европе союзницы революционной Франции, армии которой начали успешное наступление во Фландрии против коалиции. Для России эта война стала продолжением длинного ряда войн за собирание древнерусских земель с православным населением, оказавшимся после нашествия Батыя под властью сначала Литвы, а после ее унии с Польшей под властью католической Речи Посполитой.

Поначалу военные действия складывались неудачно для русских войск. «От горечи по ночам спать не могу, писал князь Репнин, назначенный главнокомандующим войсками в Польше и Литве. — Погубили мы славу целого столь знаменитого царствования!» Исполняющий должность президента Военной коллегии граф Николай Салтыков принял на себя общее руководство операциями из Петербурга. На престарелого фельдмаршала графа Румянцева было возложено командование войсками на Волыни, в Подолии и на юге с задачей не допускать нападений польских отрядов и быть готовым на случай войны с турками.

Суворов, поступивший под начало Румянцева, быстро и без кровопролития разоружил польские части в Брацлавской губернии. Уже 13 июня он почтительно намекнул своему начальнику о своей «томной праздности», в которой пребывает «невинно после Измаила», и просил Румянцева «извести его из оной», прибавив, что он «мог бы препособить к окончанию дел в Польше». Суворов посетил Румянцева и в личной беседе поделился мыслями о кампании с учителем. Полтора месяца он изнемогает от нетерпения привести свой план в действие. Суворову кажется, что Салтыков и Репнин препятствуют не только ему, но самому Румянцеву — «Нестору российской армии». Обстановка постоянно меняется. Гарнизон Кракова сдается при первом же требовании пруссаков. Австрийцы занимают Сандомирское и Люблинское воеводства. Костюшко разбит при Щекоцине, но, совершив искусный маневр, спасает свои силы, вызвав сначала сочувствие, а затем восхищение Суворова. 21

июля в письме Хвостову у Суворова вырывается фраза: «В непрестанной мечте: паки я не в Польше, там бы я в сорок дней кончил». Он даже решается снова просить императрицу об увольнении «волонтером к союзным войскам». Но это только способ напомнить о себе. Екатерина заверяет его в том, что у него скоро будет «много военной практики».

Неудачная осада Варшавы прусскими и русскими войсками, восстание в Великой Польше, смелые рейды польских летучих отрядов — все это резко изменило обстановку. Руководимый из Петербурга Репнин действовал нерешительно. И тогда Румянцев поручил Суворову двинуться к Бресту и «сделать сильный отворот сему дерзкому неприятелю и так скоро, как возможно». 14 августа Суворов начал свой знаменитый марш из Немирова, закончившийся сдачей Варшавы. «Невежды петербургские не могут давать правил Российскому Нестору; одни его повеления для меня святы,— записывает он свои мысли в начале похода.— Союзники ездят на русской шее... Мне погодить о себе публиковать, чтобы осталось в запасе нечто нечаянности до первого побиения, если благословит Бог. Время драгоценнее всего. Поспешать мне надлежит к стороне Бреста... Там мне прибавить войска, итти к Праге, где отрезать субсистенцию из Литвы в Варшаву» [209]. Цель кампании — Варшава. Образ действий — внезапность. Он хорошо знал театр войны, сильные и слабые стороны польских войск. Да и поляки знали Суворова. Сам Костюшко счел необходимым ободрить повстанцев, заявив, что «Суворов будет занят» предстоящей войной с турками и «в Польше быть не сможет» [210].

3 сентября казачий авангард корпуса Суворова разбил сторожевой отряд поляков из корпуса Йозефа Сераковского. 4, 6 и 8 сентября — три сражения, три победы. Корпус Сераковского, усиленный частями генерала Станислава Мокроновского (всего 16000—18000), разгромлен. Суворов занял Брест. Наступила пауза. У Суворова было не более 11000. Ближайшие к нему корпуса генерал-поручиков И. Е. Ферзена и В. Х. Дерфельдена подчинялись Репнину. Суворов решил опереться на авторитет Румянцева и, предвидя развитие событий, начал подтягивать к себе корпуса Ферзена и Дерфельдена. «Бога для,., разведите нас,— пожаловался в Петербург Репнин.— Я уже не знаю, сам ли я командую или отдан под команду» [211]. «Сообщество Ваше с Суворовым я весьма понимаю, сколь неприятно для Вас быть может,— отвечал Салтыков,— и особливо по весьма авантажному об нем заключению. Предписание его Дерфельдену доказывает, что он ничем общему порядку не следует, и он приучил всех о себе так думать, ему то и терпят» [212]. Экстраординарный

профессор Николаевской академии Генерального штаба М. В. Алексеев в своей работе «Суворов и два совета: петербургский 1794 г. и венский 1799 г.» пишет, что Суворову были вынуждены уступить то, что он требовал. Но, подчеркивает будущий начальник штаба Ставки и фактический руководитель всех военных операций русской армии с августа 1915 по март 1917 г.: «При неудаче Суворов не мог ждать пощады от своих недоброжелателей».

3 октября Суворов узнал, что отходивший из-под Варшавы Ферзен, перейдя Вислу, сразился с Костюшко при Мацейовицах. После 7-мичасового боя поляки были разгромлены: тяжело раненный Костюшко и пять генералов попали в плен. Победителям досталась вся артиллерия. Суворов был готов к такому повороту событий.

7 октября он выходит из Бреста.

14 октября к нему присоединяется корпус Ферзена.

15 октября при Кобылке авангард Суворова разбивает корпус генерала Мокроновского, отходившего под натиском Дерфельдена к Варшаве.

19 октября к Суворову присоединяется Дерфельден.

24 октября кровопролитным штурмом взята Прага — сильно укрепленное предместье Варшавы на низком правом берегу Вислы. «Сиятельнейший Граф, ура! Прага наша»,— донес Суворов Румянцеву.

29 октября суворовские войска торжественно вступают в столицу. Магистрат Варшавы, спустя несколько дней поднес победителю драгоценную табакерку с надписью: «Спасителю Варшавы». Члены магистрата оценили великодушие Суворова, удержавшего разъяренные штурмом войска за Вислой. Ведь среди штурмовавших были солдаты и офицеры, помнившие апрельскую резню в узких улочках Варшавы.

7 ноября казачьему атаману Ф. П. Денисову сдаются последние польские части во главе с Томашем Ваврженцким, сменившим Костюшко на посту главнокомандующего. За вычетом «сидения в Бресте» кампания была закончена в 38 дней, считая со дня первого столкновения с польскими частями.

9 ноября Безбородко сообщает графу С. Р. Воронцову в Лондон о своей беседе с императрицей: «Секретно положено, что по получении формального о Варшаве известия, послать Графу Суворову чин фельдмаршала, так чтоб здесь тогда уже сведали, когда уже после подробной реляции отправлены будут к Графу Румянцеву все награждения... Всего страннее, что Граф Николай Иванович Салтыков не в конфиденции по сим... пунктам и думает еще, что Суворова сделают только генерал-адъютантом; но когда

меня спросили, я сказал прямо, что взяв столицу, естьли бы меня не сделали фельдмаршалом, несмотря на старшинство домоседов, я бы счел за несправедливость. Как дело уже решено было, то и неудивительно, что апробовали мои мысли» [213]. 18 ноября генерал П. А. Исленьев привез в Петербург суворовскую реляцию о занятии Варшавы. На следующий день во время торжественного обеда в Зимнем дворце Екатерина провозгласила тост за здоровье «Генерал-фельдмаршала Графа Суворова!»

«Пожалование Графа Суворова, по общей истине дело приличное, сбило с пути всех его старших, их жен, сестер, детей и приятелей»,— сообщил Безбородко в Москву графу А. Р. Воронцову [214]. Отзыв покровителя Радищева весьма характерен: «Чин по делам, а не к персоне».

Бывший фаворит П. В. Завадовский 6 января 1795 г. писал своему другу графу С.Р. Воронцову: «Произведение Суворова в фельдмаршалы кольнуло генералов старее его. Граф Салтыков, князь Репнин, Прозоровский, князь Долгоруков просят увольнения от службы. Граф Салтыков (Иван Петрович.— В.Л.), как горячее наступал, то уже и отставлен; другие то же получат, когда настоять не перестанут. Суворов просвещается в Варшаве. Не перестает блажить. В прочем чудак, но всегда побеждать — есть его жребий, и в войне все его сверстники останутся позади. Правду сказать, они ему не равны ни сердцем, ни предприимчивостью» [215]. Правду сказать, прибавим мы, у Суворова были все основания писать и о Репнине, и о Салтыкове как о своих недоброхотах.

Суворов сам произвел себя в фельдмаршалы своей блестящей кампанией. «Вас могут утешить великодушие и умеренность победителей в отношении побежденных», — писал Йозеф Орловский (бывший комендант Варшавы) находящемуся в плену Костюшко. Широкая амнистия, объявленная повстанцам Суворовым, в неменьшей степени способствовала прекращению кровопролития, чем военные победы. «Все предано забвению,— писал Суворов Румянцеву 17 ноября 1794 г.— В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают». Днем раньше он сообщил Румянцеву важную подробность: «Начальники остававшиеся инсургентов сколько ж меня просили о дозволении продолжать им войну с пруссаками. Я шутил: «Это неприлично». Кабинетной политики не знаю»— прибавил Суворов, не подозревая, что за его спиной кабинетные политики уже вынесли приговор Польше. В разгар военных успехов русского полководца дела на западе шли все хуже и хуже. Французы громят австрийцев, пруссаков, англичан, голландцев, пьемонтцев. Встревоженные успехами республиканцев,

объявивших войну всем монархам Европы, берлинский, венский и петербургский дворы договариваются об окончательном разделе Польши. Осведомленный статс-секретарь императрицы Д. П. Трощинский очень точно выразил отношение правящих кругов к действиям Суворова в Польше: «Правду сказать, Граф Суворов великие оказал услуги взятием Варшавы, но зато уж несносно досаждает несообразными своими там распоряжениями. Всех генерально поляков, не исключая и главных бунтовщиков... отпускает свободно в их домы, давая открытые листы. Вопреки сему посланы к нему прямо повеления, но когда он их получит, много наделает вздору...» [216].

Как личное бесчестье расценил Суворов арест и содержание в заключении руководителей варшавского восстания: «Они хорошо содержатца, но мой пароль тем не содержан; в нем забытие прежнего — и они вольны. Стыдно России их бояться, ниже остерегатца... Пора им домой»,— писал он Хвостову 17 марта 1795 г. Суворов сознавал, что на границах России возник источник постоянной напряженности,, опасный плацдарм для вторжений с запада. Война 1812 года подтвердила его опасения. Наполеон, играя на национальных чувствах поляков, увлек их в поход на Москву, заставив умирать (как и в Испании) за чуждые им интересы.

Соглашение о третьем разделе Польши было подписано Австрией, Пруссией и Россией 15 (26) октября 1795 г. К этому времени обострились отношения с прусским королем. Получив основную часть польских земель с Варшавой, Фридрих Вильгельм II вероломно заключил сепаратный мир с французами, Он уступил им небольшие прусские владения за Рейном и вышел из игры, резко нарушив соотношение сил в Европе. Пройдет десять лет, и разгромленная наполеоновской империей Пруссия едва не исчезнет с карты Европы, как Польша, как другие государства, уничтоженные диктатором.

Екатерина отчетливо видела перспективы развития международной обстановки и стремилась обезопасить границы России. Так, в 1796 г. она была вынуждена направить в Закавказье значительные силы, чтобы дать отпор захватнической политике персидского правителя Ага Мохаммед-хана, совершившего кровавый набег на Грузию в сентябре 1795 г. Предполагалось, что персидский поход возглавит Суворов, который был отозван из Польши. Императрица устроила торжественную встречу покорителю Варшавы. В некогда принадлежавшем Потемкину Таврическом дворце для Суворова были отведены покои, убранные по приказанию Екатерины в соответствии с его вкусами: все зеркала были завешаны, в гранитной вазе стояла

ледяная вода, на полулежали охапки сена для постели генерал-фельдмаршала. 3 декабря Суворов прибыл в столицу и в тот же день был принят императрицей. За семь месяцев до этой встречи в присутствии Екатерины II состоялось венчание дочери Суворова с братом фаворита Николаем Зубовым. Это был «династический брак». Стареющая императрица стремилась усилить группировку Платона Зубова, в руках которого сосредоточилась огромная власть. Ей казалось, что Платон Александрович вместе со своими братьями способен хотя бы отчасти заменить «незаменимого Потемкина». Военной опорой фаворита должен быть стать Суворов.

Следует отметить одну подробность приезда Суворова в Петербург. Путь лежал через Гродно, где жил лишенный короны король Станислав Август. Там же находилась штаб-квартира князя Репнина. Сопровождавший Суворова подполковник П.Н. Ивашев, отличившийся в польской кампании, доверенное лицо фельдмаршала, оставил воспоминания о проезде Суворова мимо Гродно в столицу.

«Фельдмаршал узнал на станции о приготовленной для него... встрече, приказал мне ехать вперед, отклонить все приуготовленные ему почести и явиться от его имени князю Репнину с извинениями, что от сильной боли в ноге он не в состоянии иметь честь быть у него... Репнин отпускает меня с видом сожаления, что фельдмаршал не удостоил его посетить и принять его рапорт, сказав; «Доложите, мой друг, графу Александру Васильевичу, что я старик, двое суток не раздевался, вот как видите, во ожидании иметь честь его встретить с моим рапортом». На 7 версте за Гродно я достиг фельдмаршала. Слова князя Репнина поколебали было его чувствительность, долго размышлял он, не возвратиться ли назад, наконец решился продолжать путь, сказав: «Князь Репнин упражнялся больше в дипломатических изворотах; солдатского мало» [217].

Как ни неприятен был Суворову Репнин, он не захотел унизить убеленного сединами генерала, начавшего служить после него, но обошедшего его в чинах и всю жизнь бывшего «старшим».

После бесед с императрицей и Зубовым Суворов отказался от предложения возглавить Персидский поход, считая, что главная опасность надвигается с запада. Он отправился в Тульчин и возглавил крупную группировку войск, дислоцированных на юге. По дороге он навестил Румянцева, жившего в своем имении Ташань под Киевом. Сохранилось воспоминание П. Г. Корицкого, много лет служившего у Суворова старшим адъютантом. Не доезжая имения старого фельдмаршала, Суворов приказал остановиться и стал совещаться со своими адъютантами: «может

ли он теперь подъехать к крыльцу графского дома, чего прежде из уважения к нему не делал. Все чиновники единогласно объявили ему свое мнение, что теперь имеет он на то полное право, как равный чином. Суворов, возражая, говорил о старшинстве Румянцева, о известности заслуг его и, наконец, будто преклонившись на общее мнение, сказал: «Смотрите же, смотрите, чтобы вы не ввели меня в беду». Экипажи тронулись. Но вскоре подле самых ворот Суворов снова приказал остановиться, вышел из экипажа и проследовал к дому в полной парадной форме, со шляпой на сгибе руки. Красноречивая сцена, свидетельствующая о той почтительности, которую в течение всей жизни испытывал к Румянцеву его гениальный ученик.

В эти самые дни встречи двух маститых русских полководцев в Ниццу прибывает новый командующий Итальянской армией Наполеон Бонапарт со своим начальником штаба Луи Александром Бертье, — 9 апреля (29 марта) 1796 г. начинается знаменитый Итальянский поход генерала Бонапарта. В течение двух недель разгромлены и выведены из борьбы союзники австрийцев — пьемонтцы. Через месяц после начала кампании французы, разбив австрийцев, вступают в Милан. В их руках оказалась вся Ломбардия — богатейшая область Италии, подвергшаяся разграблению. Австрийцы бросают в Северную Италию новые войска, но их ждет поражение. Французские армии генералов Моро и Журдана успешно действуют на Рейне.

Суворов пристально следит за событиями в Европе, готовит войска к походу на помощь австрийцам. В окончательно отредактированный «Вахт-парад» (позднее названный публикатором М. Антоновским «Наукой побеждать») Суворов вносит слова о «безбожных, ветреных, сумасбродных французишках», которые «воюют на немцев и иных колоннами. Естьли бы нам случилось против их, то надобно нам их бить колоннами ж».

Обязательным этапом боевой подготовки войск становятся сквозные атаки конницы против пехоты, пехоты против пехоты и конницы, отработанные на практике в 1794—1795 гг. 12 августа 1796 г., через две с половиной недели после разгрома австрийцев Бонапартом при Кастильоне, Суворов в рапорте Екатерине прямо ставит вопрос о походе в Европу. «Карманиольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг и на Вислу. Союзный Король Прусский, помирившийся с ними против трактата 1792-го года, для своих выгод им туда, особливо чрез Саксонию, может быть, препятствовать не будет. Всемилостивейшая Государыня! Я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их предварить...»

Австро-английская дипломатия прилагает большие усилия, чтобы привлечь Россию к активным военным действиям. «Когда в 1795 году был заключен союз России, Австрии и Англии и у Екатерины созрел план отправить против Франции армию А. В. Суворова, то главную цель его похода царица видела не в восстановлении всех прежних порядков во Франции, а в прекращении ее завоеваний и сохранении европейского равновесия,— отмечает советский историк академик А. Л. Нарочницкий.— В инструкции (разумеется секретной) посланнику в Вене А. К. Разумовскому указывалось: «Сегодня дело заключается в том, чтобы реорганизовать коалицию на других принципах, чем первую, поставив перед нею в виде единственной задачи — задачу принудить французов прекратить свои нашествия, отказаться от побед и вернуться к прежним границам». Екатерина и ее советники считали необходимым помешать Франции подчинить себе итальянские и германские государства и не допустить враждебной России системы государств из Швеции, Пруссии, Австрии, итальянских государств и Турции, которые все могли бы оказаться под влиянием французской республики» [218].

«Турецкая Ваша война..,— читаем мы в письме Суворова Хвостову от 29 августа. — Нет, а принятца за корень, бить французов... От них она родитца; когда они будут в Польше, тогда они будут тысяч 200-300. Варшавою дали хлыст в руки Прусскому Королю, у него тысяч 100. Сочтите турков (благодать Божия со Швециею): России выходит иметь до полумиллиона; ныне же когда французов искать в немецкой земле надобно, на все сии войны только половину сего». Это предвидение Суворова гениально: в 1812 г. император Наполеон, подчинив себе почти всю Европу, двинул в русский поход «Великую армию» — более 500 тысяч человек.

В сентябре австрийцы терпят новое поражение — при Арколе. Суворов откликается на эту победу письмом племяннику князю Алексею Горчакову: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун!.. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальника, как он уже разрубил Гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему ведома неодолимая сила натиска — более не надобно. Сопротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным; а у него военный совет в голове... Меж тем, покуда мир Европейский и тактика обновляются, я цепенею в постыдном бездействии, я изнемогаю под бременем жизни праздной и бесполезной».

Письмо заканчивается поразительным пророчеством: «Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли — он погибнет».

В это же самое время Екатерина посылает письмо в Вену. «Когда же явится этот Цезарь?— спрашивает она принца Де Линь. — О, он явится, не сомневайтесь, и Франция, послушная и тихая, как ягненок, подчинится его власти». [219] 20 октября она сообщает о своем решении барону Гримму: «Прусский Король вооружается. Против кого? Против меня. В угоду кому? Цареубийцам, друзьям своим, на которых ему нельзя ни в чем положиться. Если этими вооружениями думают отвлечь меня и остановить поход моих войск под предводительством фельдмаршала Суворова, то очень ошибаются...» [220].

6 ноября 1796 г. императрица скоропостижно скончалась от кровоизлияния в мозг. На престол вступил сорокадвухлетний Павел I.

24 ноября Суворов делится своими предчувствиями с Хвостовым: «Сей день печальный! Я отправлял... после заутрени без собрания один в алтаре на коленях с слезами. Неблагодарный усопшему Государю будет неблагодарен царствующему. Среди гонения К[нязя] Пл[ато]на в Херсоне я ходил на гроб К[нязя] Г Григория] Александровича Потемк[ина], помня его одни благодеяния...»

Оставим в стороне упоминания о «гонениях князя Платона». Суворов смотрел на Зубова как на мальчишку и обращался со своим родственником, державшим в руках огромную власть, довольно бесцеремонно. Но признание о поклонении гробу Потемкина — это ли не крик души в тяжелую минуту жизни. Ведь Суворов знает, что наступают страшные врема — времена деспота на троне!

15 декабря император присылает Суворову милостивый рескрипт. «Граф Александр Васильевич! Не беспокойтесь по делу Вронского. Я велел комиссии рассмотреть, его же употребить. Что прежде было, того не воротить. Commen-fons de nouveau . (*Начнем сначала [франц.]*). Кто старое помянет, тому глаз вон, у иных и без того по одному глазу было.

Поздравляю с Новым годом и зову приехать к Москве, к коронации, естли тебе можно.

Прощай, не забывай старых друзей.

Павел

Приведи своих в мой порядок, пожалуй» [221].

Дело Вронского, связанное с денежными злоупотреблениями

провиантских чиновников в Варшаве, действительно причиняло Суворову много хлопот и вызывало его раздражение против Зубовых, не желавших помочь в скором его разрешении. Павел делает красивый жест, но Суворов не принимает намека императора на свои взаимоотношения с Потемкиным («у иных, правда, и без того по одному глазу было»). Он понимает, ради чего написано письмо «старого друга»: главное заключено в приписке: «Приведи своих в мой порядок».

Суворов видел этот «порядок» двенадцать лет назад во время посещения Гатчины. Наследник престола продемонстрировал ему свое воинство, одетое и вымуштрованное по прусским образцам. В четырех словах Суворов выразил суть характера гатчинского хозяина: «Prince adorable, despote implacable» — «Принц восхитительный, деспот неумолимый». И этот засидевшийся в наследниках фанатичный поклонник прусской муштры, прусской формы, прусского шага предлагает ему -— лучшему полководцу Европы — отказаться от всего, что было создано им вместе с Румянцевым и Потемкиным за последние четверть века!

«Нет вшивее пруссаков. Лаузер, или вшивень, назывался их плащ. В шильтгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты и первая докука ныне солдат — штиблеты: гной ногам... Карейные казармы, где ночью запираться будут, — тюрьма. Прежде [солдаты] делили провиант с обывателями, их питомцами...

Мою тактику прусские принимают, а старую протухлую оставляют; от сего французы их били...

Я — лутче Прусского покойного великого короля; я милостью Божиею батальи не проигрывал... Милосердие покрывает строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании здоровья [солдат], истинного искусства, благонравия: милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством. Гражданские доблести не заменят жестокость в войсках,.. Солдаты, сколько ни веселю,— унылы и разводы скучны. Шаг мой уменьшен в три четверти, и тако на неприятеля вместо 40—30 верст...

Французы заняли лучшее от нас, мы теряем: карманьольцы бьют немцев, от скуки будут бить русских, как немцев...»

Мы выбрали отрывки из писем Суворова Хвостову, из его записок — «мыслей вслух» — за первую половину января 1797 г. Приговор полководца однозначен и не оставляет других толкованний — «не русские преображения!» Всем своим существом военного человека, всем опытом своей полувековой

службы Родине он ощущает страшную угрозу, нависшую над Отечеством: «Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно». Аустерлицким разгромом, пожаром Москвы заплатила Россия за гатчинские преобразования, отбросившие русское военное искусство на десятилетия назад.

Историки обходят тот факт, что воцарение Павла было совершено в результате государственного переворота. Ведь еще летом 1796 г. Екатерина составила завещание, в котором власть передавалась любимому внуку императрицы Александру. Суворов вместе с Румянцевым, Безбородко, Орловым Чесменским, Платоном Зубовым, Н. И, Салтыковым, митрополитом Санкт-Петербургским и Новгордским Гавриилом подписал завещание в качестве свидетеля. Екатерина лично беседовала с великим князем Александром Павловичем и получила от него согласие. Смерть императрицы произошла незадолго до официального объявления в церквах и присутственных местах манифеста об отстранении Павла Петровича по причине тяжелой душевной болезни от престолонаследия и замене его Александром. Есть свидетельства, что после внезапного удара, постигшего Екатерину утром 5 ноября, Безбородко огласил завещание собравшимся во дворце. Но он не проявил настойчивости и, кроме Орлова, не был поддержан Салтыковым и Гавриилом. «Сильный человек» Зубов находился в состоянии прострации. Когда Павлу доложили о присланном курьером в Гатчину Николае Зубове, он страшно перепугался, решив, что брат фаворита приехал арестовать его, и успокоился лишь тогда, когда курьер от Н.И. Салтыкова привез ему благоприятные новости. Сломя голову, Павел поскакал в Петербург. За ним спешно двинулись его гатчинские войска. Аракчеев был немедленно назначен комендантом города. Из Риги вызван Репнин. Безбородко выдал завещание Павлу и тот сжег его, не читая. Но, надо полагать, подозрительный Павел Петрович знал о расстановке сил. Он заставил Орлова нести императорские регалии во время нелепой церемонии перезахоронения останков Петра III. Срывающимся от волнения голосом он (в присутствии придворных, оплакивавших только что испустившую дух Екатерину) потребовал от Александра Павловича поклясться в том, что тот не покусится на жизнь отца. Император нанес визит Зубову и заверил его в своей дружбе. Он осыпал милостями Безбородко, пожаловал фельдмаршалами Репнина, Салтыковых, Чернышева, затем (при коронации) Каменского, Мусина-Пушкина, Эльмпта, француза Броглио. Но он «забыл» Румянцева и Суворова — самых заслуженных полководцев России, в руках которых находились значительные воинские силы. Император

спешил понизить их вес и влияние в армии. Он сразу ввел новый устав — ухудшенный перевод с прусского, согласно которому фельдмаршалы были поставлены в общий генералитет. Он послал в войска «инспекторов» — своих личных представителей, которые фактически отстранили командиров от власти.

8 декабря умирает Румянцев. Умирает после удара, вызванного приездом фельдегеря из Петербурга. Суворов потрясен. «Ваше Сиятельство потеряли отца, а Отечество героя!— пишет он сыну фельдмаршала графу Николаю Петровичу.— Я ж равно Вам в нем отца теряю...». Он сознает, что остался один и что на его плечи ложится ответственность за судьбу русской военной школы.

Уже 20 декабря следует первый выпад Павла против Суворова — отмена собственного повеления о назначении его шефом Суздальского пехотного полка. Затем один за другим следуют выговоры: за посылку офицеров курьерами, за увольнение их в отпуск без разрешения императора, за аттестование их на производство в чины.

«Сколь же строго, Государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю прослугу! Казнен я тобою стабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, Государь, только власть Высочайшего указа 1762 году»,— пишет Суворов 11 января. У него уже созрело решение — воспользоваться указом о вольности дворянства и проситься в отставку. Но он не может бросить дело всей своей жизни. Он знает, что на него смотрят тысячи глаз: как поведет себя в трудную для Отечества пору самый прославленный полководец И он подает рапорт об увольнении в годичный отпуск. Следует отказ, затем требование немедленно отправиться в Санкт-Петербург» Суворов подает прошение об отставке. Оно не обнаружено. Но содержание прошения известно. В приказе, отданном императором при пароле 6 февраля 1797 г., говорилось: « Фельдмаршал граф Суворов отнесся к Его Императорскому Величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы» [222].

Вот и конец славной беспорочной службы. Поход в Европу не состоялся. Остановить французов в «немецких землях» не удалось. Из Северной Италии идут тревожные вести, 14-15 (3-4) января австрийцы терпят тяжелое поражение в битве при Риволи. Через русского посла в Вене графа А. К. Разумовского Суворов поддерживает отношения с австрийским генералитетом, дает советы, как вести борьбу с молодыми французскими полководцами.

«Бонапарте концентрируется. Гоф-кригс-рехт (*Hoffkriegsraht (нем.) — высший военный совет*) его мудро охватывает от полюса до экватора. Славное делает раздробление, ослабевая массу. Не только новые, но и старые войски штык не разумеют... не надобно по артиллерии строиться, а бить просто вперед... О, хорошо, ежели б это при случаях внушали»,— пишет он 27 февраля 1797 г. Все его мрачные предсказания сбываются: австрийский фельдмаршал Д. 3. Вурмзер сдается на капитуляцию вместе с гарнизоном крепости Мантуя. Вся Северная Италия завоевана Бонапартом. «Я команду здал. Как сельский дворянин еду в Кобринские деревни...»,— заканчивает письмо Суворов, не подозревая, что его ждут новые испытания.

22 апреля в Кобрин прискакал отставной коллежский асессор Ю. А. Николев с предписанием императора: «Ехать вам в Кобрин или другое местопребывание Суворова, откуда его привезть в ровицкие его деревни, где и препоручить Вындомскому (боровичскому городничему.— В. Л.), а в случае надобности требовать помощи от всякого начальства». Утром 23 апреля фельдмаршала увозят, даже не позволив ему сделать распоряжений по имению. 12 мая петербургский генерал-губернатор Н. П. Архаров рапортует императору о доставлении Суворова 5 числа в Боровичи и водворении его в селе кончанском, расположенном в лесной глуши на границе Новгородской и Тверской губерний. Началась «кончанская ссылка», длившаяся почти два года. Это была настоящая опала. Присланный с тайной инструкцией императора Николев доносит о каждом шаге Суворова. Полководцу запрещают ездить в гости к соседям. Появляющихся в округе офицеров арестовывают и доставляют в Петербург на допрос к Павлу. По повелению императора дан ход «делам», связанным с денежными расчетами периода польской кампании. В нарушение закона Суворову вменяют «иски» на огромную сумму — 150 000 рублей. Полководца умышленно разоряют, пытаясь добиться покорности. Борьба Суворова против опруссачива-ния армии вызывает горячее сочувствие в обществе. Державин в послании «На возвращение графа Зубова из Персии» прямо указывает на пример Суворова, мужественно переносящего опалу и ссылку:

Смотри, как в ясный день, как в буре,
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним!— небес в лазуре
Еще горит его звезда.

Современники не забыли и роли Репнина в гонениях на

Суворова. Сделавшись самым близким сотрудником императора, князь Николай Васильевич рьяно принялся за переделку армии на прусский лад. «Репнин,— читаем мы в «Записках» барона Карла фон Гейкинга (крупного чиновника, ведавшего религиозными делами инородцев), всегда старался унизить достоинства Суворова, не любимого Павлом и отставленного от службы за то, что осмелился выразить мнение, будто можно выигрывать сражения, не обременяя солдат крагами, косою и пудрою... Репнин же увлекся в отношении к этому известному генералу до таких низостей, что мне и говорить о них не хочется» [223].

Близкая ко двору графиня В. Н. Головина вспоминает, как весной 1797 г. служивший на юге граф М.П. Румянцев (старший сын полководца) «написал князю Репнину, будто фельдмаршал (Суворов.— В.Л.) волновал умы, и дал понять, что готовится бунт. Князь Репнин чувствовал всю лживость этого известия, но не мог отказать себе в удовольствии подслужиться и повредить фельдмаршалу, заслугам которого он завидовал. Поэтому он сообщил письмо графа Румянцева графу Растопчину. Этот последний представил ему, насколько было опасно возбуждать резкий характер императора, доводы его не произвели, однако, никакого впечатления на князя Репнина, он сам доложил письмо Румянцева его величеству, и Суворов подвергся ссылке» [224].

Странное дело: и до революции, и особенно после — Новикову и Радищеву были посвящены десятки публикаций, а широкий протест военных кругов против антинациональной политики Павла оказался вне поля зрения отечественных историков. Редчайшее исключение представляет обстоятельное исследование Т.Г. Снытко, затерявшееся среди журнальных публикаций 50-х годов нашего века и практически неизвестное читателям. На основании сохранившихся материалов секретнейшего расследования об офицерском заговоре, направленном против опруссачивания армии, исследователь показала, что уже в начале 1797 г. полковник Александр Михайлович Каховский, герой Очакова и Праги, пользовавшийся доверием Суворова, предложил ему поднять армию против засевших в Петербурге гатчинцев. «Государь хочет все по-прусски в России учредить и даже переменить закон»,— приводит слова Каховского арестованный и допрошенный капитан В. С. Кряжев. Патриотически настроенные офицеры считали, что надо «восстав против государя, идти далее... на Петербург» [225]. А вот свидетельство другого участника заговора — будущего героя Отечественной войны 1812 года Алексея Петровича Ермолова (брата Каховского по матери): «Однажды, говоря об императоре Павле, он (Каховский. — В.Л.) сказал Суворову: «Удивляюсь вам

граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время, как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу?» Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому. «Молчи, молчи,— сказал он, — не могу. Кровь сограждан!» [226] Великий полководец и гражданин предпочел ссылку братоубийственной войне. Он не мог увести армию с юга и отдать туркам все, ради чего воевали поколения русских людей. Но Суворов не выдал Каховского.

Вместе с фельдмаршалом подали в отставку почти два десятка офицеров его штаба и последовали за ним в Кобрин. Очевидно, эта демонстрация напугала императора. Суворов был сослан в Кончанское, его офицеры — арестованы и брошены в киевскую крепость. Каховский же создал некое подобие тайной организации, имевшей ответвления в Смоленске, Дорогобуже и некоторых воинских частях. Заговор был разгромлен в 1798 г. Офицеры были приговорены к ссылке. Наиболее активные участники заговора (Каховский, Кряжев и другие — всего более двадцати человек) были лишены чинов и дворянства и заточены бессрочно по различным крепостям. Они получили амнистию лишь после воцарения Александра I. За четыре с половиной года павловского царствования, которое современники сравнивали с якобинским террором, было уволено, отставлено, «выкинуто» из службы 333 генерала и 2261 офицер» — «цифры огромные», отмечает русский военный историк профессор П.С. Лебедев [227], особенно если принять во внимание тогдашнюю численность русской армии, не превышавшей 390 тысяч человек. Это был разгром офицерского корпуса, имевшего бесценный боевой опыт.

«Он легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери,— писал о павловских преобразованиях Н. М. Карамзин,— умертвил в наших полках благородный дух воинский, воспитанный Екатериной, и заменил его духом капральства; героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил дворянство от военной службы» [228].

«Я из вас потемкинский дух вышибу!» — кричал император. И вышибал — жестокой муштрой, палочной дисциплиной, парадоманией, изнурением солдат. Павел снова одел армию в неудобные прусские мундиры и треугольные шляпы, восстановил парики, букли, пудру, косы и «пропасть вещей, солдатский век сокращающих». Внешняя сторона армейской службы снова подавила внутреннюю. И если Суворов выступил против гатчинских преобразований, то потому, что потемкинский дух был и его — суворовским духом — русским духом нашей армии. На всю страну, и за ее пределами разнеслись стихи Суворова,

разившие гатчинцев, словно картечь:

Пудра не порох.
Букли не пушки.
Коса не тесак.
Я не немец, а природный русак!

Кончанского нет в длинном списке выигранных Суворовым баталий. Но здесь он одержал одну из самых выдающихся своих побед — нравственную победу над силами разрушения. Не Суворов, а Павел был вынужден уступить. Напуганный широкой оппозицией всех слоев общества, он уже в феврале 1798 г. распорядился снять надзор за опальным фельдмаршалом и пригласил его в столицу. Суворов приехал в Петербург, но на все предложения императора поступить на службу ответил отказом. Фельдмаршал требовал восстановления отнятых Павлом прав и демонстративно возвратился в Кончанское. Через год император спешно вызвал его в Петербург. Начиналась война против Франции, захватившей значительную часть Европы. Союзники России Англия и Австрия настояли на том, чтобы армию в Северной Италии возглавил прославленный русский полководец. Прощаясь с Суворовым, Павел сказал: «Воюй, как умеешь», признав правоту гонимого им фельдмаршала.

И Суворов показал, как надо воевать. Итальянский и Швейцарский походы прославили русское оружие. Имя освободителя Италии от ига французов гремело в Европе. Особой популярностью пользовался русский герой в Англии. В ознаменование выдающихся заслуг Суворова Павел возвел его в княжеское достоинство и пожаловал ему чин генералиссимуса всех войск российских. Но когда тяжело больной полководец отправился в Петербург, император нанес герою внезапный удар. Вместо торжественной встречи с царскими почестями, мысль о которой давала силы старому воину, боровшемуся со смертельным недугом, последовала опала. «Суворов не приехал, а его привезли в Петербург, — вспоминал А. М. Тургенев, — что-то удерживало еще бросить его в Петропавловскую крепость, но в доме, для него приготовленном, граф Рымникский князь Италийский жил не веселее казематного — к нему не смел никто приезжать» [229]. Так отплатил гатчинский капрал полководцу, прославившему Россию. 6 мая Суворов умер в доме Хвостова в Петербурге, на Крюковом канале. Умер со словами: «Генуя... Сражение... Вперед!» Кампания 1799 г. осталась незавершенной. Интриги политиков не позволили полководцу закончить войну в Париже и восстановить европейское равновесие.

Кто знает, если бы Суворову удалось выполнить свой план, народы Европы возможно были бы избавлены от полутора десятилетий наполеоновских воин, оплаченных миллионными жертвами.

12 мая Петербург хоронил Суворова. Хоронил как национального героя. Потрясенный смертью и похоронами Суворова Державин откликнулся одним из самых задушевных своих стихотворений — знаменитым «Снигирем»:

Что ты заводишь песнь военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиенну?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом.
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?
Нет теперь в свете мужа столь славна;
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львинова сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами!— что воевать?

Это стихотворение впервые увидело свет в 1805 г. без имени автора. Лишь через шестьдесят один год напечатан другой стихотворный отклик Державина на смерть Суворова, в котором венценосный гонитель героя прямо назван тираном.

Заключение

Памятная медаль в честь побед Суворова. Художник К. Леберехт. 1791 г.

Век просвещения заканчивался бурно. Не успели отгреметь залпы прощального салюта над могилой Суворова, как из Италии пришла весть о разгроме австрийцев при Маренго первым консулом Французской республики Наполеоном Бонапартом. Российский император Павел неожиданно пошел на сближение с диктатором Франции и стал готовиться к совместному походу в Индию. В разгар подготовки этой безумной авантюры Павел был убит офицерами-заговорщиками. Через три года Наполеон провозгласил себя императором французов. В новой войне Россия в коалиции с Англией, Австрией, Швецией и Неаполитанским королевством выступила против захватнической политики Наполеона в Европе. Скоротечная кампания 1805г. начинается окружением и капитуляцией австрийской армии при Ульме, а заканчивается катастрофой при Аустерлице. Русские войска терпят тяжелое поражение. Австрия выбита из борьбы. Через год наступает черед Пруссии. В молниеносной кампании хваленая прусская армия, взятая за образец покойным российским императором, подверглась полному разгрому. Сражения идут вблизи от русских границ. Наконец, в 1807г. изнуренные борьбой соперники заключают Тильзитский мир. Наполеон намеревался стереть Пруссию с карты Европы, но уступил просьбам своего союзника — Александра. Потерявшая большую часть своих владений Пруссия переходит в разряд второстепенных

государств. Сбылись предсказания Суворова, сделанные им после погубленной политиками кампании 1799 г.: «Если еще раз начинать войну с Францией, то надобно вести ее хорошо. Если поведут ее худо, то это будет смертельный яд. Тысяча раз лучше ее не предпринимать по прежнему. Всякий, вникнувший в дух революции, был бы преступником, если бы о сем умолчал. Первая большая война с Францией будет и последней» [230].

Пророческие слова. Эгоизм Австрии и двойная игра Великобритании привели к тому, что почти вся континентальная Европа оказалась во власти Наполеона, рассадившего на тронах вассальных государств своих родственников. Прикрытая флотом Англия продолжает борьбу, посылая сухопутные войска на поддержку непокорившихся испанцев. Оккупанты с чудовищной жестокостью подавляют народную партизанскую войну на Пиренеях.

Россия, воспользовавшись передышкой на Западе, в ходе войн со Швецией и Турцией улучшила свои стратегические позиции на севере и на юге. Но угроза вторжения неумолимо надвигается из-за Немана. «Я буду владыкой вселенной,— заявляет достигший зенита могущества Наполеон,— остается только Россия, но я раздавлю ее!»

Русским людям пришлось осознать непривычную истину: увенчанная победами на протяжении последних ста лет русская армия не просто потерпела поражения от французов,— встал вопрос о независимости и государственной целостности России. Наряду с мерами по совершенствованию организации вооруженных сил страны, проведенными в 1806—1811 гг., большое внимание было уделено наследию русской военной школы. В самый канун Отечественной войны одна за другой выходят книги о Румянцеве, Потемкине и, разумеется, о Суворове. Ведь именно ему довелось помериться силами с французами и доказать на полях сражений преимущество русского военного искусства. В упомянутых книгах нет и намека на вражду Потемкина к своему гениальному подчиненному. Так, например, в книге В. Левшина о Потемкине говорилось: «Что касается до Военной части, то нельзя сказать, чтобы он не ревностно исполнял должность президента при Государственной Военной коллегии, ибо он усовершенствовал Российскую армию в внутреннем ее устроении, дисциплине, в оружии и в маневрах. Суворов, находившийся в великом уважении у Потемкина и твердо им поддерживаемый, был в рассуждении сего последователем его правил и остался непобедим» [231].

Эти публикации давали отпор психологическому наступлению, развернутому Наполеоном. Искусно раздуваемые

печатью оккупированной Европы победы императора должны были деморализовать всех, кто попытался бы противостоять самой отлаженной военной машине мира. Напоминание о славных победах Румянцева, Потемкина, Суворова вселяло веру в сердца русских воинов, в рядах которой еще служили ветераны, помнившие Очаков, Рымник, Измаил, Прагу, Треббию, Нови. Потемкинскую и суворовскую школу прошли такие известные военачальники, как Багратион, Раевский, казачий атаман Платов и многие другие генералы и офицеры. Наконец, далеко не случайно в самый тяжелый момент войны во главе армии по требованию общественного мнения был поставлен Кутузов —

> Маститый страж страны державной,
> Смиритель всех ее врагов,
> Сей остальной из стаи славной
> Екатерининских орлов [232].

История вынесла свой приговор в 1812 г.: русский народ и его армия разгромили завоевателя, слывшего непобедимым, спасли народы Западной Европы от наполеоновской тирании. С подъемом патриотического чувства связывались надежды на коренные реформы России и прежде всего на отмену крепостного права.

Но император Александр не воспользовался благоприятным моментом. С оглядкой он провел освобождение крестьян в остзейских губерниях и остановился. Сказались непомерные международные обязательства, взятые от имени России в посленаполеоновской Европе: заботы «Священного союза», устройство «Царства польского» отвлекали силы и внимание от коренных преобразований дома. Парализовав деятельность реформаторов, Александр I по сути дела спровоцировал активность радикальных элементов среди дворянства.

Восстание декабристов вызвало ответную волну реакции и заставило правительство Николая I, понимавшего необходимость отмены крепостного права, прибегнуть к охранительным мерам. Крестьянская реформа прорабатывалась в глубокой тайне специальным комитетом без участия общественности. Торжество реакции надолго определило отношение правящих кругов к армии. Еще Александр I начал насаждать муштру и палочную дисциплину, как средство подтянуть военных, «избаловавшихся» за границей. Лучшие офицеры и генералы пытались противостоять новому натиску гатчинцев. Знаменитый генерал М.Ф. Орлов, подписавший от имени русского царя акт капитуляции Парижа, в приказе по 16-ой пехотной дивизии

писал: «Обратимся к нашей военной истории: Суворов, Румянцев, Потемкин, все люди, приобревшие себе и отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись об их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной исправности, все погибли или погибнут» [233]. Вскоре Орлову, как многим другим заслуженным героям Отечественной войны пришлось покинуть армию. На их место выдвигались фрунтовики, солдафоны — ведь Александр Павлович, как и его преемник Николай Павлович, были гатчинцами, ставившими форму выше духа. Отказаться от Суворова — символа непобедимости русской армии — было невозможно. Но невозможно было принять созданную им вместе с Румянцевым и Потемкиным систему обучения, воспитания и боевого использования войск, основанную на широком почине каждого солдата и офицера. Поэтому в новых жизнеописаниях Суворова наметилась тенденция приглушить конфликт полководца с гатчинцами, с Павлом I, и, напротив, раздуть вымышленную вражду к нему Потемкина и даже Румянцева.

Окончательно версия о завистливом враге Суворова — «всесильном временщике» Потемкине сложилась в 40-е годы под бойким пером Полевого. Искусно драматизировав очаковскую размолвку, Полевой подхватил и обыграл версию о столкновении Суворова с Потемкиным после Измаила — анекдот, впервые рассказанный через 25 лет после самой встречи в Яссах. Зато конфликт с Павлом, закончившийся опалой и ссылкой, был подан в высшей степени дипломатично. «Пылкий в гневе, но великодушный» император «по-царски умел сознаваться в ошибках,.. Несколько слов его с Суворовым в одно мгновение могли разрушить все коварные умыслы врагов»,— пишет Полевой, рассказывая о кончанской ссылке.

А вот как подается возвращение опального полководца из Новгородской глуши в Петербург: «Царь-рыцарь... милостью и ласкою будто хотел наградить Суворова за претерпенные им страдания». И, наконец, последняя опала, ускорившая смерть Суворова: «Сердце царево в руце Божией»,— говорил мудрый царепевец. Не смеем разгадывать, какие причины внезапно изменили милости и благорасположение императора Павла. Не было ли здесь тайного умысла врагов, клеветавших на великого человека» [234].

Пристрастный тон Полевого очевиден. Не случайно в своей «Истории Суворова» Полевой не решился привести письмо Александра Васильевича Попову со словами: «Долгий век Князю Григорию Александровичу!.. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»

Письмо, отысканное и опубликованное самим же Полевым десятью годами раньше [235].

Разумеется, полностью исказить роль Потемкина в отечественной истории было невозможно. Его значение для юга России было неоспоримо, что прекрасно понимало большинство образованных русских людей. В 1836 г. в Херсоне был открыт памятник Потемкину, изваянный знаменитым И. П. Мартосом. На страницах журналов нередко появлялись письма и документы князя Таврического, его переписка с Суворовым и другими деятелями екатерининского века. Были и попытки создать биографии Екатерины II, Потемкина, Румянцева, Суворова. Но все эти попытки носили наивный характер, соответствующий уровню развития исторической науки.

Пробелы нашей истории заполнялись иностранными авторами. Не без участия таких сочинителей, как Ж. Кастера, К. Массон, уже упоминавшийся Гельбиг, европейский мир знакомился с екатерининским веком. Большинство этих «знатоков» писали с определенными политическими целями: ослабить влияние нашей страны на международные дела. Вершители политических судеб Европы и прежде всего Англия старались после сокрушения наполеоновской империи понизить роль и влияние самой сильной державы континента. Не случайно в трудах западноевропейских историков создается версия об агрессивности России, ее угрозе Европе, о враждебности русских просвещению и прогрессу. Так, например, еще Кастера описывал в своем многотомном «труде», посвященном разбору царствования Екатерины, как Суворов в Первую турецкую войну бросился в ряды янычар, убил несколько человек, отрезал им головы, наполнил головами мешок, который высыпал у ног своего начальника.

Потемкину доставалось не меньше, а даже больше, пропорционально его вкладу в укрепление могущества России. В памфлете «Пансалвин князь Тьмы», увидевшем свет в Германии в 1794 г., злому гению добродетельной императрицы Миранды (Екатерины) Пансалвину (Потемкину) все же отдавалось должное как коварному, но умному, деятельному и необыкновенно удачливому соправителю. В других зарубежных изданиях князь Тавриды чаще изображался ловким придворным, сибаритом, грабившим миллионы, отпускаемые ему на строительство городов и флота. Русские историки и публицисты давали отпор фантастическим вымыслам иностранцев, но делали это большей частью в виде журнальных статей, которые мало кто читал дома, а тем более за рубежом [236].

Охранительный курс, запаздывание с отменой крепостного

права и другими реформами привели страну к тяжелому кризису. Крымская война обнажила пороки застоя. Последовавшая за Крымской войной эпоха реформ вызвала небывалый общественный подъем. Одним из проявлений этого подъема стал всеобщий интерес к истории. «Без истории теперь, как и во всякое переходное время, нет спасения»,— писал молодой В. О. Ключевский. Создается Русское историческое общество. Появляются новые исторические журналы, на страницах которых оживают письма, документы, дневники, воспоминания, долгие годы лежавшие под спудом. С.М. Соловьев начинает выпускать том за томом свою «Историю России», которую он мечтал довести до конца екатерининского царствования. К сожалению, историк умер в разгар работы, успев рассказать лишь о Первой русско-турецкой войне и начале возвышения Потемкина. Наряду с императрицей Потемкин и Суворов занимают главные места в журнальных публикациях о «веке Екатерины». Профессор Николаевской академии Генерального штаба П.С. Лебедев в своей работе «Преобразователи русского войска в царствование императора Павла» [237], подчеркивает выдающуюся роль Румянцева, Потемкина и Суворова в создании русской военной школы. Здесь же были опубликованы письма Суворова Хвостову с уничтожающей критикой павловских преобразований армии на прусский лад. Впервые отрывки из этих писем увидели свет еще в 50-е годы XIX в. в классическом труде Д.А. Милютина, посвященном войне 1799 г. В журнале «Русская старина» в нескольких номерах за 1876 г. публикуется переписка Екатерины с Потемкиным, относящаяся главным образом к войне 1787—1791 гг. Издатель «Русской старины» М.И. Семевский создает журнальную биографию Потемкина, вводя в научный оборот много новых документов. Неоценимую работу по воссозданию подлинного облика Екатерины Великой и ее гениального соправителя проделал издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, впервые опубликовавший сведения о тайном браке императрицы и Потемкина. Хотя некоторые важные источники (как, например, «Записки» Екатерины II) оставались под запретом и были известны только в редких списках и по зарубежным публикациям, в научный оборот был введен такой обширный материал, что его вполне хватало для создания монографий и о Екатерине и о ее сподвижниках. К сожалению, русские историки не смогли решить этой задачи.

Суворову повезло больше. Как уже отмечалось, трехтомная монография А. Ф. Петрушевского, увидевшая свет в начале 80-х годов XIX в. получила широкое научное признание: была удостоена одной из высших академических наград —

Макариевской премии. Но Петрушевский создал искаженный образ Потемкина, представив его малоспособным полководцем и гонителем Суворова. Между тем в начале 90-х годов русские военные историки Д. Ф. Масловский и Н. Ф. Дубровин издали 4 тома документов Потемкина, относящихся к войне 1787—1791 гг. и убедительно показали, что именно он являлся подлинным руководителем победоносной войны, развернувшейся на огромном пространстве от Кавказа до Дуная. В свете этих выводов Петрушевский был вынужден во 2-м издании своего труда снять некоторые из наиболее одиозных обвинений Потемкина, но так и не сумел до конца преодолеть сложившегося стереотипа, закрепив своей талантливо написанной книгой легенду о враждебных отношениях двух гениальных русских людей.

Только в 1905 г. в Русском биографическом словаре наконец появилась большая статья А. Ловягина, отдавшая должное Потемкину. Редакция издания, которое осуществлялось Русским историческим обществом, сопроводила статью специальным примечанием. «В галерее сподвижников Великой императрицы,— говорилось там,— портрет Г.А. Потемкина имеет, кажется наименее сходства с оригиналом. Блеск положения случайного человека затмил в глазах современников государственного деятеля... Только в последнее время, благодаря развитию у нас исторической науки и интереса к ней среди читателей, мало-помалу начинают отставать густо наложенные на изображение Потемкина краски и из-под них выступает более правдивый и интересный облик. Теперь мы можем положительно сказать, что Потемкин был не временщиком только, но одним из наиболее видных и благородных представителей Екатерининского царствования; что, хотя и не чуждый недостатков и пороков своего времени, он во многих отношениях стоял выше своих современников и поэтому не мог быть понят и оценен ими по достоинству... Подталкиваемый ежеминутно заботами о государственной пользе (желанием угодить Императрице, говорили современники), Потемкин всю жизнь неутомимо трудился и работал, и в этом отношении мог бы служить примером и образцом не только современникам, но и потомству... Он умирает, и вот она (Екатерина II.— В.Л.) восклицает в порыве отчаяния: «Теперь вся тяжесть правления лежит на мне одной!» Эти слова Великой Государыни, очевидно, имели в виду не временщика, а друга и сподвижника, с которым ее соединяла прежде всего общая любовь к России и забота о ее благе».

Казалось бы, за такой оценкой последует создание монографии о выдающемся государственном и военном деятеле России. Тем более, что после событий 1905 г. многие цензурные

ограничения были сняты и российский читатель получил возможность познакомиться с «Записками Екатерины II», и со многими другими тайнами отечественной истории, известными лишь по зарубежным публикациям. Но вместо монографии о Потемкине и Екатерине пришлось довольствоваться переводами сочинений Казимира Валишевского, польского историка, писавшего на французском языке.

В серии книг по истории России, изданных в конце XIX в. и пользовавшихся популярностью во Франции и других странах, Валишевский посвятил Екатерине две работы — «Роман императрицы» и «Вокруг трона». Автор хорошо знал западноевропейскую литературу, трудился в архивах Австрии, Франции, Пруссии. Его изложение событий столь занимательно, а характеристики действующих лиц так остроумны, что Бильбасов назвал книги Валишевского романами. В этом комплименте заключался намек на слабую сторону сочинений польско-французского историка. Он плохо знал русскую периодику и совсем не знал русских архивов. Так, например, рассказывая о взаимоотношениях Екатерины и Потемкина, Валишевский пользовался письмами императрицы, изданными в Сборниках Русского исторического общества. Но ответных писем Потемкина, частично опубликованных в русских журналах, он не знал. Не знал Валишевский и того, что в архивах Петербурга и Москвы хранятся 300 писем Потемкина Екатерине. Этим можно в какой-то мере объяснить передержки и грубые ошибки Валишевского в оценках политики России в последней трети XVIII в., непонимание самой отношений, связывающих Екатерину и Потемкина.

Впрочем, Валишевский сознавал ограниченность своих работ. Заканчивая книгу «Вокруг трона», он писал: «Счастливцем будет тот историк, который через сто лет даст историю Екатерины II»,— сказал Вольтер. Я не имел притязания на это счастье: но только пытался открыть путь, по которому — я уверен — пойдут за мной другие».

Это предсказание сбылось, но каким причудливым образом. Революция, совершенная большевиками, не только почти полностью уничтожила интеллектуальную элиту России, но и нанесла сокрушительный удар по исторической памяти народа, его культуре. Были снесены почти все памятники «царям и их слугам». Погиб памятник Потемкину в Херсоне. Были уничтожены памятники Екатерине II, украшавшие многие города Северного Причерноморья. В их композицию, как правило, входило изображение Потемкина. Тяжелые репрессии обрушились на русских историков. Сам предмет истории был упразднен, и целые

поколения вступали в жизнь, лишенные исторической памяти. Но пробил час, и пришлось возвращать историю в школы и университеты. Тяжкие поражения в первые годы Великой Отечественной войны не в последнюю очередь связаны с глумлением над историческим опытом народа, принесенным в жертву социальным утопиям.

В годы грозного нашествия, когда враг стоял у стен Москвы, «великие предки» — Александр Невский и Дмитрий Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов — помогли народу выстоять и победить. Уже после войны было осуществлено многотомное издание документов Суворова, Румянцева, Кутузова и других выдающихся полководцев и флотоводцев, за исключением Потемкина.

Историческая наука медленно восстанавливалась после разгрома, но классовый подход и жесткий идеологический контроль так и не позволили ей достичь дореволюционного уровня. На страницах учебников и в литературе Пугачев, Радищев и Новиков по-прежнему занимали неподобающе видное место, оттесняя на задний план таких выдающихся государственных деятелей, как Екатерина и Потемкин.

Суворов удостоился небывалой чести: его именем были названы военные училища и один из боевых орденов Советского Союза. К сохранившимся с дореволюционных времен памятникам великому русскому полководцу прибавились новые, в том числе в Москве, Тирасполе, Симферополе, Тульчине, Кобрине. Тиражи популярных биографий Суворова достигли нескольких миллионов. Но в тех же самых книгах, посвященных жизни и деятельности действительно замечательного человека, по заведенной традиции (в духе вульгарного социологизма) принижались образы Потемкина и Екатерины II, искажалась их деятельность на благо России.

Между тем, за рубежом интерес к Екатерине и ее гениальному соправителю превышал таковой к Суворову. Только за последние 70 лет в Англии, Германии, Франции, США и других странах вышли десятки монографий о великой императрице. Две капитальные работы о Потемкине увидели свет в 30-е годы нашего века во Франции, одна — в Праге в 1945 г. Ее написал русский историк-эмигрант Ар. Н. Фатеев. В каждой монографии о Екатерине II Потемкину уделялось особое внимание. Зарубежная литература о Суворове скромнее.

Но, как раньше, так и теперь иностранные исследователи вынуждены довольствоваться архивными материалами, введенными в научный оборот главным образом в конце XIX — начале XX в. Работая над комментариями к письмам Суворова,

изданными в 1986 г. в серии «Литературные памятники», я был поражен обилием важнейших архивных документов, не известных науке. Эти материалы (в первую очередь письма Суворова и Потемкина), позволили проследить историю взаимоотношений двух гениальных деятелей екатерининского времени, снять с Потемкина упреки в зависти и во вражде к Суворову. Настоящая работа является продолжением этих исследований.

Новые документы Потемкина позволили дать понятие о масштабе личности и размахе деятельности крупнейшего государственного человека в истории России. Они подкрепили выводы о том, что именно благодаря могучей поддержке Потемкина Суворов сумел развернуть свой выдающийся талант, Потемкин помог своему другу сделаться тем Суворовым, слава которого давно стала национальным достоянием. Рука об руку они трудились на благо России. Их судьбы неразрывны в нашей истории.

Наши предки чувствовали и понимали это. На единственном сохранившемся памятнике Екатерине Великой (открытом в 1873 г. в Петербурге) М. О. Микешин и его помощники изобразили государыню стоящей на высоком пьедестале. Пьедестал окружают бронзовые фигуры Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, А.Г. Орлова, В.Я. Чичагова, А.А. Безбородко, И.И. Бецкого, Е.Р. Дашковой, Г.Р. Державина.

Главное, центральное место занимает Потемкин, попирающий ногой символы османского могущества. Рядом — Суворов — в характерной живой и непринужденной позе, внимающий своему великому другу, под руководством которого Россия решила вековую историческую задачу — закрепление на берегах Черного моря, которое еще в X в. звалось «Русским морем».

notes

Примечания

1

Список сокращений в книге

АВПР Архив внешней политики Российской империи

АКВ Архив князя Воронцова. М., 1870—1895, кн. 1—40

Вернадский Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917

ВЕ «Вестник Европы»

ВИ «Вопросы истории»

ВИЛ «Вестник иностранной литературы»

ВИС «Военно-исторический сборник»

ГПБ С-Щ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг

ДВС Дух великого Суворова... с присовокуплением беземертного его сочинения Тактики, или науки искусно побеждать и переписки Суворова с разными знаменитыми особами. Российское сочинение В. С. СПб., 1808

Державин Державин Г. Р. Соч. в 7-и тт. 2-е акад. изд. / Под ред. Я. Грота. СПб., 1868—1878

ДЖ «Дух журналов»

Дружинина Дружинина Е. И. Северное Причерноморье. 1775—1800. М., 1959

Дубровин Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб., 1886

ЖМНП «Журнал министерства народного просвещения»

ЗООИД «Записки Одесского общества истории и древностей»

ИВ «Исторический вестник»

КД Кутузов М. И. Документы: В 5-и тт. М., 1950—1956

Ключевский Ключевский В. О. Соч.: В 8-и тт. М., 1956—1959

КС «Киевская старина»

Михайлов Михайлов О. Суворов. М., 1973

Милютин Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд. СПб., 1857. Т. 1—3

ОЗ «Отечественные записки»

Орлов Орлов Н. А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894

О см. век. «Осмнадцатый век». Историч. сборник, издаваемый П. Бартеневым. М., 1868—1869. Кн. 1—4

Осипов Осипов К. Александр Васильевич Суворов. М., 1949

Петрушевский Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. 1-е изд. СПб., 1884. Тт. 1—3; 2-е изд. СПб., 1900

ПИБС Письма и бумаги Суворова / Объяснил и прим. снабдил В. Алексеев. Письма 1764—1781. Пг., 1916. т. I

ПКР Дубровин П. Ф. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885—1889. Тт. 1—4

Полевой Полевой Н. А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. 2-е изд. СПб., 1858

Пушкин Пушкин А. С. Поли. собр. соч. В 16-ти тт. М.; Л., 1937—1959

РА «Русский архив»

РВ «Русский вестник»

РД Румянцев П. А. Документы: В 3-х тт. М., 1953 — 1959

РС «Русская старина»

СБВИМ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893—1895. Вып. IV, VI—VIII

СБРИО Сборники Императорского русского исторического общества. СПб., 1867—1916. Тт. 1 — 148

СД Суворов А. В. Документы. М., 1949—1953. Тт. 1—4

СП А. В. Суворов. Письма. М. 1986

СИИ «Старина и новизна»

Смитт Смитт Ф. Суворов и падение Польши. СПб., 1866—1867. Ч. 1—2

СО «Сын отечества»

Соловьев Соловьев С. М. История падения Польши. М., 1863

Фукс Фукс Е. Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. 2-е изд. СПб., 1900

ЦГАДА Центральный гос. архив древних актов

ЦГВИА Центральный гос. военно-исторический архив

2

Жизнеописания Г. А. Потемкина указанных авторов публиковались в журналах РА, 1867; РВ, 1841; РС, 1875.

3

Цитаты из редких и малодоступных источников (в том числе из архивных документов) снабжены примечаниями. Для многократно цитируемых источников использованы сокращения, расшифрованные в конце книги. Исключения сделаны при цитировании писем Екатерины II Г. А. Потемкину, писем и реляций А. В. Суворова. Первые изданы Российской академией наук в Сборниках императорского Русского исторического общества (тт.6, 13, 27, 42), вторые в книге «А. В. Суворов. Письма» (М., 1986) и в четырехтомнике «Суворов А. В. Документы» (М., 1949—1953). В 1989 г. журнал «Вопросы истории» №№ 7—10, 12 опубликовал записочки императрицы Потемкину, относящиеся главным образом к первым двум годам их близости. Цитируя все эти письма, записочки, рескрипты, реляции, ордера, автор не счел нужным давать сноски. Все документы легко отыскать по приводимым в книге датам.

4

Пушкин. Т. XI. С. 15.

ДВС. С. 34—35.

6

Фукс. С. 90.

7

СД. Т. I. С- 67

8

Осм. век. Кн.1. С. 102—103.

РА. 1870. Стб. 1431 — 1432.

10

Эти записочки Екатерины Потемкину хранятся в ЦГАДА, цитируются по публикации в ВИ (1989. №№ 7—10, 12), сверенной с оригиналами.

11

Валшиевский К. Вокруг трона. М., 1939 (Репринт, воспр. изд. 1911). С. 173.

12

ЦГАДА. Ф1274. Д. 174. Л. 208.

ВИ. 1966. № 3. С. 131; № 4. С. 123.

14

С Д. Т. I. С. 44.

15

РА. 1906. Кн. IV. С. 615.

16

АВПР. ф. 5. Д. 585. Л. 128—129.

17

СБРИО. Т. 42. С. 411

18

Фонвизин М. А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 128.

19

РД. Т. 3. С. 45—46.

20

ПИБС. С. 346.

21

ПКР. Т. І. С. 484

22

РД. Т. 3. С. 76.

23

СП. С. 518.

Нерсисян М.Г. А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1780 годах. Ереван, 1981. С. 46.

25

Письма Дж. Гарриса цитируются по публикации в PC (1908. Сент. С. 439—447).

26

СД. Т. 2. С. 246.

27

ПКР. Т. IV. С. 836—838.

28

Там же. С. 860.

29

Соловьев. С. 156—157.

30

Дубровин. С. 108 — 110

31

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 24. Л. 4—4об

32

ЦГАДА. Ф. I. Оп. 1/1. Д. 43- Л. 86.

33

ЦГВИА. Ф.52. Оп.2. Д. 24. Л. 30—30об.

34

ЦГАДА. ф.1. Оп. 1/1. Д.43. Л. 67—68.

Там же. Л. 69—71.

Там же. Л. 64.

Петрушевский. Т. 1. С- 231—232.

38

ПИБС. с. 385.

39

ЗООИД. Т. 9. С. 241.

40

Ковалевский П. И. Психиатрические этюды из истории. 5-е изд. СПБ., 1899—1901. Т. 2. С. 109.

Рыбкин Я. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М., 1874.

Илюшечкин В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. М.: Наука, 1980. Вып. 2. С. 261—263.

43

Ключевский, Т. 5. С. 147.

Вернадский Г В. Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767—1768 гг. Отд. оттиск, Пермь, 1918. С. 20—21.

Там же. С. 20.

Ключевский. Т.5. С. 101

BE. 1882, KH. 5—6. C. 584.

ПИБС. С 313—314.

49

Бывший начальник Суворова в Первую турецкую войну граф И. П. Салтыков был Владимирским наместником и командовал 6-ой Владимирской дивизией.

СБРИО. Т. 26. С. 281.

51

Там же Т. 23. С. 344.

Там же. С. 326.

53

ЦГВИА. Ф. 52. ОП. 1. Д. 399. 4. 1. Л. 5—5об.

РС. 1876. Июнь. С. 243.

55

ЦГВИА. Ф. 54. Оп. 2. Д. 37. Л. 19—19об.

Дружинина. С. 261.

КС. 1891. Июль. С. 27.

Там же. С. 28.

Там же. С. 31.

Там же. Авг. С. 240

61

Там же. Сент. С. 417.

Там же. Ноябрь. С. 235.

Полевой. С. 111 — 114.

Михайлов. С. 225—226.

Попадичев И.О. Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1895. С. 11 — 12.

Там же. С. 13

Дружинина. С. 27.

Там же.

КС, 1891. Авг. С. 241.

ЦГВИА. ф. 52. Оп. I. Д. 72. Л. 25-25об

71

ЦГАДА. Ф. 1. Оп. 1/1. Ц. 43. Л. 78—79об.

72

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865. С. 201—202.

ИВ. 1886. Т. 3. С. 196.

ЗООИД. Т. 8. С.203.

Соловьев. С. 174.

СБВИМ. Вып. IV. С. I—XII.

РС. I875. Май. С. 39.

78

В своих комментариях к письмам А. В. Суворова, изданных в серии «Литературные памятники» в 1986 г. (С. 586—587), я ошибочно отнес это письмо Потемкина к 1788 г.

79

АВПР. Ф. 5. Д. 585. Л. 343 — 344.

Там же. Л. 317—319.

81

Соловьев. С. 176.

ДВС. Примеч. к с. 24—25.

СБВИМ. Вып. IV. С. 217.

АВПР. Ф. 5. Д.585. Л. 190— 190об.

85

Письма Г. А. Потемкина А. В. Суворову 1787-1788 гг. цитируются по публикации в РС (1875. Май. С. 21—33).

86

ГПБ С.-Щ. Ф. 755. Т. 6. Л. 11—12.

РС. 1875. Май. С. 32—33.

СБВИМ. Вып. IV. С. XII.

Полевой. С 129—131.

РС. 1875. Июнь. С. 160.

РС. 1876. Июль. С. 474—475.

РС. 1875. Май. С. 38.

СБВИМ. Вып. VI. С. 362.

Полевой. С. 133—135.

С Д. Т. 2. С. 437.

АВПР. Ф. 5. Д. 585. Л. 263—263об.

СИН. 1914. Кн. 18. С. 41—42.

РС. 1895. Сент. С. 175—176

99

Впервые опубликовано мною в СП (С. 152—155).

100

ВИЛ. 1894. Янв. С. 182

101

Там же. С. 181.

102

Фукс. С 127—128.

103

См. письма Г. А. Потемкина от 15 сентября 1788 г. Екатерине II и А. А. Безбородко, хранящиеся: первое — в ЛВПР (ф. 5. Д. 585. Л.273); второе — в ЦГВИА (Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 96).

104

АВПР. Ф. 5. Д. 585. Л. 288—289.

105

КС. 1888. Дек. С. 587.

Петрушевский. Т. I. С. 337—338.

107

РС. 1876. Окт. С. 23.

108

В Библии рассказывается, как царь Давид, пленившись красотой Вирсавии, послал ее мужа Урию осаждать вражескую крепость. Урия погиб, став жертвой заговора.

109

Петрушевский. 2-е изд. С. 203, 789—790.

Осипов. С. 137—138.

111

Михайлов. С. 251—252.

СБВИМ. Вып. VII. С. 127.

113

Там же. Вып. IV. С. 357.

114

РА. 1866. Стб. 1577—1586

115

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Ч. II. Л. 355—356об

116

ЗООИД. Т. 8. С 206.

117

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. 4. II. Л. 430.

118

РС. 1875. Окт. С. 220.

119

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. 4. II. Л. 446.

CO. 1839. T. 9. C. 64.

121

ЛВПР. ф. 5. Д. 585. Л. 326—327 об

РС. 1876. Окт. С. 223.

123

СД. Т. 2. С. 491

124

АВПР. Ф 5. Д. 585. Л. 132 —132об.

125

Там же. Л. 245—245об.

126

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 37. Л. 148

127

ЗООИД. Т. 8. С. 245.

128

ГПБ С-Щ. Ф. 155. Т. 1. Л. 3—3об

129

СП. С. 599.

130

Там же.

131

РА. 1865. Стб. 68—69.

132

Эти письма Г. А. Потемкина А. В. Суворову за 1790 г. цитируются по публикации в АКБ (Кн. 26. С. 347).

133

Дубровин. С. 120

134

ЗООИД. Т. 8. С. 197.

135

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2418. Л. 126.

136

СБВИМ. Вып. VIII. С 126.

137

СД. Т. 2. С. 514.

138

РА. 1884. Кн. 2. С. 30.

139

СБВИМ. Вып. VIII. С. 159.

140

ЦГВИА. Ф, 52. Оп. I. Д. 586. Ч. 1. Л. 604об.

141

СД. Т, 2. С. 524-525.

142

КД Т. I. С. ИЗ.

143

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. 4. I. Л. 630.

СБВИМ. Вып. VIII. С. 193 — 194.

145

Там же. С. 194.

Михайлов. С. 272.

СБВИМ. Вып. VIII. С. 195.

148

ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

149

РВ. 1841. № 8. С. 345.

СБВИМ. Вып. VIII. С. 197.

151

На штурме погиб полковник А.Н. Раевский, родной племянник Александра Николаевича Самойлова, старший брат Н. Н. Раевского — будущего героя войны 1812 года.

Илья Андреевич — брат известного дипломата.

153

Рибасом.

Т.е. корпуса, сосредоточенные у Галаца, неподалеку от р. Серет, которые должны были не допустить переправы через Дунай крупных турецких сил во главе с везиром.

155

Благодарственный молебен во вновь освященной церкви Св. Спиридония служил полковой священник Полоцкого пехотного полка отец Трофим Куцинский. Во время штурма он увлек за собой солдат после того, как старшие офицеры полка были ранены и убиты. За свой подвиг Куцинский был награжден дорогим крестом на георгиевской ленте и возведен в сан протоиерея.

156

ДЖ. 1817. 4. VIII. Кн. 9. С. 429—430.

157

Смитт Ч. 2. С. 5—7

Осипов. С. 174.

159

Петрушевский. 2-е изд. С. 249—250

160

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 2415. 4. Ш. Л. 296—312.

161

РВ. 1841. № 8. С 349—350.

Милютин. Т. 3. С. 20.

163

ДЖ. 1817. Ч. VIII. Кн. 8. С. 359.

Там же. Кн. 9. С 425.

165

Там же. Кн. 8. С. 355—357.

ЗООИД. Т. 11. С. 424.

167

ИВ. 1895. Дек, С. 831.

Там же. С. 841.

169

Петрушевский. 2-е изд. С. 253.

Вернадский. С. 237—239.

171

РС. 1892. Апр. С. 179.

172

РС 1876. Дек. С.

173

Фукс. С. 41—42.

174

АКБ. Кн. 24. С 316

175

Там же.

Петрушевский. 2-е изд. С. 254.

177

ЛКВ. Кн. 24. С. 317.

178

ЖМНП. 1856. Ч. 96. № 10. С. 47—48; ЗООИД. Т. 8. С 284.

179

ВИС. 1916. № 2. С. 83—84

СБВИМ. Вып. VIII. С. 224.

181

Державин. Т. 6. С. 592.

182

СБРИО. Т. 23. С. 644.

183

РС. 1887. Авг. С. 317.

Пушкин. Т. XII. С 177.

185

СБРИО. Т. 42. С. J 63.

186

РВ. 1841. № 8. С. 366.

187

Там же. С. 366—367.

188

СП. С. 617

189

Пушкин. Т. XII С. 171-172

СП. С. 223.

191

СБРИО. Т. 29 С 143—144.

192

Там же. С. 122

193

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1882. Т. 3. С. 122

194

Адмирал Ушаков. Сб. документов из серии «Русские флотоводцы». М., 1951. Т. 1. С. 536—537.

195

РС. 1876. Дек. С. 652.

196

ГПБ С-Щ. Ф.73. Д.315.

197

РА. 1878. Кн. 3. С. 198-199

198

РС. 1876. Сент. С.43.

199

Петрушевский. 2-е изд. С. 263.

Глинка СИ. Русское чтение. СПб., 1845. Ч. 1. С. 79

201

Петрушевский. 2-е изд. С. 263.

202

СД. Т. 3. С. 62—63.

203

СД. Т. 3. С. 94

РС. 1908; Окт. С. 92.

205

РА. 1878. Кн. 3. Стб. 250.

Вернадский. С. 240—242.

207

РА. 1907. Кн. 2. С. 349.

208

ГПБ С-Щ. Ф. 755. Т. 10. Л. 48—49 об.

209

КД. Т. 1. С. 218

Петрушевский. Т, 2. С. 51.

211

Орлов. С. 43.

212

Осм. век. Кн. 4. С. 137.

213

Орлов. С. 48.

СБРИО. Т. 29. С. 274—275

215

Там. же. С. 287.

216

АКБ. Кн. 12. С. 144

217

Там. С. 387.

218

ОЗ. 1841. Т. XIV. Янв. С. 4—5.

ВИ. 1979. № 4. С. 68 — 69.

220

РС. 1892. Апр. С. 30.

221

СБРИО. Т. 23. С. 695.

222

СД. Т. 3. С. 563.

223

Милютин. Т. 3. С. 123.

РС. 1887. Дек. С. 794.

225

Записки графини Варвары Николаевны Головиной. СПб., 1900. С. 113

ВИ. 1952. № 9. С. 112.

Там же. С. 112.

228

РС. 1877. Февр. С. 247.

229

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и граж данском отношениях. Отд. оттиск из журнала РА (1868. Стб. 2268).

230

Фукс. С. 4—5.

231

Левшин В. Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. СПб., 1811. Ч. 2. С. 133.

232

Пушкин. Т. III. С. 267

233

Гершензон М. О. История молодой России. М., 1908. С. 33

Полевой С. 214—215.; 226; 312—313

235

Русская вивлиофика Н. Полевого. М., 1833. Т. 1С. 359—360

Ради исторической правды, отметим тот факт, что об опале и ссылке Суворова в Кончанское впервые было сказано в зарубежных публикациях.

PC. 1877. T. 18.